

ISSN (print) 2071-2405
ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

Том 26 · 2021 · № 2

Vol. 26 · 2021 · No. 2

filclass.ru

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registration certificate ПИ № ФС77-76120
of 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical
University” (USPU)
620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the lof the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog “Russian Press”,
Index 84587

Адрес редакции:
Уральский государственный педагогический университет.
Россия, 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 279

Editorial Board postal address:
Russia, 620017, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 279

E-mail: edit@filclass.ru

E-mail: edit@filclass.ru

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); *translations editor*: Associate Professor **Pirozhkova Irina Sergeevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); *executive secretary*: Assistant Lecturer **Gubanova Yuliya Vasil'evna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); *website administrator*: **Dolgov Anton Aleksandrovich** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th–early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in German-language literature of Modernism (Germany, Austria, Switzerland), theory and practice of translation, and comparative-historical and typological linguistics: Professor **Pestova Natal'ya Vasil'evna** (Russia, Ekaterinburg, Private education institution “Sirius”); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Doctor of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); executive editor: Associate Professor **Skripova Ol'ga Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); Guest editors: Professor **Norman Boris Justinovich** (Belarus, Minsk, Belarusian State University), **Mukhin Mikhail Yurievich** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenov** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Ph. D. **A. K. Marcin** (Poland, Krakow, Institute of English Studies, Jagiellonian University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. **Kukulín I. V.** (Russia, Saint Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **N. L. Mark** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University “St. Kliment Ohridski”); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg)

Главный редактор: проф. **Нина Петровна Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); редактор перевода: доц. **Пирожкова Ирина Сергеевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ)

ответственный секретарь: асс. **Губанова Юлия Васильевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); администратор сайта: Долгов **Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ) по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX вв.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по немецкоязычной литературе модернизма (Германия, Австрия, Швейцария), теории и практике перевода, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию: проф. **Пестова Наталья Васильевна** (Россия, Екатеринбург, ЧОУ ДПО «СИРИУС»); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматике: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); приглашенные редакторы: проф. **Норман Борис Юстинович** (Беларусь, Минск, Белорусский государственный университет), проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); канд. филол. наук **К. Марсин** (Польша, Краков, Институт изучения английского языка, Ягеллонский университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотница** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

- 9 Головачева И. В., Демони П. В., Журавлев М. Е.
Двойники и матрицы: о новом методе компаративистского анализа
- 24 Штейнбук Ф. М. Образ Николая Кирсанова в системе действующих лиц романа Ивана Тургенева «Отцы и дети»

СИНТЕЗ КОНЦЕПЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 36 Норман Б. Ю., Мухин М. Ю. Междисциплинарные тренды современной лингвистики
- 40 Норман Б. Ю. Синтаксис как объект пародии
- 52 Protassova E. Yu. Interculturality in the Modern Russian Linguistic Landscape (Text in English)
- 68 Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Фатическая составляющая современного медиатекста (на материале кинорецензий)
- 78 Колмогорова А. В. Детектирование эмоций и семантика эмотивов: грусть и гнев в аннотированной выборке текстов
- 90 Коптев М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка
- 103 Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. Авторская лексическая синтагматика в системном представлении

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»: К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

- 111 Митракова Н. М., Алейников О. Ю. «Путеводные знаки». Из бесед и записей о «Воронежских тетрадах» О. Мандельштама
- 123 Глазырин В. А., Казарин Ю. В. Интерпретационная сфера авторского словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень»)
- 134 Гутрина Л. Д. Что и как «звучит в коре» двух стихотворений О. Э. Мандельштама (на материале стихотворений «Сосновой рощицы закон...» и «Пластинкой тоненькой жиллета...»)?

ТРАЕКТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XXI ВВ.

- 144 Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле
- 155 Нагорная Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: к вопросу о методологии исследования

CONCEPTIONS. PROGRAMS. HYPOTHESES

- 9 Golovacheva I., Polina de Mauny P., Zhuravlev M. Doppelgangers and Matrixes: A New Method of Comparative Analysis
- 24 Shteinbuk M. Nikolay Kirsanov in the System of Characters in the Novel "Fathers and Sons" by Ivan Turgenev

SYNTHESIS OF CONCEPTIONS IN LINGUISTICS: DISCOURSE AND CORPUS STUDIES

- 33 Norman B., Mukhin M. Interdisciplinary Trends of Modern Linguistics
- 40 Norman B. Syntax as an Object of Parody
- 52 Protassova E. Interculturality in the Modern Russian Linguistic Landscape
- 68 Basovskaya E., Vorontsova T. The Phatic Constituent of a Modern Media Text (on the Material of Film Records)
- 78 Kolmogorova A. Emotion Detection and Semantics of Emotives: Distress and Anger in Annotated Text Dataset
- 90 Kopotev M. Some Thoughts on Corpus and General Linguistics
- 103 Mukhin M. Yu., Mukhin N. Yu. Authored Lexical Syntagmatics in a Systematic Interpretation

"SAVE MY WORD FOREVER": TO 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF O. E. MANDELSTAM

- 111 Mitrakova N. M., Aleinikov O. Yu. "Milestones". From Conversations and Notes About Osip Mandelstam's "Voronezh Notebooks"
- 123 Glazyrin V. A., Kazarin Yu. V. Interpretation Sphere of the Author's Vocabulary (on the Material of the Book "Stone" by O. E. Mandelstam)
- 134 Gutrina L. D. What Themes "Vibrate in the Core" of Two Poems of Osip Mandelstam and How it Happens (Based on the Poems "The Law of Pine Grove..." and "The Bristles of Sleepiness...")?

TRAJECTORIES OF THE LITERARY PROCESS OF THE 19TH – 21ST CENTURIES

- 144 Andreeva V. G. Estates in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection": from Denouncing Luxury to Life on Land
- 155 Nagornaya Y. V. A. M. Remizov and Folklore: on the Issue of Research Methodology

167 *Булгакова А. А.* Топос «Дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...»

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

182 *Атлас А. З.* Демифологизация культурных конструктов волшебных сказок в рассказах Анжели Картер

191 *Marshaniya K. M.* T. S. Eliot's "Old Possum's Book of Practical Cats" in the Context of "Nursery Rhymes" Tradition (Text in English)

200 *Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.* Контаминация тенденций постмодернизма и пост-постмодернизма в творчестве Дж. Франзена

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

212 *Кучина Т. Г.* Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе

221 *Дулебова И., Московкин Л. В.* Социокультурное содержание современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии

234 *Комовская Е. В.* Способы представления грамматики при преподавании русского языка как иностранного

245 *Spisiakova A., Iermachkova O., Gajarsky L.* The Use of Media Texts in Russian Language Teaching (Text in English)

167 *Bulgakova A. A.* The Topos *Home* as Heterotopy in the Novel by M. Petrosyan "The House in Which..."

ISSUES OF GLOBAL LITERATURE POETICS

182 *Atlas A. Z.* Demythologising Social Fictions in Angela Carter's Reinterpretations of Fairy Tales

191 *Marshaniya K. M.* T. S. Eliot's "Old Possum's Book of Practical Cats" in the Context of "Nursery Rhymes" Tradition

200 *Lushnikova G. I., Osadchaia T. Yu.* Contamination of Postmodernist and Post-Postmodernist Tendencies in the Works by J. Franzen

THEORY AND METHODS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES AT HIGHER AND SECONDARY SCHOOL

212 *Kuchina T. G.* Modern Russian Poetry in Olympiad Assignments in Literature

221 *Dulebova I., Moskovkin L. V.* Socio-cultural Content of Modern Russian Language Textbooks for Secondary Schools and Universities in Slovakia

234 *Komovskaya E. V.* Methods of Grammar Material Presentation in Teaching Russian as a Foreign Language

245 *Spisiakova A., Iermachkova O., Gajarsky L.* The Use of Media Texts in Russian Language Teaching

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 82-1. DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-01. ББК Ш301. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

ДВОЙНИКИ И МАТРИЦЫ: О НОВОМ МЕТОДЕ КОМПАРАТИВИСТСКОГО АНАЛИЗА

Головачева И. В.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>

Демони П. В.

Университет Новая Сорбонна – Париж III (Париж, Франция)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6932-6429>

Журавлев М. Е.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-5487>

А н н о т а ц и я . Цель, поставленная авторами, заключалась в исследовании топоса двойничества в художественной литературе с применением количественного метода. Элементарный подход теории графов впервые применен для исследования топоса – этот метод исследования двойничества предложен М. Журавлевым. В качестве материала для анализа И. Головачева и М. Журавлев отобрали семь текстов: «Двойник» Э. Т. А. Гофмана, «Вильям Вильсон» Эдгара По, «Двойник» Ф. М. Достоевского, «Веселый уголок» Г. Джеймса, «Тайный сообщник» Дж. Конрада, «Встреча» Анри де Ренье и «Отчаяние» В. В. Набокова. Описанные Отто Ранком атрибуты двойника, от которых естественно отталкиваться при исследовании двойничества, вполне ожидаемо ограничены «психическими» проявлениями и не затрагивают поэтику двойнических произведений. Поэтому ранковский перечень признаков данного архетипа (*первый тип свойств*) И. Головачева и П. Демони дополнили рядом свойств (атрибутов), которые опознаются и выявляются в отобранных текстах как характерные для литературного топоса «двойник». Таким образом, *второй тип свойств* представляет собой набор инвариантных художественных мотивов, выделенных при исследовании перечисленных выше текстов. Результаты анализа построенных матриц инцидентности различных групп атрибутов топоса, во-первых, позволили оценить особенности поэтики двойничества в целом, а, во-вторых, провести объективистскую компаративистскую оценку сходства и различия данных произведений. *Количественный* метод позволил авторам сделать ряд конкретных *качественных* выводов. Так, например, он показал, что «Двойник» Достоевского и «Отчаяние» Набокова занимают в определенном смысле противоположные места во множестве текстов про доппельгангеров. Этот результат дал Головачевой, Журавлеву и Демони основания для уточнения и даже пересмотра категории «типического» в литературоведении. Кроме того, данный метод указал на близость «Вильяма Вильсона» и «Отчаяния». Последующее пристальное прочтение и сопоставление этих двух произведений позволило Головачевой сделать вывод о новелле Э. По как еще одном претексте романа Набокова, прежде не учтенном литературоведами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : топос; двойник; точные методы в литературоведении; компаративистика; Набоков; Эдгар По; Достоевский; Гофман; Генри Джеймс; Джозеф Конрад; Анри де Ренье.

— 2021. — 26, 2. — 9–23. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-01.

//

DOPPELGANGERS AND MATRIXES: A NEW METHOD OF COMPARATIVE ANALYSIS

Irina V. Golovacheva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3873-490X>

Polina de Mauny

Universit Sorbonne Nouvelle – Paris 3 (Paris, France)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6932-6429>

Mikhail Ye. Zhuravlev

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-5487>

A b s t r a c t. The paper presents the results of the research of doppelganger topos by means of quantitative analysis, namely, by elementary approach provided by graph theory. The idea to employ the approach belongs to M. Zhuravlev. Seven canonic texts chosen by I. Golovacheva and M. Zhuravlev (E. T. A. Hoffmann's "Die Doppelgänger", E. A. Poe's "William Wilson", Fyodor Dostoevsky's novella "The Double", Henry James's "The Jolly Corner", Joseph Conrad's "The Secret Sharer" and Vladimir Nabokov's *Despair*) are analyzed. Our point of departure was the archetypal attributes of the double highlighted in a seminal work by Otto Rank of 1914. Still, Rankian list of attributes had to be supplemented by a list of other, specifically 'poetic', attributes, by a set of diverse invariant motifs found in the above works of fiction, specified by I. Golovacheva and P. de Mauny. Incidence matrixes built for each of the four specific groups of attributes of the double allowed us to view the doppelganger poetics as a whole and each of the chosen seven texts in particular. The quantitative method led to several new qualitative conclusions. For example, it demonstrated that Dostoevsky's "The Double" and Nabokov's *Despair* occupy opposite places in the set of doppelganger texts: Dostoevsky's novella and Nabokov's short novel differ much in their comprehensiveness and typicality of doppelganger imagery. Such a result allowed Golovacheva, Zhuravlev and de Mauny to reconsider the notion of the 'typical' in literary theory. The incidence matrix method also revealed the similarity of "William Wilson" and *Despair*. The objectivist comparative analysis and the subsequent close rereading of these two fictions prove, Golovacheva argues, that Poe's tale is one of the pre-texts of *Despair*, such intertextuality previously neglected in Nabokov studies.

Key words: topos; doppelganger; mathematical methods in literary criticism; comparative studies; Nabokov; E. A. Poe; Dostoevsky; E. T. A. Hoffmann; Henry James; Joseph Conrad; Henry de Regnier.

For citation: Golovacheva, I. V., de Mauny, P., Zhuravlev, M. Ye. (2021). Doppelgangers and Matrixes: A New Method of Comparative Analysis. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 9–23. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-02-01.

Введение:

точные методы в литературоведении

Предлагая какой-либо математический

метод моделирования литературного феномена¹, нелишним будет напомнить, что гипотетически к выводам, получаемым с помощью математики, можно прийти в рамках иных литературоведческих подходов. Тем не менее,

точные методы порой способны проложить быстрый и удобный путь к литературоведческим построениям.

Как и в предшествующей нашей работе, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение», мы намерены использовать количественный метод – на сей раз для исследования топоса *двойник* в западной

¹ Исследование выполнено на средства гранта Санкт-Петербургского государственного университета «Литературные тексты и их язык vs. количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал)», ID 70286404.

и русской литературе¹. Цель определяет средство: математический метод выбран другой. Исследование состоит из нескольких этапов. Сначала мы определим, что и как будет квантифицироваться, т. е. каким свойствам произведения и как будет приписана количественная мера. Затем проведем анализ собственно математическим методом и, наконец, осмыслим полученные результаты с точки зрения фактов литературной истории и теории. Обоснование первого этапа еще не является строго однозначным и математическим. Об успешности конкретного исследования, выполненного по этой схеме, можно будет судить по тому, насколько новыми и значимыми окажутся его результаты.

В данной работе мы используем элементарные подходы теории графов для исследования двойнических произведений. Это не первая попытка приложить методы данной теории к литературному анализу [Atkin 1972, 1982; O'Toole 1980; Golovacheva, Stroeve, Zhuravlev, de Mauny 2018]. На сей раз мы исследуем поэтику ряда классических двойнических текстов. Наш метод, как мы надеемся показать, позволяет выявить их общие черты и различия, связанные с исследуемым топосом, а также особенности поэтики двойничества, которые присущи отдельным произведениям из отобранной нами совокупности текстов.

Метод данного исследования

Первый этап нашего исследования предполагает отбор разумного количества художественных текстов, которые обычно классифицируются как проза о двойниках. Мы предпочли рассматривать сюжеты и мотивы рассказов и повестей о двойниках и не рассматривать романы, потому что типические признаки двойничества четче проступают в произведениях малой прозы. В фокусе нашего внимания находятся сюжеты, целиком выстроенные вокруг центрального события: раздвоения главного героя. Несомненно, число произведений, содержащих топос двойника, огромно. Однако мы ограничились не-

большим количеством текстов, созданных на протяжении более сотни лет и содержащих все признаки двойничества и их всевозможные комбинации. Таким образом, в наше исследование вошли семь канонических художественных произведений малой формы, относящихся к разным национальным литературам и различным художественным направлениям. Это тексты раннего и позднего романтизма – рассказы «Двойник» (“Die Doppelgänger”, 1821) Э. Т. А. Гофмана [кратко обозначаемый нами как «Двойник» ЭТАГ], «Вильям Вильсон» (“William Wilson”, 1839) Эдгара По; переходный от романтизма к реализму «Двойник» (1846) Ф. М. Достоевского [кратко обозначаемый нами как «Двойник» ФМД]; относящиеся к литературе модернизма «Веселый уголок» (“The Jolly Corner”, 1908) Генри Джеймса и «Тайный сообщник» (“The Secret Sharer”, 1910) Джозефа Конрада, а также символистская «Встреча» (“L'entrevue”, 1919) Анри де Ренья и, наконец, «Отчаяние» (1932–1934) – роман, а по существу повесть В. В. Набокова. Такой отбор, с нашей точки зрения, позволяет сделать выводы как о наиболее устойчивых, так и о единичных свойствах топоса «двойник», о его сходствах и различиях, оставив в стороне интертекстуальные связи между отобранными текстами²; он позволяет по-новому рассмотреть и глубинные изменения в мотиве «допельгангер»³.

Разумеется, нет никакого способа выделить все без исключения атрибуты двойника и связанные с двойничеством инвариантные мотивы. Оговоримся сразу, что удвоение, т. е. возникновение допельгангера как придатка, развивающегося в самостоятельную фигуру, мы считаем «сверхатрибутом», т. е. свойством, присущим всем без исключения произведениям о двойниках. Он учитывается по умолчанию и в рассматриваемые и квантифицируемые свойства нами не включен.

Первый тип свойств рассматриваемого топоса отражает характеристики двойника как архетипического феномена человеческой психики. По этой причине мы сочли логич-

¹ В работе [Головачева, Журавлев, Де Мони 2017] были получены оригинальные выводы, отличные от результатов, полученных нашими предшественниками-тургеневодами. См. дискуссию результатов: [Журавлев 2018; Рейтблат 2018; Уланов 2018].

² Об интертекстуальных связях между тремя произведениями – «Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского и «Веселый уголок» см. [Головачева 2017, 2021].

³ Об уточненном определении топоса см. [Жеребин 2011: 291].

ным обратиться к классической работе Отто Ранка «Двойник» (“Der Doppelgänger: Eine psychoanalytische Studie”, 1914, 1925), содержащей глубокий и всесторонний анализ двойничества как психического и культурного феномена. Ранковские атрибуты двойничества с момента выхода этой работы неоднократно использовались в анализе литературных текстов [Rosenfield 1963; Kimball 1976; Watt 1986; Zivkovic 2000]. Вместе с тем, описанные Ранком атрибуты двойника вполне ожидаемо ограничены психическими проявлениями и не затрагивают поэтику двойнических произведений. Поэтому мы добавили ряд свойств, представляющихся характерными для двойника как литературного топоса. Таким образом, *второй тип свойств* представляет собой набор инвариантных художественных мотивов, выделяемых в отобранных текстах.

Отобранные нами «психические» и «поэтические» атрибуты объединены в четыре группы: «Психические атрибуты топоса двойничества», «Физические атрибуты удвоения», «Биографические атрибуты топоса двойничества», «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Для каждой из групп мы построим **матрицу инцидентности** [Касти 1982: 28–30], которая показывает, в каких именно произведениях встречается то или иное свойство. Затем мы определим степень сходства произведений внутри каждой группы и в итоге продемонстрируем сходства и отличия произведений, на основе совокупных свойств, обозначенных во всех четырех группах.

Опишем операции с матрицами, которые мы используем в нашем исследовании. Прежде всего, матрица – это прямоугольная таблица чисел. Приведем пример матрицы (обозначим ее A), состоящей из двух строк и трех столбцов:

2	3	-1
0	-2	2

Если мы поменяем местами строки и столбцы, то получим матрицу, которая называется транспонированной (обозначим ее A^T):

2	0
3	-2
-1	2

Произведение двух матриц возможно, если число столбцов первого сомножителя совпадает с числом строк второго. Результат такого произведения представляет собой матрицу, в которой число, стоящее на пересечении n -ой строки и m -го столбца, представляет собой сумму парных произведений чисел n -ой строки первого сомножителя и чисел m -го столбца второго сомножителя. Например, умножение A на A^T дает матрицу, состоящую из двух строк и двух столбцов:

14	-8
-8	8

В этой матрице число -8, стоящее на пересечении первой строки и второго столбца, получилось как результат вычисления выражения $2 \times 0 + 3 \times (-2) + (-1) \times 2$.

1. «Психические атрибуты топоса двойничества».

Все свойства этой группы заимствованы из исследования Отто Ранка и представлены в таблице 1. Прокомментируем лишь некоторые из них. Так, *Издательское подражание оригиналу* несомненно обнаруживается в «Вильяме Вильсоне» и «Двойнике» Достоевского, о чем говорят главные герои. Эти же тексты и «Веселый уголок» дают примеры атрибута *Отвращение при встрече с двойником* [см. Головачева 2017].

Таблица 1. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Психические атрибуты топоса двойничества»

	УЖАС	БЕЗУМИЕ	АГРЕССИЯ	НАРЦИССИЗМ	ТРЕВОЖНОСТЬ
Вильям Вильсон	1	1	0	0	1
Веселый уголок	1	0	1	0	1
Тайный сообщник	1	1	1	0	1
Встреча	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	1	1	0	0	1
Отчаяние	1	1	1	1	1

	ЗЛОРАДСТВО Д-КА	СОДЕЙСТВИЕ / ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ	ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПОДРАЖАНИЕ ОРИГИНАЛУ	ОТВРАЩЕНИЕ ПРИ ВСТРЕЧЕ С ДВОЙНИКОМ
Вильям Вильсон	0	1	1	1
Веселый уголок	0	0	0	1
Тайный сообщник	0	1	0	0
Встреча	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	0	0	0	0
Отчаяние	0	0	0	0

Матрица инцидентности устроена следующим образом. В клетке таблицы 1, находящейся на пересечении строки, соответствующей n -му произведению, и столбца, соответствующего m -му свойству, мы ставим «1», если это свойство обнаруживается в данном произведении. Например, на пересечении второй строки («Веселый уголок») и третьего столбца (*Агрессия*) стоит «1», поскольку эпизод борьбы Спенсера Брайдона с его двойником несомненно является сценой агрессии. У нас нет оснований говорить о безумии героя Джеймса, и потому на пересечении второй строки и второго столбца стоит «0». Таким образом мы заполняем матрицы инцидентности для всех групп признаков.

Сходство пары произведений определяется следующим образом. Мы определяем «индекс сходства» как число совпадений атрибутов. При этом совпадением считается наличие либо двух единиц, либо двух нулей в данном столбце. Матрицу индексов сходства можно получить как произведение матрицы инцидентности на транспонированную матрицу, если считать, что элементы 0 и 1 перемножаются по закону $1 \cdot 1 = 1$, $0 \cdot 0 = 1$, $1 \cdot 0 = 0$, $0 \cdot 1 = 0$. В результате мы получим симметричную матрицу сходства произведений, в которой на пересечении n -ой строки и m -го столбца стоит число совпадений по отношению к данной группе атрибутов. Напомним, что совпадением считается как присутствие данного атрибута в каждом из двух произведений, так и их одновременное отсутствие. Матрица индексов сходства произведений на основе группы «Психические атрибуты топоса двойничества» представлена в таблице 2.

Диагональные элементы (каждая цифра на диагонали матрицы) определяют сходство произведения с самим собой и потому всегда равны общему числу атрибутов в

данной группе, т. е. в данном случае равны 9. Разумеется, данная характеристика не несет никакой полезной информации. Элемент на пересечении n -ой строки и m -го столбца, $n \neq m$, представляет собой индекс сходства между n -м и m -м произведениями. Например, индекс сходства между «Вильямом Вильсоном» (первое произведение в таблице 1) и «Тайным сообщником» Дж. Конрада (третье произведение в той же таблице) равен 6. Как мы видели, таблица 1 показала шесть совпадений для этих произведений, причем четыре атрибута присутствуют в обоих произведениях, а два атрибута отсутствуют. Оставшиеся три атрибута (*Агрессия*, *Издательское подражание оригиналу*, *Отращение при встрече с двойником*) встречаются только в одном из этих двух произведений.

Таблица 2. Матрица индексов сходства произведений по признакам группы «Психические атрибуты топоса двойничества»

$$\begin{pmatrix} 9 & 5 & 6 & 3 & 6 & 6 & 4 \\ 5 & 9 & 6 & 5 & 4 & 6 & 6 \\ 6 & 6 & 9 & 4 & 5 & 7 & 7 \\ 3 & 5 & 4 & 9 & 0 & 6 & 4 \\ 6 & 4 & 5 & 0 & 9 & 3 & 5 \\ 6 & 6 & 7 & 6 & 3 & 9 & 7 \\ 4 & 6 & 7 & 4 & 5 & 7 & 9 \end{pmatrix}$$

Таблица 2 показывает, что самые похожие произведения с точки зрения «психических» атрибутов топоса двойничества – это четыре пары, для которых индекс сходства равен 7: («Тайный сообщник», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»). Меньше всего сходства обнаруживаются между следующими произведениями, чей индекс сходства равен 0 («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Помимо сходства и различия произведений мы можем посмотреть на совпадения и несовпадения тех или иных атрибутов по отношению ко всем отобранным нами произведениям. Для этого надо провести те же операции, которые мы проделали, чтобы получить таблицу 2: предварительно поменяв местами матрицу инцидентности и ее транспонированную матрицу, мы перемножаем транспонированную матрицу на исходную матрицу таблицы 1. Результат этой операции представлен в таблице 3. Степень совпадения или близости пары свойств будет тем больше, чем у большего числа произведений эти свойства одновременно присутствуют или одновременно отсутствуют. В дальнейшем мы не будем приводить таблицы матриц индексов сходства, но будем комментировать самые важные из полученных результатов таких операций.

На диагонали стоят семерки. Мы уже говорили о «неинформативности» диагонали матрицы сходства, т. к. атрибут тождествен сам себе. Обращаясь к недиагональным элементам матрицы, видим, что есть одна пара атрибутов, чей индекс равен 7, поскольку эти атрибуты либо одновременно встречаются, либо одновременно отсутствуют во всех рассматриваемых произведениях – это (*Ужас*, *Тревожность*).

Таблица 3. Матрица индексов сходства «Психических атрибутов топоса двойничества»

7	6	5	3	7	2	4	3	4
6	7	4	4	6	3	5	4	3
5	4	7	5	5	4	4	3	4
3	4	5	7	3	6	4	5	4
7	6	5	3	7	2	4	3	4
2	3	4	6	2	7	5	6	5
4	5	4	4	4	5	7	6	5
3	4	3	5	3	6	6	7	6
4	3	4	4	4	5	5	6	7

Имеются пары, чей индекс сходства столь же высок – 6 (*Ужас*, *Безумие*), (*Безумие*, *Тревожность*), (*Злорадство двойника*, *Издевательское подражание оригиналу*), (*Содействие-противодействие*, *Издевательское подражание оригиналу*), (*Издевательское подражание оригиналу*, *Отвращение при встрече с двойником*). Наименее похожими оказываются пары, чей индекс сходства

равен 2: (*Ужас*, *Злорадство двойника*), (*Тревожность*, *Злорадство двойника*).

Итак, мы имеем одну подгруппу почти тождественных по частотности свойств: *Ужас*, *Тревожность*, *Безумие*, *Издевательское подражание оригиналу*. Следовательно, при изображении одного из этих проявлений психики, столкнувшейся с появлением двойника, автор почти всегда изображает и три другие эмоции. Очевидно, что уникальные сочетания психических атрибутов топоса двойника определяются различиями авторских поэтик.

2. «Физические атрибуты».

Следующая матрица инцидентности отражает сходства и различия в том же множестве произведений по отношению к группе свойств «Физические атрибуты удвоения». Все свойства, включенные нами в таблицу 4, как и те, что представлены в таблице 1, перечислены в книге Ранка.

Исследование с помощью матриц сходства по описанной выше схеме показывает, что самыми похожими парами произведений в смысле изображения физических проявлений удвоения персонажей и объектов оказываются тексты, индекс сходства которых равен 5: («Вильям Вильсон», «Тайный сообщник»), («Вильям Вильсон», «Отчаяние»). Пары самых непохожих произведений, значение индекса сходства которых равно 2: («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Тайный сообщник»), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана). Наличие такого большого числа пар несхожих произведений, выделенных в данной группе свойств, гипотетически можно было бы объяснить желанием любого писателя создать ни на кого не похожего героя. Однако более существенным представляется другое объяснение. Сравнивая эти результаты с теми, которые получены для первой («психической») группы атрибутов, можно сделать вывод, что «физические» атрибуты менее однородны, т. е. что логика двойнической поэтики вовсе не предполагает их одновременного использования. Так, например, внимание автора к одинаковости облика двойника и оригинала вовсе не обязательно предполагает, что писатель озабочен и акцентированием отличий, например, их голосов, как в «Вильяме Вильсоне» Эдгара По, или считает важным дублировать знаковые объекты.

Таблица 4. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Физические атрибуты удвоения»

	Реальность двойника	НЕРЕАЛЬНОСТЬ двойника	Реальное сходство двойников	Воображаемое сходство двойников	Особенность голоса двойника	Сопутствующие объекты-знаки двойничества
Вильям Вильсон	1	0	0	1	1	1
Веселый уголок	1	1	0	1	0	0
Тайный сообщник	1	0	0	0	1	1
Встреча	0	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	1	0	1	0	0	1
Двойник (ЭТАГ)	1	0	1	0	0	1
Отчаяние	1	0	0	1	0	1

Говоря о *Сопутствующих объектах-знаках*, особо отметим «Отчаяние». Даже краткий перечень дублированных образов в повести Набокова весьма впечатляет. В сознании Германа удваиваются *пространства* (возникают «исковерканные дубликаты» России; Тарниц видится ему составленным «из кусочков-плагиатов Москвы и Петербурга»), *памятники* (Медный всадник), *почерк* (Феликс пишет левой рукой, словно зеркально; «иррациональный почерк, минус-почерк, – что всегда напоминает мне зеркало, – минус на минус дает плюс» – в Главе 7), *носовой платок* (Герман и Феликс одновременно вынимают платки), его собственное *лицо* (оно удвоено портретом, который безуспешно пишет Ардальон), *палка с именем* (она служит иконическим знаком, чье назначение – указать на смерть героя).

Рассмотрим совпадения сходств и различий тех или иных «физических» атрибутов в разных произведениях. Таблица 4 показывает одну пару наиболее похожих свойств, чей индекс сходства равен 6 при теоретически возможном максимуме 7: (*Реальность двойника*,

Сопутствующие объекты-знаки двойничества). Помимо этой пары имеется пара свойств с индексом сходства 5: (*Нереальность двойника*, *Воображаемое сходство*). Пара наименее похожих свойств (индекс равен 1): (*Нереальность двойника*, *Сопутствующие объекты-знаки двойничества*). Индекс сходства 2 обнаруживается у двух пар свойств (*Реальность двойника*, *Нереальность двойника*), (*Реальное сходство двойников*, *Воображаемое сходство двойников*).

На основании рассчитанных индексов сходства можно сделать, в частности, вывод о том, что в большинстве произведений, где «объективно» подтверждается, что двойника видит не только главный герой, но и прочие персонажи, как правило использован и мотив *удвоения объектов*. Так, зеркало как механизм дублирования и самоузнавания используется и у По, и у Достоевского.

3. «Биографические атрибуты».

Свойства, отнесенные к «биографическим атрибутам двойничества», описываются следующей матрицей инцидентности (таблица 5).

Таблица 5. Матрица инцидентности для свойств, отнесенных к группе «Биографические атрибуты топоса двойничества». Курсивом выделены свойства, отсутствующие в книге О. Ранка

	ДЕТСТВО	АЛЬТЕРНАТИВА	ФИНАЛ-НАЧАЛО	РАЗРУШЕНИЕ ПЛАНОВ	СОПЕРНИЧЕСТВО ЗА ЛЮБОВЬ	ТАНАТОС
Вильям Вильсон	1	0	1	1	0	1
Веселый уголок	1	1	1	0	0	0
Тайный сообщник	0	0	1	1	0	0
Встреча	0	0	0	0	0	0
Двойник (ФМД)	0	0	1	1	1	1
Двойник (ЭТАГ)	1	0	1	1	1	0
Отчаяние	1	0	1	1	0	1

Поясним «биографические» атрибуты, добавленные нами к тем, что комментировал Ранк. Так, в ряде произведений мы находим

рассказ о ранних годах жизни героев. Порой это оказывается весьма существенным для интриги: в «Двойнике» Гофмана и в «Вильяме

Вильсоне» события, связующие героев, берут начало в раннем детстве. И напротив, в «Отчаянии» воспоминания о *Детстве* не имеют отношения к последующему воображаемому двойничеству.

Атрибут, обозначенный как *Альтернатива*, означает присутствие мотива параллельного альтернативного жизненного пути, символизируемого двойником. Оно обнаруживается лишь в джеймсовском «Веселом уголке», что и делает этот текст уникальным.

Свойство топоса, обозначенное как *Финал-Начало*, заключается в том, что конечная точка развития сюжета является одновременно начальной стадией нового этапа в судьбе персонажа. К такому радикальному повороту мы относим и гибель персонажа.

В данной матрице самая похожая пара, чей индекс сходства равен 6, т. е. максимально возможному значению, это («Вильям Вильсон», «Отчаяние»). Еще раз обратим внимание на то, что речь идет лишь о сходстве «биографических» элементов в сюжете о двойниках. Пара самых непохожих произведений, чей индекс сходства равен 1, это («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского). Индекс сходства равный 2 находим у пар («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Гофмана), («Встреча», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Сходство двойничества в «Вильяме Вильсоне» и «Отчаянии» прежде не было замечено набоковедрами. О нем свидетельствуют таблицы 4 и 5. О вероятных причинах такой бли-

зости мы подробно скажем ниже. «Встреча» Анри де Ренье при анализе «биографических элементов» оказывается в исключительном положении: данная группа атрибутов в ней полностью игнорируется.

Посмотрим на сходства и различия «биографических» атрибутов в нашем множестве произведений. Высокая степень близости (индекс 6) обнаруживается у пары: (*Финал-Начало*, *Разрушение планов героя*). Индекс 5 получен для пар (*Детство*, *Финал-Начало*), (*Разрушение планов героя*, *Сигнал о гибели*). Пары наименее близких свойств (индекс близости равен 1): (*Альтернатива*, *Разрушение планов*).

4. «Таинственное».

Наконец, рассмотрим группу «Свойства поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Назовем эту группу кратко: «Таинственное» (таблица 6). К ранковским свойствам добавлены такие признаки, как *Сон*, *Тайна* и *Таинственный дом*. Мотив *Сна* часто включен в «таинственные истории» как средство создания атмосферы нереальности, имажинерности происходящего. Под *Тайной* мы понимаем некую загадку, окрашенную в готические тона. Так, совершенно фантастическим выглядит во «Встрече» дублирование мраморного бюста Альтиненго, на время пропавшего из музея, призраком, появившимся в зазеркальном пространстве его венецианского палаццо. Что до *Таинственного дома*, то он, как видно из таблицы 6, играет существенную роль в образности четырех из семи произведений.

Таблица 6. Матрица инцидентности для группы «Свойств поэтики готической тайны, связанной с двойничеством». Курсивом выделены свойства, отсутствующие в книге О. Ранка

	Сон	СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ	ТАЙНА	ТАИНСВЕННЫЙ ДОМ	СИГНАЛ О ГИБЕЛИ
Вильям Вильсон	1	1	0	1	1
Веселый уголок	1	1	0	1	0
Тайный сообщник	1	0	0	0	0
Встреча	0	1	1	1	0
Двойник (ФМД)	1	1	0	0	1
Двойник (ЭТАГ)	1	1	1	1	0
Отчаяние	1	0	0	0	1

Самые близкие пары произведений по «таинственным» признакам дают индекс сходства 4: («Вильям Вильсон», «Веселый уголок»), («Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского),

(«Веселый уголок», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Гофмана). Наименее похожие пары дают индекс близости 1: («Тайный сообщник», «Встре-

ча»), («Встреча», «Двойник» Достоевского), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Самая близкая пара «таинственных» свойств – это (*Сверхъестественное, Таинственный дом*). Ее индекс сходства равен 6. Достаточно близкими являются (*Тайна, Таинственный дом*) с индексом, равным 5. Наименее близки здесь (*Сон, Тайна*), чей индекс равен 1. Пары (*Тайна, Сигнал о гибели*), (*Таинственный дом, Сигнал о гибели*) имеют индекс близости 2.

Заметим, что несмотря на то, что Набоков не стал вводить сверхъестественное в сюжет «Отчаяния», о чем свидетельствуют нули в последних столбцах последней строки таблицы 4, впечатляющее совокупное число прочих обнаруженных нами двойнических свойств указывает на то, что писатель последовательно и изобретательно выстраивал повесть вокруг дискурса удвоения.

Несколько замечаний по поводу подхода

Уместность квалификации того или иного свойства как существенного для топоса двойничества атрибута не может быть неоспоримо доказана, ведь в выборе свойств всегда есть элемент произвола авторов исследования. Можно ли в принципе, не входя в рассмотрение сути того или иного из выбранных нами признаков двойничества, предложить какие-либо формальные критерии его уместности? На наш взгляд, таким критерием может быть частота встречаемости свойства. Легко заметить, что выделенные нами «не-ранковские» атрибуты топоса встречаются приблизительно в том же проценте случаев, что и признаки двойничества, выделенные в работе Ранка и признанные последующими исследователями. Исключение составляют свойства, которые встречаются лишь в одном произведении. Мы выделили одно такое свойство: *Альтернативная биография*, относящееся к группе свойств «Биографические атрибуты двойничества». Вместе с тем, и среди ранковских свойств, учтенных в нашем перечне, встречаются те, что относятся лишь к одному произведению: *Злорадство двойника* («Двойник» Достоевского) и *Нереальность двойника* («Веселый уголок»). С нашей точки зрения, они являются важнейшими элементами поэтики отдельных двойнических произведений. Исключительность того или иного единично-

го атрибута в нашем количественном подходе естественно уменьшает сходство произведения, в котором оно присутствует, с любым другим произведением.

Обсудив редкие свойства, обратимся теперь к частотным, т. е. присутствующим почти во всех выбранных произведениях. Следует ли из этого, что такие атрибуты тривиальны? Очевидно, что «тривиальным» можно считать такой атрибут топоса, который обнаруживается во всех без исключения двойнических произведениях. Но таких атрибутов нет (исключение составляет «сверхатрибут», т. е. сам факт удвоения героя). В случае же, когда свойство отсутствует хотя бы в одном произведении, такой «упущенный» атрибут указывает на особенность поэтики конкретного текста.

Анализ результатов

Что можно извлечь из численных характеристик близости между произведениями, полученных с помощью нашего метода? Посмотрим на сходства и различия по всем четырем группам признаков. Для удобства перечислим пары близких произведений, полученные для каждой группы.

Психические атрибуты топоса двойничества: («Тайный сообщник», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Физические атрибуты удвоения: («Вильям Вильсон», «Тайный сообщник»), («Вильям Вильсон», «Отчаяние»).

Биографические элементы топоса двойничества: («Вильям Вильсон», «Отчаяние»).

Таинственное: («Вильям Вильсон», «Веселый уголок»), («Вильям Вильсон», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана), («Тайный сообщник», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Гофмана).

Теперь подсчитаем, в каком количестве этих пар встречается то или иное произведение. Результат представлен в таблице 7. Звездочка рядом с цифрой означает, что данное произведение входит в две одинаковые пары. Например, в перечисленные выше пары максимально близких произведений «Вильям Вильсон» входит пять раз и дважды обнаруживается в одной и той же паре («Вильям Вильсон», «Отчаяние») в группах «Физическое

проявление удвоения» и «Биографические элементы топоса двойничества». Поэтому мы пишем в соответствующей клетке таблицы 5*^{*}. То же самое справедливо и для «Отчаяния».

Остальные тексты, как видно из таблицы 7, встречаются в меньшем числе пар, причем все пары, в которых они присутствуют, различны.

Таблица 7. Число пар наиболее близких текстов, в которых встречается данное произведение

Вильям Вильсон	ВЕСЕЛЫЙ УГОЛОК	Тайный сообщник	ВСТРЕЧА	Двойник (ФМД)	Двойник (ЭТАГ)	ОТЧАЯНИЕ
5*	2	4	1	1	4	5*

Итак, мы видим двух «чемпионов» – это «Вильям Вильсон» и «Отчаяние». Все прочие произведения ближе всего именно к этим двум текстам. Несомненно, новелла По оказала определяющее влияние на последующие двойнические тексты западной и русской литературы – гораздо более сильное, чем самый ранний текст нашего множества, «Двойник» Гофмана. Причина, видимо, заключается в богатстве регистра двойнических смыслов и поэтических приемов, придуманных американским романтиком и переданных им «по наследству» последующей литературе о двойниках [Головачева 2014: 118–130].

«Отчаяние»

Близость повести Набокова к большому числу двойнических текстов нашего множества имеет совсем иное объяснение. Все атрибуты топоса, выявленные нами в «Отчаянии», присутствуют там в акцентированном, намеренно утрированном виде. В первой же сцене, служащей завязкой интриги с двойником (на самом деле *псевдодвойником*), сознание героя показано с помощью классического сочетания «психических атрибутов» топоса (*Ужас, Безумие и Тревожность*), сконцентрированных в одном предложении: «Я усомнился в действительности происходящего, в здравости моего рассудка, мне сделалось почти дурно – честное слово, – я сел рядом, – дрожали ноги» [Набоков 2006: 400]¹.

От внимания читателя не может ускользнуть особая роль зеркала (типичного предмета, относимого к *Сопутствующим объектам-знакам двойничества*) в «Отчаянии». Зеркало не просто регулярно, начиная с завязки

повести, возникает в тексте, но удостоено специального пассажа, содержащего и многократные повторы слова, и его зеркальное написание (олакрез/зеркало):

«*Страшная штука. <...> одного не употребляю. <...> А есть и кривые зеркала, зеркала-чудовища: малейшая обнаженность шеи вдруг удлиняется, а снизу, навстречу ей, вытягивается другая, неизвестно откуда взявшаяся марципановая нагота, и обе сливаются; <...>. Мне нечего бояться. Пустая суеверность. Вот я напишу опять это слово. Олакрез. Зеркало. И ничего не случилось. Зеркало, зеркало, зеркало. Сколько угодно, – не боюсь. Зеркало. Смотреться в зеркало» (курсив наш) [Набоков 2006: 409].*

В этой «зеркальной» цитате со всей очевидностью сцеплены сразу нескольких атрибутов топоса – *Нарциссизм* (в «обращенной форме»), *Отвращение при встрече с двойником*, *Безумие* (параноидальный бред), *Ужас* и *Тревога*.

В не менее концентрированном виде представлена констелляция свойств из группы «Физические проявления удвоения»: *Реальность двойника* и *Воображаемое сходство двойников*. Так, в Главе 1 протагонист признается в том, что «установление этого сходства шло от меня» и в том, что «видел в нем своего двойника, то есть существо, физически равное мне <...>. Он же видел во мне сомнительного подражателя» [Набоков 2006: 403].

Очевидное сходство набоковского текста с большинством рассмотренных произведений объясняется тем, что «Отчаяние» является палимпсестом, результатом отражения коллекции поэтических открытий предшественников и игры с ними². Так, мотив близящейся смерти, как и многие другие, связан

¹ Нелишне напомнить об уже исследованном набоковедами феномене «достоевщины» применительно к «Отчаянию» [Долинин 1999; Dolinin 1999].

² О претекстах «Отчаяния» см.: [Давыдов 1982; Carroll 1982; Connolly 1982; Davydov 1995].

ные с двойничеством, травестирован Набоковым – ведь по сюжету вместо героя гибнет именно двойник. Не имея возможности привести здесь внушительный перечень доказательств, ограничимся лишь несколькими. Так, например, Набоков неоднократно мастерски обыграл мотив «мнимого родства» (*Реальное сходство двойника* из группы «биографические атрибуты»). В Главе 5 звучит реплика Германа, обращенная к Феликсу:

«Кровь, Феликс, у нас разная, – разная, голубчик, разная. Я родился в тысяче верстах от твоей колыбели, и честь моих родителей, как – надеюсь – и твоих, безупречна. Ты единственный сын, я – тоже. Так что ни ко мне, ни к тебе никак не может явиться этакий таинственный брат, которого, мол, ребенком украли цыгане» [Набоков 2006: 442].

Травестия поддержана и историей, сочиненной Германою для жены, о якобы имеющемся у него брате-близнеце.

Особенно гротескным выглядит и намеренно пошлое эротически-двойническое «сочиненьице» Германа об Игреке Иксовиче (Глава 6). В этой поделке травестирован такой атрибут топоса, как *Соперничество за любовь* (см. группу «биографические атрибуты»).

Связь текстов По и Набокова, насколько нам известно, не удостоилась специального внимания критиков. А между тем, в «Отчаянии» обнаруживается ряд прямых отсылок к По. Так, в Главе 3 Герман признается: «А знаю я все, что касается литературы. Всегда была у меня эта страстишка. В детстве я сочинял стихи и длинные истории. Я <...> никогда не хоронил живьем кошек» [Набоков 2006: 423]. Это признание со всей очевидностью отсылает читателя к литературному источнику, где по сюжету заживо захоронен (замурован) кот, т. е. к новелле По «Черный кот»¹.

Есть в «Отчаянии» и другие прямые отсылки к По и, что не случайно, к «Вильяму Вильсону». Назовем два ярких примера этой интертекстуальности. Первый обнаруживается еще в Главе 1, когда Герман пристально разглядывает спящего Феликса. Подчеркнув отсутствие у Германа каких-либо сомнений в его сходстве с Феликсом, Набоков обыгрывает соответствующую сцену По, когда Вильсон приходит

в спальню двойника в школе-пансионе и бесплодно пытается определить, действительно ли они с ним похожи: «Неужели это... это лицо Вильяма Вильсона? <...> Что же в этом лице так меня поразило? ...Когда он бодрствовал, в свете дня, он был не такой, как сейчас, нет, конечно, не такой» (курсив наш) [По 1980: 101].

Сравним с признанием набоковского Германа: «Феликс на снимке был не так уж похож на меня, – конечно, это без труда могло сойти за мою фотографию, – но все-таки мне было странно, – и тут я подумал: вот настоящая причина тому, что он мало чувствовал наше сходство <...>» (курсив наш) [Набоков 2006: 503]. Данная цитата – свидетельство того, что Набоков вслед за По эффектно использовал в произведении *Воображаемое сходство двойников*, сделав именно этот атрибут топоса стержнем сюжета.

Сцена убийства у Набокова безошибочно указывает на тот же претекст. Посмотрим на описание гибели двойника в «Вильяме Вильсоне»:

«Там, где еще минуту назад я не видел ничего, стояло огромное зеркало <...> и когда я в неопределимом ужасе шагнул к нему, навстречу мне нетвердой походкой выступило мое собственное отражение, но с лицом бледным и обрызганным кровью. Я сказал – мое отражение, но нет. То был мой противник – предо мною в муках погибал Вильсон» (курсив наш) [По 1980: 108].

Сравним со сценой убийства Феликса и с тем, как Герман всматривается в его труп: «Теперь, когда в полной неподвижности застыли черты, сходство было такое, что, право, я не знал, кто убит – я или он. И <...> глядя на расплывшееся, все тише звеневшее лицо передо мной, мне казалось, что я гляжу в недвижимую воду» (курсив наш) [Набоков 2006: 502]. Вряд ли можно счесть простой случайностью полное совпадение такого комплекса мотивов, как *убийство, отражение и идентичность*, в ключевых сценах новеллы По и романа Набокова.

Немаловажно и то, что как в «Вильяме Вильсоне», так и в «Отчаянии» авторы используют парадоксальную структуру фикции [Лакманн 2009: 349]: оба писателя делают протагонистов-убийц сочинителями тех самых текстов, которые предьявляются читателю. Все

¹ О раннем увлечении Набокова Эдгаром По см.: [Набоков о Набокове 2002: 154, 179]. См. также: [Мельников 2005].

перечисленное указывает на рассказ По как на важный претекст «Отчаяния».

О типическом: сходство и несходство

Особую проблему представляют результаты квантитативного анализа «Двойника» Достоевского. Мы видим в этой повести впечатляющее изобилие атрибутов топоса двойничества: все до единого «психические» атрибуты, 3 из 6 «физических», 4 из 6 «биографических» и 3 из 5 «таинственных». Однако само по себе большое количество обнаруживаемых атрибутов не позволило этому тексту превысить индекс 1 в таблице 7. В нашем подходе совокупная близость конкретного произведения к другим текстам определяется как количеством одинаковых присутствующих свойств, так и количеством одинаковых отсутствующих свойств.

В связи с этим заметим, что о *типичности произведения* можно говорить в двух разных смыслах. *Первый* (самый простой) – это наличие большого итогового числа атрибутов, как в «Двойнике» Достоевского. Но, как мы только что объяснили, похожими в нашем подходе являются те произведения, в которых наборы присутствующих и отсутствующих атрибутов близки. Среди таких произведений, как видно из таблицы 7, имеются те, которые похожи на большое количество других произведений, и именно в этом, *втором*, смысле «Вильям Вильсон» и «Отчаяние» являются «типичными произведениями» о двойниках. Таблица 7 показывает, насколько далеки друг от друга эти два определения типичности: «типичный» в первом смысле «Двойник» Достоевского попал лишь в одну пару максимально близких текстов, что подтверждает его уникальность.

Остановимся отдельно и на *несхожести* текстов, выявленной нашим методом. Для удобства перечислим найденные пары наименее близких (иными словами, наиболее далеких) произведений, полученные для каждой группы.

Психические атрибуты: («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Физические атрибуты: («Вильям Вильсон», «Встреча»), («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), («Веселый уголок», «Тайный сообщник»), («Веселый уголок», «Двойник» Гофмана).

Биографические атрибуты: («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского); («Вильям Виль-

сон», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Гофмана), («Встреча», «Отчаяние»), («Встреча», «Двойник» Достоевского).

Таинственное: («Тайный сообщник», «Встреча»), («Встреча», «Двойник» Достоевского), («Двойник» Гофмана, «Отчаяние»).

Прежде всего, мы видим, что «Двойник» Достоевского входит в пары наименее близких произведений, встречающиеся во всех четырех группах признаков. О характере отличия «Двойника» Достоевского от других произведений мы сказали выше. «Встреча» Анри де Ренье входит в пары наименее близких произведений в трех группах из четырех. Что касается группы «Биографические атрибуты топоса двойничества», то здесь пара с наименьшим индексом близости, равным 1, – («Веселый уголок», «Двойник» Достоевского), но во всех четырех парах с индексом близости 2, т. е. также с очень низким значением индекса близости, мы находим «Встречу». Таким образом, по всей совокупности свойств топоса двойничества «Встреча» – самое непохожее на все остальные произведение. Оно противоположно «Двойнику» Достоевского: в тексте де Ренье обнаруживается незначительное количество атрибутов анализируемого топоса. Это со всей очевидностью указывает на то, что «Встреча» является *псевдо-двойническим* произведением, точнее, текстом, где раздваивается отнюдь не главный герой. Таким образом, неудивительно, что «Встреча» и «Двойник» Достоевского, т. е. псевдо-двойнический текст, с одной стороны, и текст, включающий наибольшее число двойнических признаков, с другой, образуют одну из наименее близких пар.

«Веселый уголок» Джеймса, как видно из таблицы 7, также встречается достаточно часто – в четырех парах наименее близких произведений. Три из четырех пар наименьшей близости, к которым принадлежит это произведение, относятся к парам, полученным из анализа «Физических атрибутов удвоения». Думается, уникальность новеллы Джеймса обусловлена тем, что из всех двойников в семи наших текстах лишь *alter ego* Спенсера Брайдона безусловно характеризуется признаком «не-реальность» [Golovacheva 2018].

Исключительность «Двойника» Достоевского, «Отчаяния» Набокова и «Встречи» де Ренье обусловлена, как видим, тем, что в ка-

ждом из них уникальным образом сочетаются разнородные признаки.

Заключение

Подытоживая полученные результаты, отметим: несмотря на то, что тезис о своеобразии каждого из выбранных нами двойнических текстов кажется самоочевидным, основным хотя бы на факте их принадлежности разным эпохам и национальным литературам, на самом деле характер этой уникальности совсем не столь прозрачен и требует вдумчивого исследования.

Наш метод, во-первых, дал возможность по-новому оценить категории сходства и различия при сопоставлении текстов, выстроенных вокруг одного центрального топоса. Во-вторых, он показал, что именно «Двойник» Достоевского и «Отчаяние» Набокова занимают уникальные (противоположные) места во множестве текстов про доппельгангеров. Наш

количественный подход позволил сделать качественные выводы об особенностях выбранных произведений, по-новому взглянуть на литературоведческую категорию топоса применительно к двойническим произведениям, предоставив в наше распоряжение объективистский способ оценить его насыщенность и вариативность на конкретных примерах. В-третьих, благодаря математическому подходу нам удалось сделать новые выводы, касающиеся как конкретных произведений о двойниках, так и совокупности наиболее репрезентативных классических двойнических текстов. Именно анализ в рамках теории графов позволил обратить внимание на сходство текстов Эдгара По и Набокова и определить прецедентную роль «Вильяма Вильсона» в «Отчаянии». Данный метод, по-видимому, окажется столь же перспективным (емким и наглядным) и в компаративистских исследованиях, выходящих за пределы сравнительного изучения топосов.

Литература

- Головачева, И. Битва alter ego: от По до Генри Джеймса / И. Головачева // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / под ред. С. Фокина и А. Ураковой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – С. 176–188.
- Головачева, И. Фантастика и фантастическое. Поэтика и прагматика англо-американской фантастической литературы / И. Головачева. – СПб. : Петрополис, 2014. – 419 с.
- Головачева, И. В. Формулы любви: математическое моделирование любовных сюжетов / И. В. Головачева, М. Е. Журавлев, П. Де Мони // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 147. – С. 151–169.
- Давыдов, С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова / С. Давыдов. – Munchen : Otto Sagner, 1982.
- Де Ренье, А. Собрание сочинений : в 17 (19) т. Т. 16. Загадочные истории / А. де Ренье. – Л. : Academia, 1923–1927. – 216 с.
- Джеймс, Г. Повести и рассказы / Г. Джеймс ; пер. с англ., сост. и вступ. статья А. Зверева ; комм. Н. Рак. – Л. : Худож. лит., 1983. – 688 с.
- Долинин, А. Набоков, Достоевский и достоевщина / А. Долинин // Литературное обозрение. – 1999. – Т. 2. – С. 38–46.
- Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 1: Повести и рассказы: 1846–1847 / Ф. М. Достоевский ; сост. Т. И. Орнатская, Г. М. Фридлендер. – Л. : Наука, 1988. – 462 с.
- Жеребин, А. И. Цитата Михайлова из Курциуса и ее обратный перевод / А. И. Жеребин // Вопросы литературы. – 2011. – № 4. – С. 290–301.
- Журавлев, М. Письмо в редакцию / М. Журавлев // Новое литературное обозрение. – 2018. – Т. 154. – С. 437–439.
- Касти, Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы / Дж. Касти ; пер. с англ. Ю. П. Гупало и А. А. Пионтковского. – М. : Мир, 1982. – 216 с.
- Конрад, Дж. Тайный сообщник : сборник / Дж. Конрад ; пер. с англ. А. В. Кривцовой, М. П. Богословской. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 160 с.
- Лахманн, Р. Дискурсы фантастического : пер. с нем. / Р. Лахманн. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.
- Мельников, Н. Детектив, воспринятый всерьез... Философские «антидетективы» В. В. Набокова / Н. Мельников // Вопросы литературы. – 2005. – № 4. – С. 76–91.
- Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / сост., предисл., коммент., подбор иллюстраций Н. Г. Мельникова. – М. : Независимая Газета, 2002. – 704 с.
- Набоков, В. В. Собрание сочинений русского периода. Т. 3 / В. В. Набоков ; сост. Н. И. Артеменко-Толстой ; пред. А. А. Долинина ; прим. М. Э. Маликовой. – СПб. : Симпозиум, 2000. – 848 с.
- По, Э. Рассказы : пер. с англ. / Э. По. – М. : Художественная литература, 1980. – 351 с.
- Ранк, О. Двойник / О. Ранк. – СПб. : Скифия-принт, 2017. – 196 с.
- Рейтблат, А. И. Ответ на письмо М. Журавлева в редакцию «НЛО» / А. И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 154. – С. 439–441.

- Уланов, А. М. Ответ на письмо М. Журавлева в редакцию «НЛО» / А. М. Уланов // Новое литературное обозрение. – 2018. – № 154. – С. 441–443.
- Atkin, R. From Cohomology in Physics to q-connectivity in Social Science / R. Atkin // *International Journal of Man-Machine Studies*. – 1972. – Vol. 4. – P. 139–167.
- Atkin, R. *Multidimensional Man* / R. Atkin. – Harmondsworth, New York : Penguin Books, 1982. – 208 p.
- Carroll, W. C. The Cartesian Nightmare of *Despair* / W. C. Carroll // *Nabokov's Fifth Arc* / ed. J. E. Rivers, Ch. Nicol. – Austin, TX : University of Texas Press, 1982. – P. 82–104.
- Connolly, J. The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair* / J. Connolly // *The Slavic and East European Journal*. – 1982. – V. 26, № 3. – P. 302–313.
- Davydov, S. «Despair» / S. Davydov // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / ed. V. E. Alexandrov. – New York : Garland, 1995. – P. 88–101.
- Dolinin, A. Nabokov, Dostoevsky, and 'Dostoevskyness' / A. Dolinin // *Russian Studies in Literature: A Journal of Translations*. – 1999. – V. 35 (4). – P. 42–60.
- Golovacheva, I. In Search of the Doppelgänger: Homecoming from Exile / I. Golovacheva // *European Writers in Exile* / ed. R. C. Hauhart, J. Birkenstein. – Lanham, (Maryland) : Lexington Books (Rowman & Littlefield), 2018. – P. 169–185.
- Golovacheva, I. From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgängers in American and Russian Short Story / I. Golovacheva // *Connection and Influence in the Russian and American Short Story* / ed. J. Birkenstein, R. Hauhart. – Lexington Books (Rowman & Littlefield), 2021. – P. 35–46.
- Golovacheva, I. An Invitation to Mathematical Modelling of Artistic Space in Literary Criticism: Masochism Reconsidered / I. Golovacheva, A. Stroev, M. Zhuravlev, P. de Mauny // *Mathematics as a Bridge Between the Disciplines : Proceedings of MACAS Symposium. 27 June – 29 June 2017* / ed. C. Michelsen, A. Beckmann, V. Freiman, U. T. Jankvist. – Copenhagen : University of Southern Denmark, 2018. – P. 125–140.
- Kimball, J. James Joyce and Otto Rank: The Incest Motif in "Ulysses" / J. Kimball // *James Joyce Quarterly*. – 1976. – Vol. 13, № 3. – P. 366–382.
- O'Toole, L. Dimensions of Semiotic Space in Narrative / L. O'Toole // *Poetics Today*. – 1980. – Vol. 1, № 4. – P. 135–149.
- Rosenfeld, Cl. The Shadow within: The Conscious and Unconscious Use of the Double / Cl. Rosenfeld // *Daedalus*. – 1963. – Vol. 92, № 2. – P. 326–344.
- Watt, St. O'Neill and Otto Rank: Doubles, "Death Instincts" and the Trauma of Birth / St. Watt // *Comparative Drama*. – 1986. – Vol. 20, № 3. – P. 211–230.
- Zivkovic, M. The Double as The "Unseen" of Culture: Toward A Definition of Doppelgänger / M. Zivkovic // *Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature*. – 2000. – Vol. 7 (2). – P. 121–128.

References

- Atkin, R. (1972). From Cohomology in Physics to q-connectivity in Social Science. In *International Journal of Man-Machine Studies*. Vol. 4, pp. 139–167.
- Atkin, R. (1982). *Multidimensional Man*. Harmondsworth, New York, Penguin Books. 208 p.
- Carroll, W. (1982). The Cartesian Nightmare of "Despair". In Rivers, J. E., Nicol, Ch. (Eds.). *Nabokov's Fifth Arc*. Austin, TX, University of Texas Press, pp. 82–104.
- Casti, J. (1982) *Bol'shie sistemy. Svyaznost', slozhnost' i katastrofy* [Connectivity, Complexity and Catastrophe in Large-Scale Systems]. Moscow, Mir. 216 p.
- Connolly, J. (1982). The Function of Literary Allusion in Nabokov's *Despair*. In *The Slavic and East European Journal*. Vol. 26. No. 3, pp. 302–313.
- Conrad, G. (1991). *Taynyi soobshchik* [The Secret Sharer] / transl. by A. V. Krivtsova, M. P. Bogoslovskaya. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otделение. 160 p.
- Davydov, S. (1982). «Teksty-matreshki» Vladimira Nabokova ["Matryoshka-Like Texts" of Vladimir Nabokov]. Munchen, Otto Sagner.
- Davydov, S. (1995). *Despair*. In Alexandrov, V. E. (Ed.). *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York, Garland, pp. 88–101.
- de Regnier, H. (1924). *Sobranie sochinenii: v 17 (19) t.* [Complete Works, in 17 (19) vols.]. Vol. 16. Zagadochnye istorii. Leningrad, Academia. 216 p.
- Dolinin, A. (1999). Nabokov, Dostoevskii i dostoevshchina [Nabokov, Dostoevsky and 'Dostoevskyness']. In *Literaturnoe obozrenie*. No. 2, pp. 38–46.
- Dolinin, A. (1999). Nabokov, Dostoevsky, and 'Dostoevskyness.' In *Russian Studies in Literature: A Journal of Translations*. Vol. 35 (4), pp. 42–60.
- Dostoevsky, F. M. (1988). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Complete Works, in 15 vols.]. Vol. 1: Povesti i rasskazy: 1846–1847 / ed. by T. I. Ornatskaya, G. M. Fridlender. Leningrad, Nauka. 462 p.
- Golovacheva, I. (2014). *Fantastika i fantasticheskoe. Poetika i pragmatika anglo-amerikanskoi fantasticheskoi literatury* [Fantastika and the Fantastic: Poetics and Pragmatics of Speculative Fiction]. Saint Petersburg, Petropolis. 419 p.
- Golovacheva, I. (2017). Bitva alter ego: ot Po do Genri Dzheimsa [Battling the *Alter Ego*: From Poe to Henry James]. In Fokin, S., Urakova, A. (Eds.). *Po, Bodler, Dostoevskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo geniya*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 176–188.
- Golovacheva, I. (2018). In Search of the Doppelgänger: Homecoming from Exile. In Hauhart, R. C., Birkenstein, J. (Eds.). *European Writers in Exile*. Lanham, (Maryland), Lexington Books (Rowman & Littlefield Publ.), pp. 169–185.
- Golovacheva, I. (2021). From Poe to James via Dostoevsky: Doppelgängers in American and Russian Short Story. In Birkenstein, J., Hauhart, R. (Eds.). *Connection and Influence in the Russian and American Short Story*. Lanham, (Maryland), Lexington Books (Rowman & Littlefield Publ.), pp. 35–46.

Golovacheva I. V., de Mauny P., Zhuravlev M. Ye. Doppelgangers and Matrixes: A New Method of Comparative...

Golovacheva, I. V., Stroeve, A., Zhuravlev, M., de Mauny, P. (2018). An Invitation to Mathematical Modelling of Artistic Space in Literary Criticism: Masochism Reconsidered. In Michelsen, C., Beckmann, A., Freiman, V., Jankvist, U. T. (Eds.). *Mathematics as a Bridge Between the Disciplines: Proceedings of MACAS Symposium. 27 June – 29 June 2017*. Copenhagen, University of Southern Denmark, pp. 125–140.

Golovacheva, I. V., Zhuravlev, M. E., DeMauny, P. (2017). Formuly lyubvi: matematicheskoe modelirovanie lyubovnykh syuzhetov [Formulas of Love: Mathematical Modelling of Love Plots]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 147, pp. 151–169.

James, G. (1983). *Povesti i rasskazy* [Novellas and Short Stories] / trans. by A. Zverev. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. 688 p.

Kimball, J. (1976). James Joyce and Otto Rank: The Incest Motif in “Ulysses”. In *James Joyce Quarterly*. Vol. 13 (3), pp. 366–382.

Lachmann, R. (2009). *Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the Fantastic (Erzählte Phantastik)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 384 p.

Mel'nikov, N. (2005). Detektiv, vosprinyaty vser'ez... Filosofskie «antidetektivy» V. V. Nabokova [Detective Story Taken Seriously... The Philosophical 'Anti-Detective Story' of V. V. Nabokov]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 76–91.

Mel'nikov, N. G. (Ed.). (2002). *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'yū, retsenzii, esse* [Nabokov on Nabokov: Interviews, Reviews, and Essays]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta. 704 p.

Nabokov, V. V. (2000). *Sobranie sochinenii russkogo perioda. T. 3* [Collected Russian Language Works. Vol. 3] / ed. by N. I. Artemenko-Tolstoy, preface by A. A. Dolinin. Saint Peteresburg, Simpozium. 848 p.

O'Toole, L. (1980). Dimensions of Semiotic Space in Narrative. In *Poetics Today*. Vol. 1. No. 4, pp. 135–149.

Poe, E. (1980). *Rasskazy* [Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 351 p.

Rank, O. (2017). *Dvoynik* [Der Doppelgänger]. Saint Petersburg, Skifiya-print. 196 p.

Reytblat, A. I. (2018). Otvet na pis'mo M. Zhuravleva v redaktsiyu «NLO» [A Response to Zhuravlev's Letter to 'NLO']. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 439–441.

Rosenfield, Cl. (1963). The Shadow Within: The Conscious and Unconscious Use of the Double. In *Daedalus*. Vol. 92. No. 2, pp. 326–344.

Ulanov, A. M. (2018). Otvet na pis'mo M. Zhuravleva v redaktsiyu «NLO» [A Response to Zhuravlev's Letter to 'NLO']. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 441–443.

Watt, St. (1986). O'Neill and Otto Rank: Doubles, “Death Instincts” and the Trauma of Birth. In *Comparative Drama*. Vol. 20. No. 3, pp. 211–230.

Zherebin, A. I. (2011). Tsitata Mihailova iz Kurtsiusa i ee obratnyi perevod [Mikhailov's Quotation from Curtius and Its Back Translation]. In *Voprosy literatury*. No. 4, pp. 290–301.

Zhuravlev, M. (2018). Pis'mo v redaktsiyu [A Letter to the Editorial Board]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. Vol. 154, pp. 437–439.

Zivkovic, M. (2000). The Double as the “Unseen” Of Culture: Toward A Definition of Doppelganger. In *Facta Universitatis, Series: Linguistics and Literature*. Vol. 7 (2), pp. 121–128.

Данные об авторах

Головачева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: igolovacheva@gmail.com.

Демони Полина Валерьевна – магистр филологии (Санкт-Петербургский государственный университет), магистр Сложных систем, магистр филологии Университета Новая Сорбонна – Париж III, аспирант, Университет Новая Сорбонна – Париж III (Париж, Франция).

Адрес: 17 rue de la Sorbonne, Esc. C, 75005 Paris, France.

E-mail: polina.demauny@gmail.com.

Журавлев Михаил Евгеньевич – доктор физико-математических наук, профессор кафедры проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: myezhur@gmail.com.

Authors' information

Golovacheva Irina Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Interdisciplinary Studies in the Field of Languages and Literature, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

de Mauny Polina – MA from Saint Petersburg State University (Complex Systems, Russian Literature), MA from Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Comparative Literature), Postgraduate Student, Université Sorbonne Nouvelle – Paris 3 (Paris, France).

Zhuravlev Mikhail Yevgenievich – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

ОБРАЗ НИКОЛАЯ КИРСАНОВА В СИСТЕМЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ РОМАНА ИВАНА ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»¹

Штейнбук Ф. М.

Университет Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-815X>

А н н о т а ц и я . Цель статьи заключается в необходимости рассмотреть образ Николая Петровича Кирсанова и его место в романе Ивана Тургенева «Отцы и дети», поскольку до последнего времени этому персонажу не уделялось достаточно внимания и его восприятие как отечественной, так и зарубежной критикой преимущественно ограничивалось стандартной и, как правило, поверхностной констатацией отдельных положительных качеств данного героя. Как для достижения поставленной цели, так и с точки зрения возможного переосмысления идейно-тематического содержания романа И. Тургенева в целом в статье в контексте рецептивной эстетики используются герменевтический, а также дополнительно биографический и культурно-исторический методы.

Сформулированный подход позволил выяснить, что характер Николая Петровича определяется его отношениями с Фенечкой, поскольку в этом случае на них сказалось социальное неравенство и существенные возрастные отличия, а также наличие у них совместного незаконнорожденного сына. Такое необычное для в целом позитивного персонажа поведение мотивируется его иронически интерпретированной посредством образа «le Diable Boiteux», то есть «хромого беса», причастностью к инфернальной сфере, в чём нашли своё отражение нравы и обычаи поместного дворянства. А, кроме того, в образе Николая Петровича Кирсанова дали о себе знать и личные травматические переживания Тургенева, связанные с наличием у писателя собственной незаконнорожденной дочери.

На основании этого был сделан вывод о том, что возможно частичное переосмысление образов большинства персонажей романа, связанное с их причастностью к неоднозначной ситуации, которая возникла по вине одного из братьев Кирсановых, а смысл образа Николая Петровича и места данного персонажа в системе действующих лиц романа «Отцы и дети» заключается в том, что благодаря противоречивости этого персонажа книга получает дополнительный пронзительно-человеческий импульс, который обеспечивает бессмертие творению гениального русского писателя.

К л ю ч е в ы е с л о в а : романы; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные образы; литературные герои; Николай Кирсанов; система действующих лиц; герменевтический метод.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Штейнбук, Ф. М. Образ Николая Кирсанова в системе действующих лиц романа Ивана Тургенева «Отцы и дети». – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 24–32. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-02.

NIKOLAY KIRSANOV IN THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL “FATHERS AND SONS” BY IVAN TURGENEV

Feliks M. Shteinbuk

Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4852-815X>

A b s t r a c t . The aim of the article is to study the character of Nikolay Kirsanov and its role in the novel “Fathers and Sons” since, until recently, this character has been rather neglected, and both national and foreign critics have focused on a standard, and often schematic, enumeration of some positive qualities of the character’s personality. In order to achieve the aim and to probably reconsider the ideas and thematic plot of the novel by I. Turgenev in general, the hermeneutic, biographical and cultural-historical methods are used in the article in the context of receptive aesthetics.

The suggested approach has enabled the author to argue that the personality traits of Nikolay Petrovich are determined by his relationship with Fenechka because in this case they find themselves under pressure of social inequality, significant age difference, and their mutual illegitimate son. Such an unusual behavior of a basical-

¹ Статья публикуется в порядке дискуссии.

ly positive character is motivated by his belonging to the infernal sphere, which is interpreted by means of the image of "le Diable Boiteux", i.e. "a lame devil", with all customs and traditions of the landowners and nobility represented in it. Moreover, the character of Nikolay Petrovich Kirsanov embodied Turgenev's personal traumatic experience concerning the writer's illegitimate daughter.

All this has allowed the author to make a conclusion that it is possible to partially reconsider most of the novel characters due to their involvement into the ambiguous situation which formed because of one of the Kirsanov brothers. The role of the character of Nikolay Petrovich and its place in the system of characters in the novel "Fathers and Sons" consists in the fact that thanks to this contradictory character, the book obtains additional piercing human impulse, which ensures immortality of the genius Russian writer's literary work.

Key words: novels; Russian writers; literary creative activity; literary genres; literary images; literary characters; Nikolay Kirsanov; system of characters; hermeneutic method.

For citation: Shteinbuk, F. M. (2021). Nikolay Kirsanov in the System of Characters in the Novel "Fathers and Sons" by Ivan Turgenev. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 24–32. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-02-02.

Роман Ивана Тургенева «Отцы и дети» закономерно остается в центре внимания многочисленных как отечественных, так и зарубежных литературоведов [см. Малышева 1984; Роман... 1986; Маркович 2008; Ленхобоева 2013; Фурат 2016 и др.].

Примечательно, что на сегодняшний день успешно защищена диссертация, в которой не только обобщены сведения о корпусе основных исследований, посвященных бессмертному роману знаменитого классика, но и предложены «типология наиболее значительных проблем изучения», а также намечены «основные тенденции в осмыслении романа „Отцы и дети“» [Фурат 2016: 8].

Тем не менее, при обзоре источников, внимание авторов которых сосредоточено на самых разнообразных, причем иногда совершенно неожиданных аспектах этого хрестоматийного произведения [см., например, Бельская 2016; Гимранова 2018 и др.], становится очевидной парадоксальность ситуации, сложившейся вокруг образа Николая Петровича Кирсанова.

Николай Петрович, будучи владельцем поместья, названного им в честь его умершей жены, гостеприимно принимает в своем доме почти всех центральных персонажей романа. В частности, в Марьино после своего любовно-экзистенциального фиаско возвращается Павел Петрович – старший брат Николая Петровича и впоследствии непримиримый оппонент скандального «нигилиста». Сюда же после окончания университета приезжает

и новоиспеченный «кандидат» [Тургенев 2013: 7] – сын Аркадий. В этой связи во владениях Николая Петровича оказывается и «добрый приятель» [Тургенев 2013: 8] Аркадия, то есть протагонист романа Евгений Базаров, который, по словам Кирсанова-младшего, был «так любезен, что согласился погостить» [Тургенев 2013: 8] в их родовом «дворянском гнезде».

Более того, то ли идеологическое противостояние между Базаровым и Павлом Петровичем Кирсановым, то ли разыгранный этими персонажами «дурацкий фарс» [Свердлов [http](http://)], переросший в реальный поединок, происходит в том же Марьино. Причем эта дуэль состоялась из-за Фенечки – особы, непосредственное отношение к которой имел именно Николай Петрович, а не его старший брат или гостивший у хозяина имени «приятель» сына.

Но, несмотря на это, большинство исследователей едва упоминают об этом немало-важном действующем лице, ограничиваясь, как правило, формально-стандартными замечаниями о его доброте и непрактичности [см., например, Минина 2009: 83; Давыдова и др.].

Однако, на наш взгляд, образ Николая Петровича Кирсанова заслуживает более пристального внимания, а, следовательно, цель статьи заключается в анализе данного образа и в уточнении его места в системе действующих лиц романа.

Для достижения обозначенной цели и возможного переосмысления идейно-тематического содержания романа И. Тургенева в целом в контексте рецептивной эстетики

продуктивными являются герменевтический, а также дополнительно биографический и культурно-исторический методы.

Владимир Набоков в своих известных «Лекциях по русской литературе», характеризуя Базарова как «сильного человека», в то же время заметил, что «в природе тургеневского таланта и его искусства есть одна общая болезненная черта: он был неспособен привести мужские персонажи к победе в пределах своего замысла» [Набоков [http](#)].

Если исходить из убеждения, что единственным заслуживающим внимания героем является протагонист романа Тургенева – Евгений Васильевич Базаров, а также в лучшем случае антагонист последнего – Павел Петрович Кирсанов, то с этим вердиктом следует согласиться.

Но перечень действующих лиц не ограничивается этими двумя, безусловно, центральными персонажами, и поэтому необходимо вспомнить, прежде всего, о Николае Петровиче Кирсанове, который, может быть, и не выглядит победителем, но и к побежденным отнести его вряд ли возможно.

Так, «в качестве генеральского сына Николай Петрович – хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужил прозвище трусишки – должен был, подобно брату Павлу, поступить в военную службу; но он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении, и, пролежав два месяца в постели, на всю жизнь остался „хроменьким“» [Тургенев 2013: 6]. Тем не менее, это не помешало Николаю Петровичу получить неплохое «штатское» образование, вследствие чего он «вышел из университета кандидатом» [Тургенев 2013: 6].

Счастливым Николай Петрович оказался и в браке, поскольку «успел, еще при жизни родителей <...> влюбиться в дочку чиновника Преполовенского <...> женился на ней <...> и, покинув министерство уделов <...> блаженствовал со своею Машей сперва на даче <...> потом в городе <...> наконец – в деревне, где он поселился окончательно и где у него в скором времени родился сын Аркадий. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты <...>

а Аркадий рос да рос – тоже хорошо и тихо» [Тургенев 2013: 6–7].

Правда, через «десять лет <...> жена Кирсанова скончалась» [Тургенев 2013: 7]. Но и в этом случае Николай Петрович, тяжело пережив трагическое событие, все же не запил и не опустился, а «занялся хозяйственными преобразованиями» [Тургенев 2013: 7]. Впрочем, и «хозяйственными преобразованиями» дело тоже не ограничилось, потому что в определенный момент Николай Петрович испытал неизгладимое впечатление. Это впечатление произвела на него Фенечка, дочь его экономки Арины Савишны, и «ему все мерещилось это чистое, нежное, боязливо приподнятое лицо, он чувствовал под ладонями рук своих эти мягкие волосы, видел эти невинные, слегка раскрытые губы, из-за которых влажно блистали на солнце жемчужные зубки» [Тургенев 2013: 40].

Эротический смысл возникших между Николаем Петровичем и Фенечкой отношений не оставляет никаких сомнений, а в результате оборачивается рождением их совместного ребенка. И все же Николай Петрович стыдится перед старшим сыном последствий этой истории, которые после его возвращения в Марьино должны были неизбежно открыться и Аркадию. В частности, Тургенев пишет, что после того, как мать Фенечки «вдруг <...> умерла от холеры» и девушка осталась круглой сиротой, а «Николай Петрович был <...> такой добрый и скромный...», то «остальное досказывать нечего...» [Тургенев 2013: 41].

В. Набоков по этому поводу иронически замечает, что фраза «остальное досказывать нечего» представляет собой «странное и глупое замечание, подразумевающее, что некоторые обстоятельства столь хорошо известны читателю, что не стоит их описывать. И действительно, благосклонный читатель без труда сможет дорисовать в своем воображении то самое событие, которое Тургенев так осторожно и пуритански скрывает» [Набоков [http](#)].

В самом деле, Николаю Петровичу, несмотря на преждевременную смерть жены и его средний возраст, удалось благодаря оказавшейся рядом с ним молодой соблазнительной женщине не только преодолеть обреченность на дальнейшее холостяцкое одиночество, но и вновь пережить счастье повторно-

го отцовства. Тем не менее, об успехах этого «мужского персонажа» автор пишет, как бы виновато опуская глаза, а критик в лице Набокова ограничивается лишь констатацией данного факта.

На современном этапе возникла и другая тенденция, связанная с религиозной трактовкой романа и его персонажей. Вследствие этого и в связи с анализируемым романом специалисты, заметим, не по теологии, а по литературе пишут, например, о «человеческой Любви, Богоприродной по сути своей» [Беляева 2018: 130]. Или о том, что «трагизм Базарова не только в одиночестве, бездействии, но, самое главное, – „в его безбожии“» [Степанов 2006: 12]. И с оговорками, но все равно настаивают на том, что Базарову присуще «смирение (хоть это слово и не вяжется с Базаровым)» и что такое смирение, «конечно, не совсем то, которое относится к высшей христианской добродетели <...> Но оно все же, скажем так, соприкасается с важнейшими истинами христианского учения» [Коньшев 2008: 176].

Утверждается также, что «„Отцы и дети“ как формула шире даже ее „эдипального“ смысла смены поколений, т. к. универсальный характер противостояния старого и нового дополняется здесь вопросом о том, кто же предписал этот закон противостояния, другими словами, вопросом о том, каковы же взаимоотношения тварного мира и Творца, т. е. всеобщего Отца» [Полтавец 2009: 60]. Поэтому исследователь не может «пройти мимо любопытного факта связи некоторых деталей романа с особым направлением теологических споров об Отце и Сыне, а именно – с арианской ересью» [Полтавец 2009: 68]. И на этом основании приходит к выводу, «что сопоставление Базарова с Евсевием Самосатским следует проводить не только на уровне сюжета и характера (если возможно говорить о характере в агиографии), но и на уровне идейном: святой Евсевий боролся с арианской ересью в окружающем мире, Базаров же переживает нечто подобное в своем внутреннем мире» [Полтавец 2009: 72].

В конце концов, в некоторых исследованиях артикулируется мысль о том, что «тема „отцов“ дана Тургеневым не случайно. Это

некая аллюзия на библейскую притчу о блудном сыне» [Сергиенко 2016: 136]. Но не совсем ясно, почему было решено, что «для Николая Кирсанова непонятно, как человек, творение Божье, может отрицать своего создателя» [Сергиенко 2016: 137].

Очевидно, что Николая Петровича эти вопросы вообще не интересовали. И даже упоминание церкви в связи с данным персонажем возникает вовсе не потому, что, как считает Ирина Сергиенко, «Тургенев показывает, что именно в церкви зарождаются чувства Николая Кирсанова и Фенички¹» [Сергиенко 2016: 134], намекая тем самым, что отношения между помещиком и молоденькой дочерью его экономки освящены божественным благословением. Ведь церковь в тех условиях была единственным публичным местом, в котором они вообще могли, не таясь, видеть друг друга. Однако от этого их или, точнее, его взгляды не теряли своей вполне определенной эротически мотивированной заинтересованности. А после того, как Николаю Петровичу удалось вылечить Фенечке воспалившийся глаз от попавшей в него искры, «он начал с большим вниманием глядеть на нее в церкви» и даже «старался заговаривать с нею» [Тургенев 2013: 41].

Это означает, что, во-первых, визуальный флирт необходимо признать едва ли не кошунственным, так как он нарушает церковные приличия и религиозную этику, и что, во-вторых, стоит, пожалуй, согласиться с другим тезисом В. Набокова – с тезисом, в соответствии с которым «роман Тургенева не так прост, как может показаться на первый взгляд» [цит. по Сергиенко 2016: 133].

Высказанные выше упрёки в святотатстве не кажутся таким уж большим преувеличением, поскольку их можно обосновать, как минимум, двумя аргументами.

Стоит вспомнить о том, что уже с первых страниц романа поведение Николая Петровича определяется не только радостью по поводу приезда Аркадия, но и тем, что он «потира[л] лоб и брови рукою, что у него всегда служило признаком внутреннего смущения» [Тургенев 2013: 12]. Это смущение было вызвано тем, что, по словам самого же Кирсанова-старше-

¹ Сохранено авторское правописание.

го, сын «конечно, буде[т] вправе осудить» его, ибо в его, Николая Петровича, «лета... Словом, эта... эта девушка, про которую [Аркадий], вероятно, уже слышал...» [Тургенев 2013: 12] и из-за необходимости говорить о которой «Николай Петрович покраснел» и даже просил сына не называть «громко» [Тургенев 2013: 12] ее имени, – «эта девушка» представляла для Николая Петровича существенную проблему.

Смысл этой проблемы заключался в том, что Николай Петрович прекрасно понимал социальное и возрастное неравенство между ним и Фенечкой и свою ответственность за создавшееся положение.

Разумеется, пресловутая доброта, а может быть, отсутствие храбрости и даже трусливость Николая Петровича, вынуждают последнего мучиться совестью и заботиться как о девушке, так и об их незаконнорожденном сыне. Но психологические коллизии не отменяют самого, по сути, противоречивого факта, который имплицитно обусловлен еще одним аргументом, заключающимся в хромоте Николая Петровича.

Любопытно, что упоминание об этом увечье само по себе звучит в тексте романа, как минимум, неоднозначно, поскольку из соответствующего контекста не совсем ясно, «он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении» «в военную службу» [Тургенев 2013: 6], случайно или намеренно? Результат этого события не оставляет никаких сомнений: Николай Петрович «на всю жизнь остался „хроменьким“» [Тургенев 2013: 6]. И если бы его первый брак не завершился так трагически-скоропостижно, то инвалидность Николая Петровича можно было бы посчитать досадной, однако незначительной деталью. Но из-за того, что судьба героя не ограничилась семейным счастьем с «дочкой чиновника Преполовенского» и продолжилась историей с Фенечкой, «хромая» деталь приобрела иное, более весомое, а вдобавок еще и символическое значение.

Прежде всего, необходимо заметить, что уже из-за уменьшительно-ласкательного суффикса определение «хроменький» звучит как-то насмешливо-двусмысленно. Однако еще в большей степени усиливают эту неуместную и едва ли не циничную игривость ка-

вычки, в которые почему-то взято слово «хроменький», потому что, как известно, в кавычках чаще всего пишутся слова, наделяемые необычным, ироническим или особым значением.

Действительно, в продолжении всего романа автор больше ни разу не вспоминает об этом физическом недостатке Николая Петровича или хотя бы о хромающей походке последнего. Из чего можно заключить, что, иронически называя своего героя «хроменьким» и беря это слово в кавычки, автор имеет в виду не столько физический недостаток персонажа, сколько некое его метафизическое качество.

В частности, по издавна сложившейся традиции, характерной как раз для христианской культуры, «к числу физических недостатков черта надо отнести, что он хромым, вследствие своего падения с неба. В этом случае на дьявола перенесена примета древнего арийского мифа о хромом огненном божестве. Хром эллинский Гефест – и по той же причине: „раздраженный Зевс схватил его за ногу и стремительно низвергнул с высокого Олимпа на землю, и вследствие этого падения Гефест повредил ногу“. Хром скандинавский Локи. Хромота черта – общеевропейское поверье, сохраняющееся даже на значительных культурных высотах. Достаточно напомнить об известном романе Лесажа „Le Diable boiteux“.

“Was hinkt der Kerl auf einem Fuss?” (С чего этот малый припадает на одну ногу?) – восклицает в Гетевом „Фаусте“ Зибель, глядя на Мефистофеля. В русских сказках дьявол часто является под именем Анчутки Беспятого (с отшибленной пяткой)» [Амфитеатров 1913: 70–71].

Примечательно, что не только переглядывание в церкви может быть прочитано как знак святотатства, но и игра Николая Петровича на виолончели, а также его увлечение поэзией оказываются подлежащими интерпретации как знаки, релевантные эротическому, то есть в той же христианской традиции дьявольскому, искушению.

В свою очередь, становится отчасти понятной и первоначальное смущение Николая Петровича, которое следует объяснять не социальными, а трансцендентальными причинами, так как с точки зрения общественных условий жизни русского помещного дво-

рянства в эпоху крепостного права помещик Кирсанов ведет себя вполне приемлемо и едва ли не целомудренно для тогдашних нравов и обычаев, принятых в этой сословной среде.

Как пишет об этом Евгений Жирнов, «редкий состоятельный помещик в XVIII и в начале XIX века не использовал своего положения для удовлетворения любовных страстей. Мемуаристы утверждали, что в деревнях „арапа Петра Великого“ – Абрама Петровича Ганнибала – встречалось немало весьма смуглых и по-африкански курчавых крепостных. Чуть не каждый знатный владелиц душ считал долгом иметь собственный гарем из двух-трех десятков крепостных красавиц. К примеру, о государственном канцлере светлейшем князе А. А. Безбородко писали, что он чуждался светского общества и дам потому, что „подлинным ‘романом’ его жизни был гарем, всегда изобилующий наложницами и часто обновляемый“» [Жирнов 2011: 49; см. об этом также Тарасов 2011: 174–187].

Очевидно, что Николаю Петровичу Кирсанову далеко до Абрама Петровича Ганнибала, да и Фенечка была все же не крепостной крестьянкой, но общая сословная принадлежность к дворянству объективно позволяла обоим пользоваться этим обстоятельством, и вопрос касался только масштабов страстных притязаний. В конце концов, Николай Петрович узаконил свои отношения с Фенечкой и, таким образом, окончательно устранил социальное неравенство в этих отношениях. Но поскольку обряд прошел «в небольшой приходской церкви, тихо и почти без свидетелей» [Тургенев 2013: 199], то можно предположить, что какие-то более глубокие причины не позволили превратить это событие в торжество, особенно учитывая, что отец женился в один день с сыном. А ни Аркадий, ни Катя ничем не провинились, и значит, несколько не заслуживали подобной «тишины».

Кроме «мистических» причин, касающихся образа Николая Петровича, уместными представляются и мотивы совсем иного рода, связанные с незаконнорожденным сыном этого персонажа, от которого он, в отличие от множества своих братьев-помещиков, не отказался, а, напротив, благодаря венчанию с Фенечкой снял с Митеньки клеймо бастарда. Этот эпизод опосредованно коррелирует с

биографическими событиями, случившимися в судьбе самого Тургенева [о близости писателя к своему герою см., например, Оляндер 2018: 32], когда его собственная сексуально-барская невосдержанность обернулась впоследствии появлением незаконнорожденной дочери.

Павел Фокин в своей книге с выразительным названием «Тургенев без глянца» приводит письменные и мемуарные свидетельства о том, что, по словам писателя, «когда-то, во время [его] студенчества, приехав на vacation к матери, [он] сблизился с крепостною ее прачкою» [здесь и далее цит. по Фокин [http](http://)]. «После этого, – по воспоминаниям Олимпиады Васильевны Аргамачевой, – Иван Сергеевич вскоре уехал за границу. Не подозревая, что в России оставляет свою дочь». А в письме Полине Виардо от 21–27 июля 1850 года Тургенев после встречи с восьмилетней дочерью, получившей при крещении «русское имя Палагея (Пелагея), которое обычно переводят как Полина», сознается, что «даже не припомина[ет] черт лица ее матери», что «можете себе представить, какое тягостное впечатление произвела на [него] эта встреча», и что для него «в этом есть что-то, невольно [его] пугающее. Право, это нечто вроде преступления... да так оно и есть».

В то же время из его слов следует, что он «почувствовал свои обязанности по отношению» к дочери и что «она никогда не узнает нищеты», поскольку он обещает «устро[ить] ее жизнь как можно лучше».

Надо отдать должное писателю, действительно сдержавшему свое обещание: Тургенев отдал дочь на воспитание в семью Полины Виардо, а когда она вышла замуж, то обеспечил ее значительным приданным. Но, с другой стороны, можно предположить, что эта ситуация оказалась для него действительно болезненно-травматической и поэтому, кроме вполне материальных компенсаторных механизмов, потребовала задействовать еще и механизмы сублимационные.

В результате «асмодем» в романе становится не Базаров, как полагал в свое время Максим Антонович, и даже не Павел Петрович, как можно было бы ожидать от такой эгоистической личности, каковую представляет собой Кирсанов-старший, – «le Diable Voi-

теух», то есть «хромым бесом», оказывается добрый, трусливый и на первый взгляд безобидный любитель музыки, поэзии и природы, очень похожий на самого автора романа.

Вместе с тем, если рассматривать сюжетно-композиционную и идейно-образную конфигурацию романа «Отцы и дети» с точки зрения «дьявольской», мистической, а точнее, далекой от высокой нравственности, или, по Е. Конышеву, от «высшей христианской добродетели», позиции Николая Петровича, то это придает хрестоматийному и привычному смыслу как романа в целом, так и его отдельных персонажей в частности несколько иное значение.

Нигилистическая позиция Базарова, декларирующего необходимость тотального «отрицания» [Тургенев 2013: 50], получает неожиданное имплицитное подтверждение как раз от тех, против образа жизни которых такое отрицание направлено. Ведь если «барство дикое» негативно повлияло даже на такого добряка, как Николай Петрович Кирсанов, inferнальность которого носит очевидно иронический характер, то от подобных условий жизни действительно следует избавляться как можно скорее.

В свою очередь, и образ самого Базарова теряет свою убедительность потому, что когда он полюбил Одинцову, то «не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» [Тургенев 2013: 104]. Но, кроме этого, Базаров, по сути, идет следом за Николаем Петровичем и, также злоупотребив своим социальным положением врача, пытается произвести на Фенечку определенное впечатление, прибегнув к откровенно пошлomu и отталкивающему искусственному флирту, которого от него можно было меньше всего ожидать.

В абсолютно ином свете предстает и образ Павла Петровича. Поэтому трудно согласиться с Андреем Кофманом, который утверждает, что «Павел Кирсанов яростно защищает высокие духовные ценности» [Кофман 2018: 134]. На самом деле Кирсанов-старший, храня Фенечку от посягательств Базарова, печется не о «высоких духовных ценностях» и даже не о пригрезившемся ему в облике девушки образе его роковой и таинственной возлюбленной

княгини Р. – Павел Петрович встает на защиту излюбленных им «принсипов» [Тургенев 2013: 50]. Но только речь в этом случае идет не об этических соображениях, а о привычных и давным-давно сложившихся условиях жизни.

В очерченном контексте становится понятным, почему и Фенечка отнюдь не напоминает несчастную и незащищенную жертву. Примечательно, что уже при первом появлении на авансцене романа в образе матери Митеньки Фенечка производит противоречивое впечатление. Ведь когда «Николай Петрович позвонил и закричал: „Дуняша!“», «но вместо Дуняши на террасу вышла сама Фенечка», то, «казалось, ей и совестно было, что она пришла, и в то же время она как будто чувствовала, что имела право прийти». Так что даже «Павел Петрович строго нахмурил брови, а Николай Петрович смутился» [Тургенев 2013: 25].

Когда же ее история счастливо разрешилась венчанием, то «Фенечка стала другая. В свежем шелковом платье, с широкою бархатною наколкой на волосах, с золотою цепочкой на шее, она сидела почтительно-неподвижно, почтительно к самой себе, ко всему, что ее окружало, и так улыбалась, как будто хотела сказать: „Вы меня извините, я не виновата“. И не она одна – другие все улыбались и тоже как будто извинялись; всем было немножко неловко, немножко грустно и в сущности очень хорошо» [Тургенев 2013: 199].

Поэтому вряд ли можно согласиться с Ириной Беляевой, которая высказала мысль о том, что для Тургенева Фенечка – это его Маргарита «из „Фауста“ Гете», но, в отличие от последней, «его современная Гретхен – состоявшаяся молодая мать, и именно поэтому „права“ и <...> „обоготовлена“. Фенечка-Гретхен не погибает сама и не становится причиной смерти близких и своего ребенка – она мать, жена и излучает жизнь» [Беляева (2) 2018: 114].

Напротив, учитывая предыдущий контекст, можно предположить, что описанное благополучие, за которое «всем было немножко неловко», объясняется тем, что виной всему был «хромой бес».

Думается, что и согласие Аркадия, который, несомненно, любил своего отца, на «тихое» венчание, служит еще одним неоспоримым доказательством того, что история Николая Петровича и Фенечки устраивала всех. И каж-

дого – по-своему, по каким-то важным для них мотивам, что в конечном итоге обеспечивало основу для дальнейшего сохранения незабываемого существующего положения вещей.

И история Анны Сергеевны Одинцовой, вторично вышедшей замуж по расчету, служит лучшим тому подтверждением, ибо чрезвычайно рельефно подчеркивает истинный характер устремленности персонажей романа,

на, вполне естественно нацеленных на собственное благополучие.

Итак, смысл образа Николая Петровича Кирсанова в системе действующих лиц романа Тургенева «Отцы и дети» заключается в том, что благодаря противоречивости этого персонажа книга получает дополнительный пронзительно-человеческий импульс, который обеспечивает бессмертию творению гениального русского писателя.

Литература

Амфитеатров, А. В. Собрание сочинений : в 37 томах. Т. 18: Дьявол: Дьявол в быте, легенде и в литературе Средних веков / А. В. Амфитеатров. – Санкт-Петербург : Просвещение, 1913. – 404 с.

Бельская, А. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: одоризм как средство создания женских образов романа / А. А. Бельская // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2 (71). – С. 78–87.

Беляева, И. А. Сюжет романа Ивана Тургенева Отцы и дети в свете художественной танатологии писателя / И. А. Беляева // Slavica Wratislaviensia. – 2018. – № 167. – С. 123–132.

Беляева И. А. (2) Творчество Тургенева: фаустовские контексты / И. А. Беляева. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 248 с.

Гимранова, Ю. А. Тургеневский интертекст в постмодернистской прозе конца XX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гимранова Ю. А. – Пермь, 2018.

Давыдова, В. Образ Николая Петровича Кирсанова в романе «Отцы и дети»: описание внешности и характера в цитатах / В. Давыдова. – URL: <https://r-book.club/russian-classics/ivan-turgenev/otcy-i-deti-obraz-nikolaja-retrovicha-kirsanova.html> (дата обращения: 25.04.2021). – Текст : электронный.

Коньшев, Е. М. Христианские мотивы в творчестве Тургенева / Е. М. Коньшев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 175–186.

Кофман, А. Ф. «Отцы и дети» как философский роман / А. Ф. Кофман // Тургеневские чтения. – 2018. – Вып. 7. – С. 126–140.

Ленхобоева, Т. Р. Рецепция романов И. С. Тургенева в отечественном и англоязычном литературоведении 2-й половины XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленхобоева Т. Р. – Улан-Удэ, 2013.

Мальшева, Н. М. И. С. Тургенев в критике и литературоведении конца XIX – начала XX века : дис. ... канд. филол. наук / Мальшева Н. М. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1984. – 265 с.

Маркович, В. М. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 гг. / В. М. Маркович // Тургенев И. С. Отцы и дети. – Ленинград : Наука, 2008. – С. 507–540.

Минина, С. П. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в рецепции и литературно-критической интерпретации Людвиг Пича / С. П. Минина // Тургеневские чтения. – 2009. – Вып. 4. – С. 79–89.

Набоков, В. Лекции по русской литературе. Иван Тургенев (1818–1883) / В. Набоков. – URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/turgenev.htm> (дата обращения: 17.04.2021). – Текст : электронный.

Оляндэр, Л. К. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в аналитическом дискурсе О. В. Богдановой (О дискурсе первой части статьи) / Л. К. Оляндэр // Вісник університету імені Альфреда Нобеля. – 2018. – № 1 (15). – С. 29–37.

Полтавец, Е. Ю. «Отец» и «дети» в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети»: к вопросу о смысле названия / Е. Ю. Полтавец // Тургеневские чтения. – 2009. – Вып. 4. – С. 56–78.

Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике : сб. статей / сост., автор вступ. ст. и коммент. И. Н. Сухих. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. – 384 с.

Свердлов, М. Русский канон в эпоху реализма / М. Свердлов. – URL: <https://magisteria.ru/rus-lit-prose-19/fathers-and-sons-1> (дата обращения: 25.04.2021). – Текст : электронный.

Сергиенко, И. В. В. Набоков – литературовед и преподаватель литературы (На материале лекций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Сергиенко И. В. – Ставрополь, 2016.

Степанов, Е. Г. Романы И. С. Тургенева в русской повествовательной литературе 1850-х – начала 1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Степанов Е. Г. – Москва, 2006.

Тарасов, Б. Ю. Россия крепостная. История народного рабства / Б. Ю. Тарасов. – Москва : Вече, 2011. – 320 с. Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Харьков : Фолио, 2013. – 218 с.

Фокин, П. Е. Тургенев без глянца / П. Е. Фокин. – URL: <https://biography.wikireading.ru/229969> (дата обращения: 24.04.2021). – Текст : электронный.

Фурат, К. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» в историко-функциональном освещении : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фурат К. – Москва, 2016.

References

Amfiteatrov, A. V. (1913). *Sobranie sochinenii: v 37 tomakh* [The Collected Works, in 37 vols.]. Vol. 18: D'yavol: D'yavol in byte, legend and in literature Srednikh vekov. Saint-Petersburg, Prosveshchenie. 404 p.

Штейнбук Ф. М. Образ Николая Кирсанова в системе действующих лиц романа И. Тургенева «Отцы и дети»

Bel'skaya, A. A. (2016). «Ottsy i deti» I. S. Turgenyeva: odorizm kak sredstvo sozdaniya zhenskikh obrazov romana ["Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev: Odorism as a Means of the Creation of Female Images of the Novel]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (71), pp. 78–87.

Belyaeva, I. A. (2018 (2)). *Tvorchestvo Turgenyeva: faustovskie konteksty* [The Literary Works by Turgenyev: Faust's Contexts]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 248 p.

Belyaeva, I. A. (2018). Syuzhet romana Ivana Turgenyeva Ottsy i deti v svete khudozhestvennoi tanatologii pisatelya [The Plot of the Novel by Ivan Turgenyev Fathers and Sons in the Context of the Writer's Artistic Tanatology]. In *Slavica Wratislaviensia*. No. 167, pp. 123–132.

Davydova, V. *Obraz Nikolaya Petrovicha Kirsanova v romane «Ottsy i deti»: opisaniye vneshnosti i kharaktera v tsitatakh* [The Image of Nikolai Petrovich Kirsanov in the Novel "Fathers and Sons": the Description of Appearance and Character in the Quotations]. URL: <https://r-book.club/russian-classics/ivan-turgenyev/otcy-i-deti-obraz-nikolaja-petrovicha-kirsanova.html> (mode of access: 25.04.2021).

Fokin, P. E. *Turgenyev bez glyantsa* [Turgenyev without Gloss]. URL: <https://biography.wikireading.ru/229969> (mode of access: 24.04.2021).

Furat, K. (2016). *Roman I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti» v istoriko-funksional'nom osveshchenii* [The Novel by I. S. Turgenyev "Fathers and Sons" in the Historical and Functional Context]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow.

Gimranova, Yu. A. (2018). *Turgenyevskii intertekst v postmodernistkoi proze kontsa XX – nachala XXI vekov* [Turgenyev's Intertext in the Postmodernism Prose in the End of the XX – Beginning of the XXI Centuries]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Perm.

Kofman, A. F. (2018). «Ottsy i deti» kak filosofskii roman ["Fathers and Sons" as a Philosophical Novel]. In *Turgenyevskie chteniya*. No. 7, pp. 126–140.

Konyshchev, E. M. (2008). Khristianskie motivy v tvorchestve Turgenyeva [The Christian Motifs in the Works of Turgenyev]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo universiteta*. No. 1, pp. 175–186.

Lenkhoboeva, T. R. (2013). *Retseptsiya romanov I. S. Turgenyeva v otechestvennom i angloyazychnom literaturovedenii 2-i poloviny XX veka* [The Reception of the Novels by I. S. Turgenyev in the National and English Literary Studies in the 2nd Half of the XX Century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude.

Malysheva, N. M. (1984). *I. S. Turgenyev v kritike i literaturovedenii kontsa XIX – nachala XX veka* [I. S. Turgenyev in Critics and Literary Studies in the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. Dis. ... kand. filol. nauk. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 265 p.

Markovich, V. M. (2008). Roman I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti» v otechestvennom literaturovedenii 1952–2006 gg. [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev in the National Literary Studies in 1952–2006]. In *Turgenyev I. S. Ottsy i deti*. Leningrad, Nauka, pp. 507–540.

Minina, S. P. (2009). Roman I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti» v retseptsii i literaturno-kriticheskoj interpretatsii Lyudviga Picha [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev in the Reception and Literary Critical Interpretation of Ludwig Pich]. In *Turgenyevskie chteniya*. No. 4, pp. 79–89.

Nabokov, V. *Lektsii po russkoi literature. Ivan Turgenyev (1818–1883)* [Lectures on Russian Literature. Ivan Turgenyev (1818–1883)]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/lekcii-po-russkoj-literature/turgenyev.htm> (mode of access: 17.04.2021).

Olyander, L. K. (2018). Roman I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti» v analiticheskom diskurse O. V. Bogdanovoi (O diskurse pervoi chasti stat'i) [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev in the Analytical Discourse of O. V. Bogdanova (On Discourse of the First Part of the Article)]. In *Visnyk universitetu imeni Al'freda Novelya*. No. 1 (15), pp. 29–37.

Poltavets, E. Yu. (2009). «Otets» i «deti» v romane I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti»: k voprosu o smysle nazvaniya ["The Father" and "Sons" in the Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev: on the Problem of the Title Meaning]. In *Turgenyevskie chteniya*. No. 4, pp. 56–78.

Sergienko, I. V. (2016). *V. V. Nabokov – literaturoved i prepodavatel' literatury (Na materiale lektsiy)* [V. V. Nabokov – a Literary Scholar and a Teacher of Literature (On the Lectures Materials)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol'.

Stepanov, E. G. (2006). *Romany I. S. Turgenyeva v russkoi povestvovatel'noi literature 1850-kh – nachala 1860-kh godov* [The Novels by I. S. Turgenyev in the Russian Narrative Literature in the 1850-s – the Beginning of the 1860-s]. Avtoref. dis. ... kand. folol. nauk. Moscow.

Sukhikh, I. N. (Ed.). (1986). *Roman I. S. Turgenyeva «Ottsy i deti» v russkoi kritike* [The Novel "Fathers and Sons" by I. S. Turgenyev in Russian Critics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 384 p.

Sverdlov, M. *Russkii kanon v epokhu realizma* [The Russian Canon in the Epoch of Realism]. URL: <https://magisteria.ru/rus-lit-prose-19/fathers-and-sons-1> (mode of access: 25.04.2021).

Tarasov, B. Yu. (2011). *Rossiya krepostnaya. Istoriya narodnogo rabstva* [Serf Russia. The History of Common Folk Serfdom]. Moscow, Veche. 320 p.

Turgenyev, I. S. (2013). *Ottsy i deti* [Fathers and Sons]. Kharkov, Folio. 218 p.

Данные об авторе

Штейнбук Феликс Маратович – доктор филологических наук, профессор кафедры русистики и восточноевропейских исследований Университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия).

Адрес: 81499, Словакия, г. Братислава, площадь Шафарика, 6.

E-mail: feliks.shteinbuk@uniba.sk.

Author's information

Shteinbuk Feliks Maratovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and East European Studies of Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia).

СИНТЕЗ КОНЦЕПЦИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Boris Yu. Norman¹

Belarusian State University, Minsk

Mikhail Yu. Mukhin²

Ural Federal University, Ekaterinburg

INTERDISCIPLINARY TRENDS OF MODERN LINGUISTICS

The active development of interdisciplinary research methods in linguistics began in the mid 20th century. Common interests with sociology, psychology, philosophy and other disciplines brought about the emergence of new conceptions and research areas. Anyway, linguistics, the same as philology in general, is known to originate from philosophy as a more general humanities discipline. In recent decades, efficient interaction between linguistics and informatics has become a salient interdisciplinary phenomenon. On the one hand, scholars have received programs for sound processing, database management systems, and tools for designing automatic speech analysis and synthesis. On the other hand, the findings of theoretical linguistics have turned out to be utterly urgent for communication modeling in information systems, and such vanguard research areas as machine translation, information search, and computer assisted learning have determined the narrow interpretation of interdisciplinarity in linguistics as sharing a common field of research with information technologies and not any other area of knowledge.

Corpus linguistics is a most important “driver” of the modern linguistic thought. This academic school is over sixty years old, but its influence upon socio-humanitarian research became really evident in the 1990s. Today, the development of not only linguistics but also various academic and applied spheres, interested in large text databases, is impossible without involving corpora. On the background of development of “classical” corpus databases one can witness the creation of new semantically-commented, multimedia parallel corpora and projects with hierarchical mark-up on the level of the phrase, discourse, etc., which can be considered new trends of corpus linguistics. The analytical potential of modern corpora is determined by linguistic, chronological and functional-textual mark-up parameters, and even traditional philological studies have usually included elements of “statistical corpus graphics”: schemes, graphs, diagrams, tables, etc.

The sophistication of corpus-based methods is closely associated with the new spiral of development of stylometry – a discipline presup-

¹ Boris Justinovich Norman, Guest Editor, Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University.

² Mikhail Yurievich Mukhin, Guest Editor, Doctor of Philology, Professor of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Ural Federal University.

posing performance of computer assisted text modeling. With reference to the study of works of fiction, stylometry can be understood as a kind of new philology. Without rejecting traditional philological achievements, stylometry works out methods that make it possible to explore multiple textual phenomena, which can be overlooked in usual (even professional) reading of a work of fiction. This is true about the lexical and grammatical composition of the texts and the combinability of its elements – up to letters and other graphic signs.

New vectors can be seen in the further development of socio- and psycholinguistic research. Today, language, text and corpus materials provide multiple opportunities to investigate psychological issues of the person, the dynamics of developmental change and to monitor cognitive processes. Application of experimental methods, which allow modeling the conditions of emergence of a language fact attracting scholarly attention, is an undisputable advantage of psycholinguistic studies. Language and social conflict management, exploration of speech mechanisms in the development of various diseases, developmental specificity of cognitive structures, use of eye tracking technologies (measuring eye movement) and virtual reality to study text perception, psycho- and sociolinguistic characteristics of social networking site users are only some instances of the issues solved at the intersection of socio-humanitarian and natural disciplines. Social media provide constant sources of big data and this peculiarity has become more salient since the onset of the pandemic – the moment of significant qualitative and quantitative change in electronic communication.

The present-day research interest in the problems of connection between language and culture (material and spiritual) is not arbitrary: it has manifested itself more vividly in the ideas of cognitive linguistics, linguoculturology, studies of “conceptosphere” and “linguistic worldview”, etc. In all these cases, we come across boundary intermediate phenomena, which enrich our total knowledge about man.

Thus, interdisciplinary linguistics can explore synthetic material (both textual and multimedia), correlate linguistic and art graphics, and study interaction between various semiotic systems and transformation of information while transferring

from one system into another. Such is, for instance, the specificity of text transformation under various discourse conditions (fiction prose – scenario – screenplay – transcript), the problem of reflection of spontaneous oral speech in a written (including fiction) text, specificity of interaction of speech and gestures, etc. In other words, modern linguistics sets the tasks to explore sophisticated complex objects, the study of which needs additional methodological resources.

On the background of such opportunities, researchers are also faced with the basic problem of unchangeability and stability of the linguistic apparatus in the epoch of interdisciplinary methods. Isolation and heterogeneity of scholarly-practical vectors and the abundance of interdisciplinary ties raise the question of returning to a holistic and self-sufficient methodology and opposing blurring linguistic objects. Unfortunately, representatives of related fields, who do not have basic philological education, often carelessly use modern linguistic resources and, as a result, make wrong conclusions, which may compromise linguistic methods in the eyes of the non-professional community.

Nevertheless, looking for new research paradigms and keeping in touch with related spheres, linguistics has not lost its object of investigation. Both classical sources (text, dictionary, grammar) and modern resources (corpus, electronic thesaurus, search system) contribute to the situation when linguistic research becomes more objective and precise in the description of various forms of communication.

This section of the journal *Philological Class* presents interdisciplinary opportunities of the modern theory of language, which are realized on the borderline between linguistics and other humanitarian and natural scientific spheres of knowledge.

The article by B. Yu. Norman (Belarusian State University, Minsk) proceeds from the assumption about the presence in the native speaker's mind of a cognition about a syntactical “optimum” that allows using the linguistic units to maximum advantage to achieve a certain communicative effect: it is a unity of intuitive (“naïve”) knowledge about the parameters of the sentence, organization of its structure, rules of correspondence of lexical and grammatical meanings, etc. Deviations from this optimum,

manifested in a higher frequency of speech realization of a certain phenomenon, can become separate objects of not only scholarly research but of fiction text parody as well. The linguistic problems touched upon (word order, unmotivated ellipsis, parcellation, etc.) are interwoven with those of literary studies (parody as a genre) and psychological analysis (saliency, i.e. identifiability including cases in which it is not based on opposition).

The article by E. Yu. Protasova (The University of Helsinki, Finland) deals with analysis of polycode structures found in advertisements and signs displayed in various regions of Russia. On the one hand, the modern linguistic landscape should demonstrate features of multiculturalism – especially in such a multinational country as Russia. On the other hand, statistically reliable research material (several thousand photos) shows that the signs collected in various regions do not reflect the real language skills of their regional native speakers. The native language skills suffer from the influence of the state language of the Russian Federation and the specific impact of the English-language (and in some regions Chinese-language) culture. At the same time, the material reflects the life priorities of common people and their everyday and cultural needs. Specifically, the author draws a conclusion that the creation of polylinguistic (hybrid) graphic constructs can be considered a tool and index of internationalism and cultural diversity, especially if a large number of various ethnic groups live side by side in one and the same country.

The study of media text by E. N. Basovskaya (Russian State University for the Humanities, Moscow) and T. A. Vorontsova (Chelyabinsk State University, Chelyabinsk) looks at the correlation of phatic and informational components in professional and user-written movie reviews and comments. The scholars are interested to know if it is possible to reduce the “information density” of the utterance via enhancing the means of establishing and keeping contact with the reader-interlocutor or how to imitate real communication by means of a media text. Their analysis shows that the authors of reviews and comments solve the problem of keeping in touch with virtual addressees by various means – for example, precedent phenomena, different methods of self-presentation, vi-

vid stylistic devices (irony, etc.) – and thus effect communicative tuning in to “their” interlocutor. The authors arrive at a conclusion that the enhancement of the phatic component in the text leads to a certain information diversification and activation of communication with “their own reader”. Such a communication is similar to a conversation on a train, when the process of communication itself turns out to be more important than the information goals.

A. V. Kolmogorova (Siberian Federal University, Krasnoyarsk) carries out a study targeted at formalized identification (“detection”) of emotional dominants in the texts of social networking sites users. Emotive semantics modeling allows organizing computer assisted learning with the view of automation of recognition of the emotive constituent of the text. The article considers the issues of the difference in degree of formalization regarding various emotions (sadness, joy, anger, surprise, shame, etc.), which influences the effectiveness of computer assisted learning. And specifically, juxtaposed are texts in which we can detect manifestations of sadness and anger: sadness can hardly be recognized automatically, whereas anger, on the contrary, is detected rather well. The study employs crowdsourcing to create the initial database of emotive features; control tests were offered to two thousand informants, whose opinions formed the basis for further computer assisted learning. The author formulates social scenarios of prototypical experiencing emotions and actually suggests new technologies of lexico-semantic analysis.

The article by M. V. Kopotev (The University of Helsinki, Finland; Higher School of Economics, Saint Petersburg) defines the role of corpus linguistics in the solution of various problems of modern philology. The author characterizes various kinds of corpus analysis: *corpus-informed analysis* actually performs the illustrating research function; *corpus-based analysis* presupposes interpretation of statistical data; *corpus-driven analysis* leads to the classification of linguistic phenomena that seems to be performed without the researcher – an interpreter of large data arrays. The author makes conclusions about the contribution of corpus linguistics to the development of the general theory of language emphasizing the conventional nature of the modern dichotomy of language and speech. Investigation of speech

as a special kind of activity is of utmost importance for linguistics. In the first place, it does not focus on modeling the rules of interaction of linguistic units, but concentrates on the parameters of their usage “constituting an uninterrupted continuum”.

The study carried out by M. Yu. Mukhin and N. Yu. Mukhin (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg) implements corpus stylometric methodology with reference to lexical combinability in the Russian prose of the 19th century. The article suggests a model of comparison of the peculiarities of authored syntagmatics, consisting of specific units – lexical bigrams – comprising two words used in a common phrasal context. The aim of the study is to systematize original authored word combinations typical of the creative activity of L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevskiy, A. P. Chekhov, I. S. Turgenev and I. A. Goncharov. Such examples as “*oblokotit’ golovu*” (L. N. Tolstoy),

“*blagodarnye glaza*” (A. P. Chekhov) or “*nervicheskiy chelovek*” (I. S. Turgenev) are singled out with the help of lexico-statistical comparison of bigrams incorporating a word often used by all authors (*golova, glaza, chelovek*, etc.). The authors present their syntagmatic model as a systematized set of such word combinations which are found in the works of fiction of one writer and are not typical of other writers. The article combines findings in the field of linguistics, literary studies, statistics and personology (personal psychology). In terms of further research, the material can be presented as a unique writers’ syntagmatic dictionary.

The common aspects of the articles included in this section show that the ideas of building bridges between different scientific paradigms “are in the air”. We believe that the main interdisciplinary trends of modern linguistics consist in the study of synthetic objects, extralinguistic dimensions and the interpretation of big data in order to solve traditional and novel problems.

Борис Юстинович Норман¹

Белорусский государственный университет, Минск

Михаил Юрьевич Мухин²

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ТРЕНДЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Развитие междисциплинарных методов в лингвистике активно началось в середине прошлого века. Общие интересы с социологией, психологией, философией и другими науками стали причиной появления новых концепций и научных направлений. Впрочем, лингвистика и в целом филология, как известно, зародились в свое время в недрах философии как наиболее общей гуманитарной науки. В последние десятилетия очевидным междисциплинарным феноменом стало эффективное взаимодействие лингвистики и информатики. С одной стороны, гуманита-

рии получили программы обработки звука, системы управления базами данных, средства разработки автоматического анализа и синтеза речи. С другой стороны, данные теоретической лингвистики оказались крайне востребованными при моделировании коммуникации в информационных системах, и такие флагманские направления, как машинный перевод, информационный поиск, машинное обучение, определили узкое понимание междисциплинарности в лингвистике как пересечения именно с информационными технологиями.

¹ Борис Юстинович Норман, приглашенный редактор, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет.

² Михаил Юрьевич Мухин, приглашенный редактор, доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, Уральский федеральный университет.

Важнейшим «драйвером» современной лингвистической мысли является корпусная лингвистика. Этому направлению уже более шестидесяти лет, однако его влияние на социогуманитарные исследования в полной мере проявилось начиная с 90-х годов XX в. Сегодня без привлечения корпусов немыслимо развитие не только языкознания, но и самых разных академических и прикладных сфер, проявляющих интерес к большим текстовым данным. На фоне совершенствования уже «классических» корпусных баз трендами развития корпусной лингвистики можно считать создание новых семантически аннотированных, мультимедийных, параллельных корпусов, проектов с иерархической разметкой на уровне фразы и дискурса и т. д. Аналитические возможности современных корпусов определяются лингвистическими, хронологическими и функционально-текстовыми параметрами разметки, и даже в филологические исследования, которые осуществляются в традиционном ключе, принято включать элементы «статистической корпусной графики»: схемы, графики, диаграммы, таблицы и т. п.

С развитием корпусных методов тесно связан новый виток развития стилеметрии (или стилеметрии) – направления, предполагающего проведение компьютерного моделирования текста. В применении к изучению литературных произведений стилеметрию в определенном смысле можно понимать как новую филологию. Не отвергая традиционные филологические достижения, стилеметрия разрабатывает методы, позволяющие исследовать множественные текстовые явления, которые не всегда заметны при обычном (даже профессиональном) прочтении художественного произведения. Это касается лексического и грамматического состава текстов и сочетаемости его элементов – вплоть до букв и других графических знаков.

Новые векторы можно видеть в дальнейшем развитии социо- и психолингвистических исследований. Языковой, текстовый и корпусный материал дает сегодня богатые возможности для исследования психологических проблем личности, динамики возрастных изменений и мониторинга когнитивных процессов. Несомненным достоинством психолингвистических штудий является применение экс-

периментальных методик, которые позволяют смоделировать условия появления языкового факта, интересующего ученого. Язык и управление социальными конфликтами, изучение механизмов речи при развитии различных болезней, возрастные особенности когнитивных структур, применение технологий айтрекинга (отслеживания движения глаз) и виртуальной реальности для изучения восприятия текста, психо- и социолингвистическая характеристика пользователей социальных сетей – это только некоторые примеры проблем, решаемых на стыке социогуманитарных и естественных наук. Социальные медиа являются постоянными источниками больших данных, и особенно этот материал стал заметен с началом пандемии – в момент значительных качественных и количественных изменений в электронной коммуникации.

Не случаен и нынешний исследовательский интерес к проблемам связи языка и культуры (материальной и духовной): он наиболее явно обнаружил себя в идеях когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, изучения «концептосферы» и «языковой картины мира» и т. д. Во всех случаях мы имеем дело с пограничными, промежуточными явлениями, которые обогащают сумму наших знаний о человеке.

Междисциплинарная лингвистика способна, таким образом, рассматривать синтетический материал – текстовый и мультимедийный, – соотносить лингвистическую и художественную графику, исследовать взаимодействие разных знаковых систем и преобразование информации при переходе из одной системы в другую. Таковы, например, специфика изменения текста в разных дискурсивных условиях (художественная проза – сценарий – кинотекст – транскрипт), проблема отображения устной спонтанной речи в письменном (в том числе художественном) тексте, специфика взаимодействия речи и жестов и др. Иначе говоря, современная лингвистика ставит задачи исследования сложных, комплексных объектов, для которого явно недостаточно резервов традиционной методологии.

На фоне таких возможностей перед исследователями возникает и базовая проблема неизменности, стабильности аппарата лингвистики в эпоху развития междисциплинар-

ных методов. Разрозненность и разнородность научно-практических векторов, обилие междисциплинарных связей ставит вопрос о возвращении к цельной и самодостаточной методологии и борьбе с размыванием лингвистических объектов. К сожалению, нередко представители смежных областей, не обладающие базовым филологическим образованием, неряшливо используют современные лингвистические ресурсы и в итоге приходят к неверным выводам, что может компрометировать лингвистические методы в глазах профессионального сообщества.

Однако в поиске новых научных парадигм и во взаимодействии со смежными сферами языкознание не утратило своего предмета. И классические источники (текст, словарь, грамматика), и современные ресурсы (корпус, электронный тезаурус, поисковая система) способствуют тому, что лингвистическое исследование становится более объективным и точным в описании различных форм речевой коммуникации.

В рубрике журнала «Филологический класс» представлены междисциплинарные возможности современной науки о языке, которые реализуются на стыке лингвистики и других гуманитарных и естественнонаучных сфер.

В статье Б. Ю. Нормана (Белорусский государственный университет, Минск) исходным является положение о содержащемся в сознании носителя языка представлении о синтаксическом «оптимуме», позволяющем наиболее результативно использовать языковые единицы для достижения коммуникативного эффекта: это совокупность интуитивных («наивных») знаний о параметрах предложения, организации его структуры, правилах соответствия лексических и грамматических значений и т. д. Отклонения от этого оптимума, проявляющиеся в повышенной частоте речевого употребления того или иного явления, могут становиться самостоятельными объектами не только научного исследования, но и пародирования в художественном тексте. Затрагиваемые лингвистические проблемы (порядок слов, немотивированный эллипсис, парцелляция и др.) перекликаются в статье с проблемами литературоведческими (пародия как жанр) и психологическими (са-

лиентность, т. е. выделимость, в том числе не основанная на оппозитивном характере).

Статья Е. Ю. Протасовой (Хельсинкский университет, Финляндия) посвящена анализу поликодовых структур, которые обнаруживаются в рекламе и вывесках, размещенных в разных регионах России. С одной стороны, современный лингвистический ландшафт должен проявлять признаки мультикультурализма – тем более в такой многонациональной стране, как Россия. С другой стороны, объемный материал исследования (несколько тысяч фотографий) показывает, что надписи, собранные в различных регионах, не отражают реального владения языками их региональных носителей. Знание собственного языка уступает влиянию государственного языка Российской Федерации, а также специфическому воздействию англоязычной (а в некоторых регионах – китайской) культуры. В то же время в материале проявляются жизненные приоритеты обычных людей, их бытовые и культурные потребности. Автор, в частности, делает вывод о том, что создание полиязыковых (гибридных) графических конструкторов может расцениваться как инструмент и показатель интернациональности и культурного разнообразия, особенно если большое количество различных этнических групп проживает рядом в одной стране.

В своем исследовании медиатекста Е. Н. Басовская (Российский государственный гуманитарный университет, Москва) и Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет) рассматривают соотношения фатического и информационного компонентов в профессиональных и пользовательских кинорецензиях и отзывах. Ученые задаются вопросами о возможном уменьшении «информационной плотности» высказывания за счет усиления средств контактирования с собеседником-читателем, а также о предполагаемой имитации настоящего общения средствами медиатекста. Анализ материала показывает, что авторы рецензий и отзывов решают задачу контакта с виртуальными адресатами с помощью различных средств – например, прецедентных феноменов, различных способов самопрезентации, ярких стилистических приемов (иронии и т. п.) – и осуществляют таким образом коммуникативную

настройку на «своего» собеседника. Авторы приходят к выводу, что усиление фатического компонента в тексте приводит к определенной информационной диверсификации и активизации коммуникации со «своим читателем». Такая коммуникация уподобляется разговору в поезде, когда сам процесс общения оказывается важнее информационных целей.

А. В. Колмогорова (Сибирский федеральный университет, Красноярск) проводит исследование по формализованному выявлению («детектированию») эмоциональных доминант в текстах пользователей социальных сетей. Моделирование эмотивной семантики дает возможность проведения машинного обучения на предмет автоматизации распознавания эмотивной составляющей текста. Рассматриваются вопросы о разнице в степени формализации различных эмоций (грусть, радость, гнев, удивление, стыд и др.), которая влияет на эффективность машинного обучения. В частности, на разных полюсах оказываются тексты, в которых можно детектировать проявления грусти и гнева: грусть автоматически распознается плохо, а гнев, наоборот, хорошо. В исследовании задействован краудсорсинг – для создания первоначальной базы эмотивных признаков контрольные тексты были предложены двум тысячам информантов, чье мнение сформировало основу для последующего машинного обучения. Автор формулирует социальные сценарии прототипического переживания эмоций и фактически предлагает новые технологии лексико-семантического анализа.

В статье М. В. Копотева (Хельсинкский университет, Финляндия; Высшая школа экономики, Санкт-Петербург) определяется роль корпусной лингвистики в решении различных задач современной науки. Автор дает характеристику различным видам корпусного анализа: анализ, использующий корпус (*corpus-informed analysis*), по сути выполняет иллюстративно-исследовательскую функцию; анализ, основанный на корпусе (*corpus-based analysis*) предполагает интерпретацию статистических данных; анализ, направляемый корпусом (*corpus-driven analysis*), приводит к классификации языковых явлений, проведенной как бы без участия исследователя – интерпретатора полученных больших данных. Автор делает выводы о вкладе корпусной

лингвистики в развитие языкознания, указывая на условность современного разделения языка и речи. Наиболее важным для лингвистики оказывается изучение речевой деятельности, первым делом предполагающее не моделирование правил взаимодействия языковых единиц, а описание параметров их употребления, «представляющих собой единый континуум».

Исследование, проведенное М. Ю. и Н. Ю. Мухиными (Уральский федеральный университет, Екатеринбург), реализует корпусную стилометрическую методологию в применении к лексической сочетаемости в русской прозе XIX века. В статье предлагается модель сопоставления особенностей авторской синтагматики, единицей которой является лексическая биграмма – два слова, употребленные в одном фразовом контексте. Целью исследования является систематизация оригинальных авторских сочетаний, характерных для творчества Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова. Такие примеры, как «облокотить голову» (Л. Н. Толстой), «благодарные глаза» (А. П. Чехов) или «нервический человек» (И. С. Тургенев) выявлены с помощью лексико-статистического сопоставления биграмм, в которые входит слово, часто используемое всеми авторами (*голова, глаза, человек* и т. п.). Авторскую синтагматическую модель исследователи видят как систематизированный набор таких сочетаний, которые встречаются в разных произведениях одного автора и при этом не характерны для других писателей. Статья объединяет в себе наработки в области языкознания, литературоведения, статистики и персонологии (психологии личности). В перспективе – представление этого материала в формате специализированного авторского синтагматического словаря.

Перекличка между статьями, представленными в этой рубрике, показывает, что идеи пересечения разных научных парадигм «носятся в воздухе». Рассмотрение синтетических объектов, предполагающее выход в экстралингвистические измерения, и использование больших данных для решения традиционных и новаторских задач – в этом мы видим главные междисциплинарные тренды современной лингвистики.

СИНТАКСИС КАК ОБЪЕКТ ПАРОДИИ

Норман Б. Ю.

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

А н н о т а ц и я . В сознании носителя языка содержится представление о синтаксическом «оптimumе», позволяющем наиболее результативно использовать языковые единицы для достижения коммуникативного эффекта. Это совокупность интуитивных («наивных») знаний о параметрах предложения, организации его структуры, правилах соответствия лексических и грамматических значений и т. д. Отклонения от этого оптимума могут становиться самостоятельными объектами не только научного исследования, но и пародирования в художественном тексте. В статье анализируется проблема, лежащая на стыке языкознания, литературоведения и психологии: какие синтаксические особенности оригинального текста педалируются, гиперболизируются в пародии? Анализируются многочисленные примеры из русской художественной литературы, на основании которых делается заключение о метаязыковой значимости тех или иных особенностей строения текста. Специальному (сплошному) анализу подверглись сборники литературных пародий (А. Архангельского, А. Иванова и др.). Были выявлены следующие синтаксические явления, послужившие объектом и поводом для их отражения в пародии: а) излишняя длина предложения; б) искусственное усложнение его структуры, в том числе за счет цепочек последовательного подчинения, однородных членов, обилия эпитетов и др.; в) абсолютизация элементов устной, канцелярской и прочей иностилевой речи, в том числе «телеграфный стиль»; г) нарушение правила изосемии; д) нереализованность обязательных синтаксических валентностей (немотивированный эллипсис); е) отрыв от предложения его части (парцелляция) и др. Данные явления, используемые систематически, получают лингвopsихологическую характеристику салиентности (выделимости на общем фоне). Результатом исследования является создание перечня синтаксических фактов, которые приобретают в художественном произведении роль вторичных знаков, наряду с прочими стилистическими категориями. Такой список, с одной стороны, призван служить сближению научной («академической») и массовой («школьной») грамматики, а, с другой стороны, представляет интерес для экспериментальной психологии, исследующей проблемы восприятия и понимания текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а : синтаксис; пародии; структура предложения; связность текста; художественные тексты; изосемия; эллипсис; парцелляция; салиентность.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02. А03.21.0006.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Норман, Б. Ю. Синтаксис как объект пародии / Б. Ю. Норман. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 40–51. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-03.

SYNTAX AS AN OBJECT OF PARODY

Boris Ju. Norman

Belarusian State University (Minsk, Belarus)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

A b s t r a c t . In the mind of the native speaker, there is an idea of the syntactic “optimum”, which allows them to use linguistic units most effectively to achieve a desired communicative effect. It contains a set of pieces of intuitive (“naïve”) knowledge about the parameters of the sentence, the organization of its structure, the rules of correspondence of lexical and grammatical meanings, etc. Deviations from this optimum can become independent objects of not only scholarly research, but also parody in a literary text. The article analyzes the problem lying on the borderline between linguistics, literary criticism and psychology: What syntactic features of the original text are enhanced or hyperbolized in parody? Analysis of numerous examples from Russian fiction allows the author to make a conclusion about the metalinguistic significance of certain features of the structure of the text. Collections of literary parodies (by A. Arkhangelsky, A. Ivanov, etc.) were subject to a special (continuous) analysis. The following syntactic phenomena were identified as the object and reason for their reflection in the parodies: a) excessive length

f the sentence; b) artificial complication of its structure, specifically by means of chains of consecutive subordination, homogeneous members, abundance of epithets, etc.; c) absolutization of elements of oral, official and other speech styles, including the “telegraph style”; d) violation of the isosemy rule; e) non-realization of obligatory syntactic valency (unmotivated ellipsis); f) separation from the sentence of its part (parcellation), etc. These phenomena, used systematically, obtain a linguo-psychological characterization of salience (identifiability against the general background). As a result of the study, the author made up a list of syntactic facts that acquire the role of secondary signs in a work of fiction, along with other stylistic categories. Such a list, on the one hand, is intended to serve the convergence of scholarly (“academic”) and mass (“secondary school”) grammar, and, on the other hand, is of interest to experimental psychology, which studies the problems of perception and comprehension of the text.

Key words: syntax; parodies; sentence structure; text cohesion; literary texts; isosemy; ellipsis; parcellation; salience.

Acknowledgments: the study is accomplished with financial support of Act 211 of the Government of the Russian Federation, contract No. 02.A03.21.0006.

For citation: Norman, B. Ju. (2021). Syntax as an Object of Parody. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 40–51. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-03.

1. Введение:

Синтаксис в обыденном сознании

Синтаксис включает в себя описание грамматических классов слов (объединяемых их функцией в речи), а также правил, по которым представители этих классов соединяются, образуя связный текст. Ядерная, центральная часть синтаксиса – это совокупность структурных схем (моделей), по которым строятся речевые единицы – высказывания.

Все эти характеристики синтаксиса закреплены в грамматиках и учебниках. Но кроме зафиксированных (узаконенных) правил построения предложения, для носителя языка существуют еще некоторые рекомендации, имеющие нежесткий характер. Присутствуя в его сознании, они касаются расположения слов (прямой порядок слов лучше, чем обратный), воплощения подчинительной связи (контактная лучше, чем дистантная), выражения синтаксической функции (морфологизованное выражение лучше, чем неморфологизованное) и т. п. Это, по сути, тоже правила, но они имеют вероятностно-статистическую природу: «чаще так, чем иначе». Такая интуитивная или, по выражению Л. О. Чернейко, «нематематизированная статистика» [Чернейко 2020: 141] составляет важнейшее осно-

вание тактических ходов речевой деятельности.

Это означает, что объективно существует некоторое оптимальное синтаксическое устройство текста, обеспечивающее адекватное и быстрое восприятие и понимание высказываний. Можно подсчитать некую среднюю длину предложения в словах (и простого предложения, и сложного) [Лескис 1968]. Можно выявить наиболее типичные способы выражения пространственных, временных, причинных и иных значений [Всеволодова, Яценко 1988; Всеволодова, Владимирский 2008 и др.]. Опубликован словарь типов глагольного управления [Бабенко 2002]. Существуют попытки представить функциональную нагрузку разных предложно-падежных форм [Золотова 1988] или оценить значимость в тексте различных синтаксических фигур (хиазма, параллелизма, инверсии и т. д.) [Синтаксические фигуры 2007]. Многие из этих проблем проходят в языкознании по ведомству «Стилистика синтаксических конструкций», см. сборники: [Синтаксис и норма 1974; Синтаксис и стилистика 1976 и др.].

Но важно, что представление о синтаксическом «оптимуме» неявно содержится и в сознании рядового носителя языка. Обы-

денный, или «наивный» синтаксис является частью того массового представления о средстве общения, которое существует в сознании языкового коллектива. Разумеется, обычному человеку нет дела до специальных лингвистических терминов: какие-нибудь *препозиция* или *изосемия* ему неизвестны. Но сами правила построения предложения и целого текста входят в его языковую компетенцию. Цитируем одного из российских идеологов и энтузиастов изучения «обыденного метаязыкового сознания»: «Автоматическая сторона речевой деятельности образует свернутые (в очень разной степени) и автоматизированные формы осознанного, рационального, творческого использования языка, что проявляется и в возможности разворачивания этих форм» [Голев 2009: 9]. Поэтому, когда длина предложений в тексте явно превышает среднюю или когда, наоборот, все предложения в тексте – простые нераспространенные или же когда часть предложения регулярно «отщепляется» и оформляется в виде самостоятельного высказывания (парцелляция) и т. п. – все эти отклонения от «оптима», по крайней мере в письменном тексте, ощущаются носителем языка. Рассыпчатость текста, телеграфный стиль, склонность к украшательству (внимание к деталям), подчеркнутый эллипсис и обрыв высказывания – любое статистическое «злоупотребление» в сфере синтаксиса воспринимается как дискурсивный знак.

И есть один литературный жанр, который с заинтересованностью критика и безжалостностью увеличительного стекла фиксирует нарушения языковых правил, в том числе статистических. Это – пародия. Пародию мы понимаем как вторичный литературный жанр, основывающийся (или «паразитирующий») на первичных текстах и предполагающий знакомство с ними читателя. Суть пародии – в гиперболизации некоторых черт оригинального текста.

2. Что становится в языке объектом пародии?

Естественно, легче всего воспроизводить «в кривом зеркале» особенности лексики и словообразования исходного текста: жаргонизмы, канцеляризм, экзотизмы, диминутивы и т. п.

Скажем, мода на существительные с суффиксом *-инк-* (*смешинка*, *грустинка* и т. п.), воз-

никшая в 70-х годах прошлого века, дала писателю Владимиру Лифшицу основание для пародии «Овладение приемом», в которой обыгрывается эта словообразовательная модель:

В голосе ее слышалась усталинка, в глазах сверкала безуминка. Лежа в носках на купленной в распродажу тахте, Никодимов отмалчивался со свойственной ему упряминкой [СЛПП 1998: 206].

В той же пародии встречаются еще и *опоздалинка*, и *суровинка*, и *лукавинка*...

Более сложный случай представлен в следующем примере. Творчество известного прозаика Всеволода Иванова отмечено особым интересом к экзотическим краям: Монголии, Индии, странам Средней Азии («Голубые пески», «Мы идем в Индию» и др.). В этих произведениях встречается довольно много специфических названий, придающих «местный колорит» повествованию. Однако в пародии Арго «Голубой гаолян» не просто много раз употребляется лексема *гаолян*, но каждый раз – со своим значением:

Гаолян крепчал. <...> От стены отделилась высокая фигура и схватила Брюкву за гаолян. <...> Так, в отрывистых фразах, они прошли и скрылись за темным гаоляном. <...> А китаец Рас-Ту-Ды сидел по-прежнему, свесив ноги на гаолян железной дороги... и т. п. [СЛПП 1998: 70–71].

И каждый раз это значение разъясняется в сноске: то это «северо-западный ветер», то «трава по-корейски», то «воротник», то «миля по-китайски» или «полотно по-японски»...

Лексический экзотизм – символ иного мира, иной системы реалий, и для читателя, в общем-то, все равно, что именно он обозначает: это самодостаточный знак «чуждости». Но когда одно и то же слово получает в тексте разные (чуть ли не любые!) значения, то это уже отдает насмешкой над доверчивым читателем. Пародия на это и намекает.

В следующем примере актуализируется фонетическая структура исходного произведения, точнее – употребление буквы и звука *ф*. Александр Иванов взял за отправную точку фрагмент стихотворения Петра Вегина «Фонари Флоренции», вынесенный им в эпиграф:

Но во Флоренции
фонари – словно реплика в споре фокусника
и философа...
Флоренция. Фонарь. Фортуна. Фанты.

Пародия доводит эту аллитерацию до предела: получается так называемая тавтограмма, т. е. произведение, в котором все слова начинаются на одну букву:

Фи! Фонтан фраз
на фронте филиала Флоренции
как фото франта Фомы во фраке философа,
как фальцет форели,
фетр в футляре флейты,
фунт фольги, филателия фарфора...

[Иванов 1983: 54].

Понятно, что никакой эстетической ценностью такая пародия не обладает, это чистое шуточничество, эксплуатирующее случайное формальное сходство слов. Но пародисты не чураются и таких приемов.

Как уже было сказано, лексические или словообразовательные элементы служат наиболее действенными и очевидными средствами пародирования. Реже в фокусе внимания пародиста оказываются грамматические явления. Скажем, употребленная поэтом диалектная или архаичная форма *облак* («*Косматый облак надо мной кочует...*» – В. Сидоров) дала повод уже упомянутому А. Иванову для создания его знаменитой пародии «Высокий звон»:

В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Лохматый облак и широкий крон...

(<http://izbrannoe.com/news/yumor/10-luchshikh-parodiy-aleksandra-ivanova>)

Казалось бы, намерения у А. Иванова были самые благородные: напомнить о необходимости соблюдать грамматические правила, в том числе формы согласования в роде существительных и прилагательных. Но, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Потому что пародист, как правило, не вчитывается в оригинальный текст, не вдумывается в его вертикальный и горизонтальный контексты, а выхватывает случайный факт и клюет на его удочку. Пародия становится больше похожа на эпиграмму.

Но если исключить те случаи, когда пародист «ради красного словца» не щадит ни оригинального текста, ни авторитета его автора, то следует все же признать: пародия как жанр представляет собой большой интерес для лингвиста. В частности, она способна ука-

зать на какие-то отклонения, допущенные в исходном тексте, от среднестатистического «оптимума».

Это значит, что в нашем случае пародия интересует нас не сама по себе, а как инструмент для изучения восприятия синтаксических категорий и правил в естественном (оригинальном) тексте. Нас интересует лингвopsихологическая ценность последних: как они воспринимаются и оцениваются рядовым носителем языка. Иными словами, мы полагаем, что если пародист обращает внимание читателя на какие-то особенности в своем (вторичном) тексте, то он тем самым рассчитывает, что эти особенности ощущаются носителем языка и в оригинальном (первичном) тексте. Другими словами, они обладают свойством салиентности – выделяемости на общем фоне элементов текста. Следовательно, задача пародиста – смоделировать фрагмент языковой картины мира автора и «выпятивать» его в доступном читателю виде.

3. Три показательные пародии

А. Архангельского

Какие же категории и правила синтаксиса, судя по пародиям, небезразличны для обычного человека?

Приведем сначала три «вариации» на тему одного абзаца из начала 2-й главы «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Все они написаны классиком советской пародии Александром Архангельским и отражают особенности авторского слога трех писателей. Первый отрывок – из пародии на А. Фадеева.

Вокруг меня простирались пересеченные холмами и оврагами, покрытые снегом поля, от которых веяло той нескрываемой печалью, которая свойственна пространствам, на которых трудится громадное большинство людей для того, чтобы ничтожная кучка так называемого избранного общества, а, в сущности, кучка пресыщенных паразитов и тунеядцев, пользовалась плодами чужих рук, наслаждалась всеми благами той жизни, порядок которой построен на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, считая, что такой порядок не только не безобразен и возмутителен, но правилен и неизменен, потому что он, этот порядок, основанный на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплуатации, приятен и выгоден развратной и лживой кучке паразитов и тунеядцев, которой приятней и выгод-

ней, чтобы на нее работало громадное большинство людей, чем если бы она сама работала на кого-нибудь другого [Архангельский 1988: 27].

Пороки такого литературного слога очевидны: это многословие, лексические повторы, монотонность последовательного подчинения («от которых... которая... на которых...»), вплоть до тематической закольцованности. Подобный текст напоминает «плетение словес» – орнаментальный по своему характеру стиль, свойственный житиям XV века. Но русская литература и позже не освободилась от тенденции к синтаксической усложненности. Известна склонность к «периодам» у Л. Н. Толстого, а затем, уже в советскую эпоху, у К. Симонова, Ю. Бондарева и других романистов. Пародия же всем своим критическим пафосом взывает: так писать нельзя! Читатель этого не примет!

Второй пример – из пародии А. Архангельского на прозу В. Катаева.

Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной острой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщили марлевый бинт дороги [Архангельский 1988: 24].

В отличие от предыдущей пародии, здесь предложения – нормальной длины, но особое внимание уделяется деталям – признакам предметов и действий. К большинству существительных есть определения, причем, как правило, неожиданные, вычурные: перед нами набор метафор! Использование в качестве эпитетов медицинских терминов, возможно, объясняется участием Катаева в Первой мировой и Гражданской войнах (что нашло отражение в его творчестве). Пародия как раз и иронизирует над излишней анимизацией и «эстетизацией» явлений природы.

Третий пример, отсылающий к пушкинскому тексту, – пародия А. Архангельского на прозу Е. Габриловича.

Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени.

Вокруг меня были пустыни. Они простирались, они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он синел. Он не таял. Он лежал.

Я посмотрел на солнце. Это было ржавое солнце. Это было старорежимное солнце. Оно опускалось. Оно сползало. Оно садилось... [Архангельский 1988: 23].

Габрилович – известный советский драматург и киносценарист (фильмы «Коммунист», «В огне брода нет», «Монолог» и др.). Пародия верно ухватила особенности киноязыка с разбивкой повествования на кадры. Эта раскадровка отразилась в навязчивой и искусственной парцелляции высказываний. И в целом примитивный синтаксис, засилье нераспространенных и неоконченных предложений, конечно, не отвечают представлению носителя языка о «нормальном» строе речи. Это и отразилось в пародии.

4. Грамматические средства пародии (анализ материала)

В основе приведенной выше пародии А. Архангельского на прозу Фадеева мы наблюдали имитацию сложно структурированного письменного текста. А можно спародировать устную речь, с ее фрагментарностью, формальной бессвязностью, перескакиванием с одной темы на другую, отсутствием четких границ между предложениями и т. д.

Приведем сначала реальный пример – опубликованный отрывок из записей устной разговорной речи:

Теперь/ плато/ Андрей говорит/ к морю/ море с этой стороны/ и с этой стороны// Вот// Мы решили идти... А так было бы слишком холмисто/ решили так идти// А там так/ очень приятная доро-о-ога... туда идет/ и мы пошли по солнышку/ там/ очень хоро... очень интересный камень/ прямо вот срезы такие вот/ как будто это крепостную стену уложили//... [Русская разговорная речь 1978: 93].

Несомненно, носитель языка отдает себе отчет о различиях между речью письменной и устной. Но пародия абсолютизирует особенности последней и доводит их до гротеска. Примером послужит нам пародия А. Иванова на роман Ю. Трифонова «Долгое прощание»:

Плохо было и с дочерью – Ирка совсем от рук отбилась, тринадцать лет, трудный возраст, встречалась с Борей, мать Ольги Васильевны у него училась, восемьдесят первого года рождения, прекрасно сохранился, академик, ездила с ним на каток, академик бляел от радости, стучаясь библейской лысиной об лед, обещал жениться, как только разрешит его мама, а Ирка возвращалась под утро, грубила Ольге Васильевне, а потом рыдала, и она рыдала тоже... [СЛПП 1998: 234].

Важно подчеркнуть, что нас интересуют те случаи, когда пародируется не конкретное произведение и даже не конкретный автор, а некоторый фрагмент языковой картины мира, способ представления информации и вызывания эмоций. В частности, в одной из приведенных выше пародий мы встречали такой способ искусственного усложнения синтаксической структуры, как последовательное нанизывание придаточных определительных со словом *который*. А вот пример, где этот прием оказывается самодовлеющим.

*Царь Иван Васильевич вытил полный кафтан пеннистого каравая, **который** ему привез один посол, **который** хотел получить товар, **который** царь продавал всегда сам во дворце, **который** стоял в Кремле, **который** уже тогда помещался там, на месте, **на котором** он стоит теперь* [СЛПП 1998: 129].

Эта пародия, под названием «Литературная штамповка, или Пиши как люди!», включена автором – В. Ардовым – в цикл «Халтурщики». Очевидно, что она целит в сочинителей, которые не только беспомощны в подборе слов (и используют *кафтан* или *каравай* не в своих значениях), но и в построении сколько-нибудь связного текста. В результате получается текст, напоминающий хрестоматийное английское стихотворение «Дом, который построил Джек»: это игра с языком!

А наряду с пародией на В. Катаева, гиперболизирующей и высмеивающей пристрастие к эпитетам, можно было бы привести продукт коллективного творчества трех пародистов: Л. Лазарева, С. Рассадина и Б. Сарнова. Пародия на Ю. Бондарева называется «Тишинка» (один из романов писателя озаглавлен «Тишина»).

Был обычный московский дом на Тишинке, с темным и грязным подвездом, с сизо искрящимися от инея стенами, с лестницей, сдавленно уходящей

наверх, в черноту этажей, и волнующе остро пахнущей мышами и кошками.

Лифт встретил теплым сверканьем зеркал и плафонов, настороженно укоряющим блеском пластмассовых кнопок, недоумевающе тусклой полировкой старого дерева, гулким холодом папиросного дыма [СЛПП 1998: 213].

Для создания явных или скрытых метафор пародисты используют тут не только необычные определения, но еще и распространяющие их обстоятельства: *сизо искрящиеся стены, сдавленно уходящая лестница, волнующе остро пахнущая лестница, теплое сверканье, настороженно укоряющий блеск, недоумевающе тусклая полировка, гулкий холод*. Разумеется, эти обороты сильно расходятся с практикой речи среднестатистического носителя языка. Для характеристики подобного слога можно воспользоваться давним филологическим афоризмом: «Так можно сказать, но так не говорят». Независимо от того, действительно ли свойственна эта манера письма Бондареву, или нет, пародия служит своего рода предостережением: так писать не следует.

И явление парцелляции, представленное выше в пародии А. Архангельского на Е. Габриловича, тоже многократно обыгрывается в пародиях. Следовательно, критика здесь направлена не против конкретного автора, а против определенного (довольно распространенного в письменных текстах) отклонения от стилистико-синтаксической нормы русского языка. Приведем в качестве примера юмористическую заметку «Читайте ж, дети!» авторства З. Паперного; подзаголовок у нее – «Опыт школьной читательской конференции»:

– Ребята. Мы вас уже давно. Предупреждали.

Что конференция состоится сегодня. И никакие отговорки не. Принимаются. Ясно. Вы меня поняли. <...> Ну. Что ж. Кажется. Можно уже заключать. Сегодня мы с вами услышали много интересного [СЛПП 1998: 162–163].

Предложения тут, как мы видим, расчленяются совершенно произвольно, в любом месте – что нарушает существующие для парцелляции нежесткие правила [Норман 2012: 165–168]. Но пародия как раз и позволяет себе довести данный прием до абсурда. Впрочем, безадресность данного текста (помещенного в сборнике литературных пародий) говорит о его гибридном характере: жанр пародии здесь совмещается с жанром фельетона.

Вкрапление в художественный текст элементов канцелярской речи тоже может нести пародийную нагрузку – таких примеров много у современных юмористов. Но мы приведем классический пример чистой пародии – казенного «переписывания» З. Паперным известной пушкинской сказки:

Показ Пушкиным поимки рыбаком золотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна и реакция старухи на сообщение ей старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и понудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте. Дальнейшее развитие сюжета и связано с повышением требований старухи, с одной стороны, и с ухудшением метеорологических условий, с другой... [СЛПП 1998: 151].

Естественные для сказки личные глагольные конструкции (*Старик ловил неводом рыбу; Дорогой за себя дам откуп* и т. п.) вытесняются здесь номинативными оборотами (с существительными *показ, поимка, отпуск, откуп, неиспользование, встреча* и т. д. и многочисленными причастиями – *обещавший, использованный, направленный, посвященный* и др.). Эта лингвистическая игра должна напомнить читателю о глагольности как выразительном средстве, ср.: [Пешковский 1959: 111].

5. Пародийность, представленная в иных литературных жанрах

Следует, в связи с этим, отметить, что пародийность бывает свойственна не только пародии как таковой, но и другим литературным жанрам: юмористическим рассказам, зарисовкам, фельетонам, эпиграммам. По словам В. Новикова, «три условия (повторение; изменение; комический или иронический третий план) и определяют суть пародирования как речевого (или риторического) приема. Трехплановая структура сближает этот прием с пародией как жанром» [Новиков 1989: 151].

Встречается пародийное отношение к фактам языка и в серьезной прозе (как в авторской речи, так и в речи персонажа). Приемы пародийности использовали и Пушкин, и Достоевский, и Чехов... Часто это бывает связано с присутствием в тексте особого пер-

сонажа – рассказчика (с которым не следует отождествлять автора произведения). Классический пример – «Рассказы господина Синябрюхова» М. Зощенко [Зощенко 1983: 28–279]. Герой этих, сатирических по сути, новелл – носитель воинствующей мещанской морали, и маска его создается с помощью умело подобранных речевых средств, в том числе синтаксических («Довольно свинство с вашей стороны», «Чувствительно спасибо»; «Действительно, очень красота», «Почему такое паренёк обростает?» и т. п.).

Выше уже упоминалось пристрастие писателя Всеволода Иванова к экзотизмам, ставшее объектом пародии. Но стиль этого автора включает в себя и намеренные синтаксические длинноты. Приведем цитату из романа «Похождения факира», которая выглядит как автопародия:

...Я терпеть не могу длиннот и всячески стараюсь приучить себя к лапидарному языку, который теперь в таком почете и не может не быть в почете, ибо просто безумие писать длинные фразы, когда можно коротко и ясно сказать, что длинные суда, построенные из дерева, снабженные паровыми машинами и электричеством, все лето, каждый день, в период между закатом и восходом солнца, приставали к деревянным, отлично просмоленным дебаркадерам Павлодара, и люди с этих судов, носящих почему-то церковные названия, хотя суда никак не подходили на иконы, люди, начиная с пассажира первого класса и кончая босым матросом, моющим шваброй уборную, что ругались и святотатствовали преотменно, не избегая и упоминания преподобных, которые благословили своим именем эти суда и которые корчились ныне в тех странных положениях в камерах, в которые их всовывали упоминатели, – люди целые недели осоловело бродили среди песчаных валов, на которых возвышались павлодарские деревянные улицы [Иванов 1983: 14].

В этом фрагменте – сложном предложении, по нашим подсчетам, 15 простых предложений, не считая причастных и деепричастных оборотов, обособленных обстоятельств, однородных членов и прочих способов осложнения предложения. Понятно, что не только говорить, но и писать так не следует – и именно такой посыл лежит здесь в глубине авторской насмешки.

Одно из основополагающих правил синтаксиса речи – изосемия, т. е. желаемое со-

ответствие лексического значения существительного семантике той функциональной позиции, которую это слово в высказывании занимает. Понятно, что фраза *Петя подошел к окну* выглядит естественней, чем *Снег подошел к окну*, *Заяц выскочил из леса* – привычнее, чем *Проселок выскочил из леса* и т. п. Тем не менее, в художественных текстах сплошь и рядом встречается нарушение правила изосемии, а именно – нетипичное (окказиональное) лексическое заполнение синтаксической позиции. В этом можно усмотреть пародийное отталкивание от статистической нормы, причем делается это в рамках вполне серьезных литературных жанров:

Ночь проворчала что-то сердитое и **отошла** (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

Снег подошел к окну на цыпочках. Приятно выйти, дышать и смотреть на дым из трубы. ...**Снег пошел** дальше по дороге на Шаблино, где молоко продается на вес... (М. Шишкин. Венерин волос).

Тропка вывела на проселок, **проселок выскочил** из леса и рассек луга... (М. Веллер. Легенды Арбата).

Стену знобило, и Варвара Тимофеевна догадалась, что в Москве началось землетрясение, как в Ташкенте (В. Токарева. Центр памяти).

Я извинился, сказал, что хочу прочитать надпись, попросил подвинуться. **Ботинки пожали плечами** и наступили на Эйнштейна (А. Вознесенский. О).

Обязаны ли собой эти примеры механизмам метафоры или метонимии – неважно, но ясно, что писатель обыгрывает здесь простое лексико-синтаксическое правило (или, во всяком случае, закономерность).

Кроме перечисленных выше, объектом пародии могут становиться и другие отступления от синтаксических правил: нереализованная валентность, нарушение однородного основания при сочинительной связи, независимость деепричастного оборота от основного сказуемого и др.

В частности, в насквозь пародийных «Посланиях Кафинькина» Ф. Раневской неоднократно встречается ситуация пропущенного слова, не заполненной синтаксической позиции:

Под влиянием Вас ездил в Тамбов, на colloquium мысли, где состоялся форум в направлении. <...> Пишите про простого советского человека, как он, ма-

лограмотный, читает лекции по вопросам, пишет версии про открытия, читает доклады про новейшую живопись нового направления. Под Вашим пером я подвергался и теперь на грани. Пусть люди знают, как я вырос на ниве [Раневская 2007: 156].

Нереализованная валентность может, как известно, закрепляться в речи, с образованием «лексикализованного эллипсиса» (*пить* вместо *пить спиртные напитки*, *нарушать* вместо *нарушать правила*, *выражаться* вместо *выражаться нецензурно*, *температура* вместо *высокая температура*, *на грани* вместо *на грани краха (разрыва)* и т. п.). В юмористической литературе часто без должного объекта используются глаголы *соответствовать*, *свидетельствовать*, *относиться*, *проникнуться*, *поздравлять* и др. – они проецируются на устойчивые словосочетания (клише), отражающие столь же стандартные жизненные ситуации. Но пародия и здесь «забегает вперед», демонстративно расширяет поле действия данной тенденции:

И выступают люди и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, переносят, расширяют для удобства населения (М. Жванецкий. Паровоз для машиниста).

Особого внимания заслуживает связность и тематическая цельность текста – и то, как эти характеристики воспринимаются носителями языка. В русской литературе известны примеры демонстративно несвязных текстов (в частности, проза В. Шкловского), и эти произведения были излюбленной мишенью пародистов. Приведем сначала фрагмент оригинального текста В. Шкловского:

Клянусь тебе – брюки не должны
иметь складки.

Брюки носят, чтобы не было холодно.

Спроси у Серапионов.

Наклоняться над пищей, может быть,
и в самом деле нехорошо.

Ты говоришь о нас, что мы не умеем есть.

Мы слишком низко наклоняемся

к тарелкам, а не несем пищу к себе.

Что же, будем удивляться друг на друга...

[Шкловский 1973: 193].

А теперь – отрывок из пародии:

Седок нынче пошел не тот.

Но едем дальше.

Я очень сентиментален.

Люблю путешествовать. Это потому,

что я гениальнее самого себя.

Я обожаю автомобили.
Пеший автомобилю не товарищ.
Лондон славится туманами и автомобилями.
Кстати о брюках.
Брюки не должны иметь складок.
Так же как полотно киноэкрана...

[Архангельский 1988: 79].

Ясно, что здесь пародируется: нарочитая несвязность, фрагментарность текста, ощущаемая читателем Шкловского.

Проявлением такой несвязности служат лексические повторы – там, где по правилам должны использоваться субституты – личные или указательные местоимения, перифрастические обозначения и т. п. В автобиографическом романе хорватского писателя Боры Чосича «Роль моей семьи в мировой революции» (перевод В. Соколова) таких примеров много – да и весь роман пронизан духом пародии. Приведем одну цитату:

Пришел теткин брат, стали его кормить.

Брат рос с огромной скоростью, на брате все трещало. Из нескольких моих старых брюк ему сделали одни, временные. Тетка выставила брата на конкурс, проводимый журналом «Стража на Ядране», на самого толстого ребенка в Югославии. Брат занял второе место... [Чосич 2000: 26].

6. Синтаксис языка и синтаксис речи

В языкознании уже около ста лет активно разрабатывается понятие поля – сложного типа системной организации языковых единиц. Не исключен полевой подход и к единицам синтаксического уровня. Более того, он, можно сказать, уже реализуется в практике школьного и вузовского образования – в последовательности изложения разных тем, от реалий простого предложения к реалиям сложного, в иерархии синтаксических моделей – от частотных и «мощных» до редких и лексически связанных и т. д. Показательна в этом отношении концепция М. Я. Дымарского, представляющего структуру описательного синтаксиса в виде четырех зон: ядерной, околядерной, ближней периферии и дальней периферии. Такой подход позволяет выявить системные отношения между паттернами. В частности, применительно к сложным предложениям «в качестве базовых целесообразно рассматривать модели СП с наиболее прозрачным, прототипическим соотноше-

нием семантики и формы» [Дымарский 2018: 140].

Мы сейчас пытаемся привлечь внимание к вопросу, уже занимавшему лингвистическое сообщество в прошлом веке: о соотношении «синтаксиса языка» и «синтаксиса речи», ср.: [Ванников 1979]. В основе конструкций синтаксиса речи лежат, конечно, синтаксические модели языка. Но используются они с разной частотой и с разной степенью возможных модификаций (отклонений). Конструкции, соответствующие ядру языкового синтаксиса, не привлекают к себе особого внимания носителя языка. Зато конструкции периферийные, редкие, обладают свойством салиентности: они несут на себе особую прагматико-дискурсивную нагрузку.

Любопытно, что в знаменитом романе-антиутопии Е. Замятина «Мы» все главы (всего их 40) предваряются краткими «конспектами» [Замятин 1986]. Каждый раз это – несколько высказываний, чаще всего – номинативного характера, имеющих отношение к содержанию главы. «Конспекты» строятся по определенным правилам [Норман 2002: 151–155], но поражает диапазон используемых синтаксических моделей – от самых «ядерных» (типа *Я простил все* или *Последнее число*) до самых периферийных, окказиональных (типа *Если бы* или *Обе*). Понятно, что писатель устраивает своего рода лингвистическую игру с читателем, заставляя того проецировать предлагаемые речевые факты на содержащиеся в коллективном сознании образцы предложений. Можно усмотреть в этом и элемент пародии.

Рассмотренный материал свидетельствует, что в качестве отклонений от синтаксического «оптимума» пародия фиксирует такие свойства текста, как: чрезмерная структурная простота, азбучный стиль (сплошные простые предложения); демонстративное отражение на письме особенностей разговорной речи и телеграфный стиль (номинативные предложения); навязчивое использование отглагольных существительных и прочих черт канцелярского стиля; отсутствие связности (фрагментарность текста); нереализованность обязательных валентностей (искусственный эллипсис); пристрастие к «украшательству», к обилию деталей (эпитетов); намеренное усложнение предложения через цепочки по-

следовательного подчинения и соподчинения простых предложений; условное и произвольное – на письме – расчленение высказывания (парцелляция) и т. п.

Поскольку пародия «с лингвистическим уклоном» неявно отсылает нас к языковой норме, то нет ничего удивительного в том, что это – преимущественно письменный жанр. По словам Э. Хаугена, для языковедов-кодификаторов письменный текст оказывается первичным по сравнению с устным [Хауген 1975: 446–449]. Действительно, глаз легче, чем ухо, фиксирует навязчивое повторение каких-то элементов текста (тем более что к уже пройденным фрагментам нетрудно вернуться).

Литературные источники

- Архангельский, А. Пародии. Эпиграммы / А. Архангельский. – М. : Худож. литература, 1988. – 349 с.
- Замятин, Е. Мы / Е. Замятин // Сочинения. Том третий. – А. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1986. – С. 113–263.
- Зоценко, М. Избранное в двух томах. Т. 1. Рассказы и фельетоны. Повести / М. Зоценко. – Минск : Народная асвета, 1983. – 511 с.
- Иванов, А. Плоды вдохновения. Литературные пародии / А. Иванов. – М. : Сов. писатель, 1983. – 224 с.
- Иванов, Вс. Похождения факира. Роман. Часть третья / Вс. Иванов. – М. : Гослитиздат, 1935. – 406 с.
- СЛПП – Советская литературная пародия. Проза / сост. Б. М. Сарнов. – М. : Книга, 1998. – 367 с.
- Раневская, Ф. «Судьба-шлюха» / Ф. Раневская ; автор-составитель Д. Щеглов. – М. : Астрель ; АСТ, 2007. – 203 с.
- Чосич, Б. Роль моей семьи в мировой революции. За что боролись / Б. Чосич. – СПб. : Азбука, 2000. – 286 с.
- Шкловский, В. ЗОО, или Письма не о любви / В. Шкловский // Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 163–230.

Литература

- Ваников, Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи / Ю. В. Ваников. – М. : Русский язык, 1979. – 296 с.
- Всеволодова, М. В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Т. А. Яценко. – М. : Русский язык, 1988. – 207 с.
- Всеволодова, М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2008. – 288 с.
- Голев, Н. Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтологический и гносеологический феномен (к поискам «лингвоносеологем») / Н. Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Часть I : коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – С. 7–40.
- Дымарский, М. Я. К принципам описания синтаксического строя русского языка / М. Я. Дымарский // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. – М. : Ин-т славяноведения РАН, 2018. – С. 130–144.
- Золотова, Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
- Лесскис, Г. Некоторые статистические характеристики простого и сложного предложения в русской научной и художественной прозе XVIII–XX веков / Г. А. Лесскис // Русский язык в национальной школе. – 1968. – № 2. – С. 67–80.
- Новиков, Вл. И. Книга о пародии / Вл. И. Новиков. – М. : Сов. писатель, 1989. – 544 с.
- Норман, Б. Ю. «Конспекты» в романе Евгения Замятина «Мы» / Б. Ю. Норман // Stylistyka XI. – Opole : Opole University, 2002. – С. 145–156.
- Норман, Б. Ю. Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Изд. 2-е. – М. : Флинта ; Наука, 2012. – 344 с.
- Пешковский, А. М. Глагольность как выразительное средство / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М. : Учпедгиз, 1959. – С. 101–111.
- Русская разговорная речь. Тексты / отв. ред.: Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе. – М. : Наука, 1978. – 307 с.
- Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта ; Наука, 2002. – 464 с.
- Синтаксис и норма / отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1974. – 283 с.

7. Заключение

Пародист, моделируя языковую картину мира, соответствующую исходному тексту (или совокупности творчества одного автора, или некоторому литературному направлению, школе, периоду), педалирует, выпячивает какую-то (или какие-то) их языковые черты. Благодаря этому лингвист получает подтверждение того, что эти черты значимы, реально существуют для носителя языка (в так называемой наивной грамматике). Свойство saliентности представляет собой важную лингвopsихологическую характеристику языковой категории или языкового правила.

Синтаксис и стилистика / отв. ред. Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1976. – 318 с.

Синтаксические фигуры как система : коллективная монография / ред. Э. М. Береговская. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2007. – 416 с.

Хауген, Э. Лингвистика и языковое планирование / Э. Хауген // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 441–469.

Чернейко, Л. О. «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) / Л. О. Чернейко // Вопросы психолингвистики. – 2020. – № 3 (45). – С. 137–152.

References

- Arkhangel'sky, A. (1988). *Parodii. Epigrammy* [Parodies. Epigrams]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 349 p.
- Babenko, L. G. (Ed.). (2002). *Russkie glagol'nye predlozheniya. Eksperimental'nyj sintaksicheskii slovar'* [Russian Verb Sentences. Experimental Syntactic Dictionary]. Moscow, Flinta, Nauka. 464 p.
- Beregovskaya, E. V. (Ed.). (2007). *Sintaksicheskie figury kak sistema* [Syntactic Figures as a System]. Smolensk, Smol-GU. 416 p.
- Cherneiko, L. O. (2020). «Veroyatnostnyi mir» yazykovoi lichnosti (primenitel'no k analizu khudozhestvennogo teksta) ["Probabilistic World" of a Linguistic Personality (in Relation to the Analysis of a Literary Text)]. In *Voprosy psiholingvistiki*. No. 3 (45), pp. 137–152.
- Chosich, B. (2000). *Rol' moi sem'i v mirovoi revolyutsii. Za chto borolis'* [The Role of My Family in the World Revolution. What We Fought for]. Saint Petersburg, Azbuka. 286 p.
- Dymarsky, M. Ya. (2018). K printsipam opisaniya sintaksicheskogo stroya russkogo yazyka [On the Principles of Describing the Syntactic Structure of the Russian Language]. In *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 130–144.
- Golev, N. D. (2009). Obydennoe metazykovoe soznanie kak ontologicheskii i gnoseologicheskii fenomen (k poiskam «lingvognoseologem») [Ordinary Metalinguistic Consciousness as an Ontological and Epistemological Phenomenon (towards the Search for "Linguognoseologems")]. In Golev, N. D. (Ed.). *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskii i gnoseologicheskii aspekty. Chast' I*. Kemerovo, Barnaul, Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 7–40.
- Haugen, E. (1975). Lingvistika i yazykovoe planirovanie [Linguistics and Language Planning]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk VII. Sociolingvistika*. Moscow, Progress, pp. 441–469.
- Ivanov, A. (1983). *Plody vdokhnoveniya. Literaturnye parodii* [The Results of Inspiration. Literary Parodies]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 224 p.
- Ivanov, Vs. (1935). *Pokhozhdeniya fakira. Roman. Chast' tret'ya* [The Adventures of the Fakir. Novel. 3rd Part]. Moscow, Goslitizdat. 406 p.
- Lesskis, G. (1968). Nekotorye statisticheskie kharakteristiki prostogo i slozhnogo predlozheniya v russkoi nauchnoi i khudozhestvennoi proze XVIII–XX vekov [Some Statistical Characteristics of a Simple and Complex Sentence in Russian Scientific and Artistic Prose of the 18th–20th Centuries]. In *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*. No. 2, pp. 67–80.
- Norman, B. Yu. (2002). «Konspekty» v romane Evgeniya Zamyatina «My» ["Synopses" in the Novel "We" by Evgeny Zamyatin]. In *Stylistyka XI*. Opole, Opole University, pp. 145–156.
- Norman, B. Yu. (2012). *Igra na granyakh yazyka* [Playing on the Edges of the Language]. 2nd edition. Moscow, Flinta, Nauka. 344 p.
- Novikov, Vl. I. (1989). *Kniga o parodii* [A Book about a Parody]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 544 p.
- Peshkovsky, A. M. (1959). Glagol'nost' kak vyrazitel'noe sredstvo [Verb as a Means of Expression]. In *Izbrannye trudy*. Moscow, Uchpedgiz, pp. 101–111.
- Ranevskaya, F. (2007). «Sud'ba-shlyukha» ["Fate-whore"] / ed. by D. Shcheglov. Moscow, Astrel', AST. 203 p.
- Sarnov, B. M. (Ed.). (1998). *Sovetskaya literaturnaya parodiya. Proza* [Soviet Literary Parody. Prose]. Moscow, Kniga. 367 p.
- Shklovsky, V. (1973). ZOO, ili Pis'ma ne o lyubvi [ZOO, or Letters Is Not about Love]. In *Sobranie sochinenii v trekh tomakh*. T. 1. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 163–230.
- Vannikov, Yu. V. (1979). *Sintaksis rechi i sintaksicheskie osobennosti russkoi rechi* [Speech Syntax and Syntactic Features of Russian Speech]. Moscow, Russkii yazyk. 296 p.
- Vsevolodova, M. V., Vladimirovskiy, E. Yu. (2008). *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnoshenii v sovremennom russkom yazyke* [Ways of Expressing Spatial Relationships in Modern Russian Language]. 2nd edition. Moscow, URSS. 288 p.
- Vsevolodova, M. V., Yashchenko, T. A. (1988). *Prichinno-sledstvennyye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke* [Causal Relationships in Modern Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk. 207 p.
- Zamyatin, E. (1986). My [We]. In *Sochineniya. Tom tretii*. A. Neimanis Buchvertrieb und Verlag, pp. 113–263.
- Zemskaya, E. A., Kapanadze, L. A. (Eds.). (1978). *Russkaya razgovornaya rech'. Teksty* [Russian Colloquial Speech. Texts]. Moscow, Nauka. 307 p.
- Zolotova, G. A. (1988). *Sintaksicheskii slovar'. Repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary. Repertoire of Elementary Units of Russian Syntax]. Moscow, Nauka. 440 p.
- Zolotova, G. A. (Ed.). (1974). *Sintaksis i norma* [Syntax and Norm]. Moscow, Nauka. 283 p.
- Zolotova, G. A. (Ed.). (1976). *Sintaksis i stilistika* [Syntax and Style]. Moscow, Nauka. 318 p.
- Zoshchenko, M. (1983). *Izbrannoe v dvukh tomakh* [Selected Works, in 2 vols.]. T. 1. *Rasskazy i fel'etony. Povesti*. Minsk, Narodnaya asveta. 511 p.

Данные об авторе

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь); ведущий научный сотрудник Проблемной лаборатории компьютерной лексикографии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: boris.norman@gmail.com.

Author's information

Norman Boris Justinovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Belarus); Leading Researcher of Special Laboratory of Computer Lexicography, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 01.06.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 01.06.2021; date of publication: 30.06.2021

INTERCULTURALITY IN THE MODERN RUSSIAN LINGUISTIC LANDSCAPE

Ekaterina Yu. Protassova

University of Helsinki (Helsinki, Finland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Abstract. The purpose of this article is to give a quick overview of intercultural tendencies in certain Russian regions' modern linguistic landscapes: where they can be found, why languages other than Russian are used, what the purpose of their use is, and who uses them. The material for this study includes several thousand photos taken between 2010 and 2018 in different regions of Russia, representing advertising material and signboards where different languages and cultures meet. Methodologically, the photos were classified and analyzed according to the types of code-switching and hybrid structures appearing in and on them. Some history is given on the cities studied, as well as the state of the languages that are part of their linguistic repertory. A few particular situations are scrutinized, involving national republics and other areas where linguistic minorities exist (major cities, provinces, villages). A strong tendency for the use of foreign culture was evident in the findings all over the country; the English language was preferred, but not perfect; an Asian influence was emerging everywhere. Wordplay characterized the creative employment of letters and words. Yet the cultures of the former Soviet Union, as well as the cultures of linguistic minorities (other languages besides Russian) were underrepresented, even in the national republics. The conclusion is that the modern language of the street is oriented towards the fusion of diverse cultures, but not necessarily those that represent the ethnic and cultural richness of Russia. Multiculturalism as reflected in public signage is more lively than multicultural policy because of emotionality and linkages with styles and scripts.

Key words: Russian linguistic landscape; multilingualism; multiculturalism; hybrid culture on signs; visual linguistic diversity.

For citation: Protassova, E. Yu. (2021). Interculturality in the Modern Russian Linguistic Landscape. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 52–67. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-04.

ИНТЕРКУЛЬТУРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Протасова Е. Ю.

Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8271-4909>

Аннотация. Цель данной статьи состоит в том, чтобы дать краткий обзор межкультурных тенденций в современных лингвистических ландшафтах некоторых регионов России. Поднимаются и решаются вопросы о том, где их можно найти, почему используются языки, отличные от русского, какова цель их использования и кто их применяет. Статья опирается на фактический материал, представляющий собой собрание из нескольких тысяч фотографий, сделанных в период с 2010 по 2018 гг. в различных регионах России. Коллекция включает в себя изображения рекламы и вывесок, в которых встречаются различные языки и можно обнаружить признаки разных культур. С методологической точки зрения фотографии были классифицированы и проанализированы в соответствии с типами переключения языкового кода и гибридными структурами, которые в них появляются. Приводится краткая история изучаемых городов, а также сведения о состоянии языков, входящих в их лингвистический репертуар. Изучается несколько конкретных ситуаций, связанных с национальными республиками и другими районами, где существуют языковые меньшинства (крупные города, провинция, деревни). Очевидна сильная тенденция к использованию иностранной культуры в изучаемых изображениях, собранных по всей стране; в них предпочитается английский язык, но он не совершенный; повсюду проявляется влияние азиатских культур. Языковая игра отражается в творческом применении букв и слов. Однако культуры бывшего Советского Союза и культуры языковых меньшинств (с языками, отличающимися от русского) представлены мало, даже в национальных республиках. В итоге современный язык улицы ориентирован на слияние различных культур, но необязательно тех, которые представляют этническое и культурное богатство России. Различ-

ные знаки и вывески, находящиеся в общественном пространстве, намного ярче представляют многообразие языков и культур, чем могло бы показаться на основании политики поликультурности, благодаря эмоциональности и разнообразию используемых шрифтов.

Ключевые слова: российский лингвистический ландшафт; многоязычие; многокультурность; гибридная культура на знаках; визуальное языковое разнообразие.

Для цитирования: Протасова, Е. Ю. Интеркультурность в современном российском лингвистическом ландшафте / Е. Ю. Протасова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 52–67. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-04.

Introduction

Without a doubt, all modern urban landscapes are multicultural [Itagi, Kumar Singh 2002; Backhaus 2007; Dufva, Pietikäinen 2009; Rozina 2007]. This bias has been the focus of attention since the first publications in the field [Landry, Bourhis 1997; Tafoya 2002; Cenoz, Gorter 2006; Gorter 2006; Shohamy, Gorter 2008; Shohamy, Ben-Rafael 2010]. In Russia, not all languages enjoy the same prevalence as Russian, which is the state language. In the educational system, it coexists with foreign languages and, depending on the region, with many indigenous minority languages. There are also a number of immigrant languages, mostly the languages of the former USSR republics, China and Vietnam [Chudinovskikh, Denisenko 2017]. As a consequence, the linguistic landscape (LL) has become a crossover of official language policy for visual signs in the public space, on the one hand, and people's images of a normal or better life as reflected in advertisements, on the other.

In the national republics (administrative units with 38 other co-official languages), an intentional intervention into the landscape may help add regional colour to the scenery. In some other national and non-national territories, the introduction of minority languages into the urban landscape still seems odd. Some wary citizens occasionally experience it as a violation of the rights of the omnipotent Russian language. At the same time, language revival activists take pleasure in producing postcards and advertisements for general purposes in their own language. This comotion promotes familiarity with the minority languages, which tend to lack visibility in the public sphere [Zamyatin et al. 2012].

Being almost isolated from the Roman alphabet in the public sphere for many decades, Russia

enjoys playing with Western values and Westernized identifications [Mustajoki, Protassova 2012], while searching at the same time for its own roots. It is not surprising that freedom is associated with the deliberate use of letters. The intersection of Russian and the international English language is predominant in big cities, whereas, conceivably, minority languages are underrepresented, which is often the case elsewhere in the world [Edelman 2014; Mirvahedi 2016; Rasinger 2014]. I spotted the same tendencies in many major cities in Russia, although the countryside remains almost beyond the reach of foreign influences. The attitudes of the representatives of various layers of civil society are grounded in cultural preferences; self-identification on the axes of 'one's own' vs. 'the other', or East vs. West, or authoritarianism vs. democracy, or sympathy vs. opposition to the powers that be depends on collective and individual experiences, not ignoring emotions [Mustajoki, Protassova 2012]. In parallel, ethnic mobilization plays an important role in the national regions [Lallukka 1990; Funk, Silanpää 1999; Kutlay, Kroon 2003; Protassova 2015], and one of the signs of this reclaiming of public places can be seen in the new ways in which people use languages, their emotions and visual interpretations [Grishaeva 2015]. The LL in Russia has rarely been studied, while Russian has established itself as an integral part of the LL in the Near and Far Abroad [Kreslins 2003; Litvinskaya 2010; Pavlenko 2012; Protassova 2013; Yelenevskaya, Fialkova 2017].

At the same time, linguistic issues and even orthographic rules can interact with ideologies. Let us take an example. In 1999, Tatarstan decided to Romanize the script (the first attempt dates back to 1928–1939), but in 2004, it was again classified as unconstitutional to violate the law and

try to use an alphabet other than Cyrillic for most of the languages in Russia [Sebba 2006]. The dispute between supporters and detractors of the Roman script is not as painful as elsewhere, for example in Serbia and Kazakhstan [Ivković 2013; Kazakhstan 2017]; nevertheless, the use of a different alphabet for the same language is loaded with meanings. The public discussion goes beyond the distinction between professionals and amateurs and sometimes leads to highly dangerous and morbid aggravations. In the LL, the Tatar inscriptions may appear in Roman script if they are transliterations of the names given to public places. In this way, the LL meddles in linguistic ideologies and represents the real interests of language activists with regard to what must be said overtly, and how.

The language policy is not necessarily effective because broader economic and political forces are in play. With globalization, the influence of English as a lingua franca is evident everywhere worldwide [Wright 2004]. Via the commodification theory, Pavlenko [2009] suggests that after the dissolution of the USSR in 1991, Russian was rapidly replaced by English in secondary and higher education throughout most of the former Soviet republics and the so-called socialist countries. Yet during the 2000s, the status of Russian changed all over the world as a result of Russia's new economics and a major immigration wave [Yelenevskaya, Protassova 2015]. It re-established itself in some CIS countries as the language of the diaspora and the language of prestigious merchandise. For example, in Tadjikistan, people still have quite a number of objects bearing a full inscription in Russian, or traces of the Russian language [Khudoikulova 2015]. Again, Russian later became popular as a means of managing the needs of the growing numbers of Russian speakers abroad [Muth 2017]. It is evident therefore that the LL should be studied diachronically [Moriarty 2014; Pavlenko, Mullen 2015].

In the nation itself, the constellation of languages is changing, as internal and external migration influences demographics and the ethnic composition [Chudnovskih 2011]. Some languages may be studied in detail, such as Italian in Moscow [Perotto 2015]. For many older residents, the use of non-academically acquired Russian as a second language by newcomers in traditional Russian-only constellations is shocking, as they

consider that immigrants should learn Russian perfectly before coming to Russia, and they have little experience of listening to Russian as spoken by learners [Petrova 2017]. Yet, in its written form, this immigrant Russian seems to be more typical of marketplaces, public transport, and self-made announcements attached to trees or noticeboards, rather than being found in more official places, as illustrated in Figure 1.

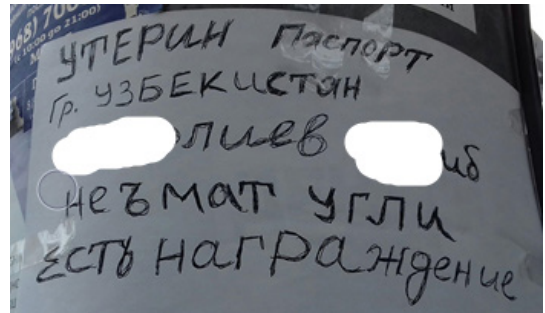

Figure 1. Announcement about a lost passport placed on a lamppost by a citizen of Uzbekistan in Moscow.

Photo by Dmitry Sitchinava

Brand names are an important aspect of LL studies [Tufi, Blackwood 2010]; for Russians, they are an important symbol of belonging to the global mainstream. This added value sometimes leads to misuse and naivety, however. Aronin and Singleton [2012: 168–174] point out that in a modern society, material culture in itself is a specific blend of materialities. They can be bought, imprinted, worn, handwritten, and so forth. They might be part of a calculated design and impression, or spontaneous and occasional.

In this article, the LL is understood as a metaphor for the modern sociolinguistic situation in Russia, as an instrument for embracing globalization and diversity (“to be like everyone else and still different”), as a way of expressing pride in the semiotic diversity allowed in society, as well as delight in participation in a cultural clash understood as one modern tendency among others. Since Perestroika, Russia has been characterized as more open towards the world, as a result of which changes have occurred in people's attitudes towards previously forbidden Western values, along with the ethnic rise in and mobilization of local linguistic minorities and the influx

of immigrants. This has also ushered advertising into the linguistic landscape of the country. The contemporary Russian LL, influenced to some extent, just like everywhere else, by global design and ideology, is searching for its own specificity. In this vein, local languages and cultures might prove to be a valuable resource.

The goal of this article is to provide a brief overview of the intercultural tendencies in the modern LL of certain Russian regions: where it can be detected, why languages other than Russian are used, what the purpose of their use is, and who uses them. This interculturality might seem superficial, but it is nevertheless significant because citizens encounter it in their everyday lives. To this end, the research questions the article addresses are: *What are the main tendencies in the Russian urban LL? How is linguistic diversity represented in public spaces? How do different languages intersect there? Does language planning affect the actual practices of citizens in large cities and in the provinces? Do the national republics within Russia differ from the multicultural cities when it comes to public language use?*

I will provide some background information about the cities investigated and the situation of the languages that form part of their linguistic repertoire. I will also discuss several specific cases concerning national republics and other places with a linguistic minority presence.

The study was carried out in 2010–2019 during multiple trips to different parts of Russia. As this is a relatively long period of time, specifying when the fieldwork was carried out in each geographical location would have taken up too much time and space, and hence I have omitted this information. In Moscow, the LLs were photographed and analyzed extensively (all of the facades and advertisements in a street section) and frequently (twice a year); in some cases, shots of a whole street were taken and compared, producing a longitudinal study of sorts. In the case of other areas (Siberian cities, Finno-Ugric regions, small towns), visits were more limited in time. In the course of the investigation, several thousand photographs were taken. They were sorted and classified according to a number of specific criteria (the languages used, transliteration types, material objects, type of font, and so on). In the section that follows, I will firstly discuss some trends in the LLs as observed in different parts of

big cities. Secondly, I will try to analyze the use of different alphabets and fonts as a mark of an author's vision of the commodities. Thirdly, I will visit the countryside (in almost each location I studied, I travelled for about 100 or more kilometres outside big cities) in search of multicultural phenomena. Fourthly, I will turn my attention to the national republics and compare their LL to that of the rest of Russia.

Language legislation in Russia

Russia is a multilingual state, proclaiming the importance of polyethnicism in the very first lines of its Constitution: "We, the multinational people of the Russian Federation, united by a common fate on our land...". According to the Constitution, Russian is the state language across the whole territory of the country.

The Federal Law of the Russian Federation No. 53 "On the State Language of the Russian Federation", published on 7 June 2005, states that this language must be used on all official occasions, for example when geographical names or road signs are written. In official circumstances and in the national, regional, and municipal media, only the normative language can be accepted, and the norms are defined by the government; foreign words can only be used when no widely current equivalent exists in the Russian language. Official texts written in other languages alongside Russian should be identical in content and technical appearance to the original Russian text. These regulations do not affect trademarks, logotypes, or products designed for teaching languages.

The Law of the Russian Federation No. 1807-I "On the languages of the peoples of the Russian Federation", published on 25 October 1991, proclaims that languages are national property defended by the state. This concerns only the public sphere of language use. All languages of the Russian Federation (RF) are equal, all peoples and individuals can maintain and comprehensively develop their mother tongues, as well as freely choose and use the language of communication, education, instruction, and creation independently of their origin, social and property status, racial and national identity, gender, education, religion, or place of residence. National and regional media can use Russian or other languages; film productions can be translated into other languages according to the interests of the

population. The use of different languages follows similar principles in the industrial, communication, transport, and energy sectors.

The Federal Law "On advertising" (No. 38) from 13 March 2006 prohibits the use of abusive words, obscene and indecent images, comparisons, and expressions, including those pertaining to gender, race, nationality, profession, social category, age, the language of a person and a citizen, official state symbols, religious symbols, and objects of cultural heritage of the peoples of the RF and of humankind.

The national languages in Russia use special characters that differ from the Russian Cyrillic, whereas Karelian and Finnish use Roman script.

In the "Russian" Russia

A comparison of scripts gives the following results. The Russian language has 33 letters, whereas the Roman alphabet usually has 26. Some letters have the same shape but represent different sounds, as is the case with А, Е, К*, М*, О, Т* (* signifies those cases where the lower-case letter differs in shape). Others have the same shape but different sounds, like В (В), and С (Ц), where the Russian analogue does not exist in the Roman script. Some have similarities in certain fonts and/or sizes, but differ in others, like Д (Д), and У (У). Some have a similar shape, but represent different sounds, like Н / Х [Rus. h] / N / H [Rus. n], and Р / П [Rus. p] – R / P [Rus. r] (the Russian analogue exists in the Roman script but is pronounced differently). Some sounds are represented by completely different shapes, like Ф (Ф), Г (Г), И (И), Ј (Й), Л (Л), С (С), У (У), and В (В). Certain letters are peculiar to the Roman script, such as W, and Z; others are peculiar to Russian, such as Ё [jo], Ж [zh], З [z], Ц [c], Ч [ch], Ш [sh], Щ [shch], Ъ [hard sign], Ы [y], Ь [soft sign], Э [è], Ю [ju], and Я [ja]. Others are misleading, like R / Я, N / И, E / Э because they are almost a symmetrical reflection. Some small handwritten Roman letters may sometimes be confused with other Russian letters (like *b* and в, *g* and д, *r* and г, *y* and у, *p* and р, *u* and и, *n* and п, and *m* and т).

One of the most renowned contemporary Russian writers, Boris Akunin [2011a, b, 2012], has mirrored the use of the scripts in the titles given to a series of novels by Anna Borisova, his female pseudonym. One is called "Vremena goda" – two Russian words written in Roman letters. Another

has the name "ТАМ..."; if capitalized, the Cyrillic and Roman letters coincide; in handwriting, the Russian Т and the Roman М are the same, while a small Roman Т and a small Russian М are different. The third title has an international stem *creativ-* and a very typical Russian suffix *-shtshik*. Thus, the visualization reflecting the Russification of Western concepts or the Westernization of Russian ideas is taking place even in fiction.

An analogous script game is proposed by another famous writer, Sergei Minaev. The titles of his works include "Духless. Повесть о ненастоящем человеке" [2006], "Media Sapiens. Повесть о третьем сроке" [2007], "The Тёлки. Повесть о ненастоящей любви" [2008], and "Videоты" [2010]. The interplay between large and small, Cyrillic and Roman letters, the addition of articles (non-existent in Russian) and suffixes, Westernized and Russified versions, and the complexity of understanding where one language ends and the other begins are typical of other writers' style as well.

Hybrid formulations are perhaps the wittiest instances of creativity: www.biGOODi.ru (capilliculture, named after hair rollers *bigudi*, pronounced like be-goody); *love of shoes* becomes *shuzofilija* according to Russian composite word formation; *SeaZone* Отдыхай 'relax' (*season* is pronounced as *sizon* in Russian); *Vippechka* (VI-Р+печка 'stove'= выпечка 'pastry'). The name of the shop проBEERка combines Cyrillic and Roman; it can be read in different ways, like Rus. проBEРка 'inspection' or проБИРка 'capsule', or the hybrid *pro-BEER-ka* 'about beer something'; one should supposedly drink beer in the café BeerЛОГА 'den'. On the sign DOM MOD ('house of fashions' should be ДОМ МОД in Cyrillic), the anagram communicates the notion that fashion trends are globally acknowledged. Sometimes only one or two letters mark a Western touch to the Eastern world: БАЗАР should be БАЗАР 'bazaar', especially in combination with the adjective модный 'fashionable'; *Джекут* from 'jacket' and *Стэйси* 'Stacy' in a pseudo-Russian half-transcription are the names of clothing stores. Words like *classic*, *extra*, and *super* are beloved by marketers. *Сёстры Мамутины* Салон трикотажного платья (designers' brand); ПИЛКИ (manicure & pedicure); Грэнни'с (cafeteria; non-typical of the Russian language, an apostrophe is used); Лакшери STORE ZILLI; ДОСТАЕВСКИЙ ВОТ

ТАК WOK!; РЕАКТИВ (shooting gallery); Bon – *Appart* МИНИ – ОТЕЛЬ (small hotel, allusion to Bonaparte); www.RODINASTORE.ru (this is the name of a real store, not of the website; presumably, you do not write ‘motherland’ in Roman script); *Blackwood Nevvod space*; BERĖZKABAR (cocktails & friends, an allusion to the Russian and Soviet past); *Matryoshka*; *Killfish – Discount Bar – Киллфиш* (in English); Ресторан *Boulangerie* кафе, *La Famille* свадебный салон ‘wedding office’ (in French); *Te Amo* (beauty studio); *Trattoria* (in Italian); Русский КАММАЙ; one-word terms like LOOK, HOUSE; NEVESTA ‘bride’ (wedding and party fashion); *For MEN* (men’s clothing); *Dance club OSOBNIAC event hall* ‘mansion’; and *Halli Galli* (bars with dances) are further examples of script combinations.

There are international trademarks like *Extreme* знает, что ты хочешь by Nestle, *Nikko Dry Cleaners* химчистка экспресс. The international brands may be transliterated, translated, invented, reproduced, or recombined in the Russian language (Молли Гвиннз Паб at 24 Рязницкая street, and Эстелла Джувелери at 25 Рязницкая in Moscow; transliterated forms include Рив Гош (*Rive Gauche*), Л’Этуаль (*L’Étoile*), Райффайзенбанк (*Raiffeisenbank*), К-Раута (*K-Rauta*), but *L’Occitane en Provence*, *Wittchen*, *Be-Free*, *Calvin Klein*, *Chester*, *Henderson*, and *Prisma* retain the Roman script. Some advertisements seem to be international, but nobody knows whether they really are; examples include Астери Талассо (*Asteri Talasso*), СИТИ (City), Айсберри (*Iceberry*). The incorrect *Chokolatta* should be *Ciocolato/-a* in Italian; it is the name of a “café мансарда” (café written in Roman script, ‘mansard’ in Russian). The Russian word *Shkatulka* ‘ornated box’, *Babochka* ‘butterfly’, *moloko* ‘milk’ (the name of a beauty salon), and *KLEVO!* ‘cool’ are written in Roman script. Some may derive from Chinese (Фалунь фафа система сохранения души и тела). After transliteration, the prefixoid *Euro-* usually becomes *evro-*. Another example is АУТЛЕТО, where the English part *out* is in Cyrillic transliteration, and the Russian part *letu* ‘summer’ is in Roman script; as a result, the summer sale alludes to an *outlet*. Cheeseburgers are sold in #FARШ, a combination of Roman and Cyrillic that should mean ‘minced meat’. There are also ХИЩНИК Стейк & Burgers (half-Russian and half-English), and the GOOD BAR, which trans-

literates *DANCE & GRILL* as ДЭНС & ГРИЛЬ. The МЯСОЕТ Meat Company (myasoet.ru) includes restaurants with Turkish cuisine; the name plays with Cyrillic and Roman letters and combines the words ‘meat’ in Russian and Turkish; when pronounced, it sounds like the Russian word ‘meat-eater’ (in the written form, it could indicate a mistake). The name of the chain Шашлыкоff continues the line where the nominals refer to Russian family names abroad. The names of visiting musical groups remain unchanged (Figs. 2, 3).

Figure 2. In St. Petersburg, one inscription was in Finnish, Chinese and English without any Russian. This could indicate that the information is intended for foreigners only and that the most common tourist groups speak these languages.

Photo by the author

Figure 3. Different tendencies in a bar advertisement in Nizhny Novgorod: *Rock Bar Since 2000*; *Rock вдвоем*; *THE POL'Z@*; *BALANOV*; *Бананейшн Веселая печалька по лету*. A *bananeishn*, or *bananation*, is a party where people are dressed and behave in a summery manner. Photo by the author

There is a script called *ustav* (often referred to as *Slavic vjaz'*, which is incorrect historically; see Fig. 4) that may correspond to the concept of

Gothic script for the Roman alphabet. Basically, it is used to signify something typically Russian or ancient but, paradoxically, other minority languages also use it in this way. The names of restaurants, cafés, souvenir shops and sacred places are among those written in *ustav* (e.g., Сибирская трапеза, Монастырская трапеза, Русская трапеза, Аппетитно Вкусно Быстро, Домашние обеды). Some inscriptions appear with a Ъ at the end (not used in this sense in modern Russian, as well as the less frequent Ъ), which is not allowed in the current orthography and mirrors the old style, like “Кофейная ресторация Ландринъ”. The orthography is inconsistent in this respect.

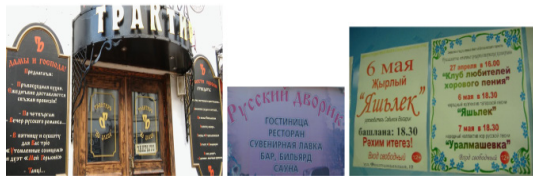

Figure 4. Examples from Nizhni Novgorod (left), Cherepovec (centre) and Ekaterinburg (right). Photos by the author

In large cities in Siberia, some local influences from dialects and minority languages can be spotted, including *shurushki* ‘small things, details’, mineral water *Chazhemto* – ‘frog swamp’ in the Selkup language, the fish *peljad* in Irkutsk, and the pie *xushur* (from Buryat culinary tradition) in Irkutsk. The script may be adapted to represent ethnic (Vietnamese, Indian, Japanese, Korean, Eastern etc.) cuisine. In Ekaterinburg, I also came across announcements in Tatar.

In the national regions

All national regions have their own history of literacy and understanding of the importance of displaying their ethnic and linguistic diversity in the public sphere. The situation in Chuvashia was aptly analyzed by Alos i Font [2019], who meticulously scrutinized the LL of the republic’s capital and established how it depends on the actual political situation and activists’ movements. Protassova and Shchemerova [2014] documented the LL in several national regions. The emphasis was on Mordovia, where national folklore plays a role in the recent naming of public services, and Buryatia, where national dishes are prominent on the signboards. They also demonstrated how

the LL is manifested in Yoshkar-Ola, the capital of the Mari El Republic, which is located on the River Volga at a distance of 8,000 kilometres from Moscow. The population of the city is less than one million, and about 42,9% are Mari; about half of all Mari live outside this territory. The Mari language and its dialects are visible in the names of state institutions and administrative units, on street signs and other public signs, as well as on stamps. The Law “On the Languages in the Mari El Republic” [1995] declares that Mountain (Hill) and Meadow Mari, as well as Russian languages are state languages in the Republic. Inscriptions in the Mari language can be observed in a preschool where Mari is taught intensively, in an archive, in a concert announcement, on street signs, and in a shop. Some information appears in both Russian and Mari, while some is partly translated.

Other examples include the following. The Sakha (Yakutia) Republic covers an enormous territory (3,083,523 km²) in Eastern Siberia, but has fewer than one million inhabitants. Ethnic Yakuts comprise about half the population; more than 60% of all inhabitants speak Sakha (Yakut) (which is a Turkic language with Mongolian, Paleo-Siberian, Russian and other influences). There are indigenous minorities here – Dolgan, Evenki, Even, Yukaghir, and Chukchi. The region is very special from the point of view of the traditional cultural heritage, and is rich in natural resources such as diamonds, gold, tin mines, mammoth bones, and exceptional horses and cattle.

The Law on Languages in the Sakha Republic (Yakutia) (1992, and later amended) declares two official languages, Russian and Sakha (Yakut), and also provides means for the use of local languages in compact settlements. According to this document, the Republic of Sakha (Yakutia) resolves issues in the field of legislation on the development and use of languages on its territory, taking into account the interests of the peoples living there. It recognizes the inalienable right of citizens of any nationality to the free development of their native language and culture, and the equality of all citizens before the law, regardless of their native language. The law underlines the need for improving the teaching and learning of native and foreign languages [Robbek 1998; Badmatsyrenova, Elivanova 2008]. It appears that the law has largely been implement-

ed accordingly¹. Among the hunting and fishing equipment stores, Байанай (Baianai is the spirit of forests and animals in Yakut mythology, and the patron saint of hunters), Бэргэн (Bergen, a name meaning 'right on target') and Булчут (Bulchut, 'hunter') have Yakut names. In the pictures, *Bibelots* is French (the translation is incorrect, as it is 'gifts' in Russian), Кружало (Kruzhalo, which has different meanings, e.g., 'potter's wheel') market is written as *ustav* in Russian. The words 'fruit and vegetables' appear in Russian and Yakut (additional inscriptions in Russian), administrative signboards are in two languages, traditional souvenirs are named in Yakut, or Yakut, Russian and English, and advertisements for the National Theatre are mostly in Yakut (see Fig. 5). This distribution of languages shows that the title language is used in specific domains as a marker of the local culture and legislation, but at the same time, other languages are welcome. For example, French, the language of northern neighbour Canada, is taught in many schools alongside English.

The Udmurt Republic is a sovereign republic within the Russian Federation, with a population of 1,5 million. There are about 750,000 Udmurt people altogether, most of whom live in the republic, while others reside in other regions in Russia. The Udmurt Republic is situated in the Western part of the Middle Urals between the Kama and Vyatka Rivers. Izhevsk, the capital of the Udmurtia Republic, is located at a distance of 1,325 kilometres from Moscow. Russian and Udmurt (a Finno-Ugric language) are both state languages in Udmurtia; about 100 other languages are also spoken. There is a Ministry of National Affairs that takes care of the presence of the language in the public sphere [Salánki 2007]. The Law of the Udmurt Republic "On the state languages of the Udmurt Republic and the other languages of the peoples of the Udmurt Republic" [2002] considers this indigenous language endangered despite the number of people speaking it, because fewer and fewer Udmurts report it as their mother tongue [Khakimov, Trusova 2010]. The administration has tried to introduce public signs in the two languages, translations of official documentation, and new words to be adopted into the language. The photographs illustrate how the two languages are placed on the

same sign plate or on two plates near each other (there may also be two signs on either side of the entrance); not all of the information is duplicated. The Udmurt precedes the Russian or vice versa. Numerous shops and public transport stations have signs in two languages; unfortunately, we have no statistical information on this (see Fig. 6). In effect, difficulties are experienced when trying to apply bilingualism in practice in the public sphere [Torokhova 2012].

Figure 5. The LL of Yakutsk: some French, some Russian Ustav, and the national Yakut language. Photos by the author

Figure 6. The linguistic landscape in Izhevsk. Photos by Eduard Khakimov

In Kudymkar (in the Komi-Permyak region), signs in the national language are connected with cultural events, teaching the language, and official organizations (like ministries, museums, concert halls, theatres, restaurants, and teachers' forums). Most of the inscriptions are in Russian only (see Fig. 7).

Figure 7. The linguistic landscape of Kudymkar. Photos by the author

¹ Other republics have similar laws, yet their implementation is not always evident.

The Republic of Karelia in Northwest Russia is home to many Karelians (about 10% of the population), totalling about 125,000 altogether (other Karelians live in Finland and in the Tver and Leningrad regions). Four languages are important in this province: alongside Karelian and Russian, the Finnish and Veps languages are used. Karelian has to be written in Roman letters, as does Finnish, but this decision came about only recently. Proficiency in Karelian and Veps is low [Toivanen, Saarikivi 2016]. Finnish is mostly taught as a foreign language, although there are still Finns living in Russia. There is no language law, but relevant legislation includes a Law on Education (1994), a Law on Culture (1995), and a Law on State Support for the Karelian, Veps, and Finnish Languages in the Republic of Karelia (2004) [Klementyev et al. 2012]. Signs in Finnish may be addressed to locals as well as to Finnish tourists. One shopping centre is called *Onnela* ('place of luck', 'Paradise', 'Eden') in some Karelian dialects as well as in Finnish. According to an interview conducted by Karelian activist Natalia Antonova, the owner of the centre, who is an immigrant from a former Soviet republic himself, wanted to have a name that would reflect local colour, and asked her to suggest one. Today, he is starting a new project, and again wants to adopt a Karelian name for it. Language activists have actually founded a House (home) for the revitalization of the Karelian language in the Vieljärvi commune (Fig. 8).

The capital city of Petrozavodsk was founded in 1703 by Peter the Great for military needs. The population of Petrozavodsk is predominantly Russian (87%). Karelians make up about 4%, Veps about 1%, and Finns about 2% of the population in the city. There is greater interest in learning Finnish than Karelian or Veps. Signs in Finnish are more prevalent than other non-Russian inscriptions. The National Theatre uses four languages in advertisements (Russian and Finnish predominate, sometimes playing with Cyrillic and Roman letters) and provides simultaneous translation during the shows (for reference, see n-teatr.ru).

The national languages are not present everywhere. In Altay, for example, the salience of the local Altay language is not noticeable (Fig. 8 is an exception and is for the attention of tourists). In some settings (see Fig. 9), local languages

are a charming exoticism. The German language can be seen here and there in the national region of Russian Germans around the Siberian city of Omsk (Fig. 10). In many national territories, there is either no sign of local languages, or they are underrepresented (see Fig. 11).

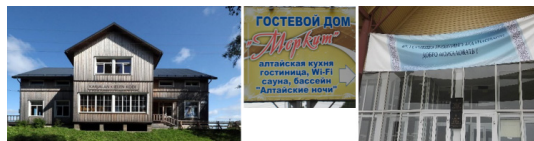

Figure 8. The House (home) of Karelian language in Vieljärvi (Karelia). The inscription is in Karelian. Photo by Natalia Antonova. In Altay, the only inscription with local colour concerned the naming of the hotel in a village. In Nanai Sikachi-Alyan village, situated on the bank of the Amur River in the Khabarovsk region, the welcome banner on the administrative building is in Nanai and Russian. Photo by the author

Figure 9. In Khanty-Mansiysk, the modern museum has inscriptions in Russian and English only. Words in the local languages can be found in the ethnographic park. Photos by the author

Figure 10. Omsk and Alexandrovka. Photos by the author

Tatarstan is located on the Volga and is a flourishing self-confident republic of Russia, preserving its national language and identity by all possible means, revitalizing Islam and Orthodoxy, and stimulating international relationships in science, education, and the econ-

omy all over the world. The distance between Moscow and Kazan is about 825 kilometres. According to the Law “On the Languages of Peoples of the Tatarstan Republic” (1992), both languages, Tatar (Turkic) and Russian, have the status of state languages and enjoy equal rights; still, only about 50% of Tatars (about 3.7 million) can speak the local language fluently [Graney 2010]. Rychkov and Rychkova [2012] have studied ethnolinguistically loaded landscapes of the capital, where similar information is provided in Russian, Tatar, and English, or in a combination of all three. In addition, other languages may be used in the streets and in the mass media. Beyond the central streets, the LL is more like everywhere else in Russia, with the exception of a few inscriptions in the Tatar language and names of Tatar origin. In November 2018, in one of the main areas, Bauman pedestrian street in a segment about 1,000 steps long, about 60% of the advertisements and signs were in Russian, 30% in international English, and 10% in Tatar (Fig. 12). Aristova [2016] also demonstrated that in the LL in Tatarstan English predominates over the local language, Tatar.

Discussion

The language policy, as reflected in the laws, regulates some of the practices aimed at advertising and presenting languages in the public space. The other side of the issue concerns people’s wishes to see their language as part of their scenery, to be served in the language, and to feel at home within family communication. This can be achieved through a linguistic landscape that welcomes local languages and realities. Through acquaintance with the ‘big letters’ on inscriptions, those who have doubts about their knowledge will acquire new words and use them more often than before. This will contribute to the maintenance of the national languages of Russia. Shortcomings sometimes occur due to a lack of specialists who could provide good translations on all occasions. Sometimes dialect speakers do not recognize ‘their own’ language in what they see and reject the idea of the written language. Conflicts occur between the norms known only by a few and a level of reasonable proficiency, especially because Russian and local tongues are constantly mixed. The practices of using languages in the public sphere are inconsistent, as is the case in other countries as well [Lado 2011]. Nevertheless, signs in the national languages were few and far between among the signs visible in the linguistically specific areas. As my interest lies in linguistic diversity, I was able to find them precisely because I was purposefully searching for them.

I found some traces of a regional touch everywhere, but ‘Russian Russia’ tendencies (the use of English and other foreign languages, reminders of the past) are evidently more important than local colour. Russian predominates everywhere. The villages do not produce many visual written symbols, preferring to use ready-made external signboards. National, minority, and global structures usually interact in the multi-layered LLs of minority villages; each logic is oriented towards a specific audience [Pietikäinen et al. 2011]. The new tendency, seen to varying degrees in the cities of the national republics and connected to the growing number of well-educated young professionals coming from the countryside and speaking their heritage languages, might introduce more wordplay into the signs in their towns. In this way, they have the potential to bring about a transformation in the LL.

Figure 11. In the village of Potapovo on the Taymyr Peninsula, a non-Russian inscription appears in the Nenets language (on the side of the local shop).
Photo by the author

Figure 12. The Bauman pedestrian street in Kazan

Conclusions

According to the Constitution of the Russian Federation, Russia is a multilingual and multicultural country. Although there are laws governing the use of language and advertisements in the public sphere, there is no official policy towards language use in LLs. In other words, nobody sees the urban landscape as an entity that must be looked after. Therefore, in reality, the LL does not represent a variety of ethnic cultures at all levels of the use of languages – everyday, cultural, historical, or official. This raises the question of whether the LL should orientate people towards the use of languages. Multicultural linguistic constellations in the streets often seem to take the form of a symbol or a joke, or play with the form and content of letters and words. Alongside official use in the national republics, all other inscriptions rely on the creativeness of the citizens, who reflect their preferences and dreams in them. Russian cities represent meeting points for global and local tendencies in LL development. Immigrant varieties of Russian can be seen in those places where they intersect. Activists are fighting for the presence of their own languages on the internet, which has become prestigious and polyfunctional [Orekhov, Reshetnikov 2016], and in many places, we can observe the same efforts being made in the LL. As Hämäläinen [2021] puts it, endangered languages are not low-resourced, and if the necessity and demand emerge, they can always enter the public space.

The inscriptions do not represent real proficiency in many languages, but play with various influences instead, mostly stemming from an imagined and constructed life abroad rather than from indigenous roots and cultures. Sidorova et al. [Sidorova et al. 2014] witnessed analogous issues in the north of Yakutia. It seems that multilingualism based on the knowledge of one's own languages is possible, but not truly supported, and allusions to foreign languages overwhelm. Clashes between Slavisms, localisms, and globalisms in the spontaneous use of brand names in the urban space and in the provinces lead to the creation of a specific mixed culture. This culture

sometimes uses the Roman script independently of the rules of any existing language, sometimes in accordance with a transliteration system. This constructed Westernness diminishes when one goes deeper into the countryside, but never disappears completely.

As in many places around the world, the state language dominates, mutilated international English has entered the original multicultural frame, and a moderate presence of other foreign and local minority languages can be observed [Coluzzi 2009]. When speakers switch from one language to another in a multilingual setting, it is a symbol of their multilingualism [Angermeyer 2005]; when they just use certain words or change the script while expressing other meanings, it is often symbolic of their attitude.

Chinese, which also has a widespread international presence, can be discovered in several places. Some time ago, immigrant sellers in the markets wrote their announcements themselves on pieces of cardboard, and interesting instances of the use of different languages could sometimes be observed. Nowadays, this process is more computerized, and more Russian-speaking sellers are hired. Native bilingual writings are rare. Baranova and Fedorova [2017] obtained similar results in the pursuit of a migrant presence in the LL.

Through emotionality and associations connected to styles and scripts, multiculturalism as expressed in public signs is more vibrant than the multicultural policy, although not all authors and observers are aware of its potential. Advertisements are directly connected to the interests and self-expression of the owners. The linguistic landscape speaks volumes about how ordinary and better-off people would like to live, the kind of shopping habits they have, how they spend their free time, and so forth. The provenance of symbols can be ready-made and global, or home-made and local, but their employment is a tool for reasserting internationality and diversity when different ethnicities abound. Humour, mistakes and misinterpretations are duly a natural feature of using languages that have not been learned properly.

Литература

- Акунин, Б. = Борисова, А. Времена года / Б. Акунин = А. Борисова. – М. : Астрель, 2011б. – 480 с.
Акунин, Б. = Борисова, А. Креативщик / Б. Акунин = А. Борисова. – М. : Астрель, 2012. – 315 с.
Акунин, Б. = Борисова, А. Там... / Б. Акунин = А. Борисова. – М. : Астрель, 2011а. – 320 с.

- Баранова, В. В. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга / В. В. Баранова, К. С. Федорова // *Городские исследования и практики*. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 103–121.
- Замятин, К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, Я. Сааркииви, А. Пасанен. – Vammala : POGA, 2012. – 181 с.
- Казахстан. Переход на латиницу. – Текст : электронный // Sputniknews.kz. – 12.04.2017. – URL: ru.sputniknews.kz/trend/latinita_12042017/?mobile_return=yes&_ga=2.100417622.932187546.1542144213-848727409.1542144213 (дата обращения: 28.05.2021).
- Орехов, Б. Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ / Б. Орехов, К. Решетников // *Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве* / под ред. Е. Г. Лапиной-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним. – М. : НЛЮ, 2016. – С. 263–281.
- Петрова, Н. Мигрант с натуры. Кто теперь едет работать в Россию / Н. Петрова. – Текст : электронный // *Коммерсантъ*. – 12.08.2017. – URL: kommersant.ru/doc/3380376?utm_campaign=push&utm_source=kommersant (дата обращения: 28.05.2021).
- Протасова, Е. Вариативность лингвистического ландшафта России / Е. Протасова // *Экология языка и коммуникативная практика*. – 2015. – № 4. – С. 91–102.
- Протасова, Е. Многоязычие в облике регионов России / Е. Протасова, Н. Щемерова // *Современные модели развития культурных индустрий в регионах России* / под ред. М. Л. Магидович. – М. ; СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 189–194.
- Протасова, Е. Русский язык в туристическом ландшафте зарубежья / Е. Протасова // *Русский язык за рубежом*. – 2013. – № 5. – С. 53–61.
- Розина, Р. И. Чужие и свои слова на московских улицах / Р. И. Розина // Земская Е. А., Каленчук М. Л. *Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина*. – М. : Языки славянской культуры, 2007. – С. 491–505.
- Сидорова, Л. А. Лингвистический ландшафт северного поселка как продукт культурных индустрий (на примере п. Черский Республики Саха (Якутия)) / Л. А. Сидорова, Г. Фергусов, Л. Валликиви // *Современные модели развития культурных индустрий в регионах России* / под ред. М. Л. Магидович. – М. ; СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. – С. 195–204.
- Торохова, Е. А. Языковая политика в Удмуртской республике / Е. А. Торохова // *Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология*. – 2012. – № 2. – С. 152–158.
- Хахимов, Е. Р. Русский язык как лингва франка в республике Удмуртия / Е. Р. Хахимов, Е. Г. Трусова // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian* / ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. – Helsinki : University of Helsinki, 2010. – С. 127–138.
- Чудиновских, О. С. Статистическое обеспечение миграционной политики РФ. Миграционный барометр в Российской Федерации / О. С. Чудиновских. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 44 с.
- Alos i Font, N. Russian, Chuvash and English: Minority-language activism, tourism promotion and the evolution of municipal advertisements in Shupashkar/Cheboksary (2015–2018) / N. Alos i Font // *Russian Language in the Multilingual World* / ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. – Helsinki : University of Helsinki, 2019. – P. 68–86.
- Angermeyer, P. S. Spelling Bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage / P. S. Angermeyer // *Language in Society*. 2005. – Vol. 34, № 4. – P. 493–531.
- Aristova, N. English Translations in the Urban Linguistic Landscape as a Marker of an Emerging Global City: The Case of Kazan, Russia / N. Aristova // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2016. – № 231. – P. 216–222.
- Aronin, L. Multilingualism / L. Aronin, D. Singleton. – Amsterdam : Benjamins, 2012. – 230 p.
- Backhaus, P. Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo / P. Backhaus. – Clevedon : Multilingual Matters, 2007. – 158 p.
- Badmatsyrenova, D. Language policy in Russia: The case study of the Yakut language / D. Badmatsyrenova, A. Elivanova // *The Northern Research Forum Secretariat. The Borderless North*. – Akureyri : University of Akureyri Research Centre, 2008. – P. 215–218.
- Bruyèl-Olmedo, A. English as a lingua franca in the linguistic landscape of the multilingual resort of S'Arenal in Mallorca / A. Bruyèl-Olmedo, M. Juan-Garau // *International Journal of Multilingualism*. – 2009. – Vol. 6, № 4. – P. 386–411.
- Cenoz, J. Linguistic Landscape and Minority Languages / J. Cenoz, D. Gorter // *International Journal of Multilingualism*. – 2006. – Vol. 3, № 1. – P. 67–80.
- Chudinovskikh, O. Russia: A migration system with Soviet roots. Migration Policy Institute, Migration Information Source / O. Chudinovskikh, M. Denisenko. – 18.05.2017. – URL: migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots (mode of access: 28.05.2021). – Text : electronic.
- Coluzzi, P. The Italian linguistic landscape: the cases of Milan and Udine / P. Coluzzi // *International Journal of Multilingualism*. 2009. – Vol. 6, № 3. – P. 298–312.
- Dufva, H. Moni-ilmeinen monikielisyys / H. Dufva, S. Pietikäinen // *Puhe ja kieli*. 2009. – Vol. 29, № 1. – P. 1–14.
- Edelman, L. The presence of minority languages in linguistic landscapes in Amsterdam and Friesland (the Netherlands) / L. Edelman // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2014. – № 228. – P. 7–28.
- Gorter, D. Introduction: The study of the linguistic landscape as a new approach to multilingualism / D. Gorter // *International Journal of Multilingualism*. – 2006. – Vol. 3, № 1. – P. 1–6.
- Graney, K. E. Of Khans and Kremllins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia / K. E. Graney. – Plymouth : Lexington Books, 2010. – XII, 288 p.
- Grishaeva, E. B. Linguistic landscape of the city of Krasnoyarsk / E. B. Grishaeva // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – № 200. – P. 210–214.
- Hämäläinen, M. Endangered languages are not low resourced! / M. Hämäläinen // *Multilingual Facilitation* / ed. by M. Hämäläinen, N. Partanen, K. Alnajjar. – Helsinki : University of Helsinki, 2021. – P. 1–11.

- Ivković, D. Pragmatics meets ideology: Digraphia and non-standard orthographic practices in Serbian online news forums / D. Ivković // *Journal of Language and Politics*. – 2013. – Vol. 12, № 3. – P. 335–356.
- Khudoikulova, N. Linguistic situation in Tajikistan: language use in public space / N. Khudoikulova // *Russian Journal of Communication*. – 2015. – Vol. 7, № 2. – P. 164–178.
- Klementyev, Y. The Karelian language in Russia: An overview of a language in context / Y. Klementyev, S. Kovaleva, K. Zamyatin // *Working Papers in European Language Diversity* 12. – Mainz etc. : *European Language Diversity for All (ELDIA)*, 2012. – 14 p.
- Kreslins, J. Linguistic landscapes in the Baltic / J. Kreslins // *Scandinavian Journal of History*. – 2003. – Vol. 28, № 3–4. – P. 165–174.
- Kutlay, Y. Ethnolinguistic vitality perceptions and language revitalization in Bashkortostan / Y. Kutlay, S. Kroon // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2003. – Vol. 24, № 4. – P. 319–336.
- Lado, B. Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community / B. Lado // *International Journal of Multilingualism*. – 2011. – Vol. 8, № 2. – P. 135–150.
- Lallukka, S. The East Finnic minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends / S. Lallukka. – Jyväskylä : Gummerus, 1990. – 344 p.
- Landry, R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality. An empirical study / R. Landry, R. Y. Bourhis // *Journal of Language and Social Psychology*. – 1997. – Vol. 16, № 1. – P. 23–49.
- Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities / ed. by R. Toivanen, J. Saarikivi. – Bristol : *Multilingual Matters*, 2016. – 362 p.
- Linguistic Landscape: Expanding the Scenery / ed. by E. Shohamy, D. Gorter. – London : Routledge, 2008. – 392 p.
- Linguistic Landscaping in India, with Particular Reference to the New States / ed. by N. H. Itagi, S. Kumar Singh. – Mysore : Central Institute of Indian Languages, 2002. – XII, 255 p.
- Litvinskaya, A. A. Linguistic Landscape of “Little Russia by the Sea”, a Multilingual Community in a Brooklyn Area of New York City : A Ph.D. Thesis / Litvinskaya A. A. – Indiana University of Pennsylvania, 2010. – 186 p.
- Minority Languages in the Linguistic Landscape / ed. by D. Gorter, H. F. Marten, L. Van Mensel. – New York : Palgrave Macmillan, 2012. – XII, 347 p.
- Mirvahedi, S. H. Linguistic landscaping in Tabriz, Iran: a discursive transformation of a bilingual space into a monolingual place / S. H. Mirvahedi // *International Journal of the Sociology of Language*. – 2016. – № 242. – P. 195–216.
- Moriarty, M. Languages in motion: multilingualism and mobility in the linguistic landscape / M. Moriarty // *International Journal of Bilingualism*. – 2014. – Vol. 18, № 5. – P. 457–463.
- Mustajoki, A. Russification of Western concepts: political will and crisis in a Russian way / A. Mustajoki, E. Protasova // *Understanding Russianness* / ed. by R. Alapuro, A. Mustajoki, P. Pesonen. – New York : Routledge, 2012. – P. 32–52.
- Muth, S. Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification / S. Muth // *Russian Journal of Linguistics*. – 2017. – Vol. 21, № 3. – P. 463–675.
- Pavlenko, A. Language conflict in post-Soviet linguistic landscapes / A. Pavlenko // *Journal of Slavic Linguistics*. – 2009. – Vol. 17, № 1–2. – P. 247–274.
- Pavlenko, A. Transgression as the Norm: Russian in Linguistic Landscape of Kyiv, Ukraine / A. Pavlenko // *Gorter et al.* – 2012. – P. 36–56.
- Pavlenko, A. Why diachronicity matters in the study of linguistic landscapes / A. Pavlenko, A. Mullen // *Linguistic Landscape*. – 2015. – Vol. 1, № 1/2. – P. 114–132.
- Perotto, M. The presence of the Italian language in the linguistic landscapes of Moscow / M. Perotto // *Dimensions of Sociolinguistic Landscapes in Europe: Materials and methodological solutions* / ed. by M. Laitinen, A. Zabrodskaja. – Frankfurt a.M. : Lang, 2015. – P. 263–282.
- Pietikäinen, S. Frozen actions in the Arctic linguistic landscape: A nexus analysis of language processes in visual space / S. Pietikäinen, P. Lane, H. Salo, S. Laihiala-Kankainen // *International Journal of Multilingualism*. – 2011. – Vol. 8, № 4. – P. 277–298.
- Rasinger, S. M. Linguistic landscapes in Southern Carinthia (Austria) / S. M. Rasinger // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. – 2014. – Vol. 35, № 6. – P. 580–602.
- Robbek, V. Language situation in the Sakha Republic (Yakutia) / V. Robbek // *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge* / ed. by E. Kasten. – Münster : Waxmann, 1998. – P. 113–122.
- Rychkov, S. I. Ethnically marked linguistic landscape of Kazan / S. I. Rychkov, N. V. Rychkova // *Paper presented at the Sociolinguistics Symposium* 19, 21.–24.8. – Berlin : Freie Universität, 2012. – P. 120–121.
- Salánki, S. The Present-Day Situation of the Udmurt Language : A Ph.D. Thesis / Salánki S. – Budapest : Eötvös Loránd University, 2007. – 12 p.
- Sebba, M. Ideology and alphabets in the former USSR / M. Sebba // *Language Problems and Language Planning*. – 2006. – Vol. 30, № 2. – P. 99–125.
- Shohamy, E. Linguistic Landscape in the City / E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni. – Clevedon : *Multilingual Matters*, 2010. – 384 p.
- Tafoya, S. M. The linguistic landscape of California schools / S. M. Tafoya // *California Counts*. – 2002. – Vol. 3, № 4. – P. 1–14.
- The small indigenous nations of Northern Russia. A guide for researchers. Vol. 29 / ed. by D. A. Funk, L. Sillanpää. – Åbo Academy University, Social Science research Unit, 1999. – XII, 184 p.
- Tsypanov, E. Language and ethnic mobilization among the Komi in the post-Soviet period / E. Tsypanov // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. – 2001. – Vol. 29, № 1. – P. 109–128.

Tufi, S. Trademarks in the linguistic landscape: methodological and theoretical challenges in qualifying brand names in the public space / S. Tufi, R. Blackwood // *International Journal of Multilingualism*. – 2010. – Vol. 7, № 3. – P. 197–210.

Wright, S. Language Policy and Language Planning. From Nationalism to Globalisation / S. Wright. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 311 p.

Yelenevskaya, M. Global Russian: between decline and revitalization / M. Yelenevskaya, E. Protassova // *Russian Journal of Communication*. – 2015. – Vol. 7, № 2. – P. 139–149.

Yelenevskaya, M. Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy / M. Yelenevskaya, L. Fialkova // *Russian Journal of Linguistics*. – 2017. – Vol. 21, № 3. – P. 557–586.

References

- Akunin, B. (2012). = Borisova, A. *Kreativshchik* [Creative]. Moscow, Astrel'. 315 p.
- Akunin, B. (2011a). = Borisova, A. *Tam...* [There...]. Moscow, Astrel'. 320 p.
- Akunin, B. (2011b). = Borisova, A. *Vremena goda* [Seasons]. Moscow, Astrel'. 480 p.
- Alos i Font, H. (2019). Russian, Chuvash and English: Minority-Language Activism, Tourism Promotion and the Evolution of Municipal Advertisements in Shupashkar/Cheboksary (2015–2018). In Nikunlassi, A., Protassova, E. (Eds.). *Russian Language in the Multilingual World*. Helsinki, University of Helsinki, pp. 68–86.
- Angermeyer, P. S. (2005). Spelling Bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage. In *Language in Society*. Vol. 34. No. 4, pp. 493–531.
- Aristova, N. (2016). English Translations in the Urban Linguistic Landscape as a Marker of an Emerging Global City: The Case of Kazan, Russia. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 231, pp. 216–222.
- Aronin, L., Singleton, D. (2012). *Multilingualism*. Amsterdam, Benjamins. 230 p.
- Backhaus, P. (2007). *Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo*. Clevedon, Multilingual Matters. 158 p.
- Badmatsyrenova, D., Elivanova, A. (2008). Language Policy in Russia: The Case Study of the Yakut Language. In *The Northern Research Forum Secretariat. The Borderless North*. Akureyri, University of Akureyri Research Centre, pp. 215–218.
- Baranova, V. V., Fedorova, K. S. (2017). (Ne)vidimost' i (vne)nakhodimost': trudovye migranty i jazykovoï landshaft Sankt-Peterburga [(In)visibility and (Out of)discoverability: Labor Migrants and the Language Landscape of Saint Petersburg]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*. Vol. 2. No. 1, pp. 103–121.
- Bruyel-Olmedo, A., Juan-Garau, M. (2009). English as a Lingua Franca in the Linguistic Landscape of the Multilingual Resort of S'Arenal in Mallorca. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 6. No. 4, pp. 386–411.
- Chudinovskikh, O. S. (2011). *Statisticheskoe obespechenie migratsionnoi politiki RF. Migratsionnyi barometr v Rossiiskoi Federatsii* [Statistical Support of the Migration Policy of the Russian Federation. Migration Barometer in the Russian Federation]. Moscow, MAKSS Press. 44 p.
- Chudinovskikh, O., Denisenko, M. (2017). Russia: A Migration System with Soviet Roots. In *Migration Policy Institute, Migration Information Source*. May 18. URL: migrationpolicy.org/article/russia-migration-system-soviet-roots (mode of access: 28.05.2021).
- Coluzzi, P. (2009). The Italian Linguistic Landscape: the Cases of Milan and Udine. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 6. No. 3, pp. 298–312.
- Dufva, H., Pietikäinen, S. (2009). Moni-ilmeinen Monikielisyys. In *Puhe ja kieli*. Vol. 29. No. 1, pp. 1–14.
- Edelman, L. (2014). The Presence of Minority Languages in Linguistic Landscapes in Amsterdam and Friesland (the Netherlands). In *International Journal of the Sociology of Language*. No. 228, pp. 7–28.
- Funk, D. A., Sillanpää, L. (Eds.). (1999). *The Small Indigenous Nations of Northern Russia. A guide for Researchers*. Vol. 29. Åbo Academy University, Social Science research Unit. XII, 184 p.
- Cenoz, J., Gorter, D. (2006). Linguistic Landscape and Minority Languages. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 3. No. 1, pp. 67–80.
- Gorter, D. (2006). Introduction: The Study of the Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 3. No. 1, pp. 1–6.
- Gorter, D., Marten, H. F., Van Mensel, L. (Eds.). (2012). *Minority Languages in the Linguistic Landscape*. New York, Palgrave Macmillan. XII, 347 p.
- Graney, K. E. (2010). *Of Khans and Kremlins: Tatarstan and the Future of Ethno-Federalism in Russia*. Plymouth, Lexington Books. XII, 288 p.
- Grishaeva, E. B. (2015). Linguistic Landscape of the City of Krasnoyarsk. In *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 200, pp. 210–214.
- Hämäläinen, M. (2021). Endangered Languages are Not Low Resourced! In Hämäläinen, M., Partanen, N., Al-najjar, K. (Eds.). *Multilingual Facilitation*. Helsinki, University of Helsinki, pp. 1–11.
- Kazakhstan. Perekhod na latinitsu [Kazakhstan. Switching to Latin]. (2017). In *Sputniknews.kz*. 12.04. URL: ru.sputniknews.kz/trend/latinica_12042017/?mobile_return=yes&_ga=2.100417622.932187546.1542144213-848727409.1542144213 (mode of access: 28.05.2021).
- Khakimov, E. R., Trusova, E. G. (2010). Russkii yazyk kak lingva franca v respublike Udmurtiya [Russian as a Lingua Franca in the Republic of Udmurtia]. In Mustajoki, A., Protassova, E., Vakhtin, N. (Eds.). *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. Helsinki, University of Helsinki, pp. 127–138.
- Khudoikulova, N. (2015). Linguistic Situation in Tajikistan: Language Use in Public Space. In *Russian Journal of Communication*. Vol. 7. No. 2, pp. 164–178.

- Klementyev, Y., Kovaleva, S., Zamyatin, K. (2012). The Karelian Language in Russia: An Overview of a Language in Context. In *Working Papers in European Language Diversity* 12. Mainz etc., European Language Diversity for All (ELDIA). 14 p.
- Kreslins, J. (2003). Linguistic Landscapes in the Baltic. In *Scandinavian Journal of History*. Vol. 28. No. 3–4, pp. 165–174.
- Kutlay, Y., Kroon, S. (2003). Ethnolinguistic Vitality Perceptions and Language Revitalization in Bashkortostan. In *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 24. No. 4, pp. 319–336.
- Itagi, N. H., Kumar Singh, S. (Eds.). (2002). *Linguistic Landscaping in India, with Particular Reference to the New States*. Mysore, Central Institute of Indian Languages. XII, 255 p.
- Ivković, D. (2013). Pragmatics Meets Ideology: Digraphia and Non-Standard Orthographic Practices in Serbian Online News Forums. In *Journal of Language and Politics*. Vol. 12. No. 3, pp. 335–356.
- Lado, B. (2011). Linguistic Landscape as a Reflection of the Linguistic and Ideological Conflict in the Valencian Community. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 8. No. 2, pp. 135–150.
- Lallukka, S. (1990). *The East Finnic Minorities in the Soviet Union. An Appraisal of the Erosive Trends*. Jyväskylä, Gummerus. 344 p.
- Landry, R., Bourhis, R. Y. (1997). Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study. In *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 16. No. 1, pp. 23–49.
- Litvinskaya, A. A. (2010). *Linguistic Landscape of "Little Russia by the Sea", a Multilingual Community in a Brooklyn Area of New York City*. A Ph.D. Thesis. Indiana University of Pennsylvania. 186 p.
- Mirvahedi, S. H. (2016). Linguistic Landscaping in Tabriz, Iran: a Discursive Transformation of a Bilingual Space into a Monolingual Place. In *International Journal of the Sociology of Language*. No. 242, pp. 195–216.
- Moriarty, M. (2014). Languages in motion: multilingualism and mobility in the Linguistic Landscape. In *International Journal of Bilingualism*. Vol. 18. No. 5, pp. 457–463.
- Mustajoki, A., Protassova, E. (2012). Russification of Western Concepts: Political Will and Crisis in a Russian Way. In Alapuro, R., Mustajoki, A., Pesonen, P. (Eds.). *Understanding Russianness*. New York, Routledge, pp. 32–52.
- Muth, S. (2017). Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 21. No. 3, pp. 463–675.
- Orekhov, B., Reshetnikov, K. (2016). Gosudarstvennye yazyki Rossii v Vikipedii: K voprosu o setevoi aktivnosti minoritarnykh yazykovykh soobshchestv [State Languages of Russia on Wikipedia: On the Issue of the Network Activity of Minority Language Communities]. In Lapina-Kratasyuk, E. G., Moroz, O. V., Nim, E. G. (Eds.). *Nastroika yazyka: upravlenie kommunikatsiyami na postsovetском prostranstve*. Moscow, NLO, pp. 263–281.
- Pavlenko, A. (2009). Language Conflict in Post-Soviet Linguistic Landscapes. In *Journal of Slavic Linguistics*. Vol. 17. No. 1–2, pp. 247–274.
- Pavlenko, A. (2012). Transgression as the Norm: Russian in Linguistic Landscape of Kyiv, Ukraine. In *Gorter et al.*, pp. 36–56.
- Pavlenko, A., Mullen, A. (2015). Why Diachronicity Matters in the Study of Linguistic Landscapes. In *Linguistic Landscape*. Vol. 1. No. 1/2, pp. 114–132.
- Perotto, M. (2015). The Presence of the Italian Language in the Linguistic Landscapes of Moscow. In Laitinen, M., Zabrodskaja, A. (Eds.). *Dimensions of Sociolinguistic Landscapes in Europe: Materials and methodological solutions*. Frankfurt a.M., Lang, pp. 263–282.
- Petrova, N. (2017). Migrant s natury. Kto teper' edet rabotat' v Rossiyu [A Migrant from Nature. Who is Now Going to Work in Russia]. In *Kommersant*. 12.08. URL: kommersant.ru/doc/3380376?utm_campaign=push&utm_source=kommersant (mode of access: 28.05.2021).
- Pietikäinen, S., Lane, P., Salo, H., Laihiala-Kankainen, S. (2011). Frozen Actions in the Arctic Linguistic Landscape: A Nexus Analysis of Language Processes in Visual Space. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 8. No. 4, pp. 277–298.
- Protassova, E. (2013). Russkii yazyk v turistichestkom landshafte zarubezh'ya [Russian Language in the Tourist Landscape Abroad]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 5, pp. 53–61.
- Protassova, E. (2015). Variativnost' lingvisticheskogo landshafta Rossii [Variation of the Linguistic Landscape of Russia]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 4, pp. 91–102.
- Protassova, E., Shchemerova, N. (2014). Mnogoyazychie v oblike regionov Rossii [Multilingualism in the Guise of Russian Regions]. In Magidovich, M. (Ed.). *Sovremennye modeli razvitiya kul'turnykh industrii v regionakh Rossii*. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 189–194.
- Rasinger, S. M. (2014). Linguistic Landscapes in Southern Carinthia (Austria). In *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. Vol. 35. No. 6, pp. 580–602.
- Robbek, V. (1998). Language Situation in the Sakha Republic (Yakutia). In Kasten, E. (Ed.). *Bicultural Education in the North: Ways of Preserving and Enhancing Indigenous Peoples' Languages and Traditional Knowledge*. Münster, Waxmann, pp. 113–122.
- Rozina, R. I. (2007). Chuzhie i svoi slova na moskovskikh ulitsakh [Strangers and Their Own Words on Moscow Streets]. In Zemskaya, E. A., Kalenchuk, M. L. *Yazyk v dvizhenii. K 70-letiyu L. P. Krysinina*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, pp. 491–505.
- Rychkov, S. I., Rychkova, N. V. (2012). Ethnically Marked Linguistic Landscape of Kazan. In *Paper presented at the Sociolinguistics Symposium 19, 21.–24.8*. Berlin, Freie Universität, pp. 120–121.
- Salánki, S. (2007). *The Present-Day Situation of the Udmurt Language*. A Ph.D. Thesis. Budapest, Eötvös Loránd University. 12 p.
- Sebba, M. (2006). Ideology and Alphabets in the Former USSR. In *Language Problems and Language Planning*. Vol. 30. No. 2, pp. 99–125.

- Shohamy, E., Ben-Rafael, E., Barni, M. (2010). *Linguistic Landscape in the City*. Clevedon, Multilingual Matters. 384 p.
- Shohamy, E., Gorter, D. (Eds.). (2008). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London, Routledge. 392 p.
- Sidorova, L. A., Ferguson, G., Vallikivi, L. (2014). Lingvisticheskiy landshaft severnogo poselka kak produkt kul'turnykh industrii (na primere p. Cherskii Respubliki Saha (Yakutiya)) [The Linguistic Landscape of the Northern Village as a Product of the Cultural Industry (on the Example of Chersky Village of the Sakha Republic (Yakutia))]. In Magidovich, M. (Ed.). *Sovremennye modeli razvitiya kul'turnykh industrii v regionakh Rossii*. Saint Petersburg, RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 195–204.
- Tafoya, S. M. (2002). The Linguistic Landscape of California Schools. In *California Counts*. Vol. 3. No. 4, pp. 1–14.
- Toivanen, R., Saarikivi, J. (Eds.) (2016). *Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities*. Bristol, Multilingual Matters. 362 p.
- Torokhova, E. A. (2012). Yazykovaya politika v Udmurtskoi respublike [The Language Policy in the Udmurt Republic]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya istoriya i filologiya*. No. 2, pp. 152–158.
- Tsypanov, E. (2001). Language and Ethnic Mobilization among the Komi in the Post-Soviet Period. In *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. Vol. 29. No. 1, pp. 109–128.
- Tufi, S., Blackwood, R. (2010). Trademarks in the Linguistic Landscape: Methodological and Theoretical Challenges in Qualifying Brand Names in the Public Space. In *International Journal of Multilingualism*. Vol. 7. No. 3, pp. 197–210.
- Wright, S. (2004). *Language Policy and Language Planning. From Nationalism to Globalisation*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 311 p.
- Yelenevskaya, M., Fialkova, L. (2017). Linguistic Landscape and What It Tells Us about the Integration of the Russian Language into Israeli Economy. In *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 21. No. 3, pp. 557–586.
- Yelenevskaya, M., Protassova, E. (2015). Global Russian: between Decline and Revitalization. In *Russian Journal of Communication*. Vol. 7. No. 2, pp. 139–149.
- Zamyatin, K., Saarikivi, J., Pasanen, A. (2012). *Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii?* [How and Why Should the Languages of the Peoples of Russia Be Preserved?]. Vammala, POGA. 181 p.

Данные об авторе

Протасова Екатерина Юрьевна – кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, адъюнкт-профессор, доцент, Отделение языков, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).

Адрес: P.O. Box 24, 00014 University of Helsinki, Finland.

E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi.

Author's information

Protassova Ekaterina Yurievna – Candidate of Philology, Doctor of Pedagogy, Adjunct Professor, Associate Professor, Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland).

Дата поступления: 01.06.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 01.06.2021; date of publication: 30.06.2021

ФАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОРЕЦЕНЗИЙ)

Басовская Е. Н.

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

Воронцова Т. А.

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена рассмотрению фатического компонента в современной медиакommunikации. Проблемой исследования является определение специфики реализации фатической составляющей в медиатексте. Эмпирическим материалом исследования послужили тексты двух типов: профессиональные рецензии, опубликованные в СМИ, и пользовательские отзывы, размещенные на платформе Яндекс Дзен, посвященные фильму голливудского режиссера К. Нолана «Довод».

Традиционное представление о фатике как «общении ради общения» (например, устная беседа случайных попутчиков в поезде) рассматривает данный тип коммуникации как противопоставленный информативному речевому взаимодействию.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что трансформация медиасреды, связанная прежде всего с развитием интернет-коммуникации, существенно изменила как само понятие фатики, так и соотношение фатического и информационного компонента в медиатексте. Авторы предполагают, что основной функцией фатической коммуникации в медиатексте является «контактозакрепляющая» функция, которая реализуется как в профессиональных СМИ, так и в блогах. Методом коммуникативно-прагматического анализа были выявлены приемы, позволяющие адресанту медиатекста привлечь и удержать «своего» читателя: тотальная ирония, оппозиция «свой/чужой», я-дискурс и вы-дискурс, использование прецедентных феноменов. Как показал анализ, в современных медиатекстах информационный и фатический компоненты не противопоставлены друг другу: эти два плана образуют единый комплекс, нацеленный на одновременное информирование адресата, воздействие на его систему ценностей, а также включение его в заочный диалог, являющийся одним из основополагающих принципов сегодняшней массовой коммуникации. Адресант медиатекста при помощи прецедентных феноменов, имплицитных или эксплицитных способов самопрезентации, стилистических приемов (стеб, ирония) решает фатическую задачу коммуникативной настройки на «своего» собеседника и поддержания контакта с виртуальным адресатом. За счет фатики происходит не уменьшение «информационной плотности» текста, а его информационная диверсификация, направленная на активизацию коммуникативного процесса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: медиатексты; фатическое общение; рецензии; интернет-отзывы; ирония; свой-чужой; прецедентные феномены; интернет-коммуникации; медиадискурс.

— 2021. — .26, 2. — .68–77. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-05. // -

THE PHATIC CONSTITUENT OF A MODERN MEDIA TEXT (ON THE MATERIAL OF FILM RECORDS)

Evgeniya N. Basovskaya

Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9326>

Tatyana A. Vorontsova

Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk) ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7370-8809>

Abstract. The article deals with the phatic component of modern media communication. The research problem consists in defining the peculiarities of realization of the phatic constituent in media text. The empirical material includes the two types of text: professional reviews published in mass media and users' reviews about the Hollywood producer Nolan's movie *Tenet* placed on Yandex Dzen platform.

The Traditional understanding of phatic as "communication for communication sake" (e.g., a talk of random passengers on a train) considers this type of communication as opposed to informative speech interaction.

This urgency of this research can be attributed to the fact that transformation of media space, associated mainly with the development of Internet communication, has considerably changed both the very notion of phatic communication and the correlation of phatic and informational component in media text. The authors suppose that "contact ensuring" function, realized both in professional mass media and in blogs, is the main function of phatic communication in the media text. The method of communicative-pragmatic analysis was employed to reveal the techniques that allow the media text producer to attract and keep attention of "their" reader, such as: total irony, opposition "own-alien", *I*-discourse and *you*-discourse, use of precedent phenomena, etc. The analysis has shown that informative and phatic components are not opposed in modern media texts: these two planes form one complex area aimed at simultaneously informing the addressee, influencing their system of values and engaging them in an online dialogue, which is the basis principle of mass communication today. The media text producer solves the phatic task of communicative tuning in to "their" interlocutor and maintaining contact with a virtual text receiver via using precedent phenomena, implicit and explicit methods of self-presentation, stylistic devices (banter, irony). The phatic constituent does not reduce the "informational density" of the text but rather performs its informational diversification aimed at activation of the communicative process.

Key words: media text; phatic communication; reviews; Internet reviews; irony; "own-alien"; precedent phenomena; Internet communication; media discourse.

For citation: Basovskaya, E. N., Vorontsova, T. A. (2021). The Phatic Constituent of a Modern Media Text (on the Material of Film Records). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 68–77. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-05.

Введение

Данная статья посвящена исследованию одного из ключевых процессов, характеризующих современное медиапространство – перераспределению сфер, в которых преобладают информационная и фатическая функции речевого общения. По замечанию Н. Б. Мечковской, свойственная компьютерной эпохе интенсификация информационных потоков создает парадокс: «Коммуникация доминирует над информацией, сообщение – над содержанием, средство – над целью, контакт – над пониманием» [Мечковская 2009: 532].

Фатическая функция языка была охарактеризована Р. О. Якобсоном (со ссылкой на Б. Малиновского) как «направленность на контакт, осуществляемая посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации...» [Якобсон 1975: 201]. Следует специально подчеркнуть, что исследователь, в отличие от авторов ряда более поздних работ, говорит именно о *поддержании*, а не только об *установлении* контакта.

Развивая этот тезис, Т. Г. Винокур обнаружила в речевом поведении человека в целом постоянно существующую оппозицию «фатики и информатики» [Винокур 1993: 135].

Противопоставление общения, имеющего очевидную внешнюю цель (передать информацию, научить, убедить, вовлечь в деятельность и др.), и общения, обладающего самоценностью, направленного на самого себя, в условиях традиционной, докомпьютерной коммуникации было актуально главным образом для устной разговорной речи. Не случайно классическим примером фатического диалога стал разговор попутчиков в поезде: в данном случае обмен репликами действительно служит прежде всего формой времяпрепровождения и чаще всего не имеет значимых социальных последствий.

Что касается средств массовой информации, то они оказывались за рамками анализа фатики, поскольку у специалистов не вызывала сомнений их нацеленность на результат – информирование аудитории, уточнение ее картины мира, убеждение в правильности/

неправильности тех или иных идей, побуждение к действию и участие в организации этих действий. В советских учебниках и их более поздних переизданиях речь неизменно идет о действенности и эффективности журналистского творчества. По словам Е. П. Прохорова, «каждое СМИ стремится к наиболее полному выполнению поставленных перед ним задач. При этом принципиально важным ориентиром творческой деятельности оказывается конечный результат – сила общественного влияния, выполнение своей роли „четвертой власти“ по отношению как к социальным институтам, так и к массовой аудитории» [Прохоров 2009].

Такой подход к деятельности СМИ не отрицает их «контактоустанавливающей» и «контактоподдерживающей» активности: редакции, издательские дома, радио- и телевизионные программы, медиахолдинги не могут не прилагать усилий к тому, чтобы привлечь и сохранять читательский/слушательский/зрительский интерес, формировать и расширять лояльную аудиторию [об этом см., например: Лысенко 2019]. Однако в данном случае вряд ли корректно говорить о фатической коммуникации: цели журналистов, публикующих развлекательные материалы, разыгрывающих призы или организующих праздники для читателей, выходят далеко за рамки «общения ради общения».

В новейшее время развитие массовой коммуникации дало основание ряду исследователей говорить об активизации фатического компонента в медиасреде. Но толкование фатичности остается при этом весьма неоднозначным. Так, Н. А. Корнилова и К. В. Прохорова предлагают называть фатическим общением «ту часть медиаречи, которая не несет социально значимой информации, т. е. 1) снимает социально острую тематику либо 2) разрежает информационную плотность медиадискурса» [Корнилова 2012: 139]. О «разрежении информационного потока» говорит и Н. А. Прокофьева, добавляя к этой функции развлекательную, которую она также считает формой реализации фатической интенции [Прокофьева 2017: 142]. М. А. Девятова и Л. В. Романовская со ссылкой на Н. А. Корнилову утверждают, что «фатическая речь в СМИ находит выражение в ироничности, персонализации сообще-

ния, в имитации дружеского, зачастую фамиллярного общения» [Девятова 2020: 355].

Из процитированных работ вытекает ряд вопросов, касающихся фатического компонента медиадискурса.

1. Типично ли для современного медиатекста уменьшение «информационной плотности» высказывания?

2. Исключает ли фатическое медийное общение передачу социально значимой информации?

3. Является ли фатическая составляющая медиаречи имитационной, представляет ли она собой лишь стилизацию под настоящее фатическое общение?

Цель исследования – предложить ответ на данные вопросы на основе анализа новейшего медиатекстового материала.

Эмпирический материал и методика исследования

Для анализа выбраны два типа источников эмпирического материала, которые мы условно обозначаем как тексты с преобладанием фатической интенции (первично фатические) и выполняющие фатическую функцию в качестве дополнительной (вторично фатические). К первому типу, на наш взгляд, относятся широко представленные в Интернете пользовательские отзывы – публикации, содержащие непрофессиональные оценки предметов и явлений (ключевая интенция – поделиться впечатлениями). Ко второму типу принадлежат типологически близкие, но характеризующиеся иным адресантом профессиональные рецензии (ключевые интенции – распространить социально значимую информацию, принять участие в рекламной кампании – или антирекламе – продукта, поставить важные для общества вопросы).

В ходе исследования были использованы такие лингвистические методы, как метод коммуникативно-прагматического анализа, метод контекстуального и стилистического анализа.

В ходе исследования были проанализированы рецензии кинокритиков на новый фильм голливудского режиссера К. Нолана «Довод», опубликованные на сайтах «Афиша Daily», «Канобу», «Коммерсантъ Weekend», Esquire и Meduza и др. (5 текстов). Средний

объем текста профессиональной рецензии – 7 100 знаков, 986 слов. Такие тексты еще не могут уверенно квалифицироваться как «объемные», но не относятся и к разряду предельно лаконичных. Они ориентированы не только на передачу информации, но и на интеллектуальное и эмоциональное общение с аудиторией, а также авторскую самопрезентацию.

С определенной долей условности медиатекстами можно считать и пользовательские отзывы, которые мы относим к первично фатическим текстам. Эти отзывы, как правило, представлены в таком жанре интернет-дискурса, как блог. Как известно, данный интернет-жанр характеризуется многообразием форм. Блог рассматривают как гибридный жанр, «способный (...) трансформироваться в зависимости от потребностей адресанта» [Калашникова 2010: 176], как макрожанр, внутри которого формируются микрожанры [Шляховой 2017], как гипержанр [Кочеткова 2014].

При этом большинство исследователей обращает внимание на то, что по ряду параметров блог близок к СМИ [Казнова 2011; Кочеткова 2014; Шляховой 2017 и др.]. Происходит «адаптация жанровых моделей СМИ под блогерский формат», которая «приводит к возникновению в структуре гипержанра блога жанров блога-статьи, блога-рецензии, блога-комментария и др.» [Кочеткова 2014: 39].

М. О. Кочеткова, сравнивая профессиональную рецензию и блог-рецензию, указывает на сходные характеристики данных жанров: оценочность, информативность, установку на воздействие на адресата. К основным отличиям блога-рецензии от рецензии в СМИ автор относит личностно-ориентированный характер, наличие я-образа адресанта, которому свойствен разговорный стиль [Кочеткова 2014: 39]. Прагматические параметры пользовательского отзыва в жанре блога позволяют предположить, что фатический компонент в данном тексте представлен иначе, чем в профессиональной рецензии.

Материалом для исследования послужили тексты, размещенные на Яндекс Дзен – рекомендательной ленте контента и платформе для блогеров, позволяющей независимым авторам публиковать статьи, фото, видео. Прин-

ципальная коммуникативно-прагматическая особенность такого интернет-дискурса состоит в том, что его адресант не является профессиональным журналистом или блогером. На данной платформе представлены тексты различной тематики, их авторы – интернет-пользователи разного возраста, статуса, уровня образования.

Для анализа мы взяли отзывы о фильме «Довод», размещенные на тематических каналах *Полуночное Кино; Кино-опыт; Moview, Киновед в штатском, Смотрим хорошее* и др. (всего 12 текстов). Объем текстов пользовательских отзывов варьируется от 1 000 до 7 000 знаков. Если основная интенция профессиональной рецензии – оценить фильм с точки зрения его художественной, а следовательно, и социальной значимости, то главная интенция пользовательского отзыва – рассказать о фильме с позиций рядового зрителя.

Результаты исследования

Информационная составляющая изученных профессиональных рецензий в значительной степени совпадает. В трех из них указана точная продолжительность фильма – 2,5 часа; во всех названы фамилии актеров, исполняющих главные роли, и перечислены страны и города, между которыми перемещаются герои картины. В четырех из пяти рецензий проводятся аналогии между «Доводом» и серией фильмов о Джеймсе Бонде; повторяются сравнения с «Матрицей» братьев Вачовски, а также с предшествующими произведениями К. Nolana, прежде всего – с «Началом».

Аналитико-оценочный план рецензий, на первый взгляд, различается более существенно. Если автор публикации на сайте «Канобу» И. Аль Сабахи характеризует «Довод» как «качественный фантастический боевик», Е. Москвитин в *Esquire* признает новый фильм К. Nolana по-своему безупречным, то Ст. Зельвенский («Афиша Daily»), Ст. Ф. Ростокский («Коммерсантъ Weekend») и А. Долин (*Meduza*) пишут главным образом о недостатках, называя картину заумной, ложно многозначительной и даже глуповатой. Соответственно, разнообразна и используемая

¹ Некоторые специалисты называют объемными материалы, содержащие свыше 1200 слов. См.: [Золотухин 2015: 94].

авторами статей оценочная лексика: в одних публикациях преобладают слова с позитивной коннотацией (*оригинальный, бодрый, мощный, зрелищный, изобретательный, техничный, изящный, красота, радует, впечатляет* и др.), в других – ярко выраженные негативизмы (*нарочитый, замороженный, инфантильный, схематизм, пижонство, отморозенная эстетика, претенциозная чепуха* и др.).

Не совпадает и рекомендательно-прогностическая часть. Так, Е. Москвитин и А. Долин предполагают, что зритель пойдет на «Довод» повторно, дважды посмотрит премьеру на большом экране. По мнению же Ст. Зельвенского, идти на этот фильм следует только тем, кто рассматривает кино как *«такое специальное место, где вам два с половиной часа медленно ездят на танке по голове»* («Афиша Daily»).

Однако, несмотря на очевидные различия в отношении к фильму, все пять рецензий обладают определенным стилистическим единообразием, которое, по нашим предположениям, определяется близостью фатических интенций критиков и медийных платформ.

Стилевая доминанта рассматриваемых текстов – это тотальная ирония, в равной степени свойственная рецензиям с преобладанием как положительной, так и отрицательной оценки фильма. В каждой из публикаций есть элементы пародийного пересказа фильма:

«...совершенно опереточный Брана с речью про яйца в глотке и тигра, с которым не торгуются, и Дебики, перескочившая на его яхту с точно такой же яхты в „Ночном администраторе“ и таскающая за собой невидимого сына с плакатом „Мотивация!“, и секретные рукопожатия, и похищенный плутоний, и фокусы в духе классического Ван Дамма, и какие-то спецназовцы, бесконечно бегающие туда-сюда под фирменный „бум-бум-бум“ (занятого Ханса Циммера, как выясняется, может симитировать кто угодно), и главный герой, чья принципиальная безликость – он лишен даже имени – скорее убаюкивает, чем интригует» (Афиша Daily);

«Движуха не прекращается ни на минуту. Эту вдохновенную мешанину не убить никаким спойлером. Действие переносится из Мумбаи в Осло, из Таллинна во Вьетнам, где не принадлежащие ни к какой конкретной нации мужчины и женщины сражаются непонятно с кем – то бишь друг

с другом, а иногда с самими собой – в „холодной войне“, которую по ходу действия также называют третьей мировой» (Meduza).

Мы полагаем, что такого рода комическая интерпретация сюжета не преследует цели отвратить зрителей от просмотра фильма и вообще настроить их против К. Нолана. Это скорее дань общей тенденции, отмечаемой в сфере медиакommunikации с 1990-х годов (В. Г. Костомаров обозначил данный тренд как «смех ради смеха» [Костомаров 1994: 38], а авторы коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия» – как стеб [Русский язык конца XX столетия 1996: 23]). Развивая эту идею, автор статьи, опубликованной через 20 лет, подчеркивает: «Современный стеб гораздо более разнообразен и многообразен. С помощью стеба иронизируют не только и не столько над партийным, официальным языком совдепии, сколько над всеми проявлениями и реалиями современной жизни» [Соболева 2017: 84]. Такая ситуация порождает у автора медиатекста потребность влиться в общее русло, настроиться на принятую в СМИ тональность. Как справедливо отмечает, ссылаясь на работы предшественников, Н. А. Корнилова, несомненна «связь фатики с информацией о говорящем, которую получает слушающий в процессе речевого акта» [Корнилова 2012: 3]. Вероятно, сегодняшняя медиафатика предусматривает косвенное информирование адресата о том, что отправитель сообщения «играет по принятым правилам», принимает ерничество как один из важнейших принципов современной российской массовой коммуникации.

Та же фатическая задача – коммуникативной настройки на «своего» собеседника – решается, на наш взгляд, с помощью прецедентных феноменов, активно используемых авторами рецензий. Особое внимание обращают на себя прецедентные имена и ситуации, порожденные советской и новейшей российской историей и культурой: таллиннский Горхолл, «Норд-Ост», «ненаписанный роман позднего Пелевина», рассказ Григория Горина «Чем открывается пиво?», Весельчак У из «Тайны третьей планеты», журнал «Наука и жизнь» и Анатолий Вассерман.

Ассоциации, вызываемые у российско-го читателя (прежде всего – принадлежаще-

го к старшему поколению) этими именами и названиями, создают ощущение знакомой, понятной, обжитой вселенной, противопоставленной холодному, искусственному, непонятному миру режиссера К. Нолана. Таким образом обеспечивается оппозиция «свой / чужой», сущностно важная как для традиционного публицистического, так и для современного медиатекста.

Мы в целом принимаем положение Т. Л. Каминской о том, что «оппозиция „свой – чужой“, „плохой – хороший“, „враг – не враг“ ...становится характерным явлением для российской журналистики в переломные исторические периоды. Образ „своего“ читателя данного издания зачастую реализуется, в частности, методом „отрицания“ – посредством создания образа его политического противника / врага / чуждого» [Каминская 2008: 49]. При этом мы считаем важным уточнить, что, во-первых, данная оппозиция свойственна не только переломным периодам истории, во-вторых, что отсюда закономерно следует, – она не является исключительной принадлежностью политической коммуникации. Противопоставление своего мира чужому естественно для человеческого сознания и пронизывает все сферы жизни. Характерно оно и для области культуры, где вполне отчетливо различаются свои и чужие традиции, приемы и приоритеты. Напоминая аудитории о том, что советское фантастическое кино, российская литература ничуть не менее изобретательны и при этом более глубоки, чем модный фильм К. Нолана, критики, как мы полагаем, превращают случайного читателя рецензии в «своего читателя», причем вне зависимости от того, разделяет ли он предложенную ему оценку конкретного кинопродукта.

Несколько иную организацию текста с точки зрения соотношения информационного и фатического компонентов демонстрируют пользовательские отзывы. В них можно выделить несколько тематических блоков: впечатления и рассуждения адресанта (я-дискурс); непосредственная апелляция к потенциальному адресату (вы-дискурс), содержание фильма «Довод», отсылки к другим фильмам

К. Нолана и кинолентам близкой тематики и высказывания, референтом которых является К. Нолан.

В отличие от профессиональной рецензии, авторское начало в пользовательском отзыве эксплицировано через активное употребление форм местоимения я и глагольных форм 1 лица единственного числа.

Высказывания с я-референтом проходят через весь текст и представляют едва ли не самую объемную его часть. Это связано с тем, что я-дискурс реализует две стратегии адресанта. Первая стратегия – это самопрезентация как обоснование права на речь. Для участника дигитальной коммуникации стратегической задачей является необходимость презентовать себя в качестве «Я-медиа» как источника и центра информационного перекрестка» [Романов 2019: 814]. Ср.: «Мне кажется, я так часто закатывала глаза, что пропустила минут 5 от общего хронометража (...) меня бесила Кэт (...) Мне безумно нравятся все эти научно-фантастические головоломки. Я чувствовала себя Шерлоком, который должен разобраться что здесь происходит на самом деле (...) Как бы внимательно я не следила за происходящим, некоторые моменты я всё-таки упустила из внимания. Честно, перед тем как сесть писать рецензию, я посмотрела штук 5 видео с разборами, но они тоже не смогли в полной мере ответить на мои вопросы. Вариантов нет: как минимум финал я буду перематривать»¹ (Moviev);

«Мне „Довод“ понравился, и я не считаю его худшим фильмом Кристофера Нолана. Но мне также нравится идти против течения даже в собственных пристрастиях и впечатлениях от просмотра (а раньше я даже занимался таким контруконструированием профессионально). Поэтому, я решил предвосхитить будущие баталии вокруг картины» (Киновед в штатском).

Вторая, более значимая для данного жанра стратегия – это установка на диалогичность, поскольку кроме я-дискурса в тексте активно используется вы-дискурс как прямое обращение к потенциальному адресату. Ср.: «Вас не должны смущать текущие высокие оценки на разных порталах – уже в эти выходные они спикируют вниз, когда зрители в недоумении будут выходить из кинозалов и говорить: „Что это сейчас

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены.

было?!“ (...) Вместо вывода, дам вам на вооружение убийственное комбо» (Киновед в штатском);

«Итак, я скачал фильм в качестве HD, дабы ничего не пропустить, дождался ненастного вечера, когда дождь за окном располагает к уютному просмотру фильма, уселся в кресло, тяпнув для сугреву полтинник чаши, я приступил к просмотру. И, должен вам сказать, фильм мне понравился. Я не скажу, что он понравится всем, как он, например, не понравился моей жене, но так и должно быть – нет фильмов, которые нравятся вот всем-всем» (Кино, вино и домино).

Как видно из приведенных примеров, данные фрагменты характеризуются нулевой информативностью по отношению к основной интенции – рассказать о фильме и собственных впечатлениях от просмотра. Высказывания с я-референтом и вы-референтом решают исключительно фатическую задачу поддержания контакта и интимизации взаимодействия с адресатом. «Личные местоимения участвуют в реализации речевых стратегий сближения с собеседником (адресатом) или дистанцирования от него; могут усиливать восприятие сказанного и оценивать ситуацию, включаясь в риторические приемы (...). Эта группа слов активно включается в моделирование процесса общения и способна проявлять статус коммуникантов через понимание критериев выбора типа означивания (референтного или нереферентного) в передаваемой информации» [Синельникова 2020: 27]. В текстах отзыва личные местоимения выступают в качестве маркера фатических высказываний, которые в свою очередь выполняют функцию поддержания контакта с адресатом.

Во всех отзывах, как и в профессиональных рецензиях, присутствуют отсылки к другим фильмам. Однако, в отличие от рецензий, в отзывах такие отсылки используются не только и не столько для сравнения с фильмом «Довод». Во-первых, с помощью таких отсылок автор эксплицирует собственный киноопыт, что делает их фатическим компонентом текста. Ср.: «Это тот случай, когда для полного понимания фильм не грех пересмотреть два, а то три раза (подобный эффект был и в случае с „Облачным атласом“ Вачовски)» (Андрей Карпухин); «Если с „Началом“ я разобрался достаточно быстро, то „Интерстеллар“ заставил мои мозги работать еще сильнее» (Смотрим хорошее); «Я недавно пе-

ресмотрел и „Престиж“ и „Помнить“ и трилогию про Бэтмена» (Кино, вино и домино).

Во-вторых, такие отсылки решают ту же фатическую задачу, которая в профессиональных рецензиях реализуется при помощи прецедентных феноменов, – это коммуникативная настройка на «своего» собеседника. Однако если авторы рецензий стремятся таким образом максимально расширить круг «своих», то в отзывах та же фатическая задача направлена, скорее, на сужение возможной аудитории. Здесь «свои» – это те, кто знает и помнит предыдущие картины Нолана или известные современные американские фильмы, близкие по тематике, героям и т. д. Именно к такому адресату постоянно апеллирует автор. Ср.: «А теперь сравните это с воздушными боями в „Дюнжерке“, с атакой самолета в „Возрождении легенды“, со стыковкой в „Интерстелларе“» (Киновед в штатском); «Достаточно вспомнить его трилогию про Бэтмена» (Смотрим хорошее); «...Джон Дэвид Вашингтон, сын Дензела, вы должны его помнить по „Черному клановцу“» (Андрей Карпухин); «Если вам зашли предыдущие фильмы Нолана – смотрите и „Довод“, не пожалеете! Если же „Начало“ и „Интерстеллар“ вызвали у вас недоумение – „Довод“ не ваш фильм, не тратьте свое время» (Кино вино и домино).

И в профессиональных рецензиях, и в отзывах есть текстовые фрагменты, в которых референтом является режиссер фильма К. Нолан. В принципе в обоих жанрах такие фрагменты можно отнести к фатическим. В рецензиях такие фрагменты представляют собой сведения о личности режиссера (открытое письмо Нолана американским властям, блейзер, в карманах которого он носит нужные вещи и т. п.), т. е. это фатика, содержащая социально значимую информацию, которая может быть интересна читателю и «подогревает» интерес к фильму. В отзывах же данные фрагменты представляют собой эмоционально-оценочные высказывания, выражающие отношение автора к режиссеру. Ср.: «Лично для меня Кристофер Нолан – это своеобразный знак качества в мире киноиндустрии. Нолан способен даже банальный комикс для детей превратить во что-то стоящее, способное даже очень взрослого человека сидеть перед экраном и испытывать только положительные эмоции» (Смотрим хорошее); «Маэстро достоин аплодисментов, поскольку он

не трусил и не стал переносить съемки фильма на будущий год, хотя вполне он легко мог это сделать. Этим он доказал, что для него на первом месте стоят зрители, а не деньги и кинотеатры, и за это Кристоферу огромное спасибо» (Полуночное кино). Такие фатические высказывания реализуют презентационную стратегию: автор позиционирует себя как знатока, имеющего право на оценку известного режиссера.

Н. И. Формановская, характеризуя фатическое общение, указывает, что фатический текст «рассчитан на поиск сочувствия, сопереживания, солидаризации, вообще на утоление сенсорного голода», и является «важнейшим регулятором жизни сообщества, приближения окружающих к себе, введения их в круг „своих“» [Формановская 2002: 18]. Здесь можно провести параллель с фатикой в устной коммуникации. Если «классической» темой фатической коммуникации малознакомых собеседников является погода и природа, то такой же «классикой» фатического общения хорошо знакомых людей (друзей детства, родственников и т. п.) являются общие воспоминания. Активизация общих фоновых знаний – один из самых надежных способов не просто поддержать контакт, но и актуализировать представление об общности собеседников (родственные узы, дружеские связи).

Выводы

Анализ кинокритики и пользовательских отзывов позволяет, таким образом, говорить о том, что в данном жанре современного медиатекста происходит не столько уменьшение «информационной плотности» высказывания, сколько информационная диверсификация. Наряду с данными, обладающими потенциальной информационной ценностью для

адресата кинокритики, критик сообщает ему значительное число дополнительных сведений, расширяет ассоциативное поле, рассказывает не только о фильме, но и о себе. Все это способствует установлению и поддержанию контакта с воображаемым адресатом – при условии, что у него и автора публикации обнаружатся совпадения в жизненном опыте, вкусе, круге интересов.

Анализ материала показал, что фатика в тексте кинокритики отнюдь не исключает передачи социально значимой информации. Напротив, у читателя появляется шанс получить (или актуализировать в памяти) большой объем дополнительных, но важных сведений из области истории и культуры.

Следовательно, фатическая составляющая в жанре кинокритики, и, возможно, и в медиаречи в целом не может рассматриваться как имитация. Безусловно, «настройка» на обобщенного, условного адресата существенно отличается от взаимодействия с конкретным человеком в ситуации живого общения. Тем не менее и отдельный автор, и тем более средства массовой информации по-настоящему заинтересованы в формировании стабильной лояльной аудитории. Чтобы достичь этой цели, важно предоставлять потенциальному читателю разнообразные «коммуникационные услуги»: сообщать точные сведения, объяснять причины явлений, предлагать оценку, подсказывать оптимальный выбор, развлекать и даже смешить. Для значительной части аудитории, более или менее хаотически перемещающейся по интернет-пространству, чтение того или иного текста во многом аналогично хрестоматийному «разговору в поезде», когда требования к информационному ресурсу заранее не сформулированы, а процесс оказывается важнее результата.

Литература

- Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 71 с.
- Девятова, М. А. Функционирование фатических средств в масс-медиа дискурсе интервью / М. А. Девятова, Л. В. Романовская // Общетеоретические и частные вопросы современного языкознания: сборник научных статей. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. – С. 354–359.
- Золотухин, А. А. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история – как новые вершины журнализма? / А. А. Золотухин, Ю. Н. Мажарина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 93–96.
- Казнова, Н. Н. Французские блоги как средство массовой коммуникации / Н. Н. Казнова // Иностранные языки в контексте культуры: межвузовский сб. статей по материалам конференций. – Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2011. – С. 47–51.
- Калашникова, А. А. Блог как гибридный речевой жанр / А. А. Калашникова // Научная мысль Кавказа. – 2010. – № 3. – С. 172–177.

- Каминская, Т. Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» / Т. Л. Каминская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 47–55.
- Корнилова, Н. А. Фатическая речь в массмедиа: композиционно-стилистические формы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Корнилова Н. А. – СПб., 2013. – 28 с.
- Корнилова, Н. А. Фатические маркеры в заголовочном комплексе текстов СМИ / Н. А. Корнилова, К. В. Прохорова // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 4 (20). – С. 138–143.
- Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.
- Кочеткова, М. О. Блог-рецензия как жанровая разновидность гипержанра блога / М. О. Кочеткова // Вестник Омского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2 (3). – С. 38–41.
- Кочеткова, М. О. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект / М. О. Кочеткова, И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 39–52.
- Лысенко, М. В. Особенности коммуникации современных медиа-ресурсов с аудиторией / М. В. Лысенко // Colloquium-journal. – 2019. – № 14–4 (38). – С. 115–117.
- Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации. От клинописи до Интернета. Курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта ; Наука. – 2009. – 584 с.
- Прокофьева, Н. А. Фатическая интенция в корпоративных изданиях / Н. А. Прокофьева // Медиалингвистика : материалы II Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Малышев. – 2017. – С. 141–143.
- Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учебник / Е. П. Прохоров. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 351 с.
- Романов, А. А. Медийные демонстративные я-практики как перформативные маркеры сетевой идентичности / А. А. Романов, Л. А. Романова // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи : сб. науч. трудов Междунар. науч. симпозиума. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – С. 813–825.
- Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Земская ; Ин-т рус. яз., Рос. акад. Наук. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 473 с.
- Синельникова, Л. Н. Дискурсивная семантика личных местоимений / Л. Н. Синельникова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 2. – С. 21–28.
- Соболева, И. А. Стеб как тренд современного медиаполитического дискурса / И. А. Соболева // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. – 2017. – № 1 (6). – С. 83–88.
- Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Рус. яз., 2002. – 216 с.
- Шляховой, Д. А. Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации / Д. А. Шляховой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 939–948.
- Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193–230.

References

- Devyatova, M. A. Romanovskaya, L. V. (2020). Funktsionirovanie faticheskikh sredstv v mass-medial'nom diskurse interv'yu [Functioning of Phatic Means in Mass-Media Discourse of Interviews]. In *Obshcheteoreticheskie i chastnye voprosy sovremenno yazykoznanija: sbornik nauchnykh statei*. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, pp. 354–359.
- Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod* [Speech Communication: a Communicative-Pragmatic Approach]. Moscow, Russkii yazyk. 216 p.
- Kalashnikova, A. A. (2010). Blog kak gibridnyi rechevoi zhanr [Blog as a Hybrid Speech Genre]. In *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. No. 3, pp. 172–177.
- Kaminskaya, T. L. (2008). Struktura kategorii «obraz adresata massovoi kommunikatsii» [The Structure of the Category “Image of the Addressee of Mass Communication”]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 12, pp. 47–55.
- Kaznova, N. N. (2011). Frantsuzskie blogi kak sredstvo massovoi kommunikatsii [French Blogs as a Means of Mass Communication]. In *Inostrannye yazyki v kontekste kul'tury: mezhvuzovskii sb. statei po materialam konferentsii*. Perm, Izdatel'stvo Permskogo gosudarstvennogo natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta, pp. 47–51.
- Kochetkova, M. O. (2014). Blog-retsenziya kak zhanrovaya raznovidnost' giperzhanra bloga [Blog Review as a Genre Type of Blog Hypergenre]. In *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (3), pp. 38–41.
- Kochetkova, M. O., Tubalova I. V. (2014). Dinamika razvitiya bloga kak zhanra diskursa blogosfery: sotsiolingvisticheskii aspekt [The Dynamics of Blog Development as a Genre of Blogosphere Discourse: Sociolinguistic Aspect]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 1 (27), pp. 39–52.
- Kornilova, N. A. (2013). *Faticheskaya rechi' v massmedia: kompozitsionno-stilisticheskie formy* [Phatic Speech in the mass media: compositional and Stylistic Forms]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg. 28 p.
- Kornilova, N. A., Prokhorova K. V. (2012). Faticheskii markery v zagolovochnom komplekse tekstov SMI [Phatic Markers in the Headline Complex of Media Texts]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 4 (20), pp. 138–143.
- Kostomarov, V. G. (1994). *Yazykovoi vkus epokhi. Iz nablyudeni' nad rechevoi praktikoi mass-media* [Linguistic Taste of the Era. From observations of the Speech Practice of the Mass Media]. Moscow, Pedagogika-Press. 248 p.

- Lysenko, M. V. (2019). Osobennosti kommunikatsii sovremennykh media-resursov s auditoriei [Features of Communication of Modern Media Resources with the Audience]. In *Colloquium-journal*. No. 14–4 (38), pp. 115–117.
- Mechkovskaya, N. B. (2009). *Istoriya yazyka i istoriya kommunikatsii. Ot klinopisi do Interneta. Kurs lektsii po obshchemu yazykoznaniiyu* [History of Language and History of Communication. From Cuneiform to the Internet. Course of Lectures on General Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka. 584 p.
- Prokhorov, E. P. (2009). *Vvedenie v teoriyu zhurnalistiki* [An Introduction to Journalism Theory]. Moscow, Aspekt Press. 351 p.
- Prokof'eva, N. A. (2017). Fatcheskaya intentsiya v korporativnykh izdaniyakh [Phatic Intention in Corporate Publications]. In *Medialingvistika: materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, pp. 141–143.
- Romanov, A. A., Romanova, L. A. (2019). Mediinye demonstrativnye ya-praktiki kak performativnye markery setevoi identichnosti [Media Demonstrative Self-Practices as Performative Markers of Network Identity]. In *Russkaya grammatika: aktivnye protsessy v yazyke i rechi: sb. nauch. trudov Mezhdunar. nauch. simpoziuma. Yaroslavl, RIO YAGPU*, pp. 813–825.
- Shlyakhovoi, D. A. (2017). Zhanrovye kharakteristiki blogov kak elektronnykh sredstv massovoi kommunikatsii [Genre Characteristics of Blogs as Electronic Mass Communication]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 8. No. 4, pp. 939–948.
- Sinel'nikova, L. N. (2020). Diskursivnaya semantika lichnykh mestoimenii [Discursive Semantics of Personal Pronouns]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. – No. 2, pp. 21–28.
- Soboleva, I. A. (2017). Steb kak trend sovremennogo mediapoliticheskogo diskursa [Mockery as a Trend of Modern Media-Political Discourse]. In *Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta imeni Tarasa Shevchenko*. No. 1 (6), pp. 83–88.
- Vinokur, T. G. (1993). *Govoryashchii i slushayushchii. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener. Variants of Speech Behavior]. Moscow, Nauka. 171 p.
- Vorontsova, V. L., Glovinskaya, M. Ya., Golanova, E. I. et al. (1996). *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language at the End of the 20th Century (1985–1995)] / ed. by E. A. Zemskaya. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 473 p.
- Yakobson, R. O. (1975). *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In *Strukturalizm: «za» i «protiv»*. Moscow, pp. 193–230.
- Zolotukhin, A. A., Mazharina Yu. N. (2015). Longrid, snoufoll, mul'timediinaya istoriya – kak novye vershiny zhurnalizma? [Longread, Snowfall, Multimedia History – How Are the New Peaks of Journalism?]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. No. 2, pp. 93–96.

Данные об авторах

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиаречи, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия).

Адрес: 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, 6.
E-mail: jeni_ba@mail.ru.

Воронцова Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 457084, Россия, г. Челябинск, пр. Победы, 162в.
E-mail: voron500@yandex.ru.

Authors' information

Basovskaya Evgeniya Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Media Speech, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Vorontsova Tatyana Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

Дата поступления: 15.04.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 15.04.2021; date of publication: 30.06.2021

ДЕТЕКТИРОВАНИЕ ЭМОЦИЙ И СЕМАНТИКА ЭМОТИВОВ: ГРУСТЬ И ГНЕВ В АННОТИРОВАННОЙ ВЫБОРКЕ ТЕКСТОВ

Колмогорова А. В.

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена поиску максимально приближенного к интерпретативному ощущению обычного носителя языка способа описания эмоциональной лексики. Новизна исследования связана с тем, что оно опирается на данные эмоционального аннотирования 3920 русскоязычных интернет-текстов, проведенного на значительной выборке информантов при помощи специального компьютерного интерфейса, позволяющего высчитывать «вес» 8 эмоций (грусть, радость, гнев, удивление, стыд, воодушевление, отвращение, страх) в тексте. Материал исследования, результаты которого представлены в данной публикации, составляют две выборки по 150 интернет-текстов, получивших, согласно агрегированной оценке 2000 информантов, наивысшие индексы двух эмоций – грусти и гнева. Предмет исследования – семантика эмотивов грусть и гнев через призму коллективной интроспекции информантов – носителей языка. Цель статьи – обсудить опыт экспертного семантического описания эмотивов грусть и гнев на материале интернет-текстов, аннотированных группой информантов-носителей языка как наиболее «грустные» и «гневные» тексты соответственно. Применение методов психолингвистического эксперимента, корпусного и семантического анализа привело к следующим результатам: семантические описания эмотивов грусть и гнев, полученные таким образом, 1) представляют собой социальные сценарии прототипического переживания эмоции, отражающие интерпретативные стратегии коллективного языкового сознания, а не только интроспективные ощущения эксперта-лингвиста; 2) дают возможность объяснить, почему технологии машинного обучения лучше детектируют в текстах гнев, чем грусть; 3) создают прецедент использования новых технологий для проведения семантического описания эмотивной лексики. Результаты исследования могут найти применение в эмотиологии, лексикографической практике, лингводидактике.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эмотивы; эмоции; грусть; гнев; эмоциональный анализ текстов; детектирование эмоций в тексте; семантическое описание; эмоциональное аннотирование; корпусный анализ.

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00205 «Разработка классификатора русскоязычных интернет-текстов по критерию их тональности на основе модели эмоций „Куб Лёвхейма“».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Колмогорова, А. В. Детектирование эмоций и семантика эмотивов: грусть и гнев в аннотированной выборке текстов / А. В. Колмогорова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 78–89. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-06.

EMOTION DETECTION AND SEMANTICS OF EMOTIVES: DISTRESS AND ANGER IN ANNOTATED TEXT DATASET

Anastasia V. Kolmogorova

Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6425-2050>

Abstract. The article explores the ways of making emotional lexemes semantic description consistent with interpretative intuition of the ordinary language speaker. The research novelty is determined by the fact that it is based on the data retrieved from the emotional assessment of 3920 internet-texts in Russian made by informants via using a specially designed computer interface. When applied this interface, we can aggregate the weight of 8 emotions (distress, enjoyment, anger, surprise, shame, excitement, disgust, fear) in text. Thus, the data we have used for this publication includes two sets of 150 internet-texts assessed by 2000 informants with the highest score of emotions of distress or anger. The scope of the study covers the semantics of two mentioned above lexemes (*grust'* and *gnev*) analyzed through the prism of collective introspection of informants. The article purpose is to discuss the case when a semantic description of emotives is given by an expert, which largely uses “the best texts” of corresponding emotions, according to the collective opinion of informants. Our methods include psycholinguistic experiment, corpus and semantic analysis. The research led us to three main conclusions. Firstly, the semantic descriptions of emotives *grust'* and *gnev* obtained in proposed way represent prototypical scenarios of living an emotion in social context and take into account not only the introspective

sensations of an expert-linguist, but the interpretative strategies of language users. Secondly, such semantic explanation provides us with keys for explaining, why machine learning technologies are better at detecting anger than sadness in text. Finally, it creates a precedent in using new technologies for making an ecological semantic description of emotive vocabulary. The research results can find application in emotiology, lexicographic practice and didactics.

Key words: emotives; emotions; distress; anger; emotional text analysis; emotion detection; semantic description; emotional annotation; corpus analysis.

Acknowledgments: the research leading to these results received funding from the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 19-012-00205 “Design of Sentiment Classifier for Internet Texts in Russian backed by Lövhelm’s Cube Emotion Model”.

For citation: Kolmogorova, A. V. (2021). Emotion Detection and Semantics of Emotives: *Distress and Anger* in Annotated Text Dataset. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 78–89. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-06.

Введение

Со времен классической работы Ч. Морриса [Morris 1938] семантика рассматривалась как область, в которой реализуется отношение языкового знака к тому элементу мира «Действительность», который этот знак замещает.

Когда таким объектом замещения становится эмоция, семантический аспект языкового знака существенно усложняется в силу того, что «Действительность» в сфере эмоциональных переживаний у каждой личности своя. При этом вступают в силу различные факторы: от индивидуального уровня эмпатии человека [Vasilyuk 2016] до степени сформированности его эмоционального интеллекта и успешности социализации. Эта двойственная природа эмоции в языке – биологическая и социальная – позволила исследователям в области биосемиотики предложить в качестве дополнения к известной типологии Ч. С. Пирса четвертый тип знаков – эмоны [Kull 2019].

Таким образом, если отвлечься от идеи системности семантических отношений в языке, а сфокусироваться на биосемиотической и экологической реальности знаковых структур, то следует, по-видимому, признать, что семантическое описание эмоциональной лексики не может обойтись без интроспекции, но последняя должна быть преимущественно коллективной или распределенной [Cowley 2004], т. е. должна не исходить из ощущений

самого исследователя-эксперта, а суммировать подобные семантические впечатления некоторого коллектива носителей языка. Текст и знак не имманентны в своем эмоциональном содержании – последнее есть только некоторый потенциал, который может быть актуализирован в контексте каждой отдельной личности, являющейся одновременно и частью социума, языкового коллектива.

Современные технологии позволяют достигать подобной коллективной распределенной интроспекции и использовать ее результаты в экспертном семантическом анализе. В данной публикации представлен подобный опыт, ставший возможным благодаря тому, что в рамках проекта по разработке компьютерного классификатора интернет-текстов на русском языке исследовательской группой лаборатории прикладной лингвистики и когнитивных исследований Сибирского федерального университета был разработан интерфейс для аннотирования текстов по критерию присутствующей в них эмоции [Kolmogorova, Kalinin, Malikova 2020]. Это позволило использовать краудсорсинг для оценки эмоций, присутствующих в текстах, и формализовать эмоции в каждом из текстов в виде векторов.

Таким образом, цель данной публикации состоит в обсуждении опыта экспертного семантического описания эмотивов *грусть* и *гнев* на материале интернет-текстов, аннотированных группой информантов-носителей

языка как наиболее «грустные» и «гневные» тексты соответственно.

1. Семантическое описание эмоциональной лексики: к истории вопроса

Разговор о способах репрезентации эмоций в языке был начат еще на заре становления структурной лингвистики Шарлем Балли, который утверждал, что, с одной стороны, эмоция может быть манифестирована в слове «рационально» – в понятийном ядре значения, а с другой – ассоциативно, непрямо, например, через коннотативный ореол (*effets par évocation*) [Bally 1921]. В рамках системно-структурной парадигмы велась работа по описанию структурной организации эмотивного значения слова [Бабенко 1989]. Перемещение же категории эмотивности на авансцену лингвистических штудий связано с идеей антропоцентризма в гуманитарных науках XX века.

Так, в Московской семантической школе была разработана семантическая «рамка» для описания эмоции в наивной языковой картине мира [Апресян 1995], представляющая собой подобие психологического сценария переживания эмоции: 1) первопричина эмоции; 2) непосредственная причина эмоции; 3) собственно эмоция, или состояние души, обусловленное тем, что человек воспринял, что он созерцал и как он это оценил; 4) желание продлить или пресечь существование причины эмоции; 5) внешнее проявление эмоции.

В работах А. А. Зализняка эмоции вписаны в иную систему координат – аксиокультурную: исследователь дает толкования эмотивов, например, *радость, удовольствие, счастье*, отталкиваясь от ценностных оппозиций, организующих русскую языковую картину мира [Зализняк 2006: 256–267].

В контексте идей ключевых концептов культуры А. Вежбицкая описывает эмотивы *гнев* и *грусть* в русском языке интроспективно, используя разработанный ею язык семантических примитивов [Вежбицкая 1999].

Когнитивный вектор в толковании лексики эмоций прослеживается в работах, выполненных в рамках лингвопсихологии, где значение лексической единицы рассматривается через призму восьми вариантов когнитивной интерпретации эмоции: эмоциональное со-

стояние; эмоциональное отношение, становление эмоционального состояния и отношения, эмоциональное воздействие, внешнее выражение эмоций, эмоциональная характеристика, эмоциональное качество, человек как средоточие и носитель эмоций [Бабенко 2020]. Парадигма концептуального анализа и функциональный подход к описанию манифестаций эмоций в языке нашли свое воплощение в работах Волгоградской школы лингвоэмотиологии В. И. Шаховского [Жура 2000; Димитрова 2001].

Появление корпусных технологий способствовало становлению так называемых *corpus-driven* исследований [Заячкова 2015], в которых автоматизированными или полуавтоматизированными методами анализируются системные контекстные связи лексем, их статистически значимые коллокации и на этой основе устанавливается их значение / функционал.

Наконец, следует констатировать, что сегодня с лингвистикой эмоций серьезно конкурирует направление, находящееся в «ведении» технологий искусственного интеллекта, – детектирование эмоций в тексте (*Emotion Detection* – например, [Mashal, Asnani 2017]). Как правило, здесь используются модели машинного обучения, которые «обучаются» выполнять поставленную задачу узнавания эмоции на основе коллекции размеченных данных (обучающего множества), где каждому тексту уже приписана определенная эмоциональная метка. Фокус исследовательского внимания распределен между тремя основными точками: 1) преселекция текстов для обучающего датасета; 2) организация процедуры аннотирования текстов выборки, в том числе – процедуры достижения согласованности аннотаций; 3) подбор «экологичных» по отношению к процедуре аннотирования алгоритмов и моделей обучения.

В данном случае интроспекция эксперта-лингвиста, характерная для исследований в области лингвистики эмоций, уступает место интроспекции ассессоров – информантов, перед которыми ставится задача оценить ведущую эмоцию в каждом тексте из обучающего датасета.

В статье мы используем в качестве материала именно такую оцененную информантами

коллекцию интернет-постов, полученную в ходе выполнения проекта в области эмоциональной оценки текстов.

2. Описание эксперимента

Поскольку целью выполняемого проекта является создание компьютерного классификатора текстов по критерию доминирующей в них эмоции, ее достижение невозможно без применения машинного обучения. Для решения задачи классификатора на базе существующих алгоритмов (как классических – например, XGBoost, модель Линейного дискриминантного анализа, некоторые модели, обученные при помощи Логистической регрессии, k-ближайших соседей и Наивного Байеса, – так и современных нейронных сетей) необходима так называемая обучающая выборка. В основе такой выборки – аннотированная коллекция текстов, где каждому тексту информанты приписывают определенную эмоцию. Для того чтобы создать подобную выборку, потребовалось решить две промежуточные задачи: 1) выбрать классификацию эмоций и 2) отобрать тексты для предъявления информантам. Несмотря на разнообразие существующих классификаций эмоций [Ekman 1992; Tomkins 1962; Plutchik 1984], мы остановились на относительно малоизвестной модели, которую называют Кубом Лёвхейма [Lövhheim 2012]. Ее преимущества связаны с трехмерностью самой модели, позволившей разра-

ботать интерфейс для недискретного аннотирования, и с разумным количеством выделяемых эмоций: грусть, радость, отвращение, удивление, воодушевление, гнев, стыд, страх.

Для решения второй задачи при помощи предварительно валидированных в психолингвистическом эксперименте хештегов (например, #_фуу или #Грустненько) была сделана преселекция из 15000 постов (например, #_фуу или #Грустненько) из пабликов «Подслушано», «Палата № 6» и «Карамель» в социальной сети ВКонтакте. Из каждого класса текстов, отобранных по хештегам и прошедших преселекцию, было случайным образом взято по 490 образцов. В итоге объем этой второй выборки, предложенной для эмоциональной оценки, составил 3920 текстов из трех указанных выше пабликов. В качестве платформы для проведения эмоциональной оценки был использован краудсорсинговый ресурс «Яндекс Толока», где можно выбрать информантов согласно их рейтингу, который составляется по итогам оценки качества их работы в других проектах. В данном случае мы постарались отобрать информантов, входящих в среднюю когорту. В общей сложности все тексты были оценены 2000 информантами.

Подход к недискретной разметке текстов, разработанный нами на предыдущем этапе, был адаптирован к техническим условиям платформы¹. Реализованный интерфейс представлен на рисунке 2.

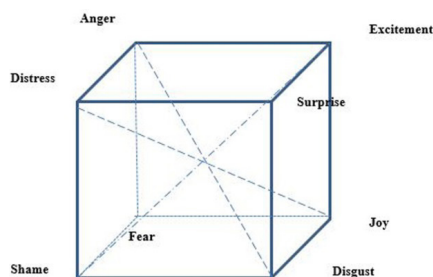

Рис. 1. Внутренние диагонали куба

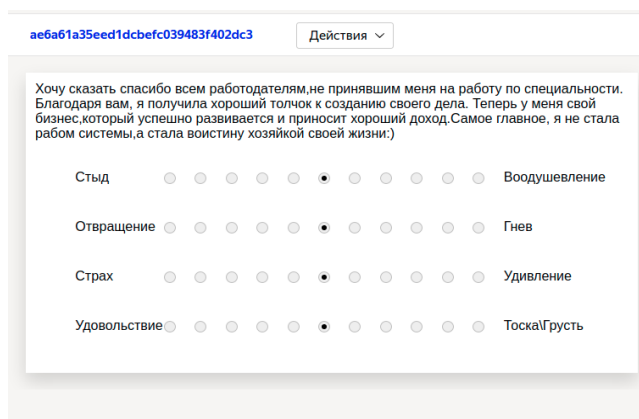

Рис. 2. Интерфейс для недискретной разметки на платформе «Яндекс Толока»

¹ Данные могут быть получены по ссылке <https://storage.yandexcloud.net/nlp-dataset-bucket-1/toloka-vk-proceedings-2020/toloka-vk-raw-unprocessed.tsv>.

Каждая из четырех шкал для эмоциональной оценки представляла собой внутреннюю диагональ куба Лёвхейма (рис. 1). В качестве нейтральной (исходной) позиции понимается центр куба, а на шкалах – середина шкалы. Каждое из четырех измерений трактовалось как вектор со своим углом в трехмерном пространстве и магнитудой. Эти четыре вектора затем агрегировались в один результирующий вектор путем усреднения. С помощью конечной точки результирующего вектора мы определяли «эмоциональные» координаты текста в пространстве Куба¹.

3. Материал и методы

Таким образом, мы получили коллекцию текстов, в которой каждый текст, согласно «усредненному» мнению 2000 информантов (ассессоров) имеет определенный эмоциональный вес. Кроме того, нам удалось извлечь из данной коллекции и некоторые специфические данные, а именно: 1) если составить топ-150 текстов, имеющих, по мнению информантов, самый высокий индекс той или иной эмоции, т. е. визуализировать место этих текстов внутри Куба Лёвхейма, то соответствующие им точки окажутся ближе всего к вершинам Куба; 2) получить статистику о том, как каждый из информантов расставлял ползунок на четырех предложенных шкалах.

Первый тип данных будет использован нами как материал 1) для того, чтобы показать через корпусные методы, чем очень эмоциональные тексты отличаются от нейтральных, поскольку корпус нейтральных текстов также имеется в распоряжении исследовательской группы (подробнее см. [Kolmogorova, Kalinin, Malikova 2021]), и сделать набросок семантической рамки для толкования эмоции «вообще»; 2) для семантического анализа имен соответствующих эмоций (грусть и гнев), дополняющего и специфицирующего заданную семантическую рамку.

Отметим, что мы остановимся только на данных двух эмоциях, поскольку грусть, согласно результатам работы всех использованных алгоритмов машинного обучения, хуже

всего поддается детектированию в тексте на русском языке независимо от используемой модели, а гнев, наоборот, – хорошо распознается независимо от применяемого алгоритма. Возможно, объяснение данного феномена кроется в семантической природе этих эмотивов.

Второй тип данных мы коротко рассмотрим в следующем разделе для того, чтобы проиллюстрировать наше мнение о том, что интерпретация эмоциональной семантики языковых единиц – процесс, подверженный влиянию самых различных индивидуально-обусловленных факторов, учесть которые помогает «коллективная интроспекция» посредством краудсорсинговой эмоциональной оценки.

Для анализа первого из упомянутых типов данных с целью семантического описания эмотивов *грусть* и *гнев* используется инструментарий корпусного менеджера «Sketch Engine».

4. Описание распределения стратегий оценки, продемонстрированных информантами в экспериментальной работе

Анализ деятельности информантов во время выполнения процедуры эмоциональной оценки текстов продемонстрировал, что один и тот же текст провоцирует различные стратегии оценки присутствующей в нем эмоции. В то же время у каждого информанта есть свои стереотипные модели оценки.

Таких стратегий мы выделили пять (рис. 3). Две стратегии лидируют: сбалансированная стратегия (balanced) – после прочтения текста информант приписывает приблизительно равные, но не максимальные, «веса» трем и более эмоциям; стратегия двух вершин (two edges) – на двух из четырех шкал информант ставит ползунок на крайние отметки, выделяя таким образом 2 ведущие эмоции в тексте. Следующие две стратегии являются несколько менее частотными: используя стратегию одной вершины (one edge), информант приписывает максимальные значения интенсивности только одной эмоции, а на остальных шкалах перемещает ползунок на нулевую отметку; опираясь на экстремальную стратегию

¹ Алгоритм пересчета значения векторов измерений в результирующую точку можно найти по этой ссылке: <https://colab.research.google.com/drive/1ASaVNleaHrYxwsr8XK37hPqygoNkawLi?usp=sharing>; Данные с пересчитанными значениями доступны здесь: https://storage.yandexcloud.net/nlp-dataset-bucket-1/toloka-vk-proceedings-2020/toloka_recalc_lean.csv.

(extreme), участник эксперимента отмечает максимальные значения на каждой из четырех шкал. Наконец, наименее востребованная стратегия – пассивная (passive): информант на всех шкалах ставит ползунок на нулевую отметку, что эквивалентно полной эмоциональной нейтральности текста. Однако одновременно такой тип поведения аннотатора можно интерпретировать как свидетельство его нежелания решать поставленную задачу. Тот факт, что в наших данных эта стратегия оказалась наименее частотной, косвенно указывает на ответственное отношение информантов к разметке. Шестая категория объединяет в себе типы поведения, которые мы затруднились классифицировать (other).

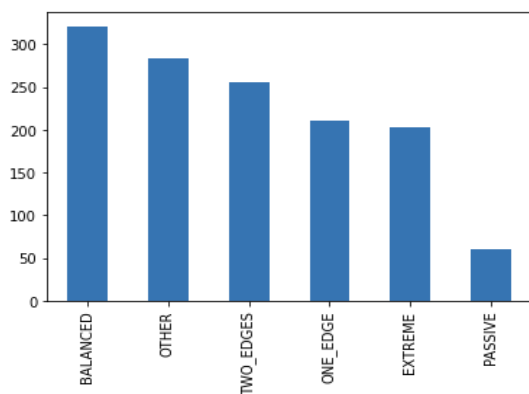

Рис. 3. Распределение стратегий, использованных всеми информантами

Таким образом, те 150 текстов, которые получили наиболее высокий индекс эмоций гнева и грусти по результатам проведенной разметки, являются, по сути, квинтэссенцией тех представлений о данных эмоциях, которые сложились в современном русскоязычном социуме. Причем эмоциональный «рейтинг» этих текстов отражает и индивидуальные стратегии носителей языка, обобщенные до уровня коллективной интроспекции.

5. Семантическое описание эмотивов гнев и грусть

Для того чтобы задать некоторую семантическую рамку для будущих толкований, следует ответить на вопрос о том, чем тексты с высокой эмоциональной насыщенностью отличаются от нейтральных текстов. Для этого

сравним два подкорпуса текстов – подкорпус из 150 самых эмоциональных текстов для 8 эмоций (1200 текстов) и подкорпус нейтральных текстов, полученный за счет автоматического извлечения их из социальных сетей предварительно предобученным классификатором.

Сравнение двух подкорпусов при помощи инструмента «Key n-gram», встроенного в платформу «Sketch Engine», дает следующие результаты в отношении самых специфичных для эмоционального подкорпуса триграмм: *что у меня, когда мне было, с тех пор, и как же, так и не, а у меня, потому что я, потому что ее, ни разу не.*

Они далеко не тривиальны, а достаточно показательны, поскольку очерчивают основные границы ситуации переживания эмоции.

1. Признак «обладание» ((что) у меня), который может принимать разные формы: обладание жизненным опытом (*у меня был секс*), материальным ресурсом (*у меня есть деньги*), социальными связями (*у меня есть поклонник, дочь, подруга, сестра, парень, коллега*), даже некоторым девиантным телесным или психическим качеством (*у меня есть бзик, сломан позвоночник, anosmia, отит, гайморит, фронтит*).

2. Присутствует некая хронологическая отметка в персональной истории (*когда мне было*). Это может быть обозначение какого-то точного, знакового момента, как правило, в детстве или в подростковом возрасте (*когда мне было 11 месяцев, 2, 3, 4 года, 5, 6, 11, 12, 15 лет*) или события во взрослой жизни, после которого все резко изменилось (*с тех пор*): *с тех пор как умерла моя мамочка я стала пить; с тех пор никаких автоматов, езжу исключительно на механике; с тех пор все наперекосяк, облом за обломом.*

3. Идея сфокусированности на своем внутреннем мироощущении, сосредоточенности на нем. Подобная интроспективность маркируется коллокациями и *как же меня бесит, раздражает / и как же мне обидно, стыдно, офигенно, непередаваемо круто, хорошо осознавать, меня* и т. д.

4. Признак «несоответствие норме / противопоставление себя чему-либо» (*так и не и а у меня*), например, несоответствие желаемого / нормы и реальности (*Я так и не решилась взять щенка; А водилу, который меня сбил, так и не нашли*) или противопоставление себя

другим людям (*семья у него была зажиточная, а у меня – как и у большинства в 90-х; мужики всегда любили в отношениях со мной то, что я не ною как другие бабы*), социальным нормам и правилам (*а у меня никаких ургрызений совести*).

5. Данное противопоставление дополняется признаком исключительности ситуации, в которой оказался говорящий (*ни разу не*), относительно социальных стереотипов (*за все это время ни разу не готовила еду, даже яичницу, все готовит мой любимый*), примет и ритуалов (*она мне ни разу не снилась после смерти*).

6. Наконец, ситуация переживания эмоции дополняется поисками ее первопричины, которую говорящий видит либо в себе, либо в других людях: *мы не ругаемся, потому что каждый раз я боюсь, что это наша последняя встреча; она молчала до последнего, потому что ее «лекари» сказали, что опухоли можно лечить, но в полной тайне, иначе слезают*.

Таким образом, прототипическая ситуация переживания сильной эмоции может быть представлена следующим образом: в определенный момент своей жизни Т человек Х оказывается в ситуации Y, которую Х считает а) исключительной, б) заставляющей сосредотачиваться на своих переживаниях, в) дающей ему ощущение обладания некоторыми объектами и отношениями, которые г) заставляют его чувствовать свою противопоставленность по отношению к другим людям и / или д) заставляют искать причину эмоции.

Иначе говоря, описание эмотива может включать в себя пять ключевых признаков: *исключительность, обладание, противопоставление, причинность, интроспективность*. При описании грусти и гнева мы посмотрим роль каждого из этих признаков в экспликации эмоции и при необходимости дополним их.

Для семантической интерпретации грусти признак «противопоставление» играет достаточно важную роль. Он, в частности, просматривается на уровне системных лексических отношений и морфологии.

Так, например, в списке 50 наиболее частотных прилагательных подкорпуса из 150 самых грустных текстов обнаруживается достаточно яркое присутствие антонимичных пар (табл. 1).

Антонимы как бы задают общую идею внутреннего конфликта между собой и миром, существенного для субъекта эмоции.

Таблица 1. Словоформы антонимичных лексем в списке частотных прилагательных подкорпуса грустных текстов

№	СЛОВОФОРМЫ АНТОНИМИЧНЫХ ЛЕКСЕМ (НОРМАЛИЗОВАННЫЕ ЧАСТОТЫ В 1РМ)
1	огромный – маленький (231.178 – 154.119)
2	молодой – пожилой (308.231 – 231.178)
3	новый – старенький (370.123 – 77.9)
4	лишний – нужный (154.19 – 154.19)
5	нормальный – странный (154.19 – 154.19)

На фоне подкорпуса нейтральных текстов в «грустных» шестью наиболее специфическими триграммами являются сочетания, включающие отрицательную частицу *не*: *и я не, что я не, (до) сих пор не, я не могу, я не знаю, все равно не*. «Настойчивость», с которой появляются в корпусе формы отрицания, также становится маркером признака «противопоставленность», ощущаемой говорящим по отношению к социуму и его нормам. Однако эта противопоставленность, как правило, со знаком «–»: говорящий ощущает, что «не дотягивает» до социально приемлемой нормы по каким-либо параметрам. Например:

1) *Я «скрываю» своего двоюродного брата от друзей. Он очень добрый, щедрый и отзывчивый парень, но он абсолютно не образован и очень часто несет несусветную чушь, даже не понимая, как глупо он выглядит. И я не могу решиться пригласить его на свой день рождения уже который год, потому что среди моих начитанных и остроумных друзей он будет выглядеть глупо и унижительно. Я не стесняюсь его и очень люблю, но не хочу выставлять его на посмешище.*

Хотя первоначально в социальной сети пост (пример 1) был размещен под хештегом #стыдно, информанты оценили его как один из самых грустных. Очевидно, поводом для такой оценки стало противоречие между отношением девушки к брату и ее ощущением, что он не соответствует нормам того круга, в котором она общается.

Для гнева признак «противопоставление» также релевантен, но проявляется по-другому: субъект эмоции находится в доминирующей позиции по отношению к социуму и его нормам. На это указывает, например, тот факт, что подавляющее большинство ключевых коллокаций «гневного» подкорпуса при анализе на фоне нейтрального включают в

себя лексемы с ярко выраженной оценочной семантикой, например: *на хрена так, драгоценное время, гениальнейший ответ, назойливый смс-спам, банальное отношение, великолепная идея, разжиревший муж, дурной вкус, беспробудное пьянство, блондинистая мразь*. Аксиологическая поляризация косвенно указывает на то, что говорящий считает себя вправе выносить оценочные суждения относительно «других».

Достаточно интересно проявляет себя признак «обладание».

В «грустных» текстах, по сути, речь идет об «антиобладании», т. е. об обладании тем / кем, кто составляет трудность, проблему, требует заботы. Среди номинаций родственников – лексемы *сестра, дети*, номинирующие самых незащищенных и зависимых членов семьи (*у меня сестра / дети*). Неодушевленные объекты обладания также окружены негативным коннотативным ореолом: *у меня ипотека / галлюцинации / ужасный характер*. Самую обширную группу составляют номинации одушевленных и неодушевленных объектов, которых у субъекта эмоции нет: *у меня нет друзей / друга / любимой девушки / вечеринок / посиделок / совместных проектов / просмотров фильмов вдвоем*. Следующий текстовый фрагмент хорошо отражает те вербальные манифестации признаков «обособленность» и «антиобладание», которые были описаны выше:

2) Больше не могу... Не могу. Смотрю на бывших одноклассников, завидую и плачу по ночам. Мне так стыдно, так больно. У меня уже давно нет девушки. Так давно, что я уже и не верю, что когда-нибудь ее найду.

В «гневных» же текстах наоборот: речь идет об обладании со знаком «+» (*у меня парень, очередь из желающих, крутая тачка, возможности, все хорошо, кожа белая, глаза красивые* и т. д.).

Семантический признак «интроспективность» хорошо просматривается в «грустных» текстах посредством применения инструмента «поиск ключевых слов» при анализе обсуждаемого подкорпуса на фоне нейтральных текстов. Так, в шорт-листе из десяти ключевых глаголов для «грустных» текстов присутствуют четыре глагола, номинирующие внутренние предикаты, которые характеризуют ситуацию, недоступную внешнему наблюдению – о ней знает только переживающий

ее субъект: узнала, знала, чувствую, боялся. Среди десяти ключевых словосочетаний три апеллируют соответственно к температурному, слуховому восприятию и обонянию: *ледяная вода, шумный город, вонючий носок*.

Для эмоции гнева интроспективность, по видимому, не характерна. В списках частотных слов, ключевых лексем или коллокаций (на фоне нейтрального подкорпуса) не обнаружено ни одного из перечисленных выше маркеров. Кроме того, из 50 ключевых для гневного подкорпуса слов 17 лексем – это существительные конкретной семантики (*посуда, наушник, тарелка, мусор, изюм, песок, мыло, штора, вагон, камера, руль, печенка, прокладка, рюкзак, сиг, домик, станок*), в то время как для «грустных» текстов в подобном списке доминировали абстрактные существительные и глаголы ментальной деятельности / восприятия.

Признак «причинность» обнаруживается и в «грустных», и в «гневных» текстах, но имеет разнонаправленные векторы. Так, в «грустных» текстах причину эмоции говорящий видит в социальной ситуации, спровоцированной им самим (пример 3) – я страдаю, потому что у меня самой никого нет:

3) Я одинока. Живу одна и много работаю. Как-то со мной в автобусе ехали старушка и женщина с маленьким ребенком в коляске. Старушка жаловалась на новые дома – что их построили некрасиво и ненадежно. Спустила пару остановок бабушка стала заигрывать с ребенком: она хлопала в ладоши, пытаясь привлечь его внимание, и смеялась. А я стояла рядом и плакала. Я вдруг ясно увидела свое будущее: через много лет, будучи уже немолодой и некрасивой женщиной, радоваться вниманию чужих детей, потому что у меня самой НИКОГО нет.

В «гневных» же текстах причина эмоции кроется в социальных ситуациях, спровоцированных другими, поэтому маркером причинности в таких текстах является не союз *потому что*, а коллокация *бесит, когда* (пример 4):

4) Меня дико бесит, когда обо мне или о ком-либо говорят «молодой человек». Для меня это звучит так, как будто ко мне обращается какая-то бабушка или как-то по-старинному что ли. Это все равно, что парни называли бы своих девушек «мадемуазель». Так ладно бы еще молодым человеком называли действительно молодых.

Наконец, высокая частотность (второй и третий ранг в частотном списке прилагатель-

ных) лексем прошлый и бывший (например, *бывшая военная часть, бывшая одноклассница, прошлый год*) в «грустных» текстах указывает на то, что ситуация, ставшая триггером эмоции грусти, находится в прошлом. Что касается самой этой ситуации, то она относится к повседневной жизни и жизни семьи. Частотные сочетания здесь – *в будни, на похоронах, в семье, в гостях*.

Признак времени не представлен в «гневных» текстах, а вот сама триггерная ситуация локализуется в разнообразных публичных пространствах, а не в семье, как в «грустных» текстах. Здесь речь идет об эпизодах *в маршрутке, в магазине, в офисе, в коридоре, в квартире, в госучреждении, в цеху, в подъезде, в метро, в садику, в школе, в больнице, в аптеке, в торговом центре*.

Суммируя, представим набросок семантического описания эмотивов *грусть* и *гнев* с опорой на пять признаков, включенных нами в семантическую рамку для описания эмоции (табл. 2). Отметим, что данные описания отнюдь не носят модельного характера – они выстроены исключительно на материале нашей выборки «лучших текстовых представителей» той или иной эмоции.

Таблица 2. Семантические профили лексем *грусть* и *гнев*

Семантический признак	ГРУСТЬ	ГНЕВ
противопоставление	+ ↓	+ ↑
обладание	+ (негатив)	+ (позитив)
исключительность	–	–
причинность	+ (в себе)	+ (в других)
интроспективность	+	–

Можно заметить, что четыре из пяти выделенных признаков валидны для описания грусти. При этом признак «обладание», присутствуя, имеет «негативное» наполнение: речь идет об обладании объектами, причиняющими беспокойство и проблемы. Признак «противопоставление» в координатах «я – другие» реализуется за счет принижения себя (стрелка, направленная вниз).

Для описания гнева оказались релевантны три признака из пяти. Признак «обладание» имеет помету «позитив», поскольку речь идет о владении престижными объектами. Идея противопоставленности себя другим реализуется с учетом собственного субъективно бо-

лее высокого статуса (стрелка, направленная вверх). Таким образом, исходя из нашего материала, согласно показаниям коллективной интроспекции информантов-носителей русского языка, семантика лексемы *грусть* может быть описана в виде следующего прототипического сценария:

– в определенный момент своей жизни в прошлом человек оказывается в будничной ситуации, связанной преимущественно с семьей; ситуация воспринимается им как та, которая вынуждает его сосредотачиваться на своем внутреннем мире; она дает ему ощущение обладания объектами, отношениями, *затрудняющими его жизнь*, которые заставляют его чувствовать свою противопоставленность по отношению к другим людям *в силу субъективного ощущения неполноценности*; заставляют видеть в себе причину ситуации, провоцирующей эмоцию.

Для гнева, по-видимому, следует предложить такую трактовку:

– в некоторый момент своей жизни человек оказывается в ситуации *Y*, разворачивающейся в публичном социальном пространстве; эта ситуация воспринимается им как такая, в которой он ощущает себя обладателем некоторых *внешних атрибутов успеха, материальных ценностей*, заставляющих его чувствовать свою противопоставленность по отношению к другим людям *в силу некоторого превосходства*; заставляют видеть причину ситуаций, провоцирующих эмоцию *не в себе, а в других*.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать несколько как практических, так и теоретических выводов.

Практический вывод касается ответа на вопрос, почему «грустные» тексты классифицируются гораздо хуже (значение точности и полноты классификации *f1*, независимо от применяемого алгоритма машинного обучения, не превышает 78%), чем «гневные» (значение точности и полноты классификации *f1*, независимо от применяемого алгоритма, не опускается ниже 94%). По-видимому, это связано с более внешним, эксплицитным переживанием эмоции гнева, каждый семантический признак которой так или иначе связан с субъективным ощущением говорящим своего социально-

го превосходства. Последнее, в свою очередь, имеет в языке яркие лексические средства манифестации: экспрессивно-оценочные лексемы (преимущественно с негативной коннотацией), специфические чрезвычайно частотные специфические коллокации, имеющие экспрессивный оттенок (*бесит, когда*). Их маркированный с точки зрения стилистической нормы характер легко идентифицируется алгоритмами машинного обучения.

Эмоция грусти манифестируется в языке, во-первых, большим количеством признаков, а во-вторых, более имплицитными и сложными способами. Так, на первый план выходит не стилистическая окраска лексем, а их ассоциативный ореол (*ипотека*, например, не имеет фиксированных сем негативной оценки даже в периферийной зоне значения, но ассоциативное значение чрезвычайно негативно нагружено). Актуализируются системные отношения в лексике (антонимы) и морфологические особенности (категория отрицания). Не последнюю роль играет семантика предикатов, обработать и формализовать которую чрезвычайно трудно, и это также затрудняет автоматическую идентификацию данной эмоции.

Что касается теоретического наблюдения, то хочется отметить, что в процессе выполнения проекта, находящегося в области междисциплинарного взаимодействия лингвистики и машинного обучения, а именно – в парадигме аффективных вычислений (*Affective computing*), выкристаллизовалось понимание того, что новые технологии дают лингвистам перспективные возможности для того, чтобы

сделать семантические исследования максимально приближенным к интуитивным ощущениям рядового носителя языка. В эпоху научного позитивизма лингвистика довольно часто слышала от представителей естественных наук упреки в излишней интроспективности и субъективности исследовательских практик. Когда речь идет об эмоциях, кажется, что от данных принципов не уйти. Но апробированный нами кейс, основанный на эмоциональном аннотировании текстов с использованием краудсорсинга и специально разработанного интерфейса, позволяющего приписывать каждому тексту некоторый эмоциональный «вес», предлагает возможный выход за пределы индивидуальной субъективности в сферу интерсубъективности. В свое время Ян Хэкинг [Hacking 1999; цит. по: Cowley 2016] сформулировал мысль о том, что предназначение науки состоит в том, чтобы постоянно перекидывать мостик между нашим представлением об объекте X и самим этим объектом. Предложенная методика позволяет сделать такой мостик коллективным: речь идет о представлении реальных носителей языка об объекте-эмоции. В случае описаний эмотивов *грусть* и *гнев*, представленных в данной статье, мы можем наблюдать, что опора на «коллективную интроспекцию» позволяет получить толкования, отражающие прототипический *социальный* сценарий проживания данных эмоций. Такой подход имеет элемент новизны, поскольку отходит от психологически ориентированных, лингвоаксиологических и, в определенной степени, системно-структурных способов описания эмоциональной лексики.

Литература

- Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
- Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
- Вежицкая, А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» / А. Вежицкая // Семантические универсалии и описание языков. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 503–526.
- Димитрова, Е. В. Языковые средства трансляции эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру : дис. ... канд. филол. наук / Димитрова Е. В. – Волгоград, 2001. – 173 с.
- Жура, В. В. Эмоциональный дейксис в вербальном поведении английской языковой личности (на материале англоязычной художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук / Жура В. В. – Волгоград, 2000. – 200 с.
- Зализняк, А. А. Многозначность и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 676 с.
- Заячковская, О. О. Концептуальный анализ семантики эмоционального лексикона / О. О. Заячковская // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 243–268.

Колмогорова, А. В. Лингвистика когнитивная и экологичная: к вопросу о перспективах применения концепции когнитивной экологии в лингвистических исследованиях / А. В. Колмогорова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 3. – С. 19–28.

Bally, Ch. *Traité de stylistique française* / Ch. Bally. – Heidelberg, 1921. – 349 p.

Cowley, S. J. Changing the idea of language: Nigel Love's perspective / S. J. Cowley // *Language Sciences*. – 2016. – Vol. 61. – P. 43–55. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.008>.

Cowley, S. J. Contextualizing bodies: how human responsiveness constrains distributed cognition / S. J. Cowley // *Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition. Language Sciences*. – 2004. – № 26/6. – P. 565–591.

Ekman, P. An argument for basic emotions / P. Ekman // *Cognition & Emotion* – 1992. – 6 (3–4). – P. 169–200. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02699939208411068>.

Hacking, I. *The Social Construction of What?* / I. Hacking. – Oxford University Press, 1999. – 278 p.

Kolmogorova, A. V. Non-discrete Sentiment Dataset Annotation: Case Study for Lövheim Cube Emotional Model / A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, A. V. Malikova // *Communications in Computer and Information Science*. – 2020. – Vol. 1242. – P. 154–164. – DOI: [10.1007/978-3-030-65218-0_12](https://doi.org/10.1007/978-3-030-65218-0_12).

Kolmogorova, A. V. The problem of retrieving neutral classes of texts in Russian in multiclass emotional text analysis / A. V. Kolmogorova, A. A. Kalinin, A. V. Malikova // *EUR Workshop Proceedings*. – 2020. – Vol. 28522020.

Kull, K. Steps towards the natural meronymy and taxonomy of semiosis: Emotin between index and symbol? / K. Kull // *Sign Systems Studies*. – 2019. – № 47 (1/2). – P. 88–104. – DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.1-2.03>.

Lövheim, H. A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters / H. Lövheim // *Medical Hypotheses*. – 2012. – Vol. 78. – P. 341–348. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016>.

Mashal, S. X. Emotion intensity detection for social media data / S. X. Mashal, K. Asnani // *Proceedings of the 2017 International Conference on Computing Methodologies and Communication (ICCMC)*. – 2017. – P. 155–158.

Morris, Ch. W. Foundations of the theory of signs / Ch. W. Morris // *International encyclopedia of unified science*. 1938. – Vol. 1, № 2.

Plutchik, R. Emotions: A general psychoevolutionary theory / R. Plutchik // *Approaches to emotion* / ed. by K. Scherer, P. Ekman. – Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984. – P. 197–219. – DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315798806>.

Tomkins, S. S. *Affect Imagery Consciousness*. Vol. 1: The Positive Affects / S. S. Tomkins. – New York: Springer, 1962. – 588 p.

Vasilyuk, F. E. Semiotics and the technique of empathy / F. E. Vasilyuk // *Journal of Russian & East European Psychology*. – 2016. – № 53 (2). – P. 56–79. – DOI: <https://doi.org/10.1080/10610405.2016.1230994>.

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannyye yrudyy. Tom II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Volume II. Integral Description of Language and Systemic Lexicography]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 767 p.

Babenko, L. G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Emotion Denotation in Russian]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogko universiteta. 184 p.

Vezhbitskaya, A. (1999). «Grust' i «gnev» v russkom yazyke: neuniversal'nost' tak nazyvaemykh «bazovykh chelovecheskikh emotsiy» [Distress and Anger in Russian: about the Non-Universality of Basic Human Emotions]. In *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 503–526 p.

Dimitrova, E. V. (2001). *Yazykovyye sredstva translyatsii emotivnykh smyslov russkogo kontsepta «toska» vo frantsuzskuyu lingvokul'turu* [Linguistic Means of Translating the Emotive Meanings of the Russian Concept *Toska* into the French Linguoculture]. Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. 173 p.

Zhura, V. V. (2000). *Emotsional'nyi deiksis v verbal'nom povedenii angliiskoi yazykovoi lichnosti (na materiale angloyazychnoi khudozhestvennoi literatury)* [Emotional Deixis in the Verbal Behavior of an English Language Personality (Based on the Material of English-Language Fiction)]. Dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd. 200 p.

Zaliznyak, A. A. (2006). *Mnogoznachnost' i sposoby ee predstavleniya* [Polysemanticity and Ways of Its Manifestation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 676 p.

Zayachkovskaya, O. O. (2015). Kontseptual'nyi analiz semantiki emotsional'nogo leksikona [Conceptual Analysis of Emotional Lexicon Semantics]. In *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 243–268.

Kolmogorova, A. V. (2019). Lingvistika kognitivnaya i ekologichnaya: k voprosu o perspektivakh primeneniya kontseptsii kognitivnoi ekologii v lingvisticheskikh issledovaniyakh [When Cognitive Linguistics Is Ecological Too: on the Question of the Prospects for the Application of the Concept of Cognitive Ecology in Linguistic Research]. In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 3, pp. 19–28.

Bally, Ch. (1921). *Traité de stylistique française*. Heidelberg, 1921. 349 p.

Cowley, S. J. (2016). Changing the Idea of Language: Nigel Love's Perspective. In *Language Sciences*. Vol. 61, pp. 43–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2016.09.008>.

Cowley, S. J. (2004). Contextualizing Bodies: How Human Responsiveness Constrains Distributed Cognition. In *Special issue on Integrational Linguistics and Distributed Cognition. Language Sciences*. No. 26/6, pp. 565–591.

Ekman, P. (1992). An Argument for Basic Emotions. In *Cognition & Emotion*. No. 6 (3–4), pp. 169–200. DOI: <https://doi.org/10.1080/02699939208411068>.

Hacking, I. (1999). *The Social Construction of What?* Oxford University Press. 278 p.

Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., Malikova, A. V. (2020). Non-discrete Sentiment Dataset Annotation: Case Study for Lövheim Cube Emotional Model. In *Communications in Computer and Information Science*. Vol. 1242, pp. 154–164. DOI: 10.1007/978-3-030-65218-0_12.

Kolmogorova, A. V., Kalinin, A. A., Malikova, A. V. (2020). The Problem of Retrieving Neutral Classes of Texts in Russian in Multiclass Emotional Text Analysis. In *EUR Workshop Proceedings*. Vol. 28522020.

Kull, K. (2019). Steps towards the Natural Meronymy and Taxonomy of Semiosis: Emotin between Index and Symbol? In *Sign Systems Studies*. No. 47 (1/2), pp. 88–104. DOI: <https://doi.org/10.12697/SSS.2019.47.1-2.03>.

Lövheim, H. (2012). A New Three-Dimensional Model for Emotions and Monoamine Neurotransmitters. In *Medical Hypotheses*. Vol. 78, pp. 341–348. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.mehy.2011.11.016>.

Mashal, S. X., Asnani, K. (2017). Emotion Intensity Detection for Social Media Data. In *Proceedings of the 2017 International Conference on Computing Methodologies and Communication (ICCMC)*, pp. 155–158.

Morris, Ch. W. (1938). Foundations of the Theory of Signs. In *International encyclopedia of unified science*. Vol. 1. No. 2. Chicago, The University of Chicago Press.

Plutchik, R. (1984). Emotions: A General Psychoevolutionary Theory. In Scherer, K., Ekman, P. (Eds.). *Approaches to emotion*. Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 197–219. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315798806>.

Tomkins, S. S. (1962). *Affect Imagery Consciousness*. Vol. 1: *The Positive Affects*. New York, Springer. 588 p.

Vasilyuk, F. E. (2016). Semiotics and the Technique of Empathy. In *Journal of Russian & East European Psychology*. No. 53 (2), pp. 56–79. DOI: <https://doi.org/10.1080/10610405.2016.1230994>.

Данные об авторе

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия).

Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, Свободный пр., 82А.

E-mail: nastiakol@mail.ru.

Author's information

Kolmogorova Anastasia Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).

Дата поступления: 30.05.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 30.05.2021; date of publication: 30.06.2021

О НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВИЯХ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ДЛЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Копотев М. В.

Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Россия)

Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4998-2952>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена обсуждению основных подходов в рамках корпусной лингвистики и их влиянию на общее развитие лингвистических знаний. На примере исследований, выполненных при участии автора, обсуждаются три подхода к изучению языка в корпусной лингвистике. Первый – анализ, использующий корпус, – предполагает, что данные, собранные в корпусе, используются как источник примеров на естественном языке. Второй – анализ, основанный на корпусе, – заключается в том, что корпусные данные исследуются не только качественно, но и количественно. Третий – анализ, направляемый корпусом, – предполагает, что задача исследователя состоит в создании алгоритма обработки языковых данных, результат которого требует теоретического осмысления или практического применения. Статья завершается обсуждением тех результатов, которые корпусная лингвистика привносит в общее представление о языке и лингвистике. Важнейшими из них являются: снижение роли интроспекции, увеличение внимания к периферийным языковым феноменам, опора на количественные данные. Подводить итоги влияния корпусной лингвистики на общую теорию языка еще рано, но уже сейчас ясно, что синтагматические связи, в частности идиоматизация в широком смысле, продвинулись в центр лингвистического внимания и признаются одним из основных феноменов языка и его эволюции. Более того, адекватным описанием языка оказывается не моделирование правил взаимодействия единиц, разделенных на уровни, а описание всех – и индивидуальных, и самых общих – вероятностных параметров употребления, представляющих собой единый континуум, в котором разделение на язык и речь является условным.

К л ю ч е в ы е с л о в а : корпусная лингвистика; теория языкознания; лингвистические исследования.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Копотев, М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка / М. В. Копотев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 90–102. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-07.

SOME THOUGHTS ON CORPUS AND GENERAL LINGUISTICS

Mikhail V. Kopotev

Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russia) University of Helsinki (Helsinki, Finland)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4998-2952>

A b s t r a c t . The article is devoted to a discussion of dominant approaches developed within the framework of Corpus Linguistics (CL) and their influence on the general theory of language. Based on the research co-authored with his colleagues, the author describes three approaches to linguistic research in CL. First, corpus-*informed* analysis assumes that the data collected in the corpus are used as a source of examples in a natural language. Second, corpus-*based* analysis presupposes that the data are examined not only qualitatively but also quantitatively. Third, corpus-*driven* analysis assumes that the research task is to create an algorithm for data processing, the results of which require theoretical interpretation or practical application. The article concludes with a discussion of those implications that CL brings into the general understanding of language. The most important of them are: reduction of the role of introspection, increase of attention to peripheral linguistic phenomena, and reliance on quantitative data. It is still too early to sum up the impact of corpus linguistics on the general theory of language, but it is already clear that syntagmatic connections, in particular idiomatization in a broad sense, have moved into the focus of linguistic attention and are recognized as one of the main phenomena of language and its evolution. Moreover, an adequate description of a language is not limited to the rules of interaction of units divided into levels, but the description of all – both individual and the most general – probabilistic parameters of use, representing a single continuum in which the division into language and speech is conventional.

Keywords: corpus linguistics; theory of language; linguistic studies.

For citation: Kopotev, M. V. (2021). Some thoughts on Corpus and General Linguistics. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 90–102. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-07.

1. Введение

С некоторой долей субъективизма можно сказать, что методологическое развитие современной лингвистики во многом формируют два направления: экспериментальная и корпусная лингвистика. Последняя, являясь одним из самых молодых разделов языкознания, успела, однако, расширить объект изучения лингвистики, изменить представление о методах лингвистического анализа и внести свой вклад в общую теорию языка.

У самого термина *корпусная лингвистика* можно выделить два значения:

*Корпусная лингвистика*₁ – раздел компьютерной лингвистики, посвященный созданию корпусов и инструментов для их обработки.

*Корпусная лингвистика*₂ – раздел лингвистики (как частной, так и общей), использующий корпус и методы корпусного анализа для проведения исследований.

Естественно, конкретный лингвист может представлять как первое, так и второе направление, хотя тех, кто занимается «корпусной лингвистикой₂», очевидно, больше. В этой статье я сосредоточусь на обсуждении тех результатов, которые корпусной анализ привносит в наше понимание языка и, соответственно, буду использовать термин во втором значении.

Основу корпусной лингвистики, ее главный объект, составляет *корпус*, или набор текстов, собранных и часто размеченных по определенным правилам. Формальное определение корпуса можно найти во множестве учебных пособиях по этой дисциплине. Приведу для примера такое:

Corpus in modern linguistics, in contrast to being simply any body of text, might more accurately be described as a **finite-sized body of ma-**

chine-readable text, sampled in order to be **maximally representative** of the language variety under consideration [McEnery, Wilson 1996: 24].

Корпус в современной лингвистике в отличие от любого набора текстов может быть более точно определен как **ограниченный по объему набор электронных текстов**, собранных с целью **максимально точно представлять** исследуемый вариант языка. (*Переводы здесь и далее выполнены автором статьи.*)

Выделенные мной фрагменты в этом определении задают ключевые особенности корпуса: электронно-читаемая форма, известный объем, сбалансированность и репрезентативность (см., подробнее [Копотев 2014]). На практике создание сбалансированного и репрезентативного корпуса является серьезной проблемой, которая широко обсуждается в научной литературе [см. например, Ädel 2020], и далеко не каждый корпус достигает нужной степени репрезентативности материала. Приведу в связи с этим слова Ч. Филлмора, актуальные, как представляется, до сих пор:

I have two main observations to make. The first is that I don't think there can be any corpora, however large, that contain information about all of the areas of English lexicon and grammar that I want to explore; all that I have seen are inadequate. The second observation is that every corpus that I've had a chance to examine, however small, has taught me facts that I couldn't imagine finding out about in any other way [Fillmore 2011: 35].

У меня есть два существенных наблюдения. Первое: я не думаю, что может существовать корпус, каким бы большим он ни был, который содержит информацию обо всех областях английского лексикона и грамматики, которые я хотел бы исследовать – все, что я видел, недостаточно. Второе: любой корпус, который

я имел возможность исследовать, каким бы маленьким он ни был, предоставлял мне факты, про которые я не могу вообразить, что обнаружил бы их каким-нибудь другим образом.

На сегодняшний день существует огромное количество корпусов для разных языков. Не останавливаясь подробно на их описании, отмечу, что кроме Национального корпуса русского языка, доступного на сайте ruscorpora.ru, существуют и другие ресурсы, позволяющие решать множество лингвистических задач [см. наши обзоры в Kopotев et al. 2018, 2021]. Кроме этого, в распоряжении лингвистов существуют достаточно простые инструменты создания собственных корпусов. Наиболее популярными из них являются, пожалуй, SketchEngine [Kilgarriff и др. 2014], Ant-Conc [Anthony 2004] и WordSmith [Scott 2008].

2. Виды корпусного анализа

Корпусная лингвистика естественным образом опирается на существующие подходы к исследованию, добавляя к ним новые. Ниже эти подходы и стоящие за ними методы анализа несколько искусственно разделены на три больших блока – от наиболее связанных с лингвистической традицией до новаторских, стоящих на границе лингвистики и информационных технологий. Каждый подход иллюстрируется конкретным исследованием.

2.1. Анализ, использующий корпус (англ. *corpus-informed analysis*)

Этот тип предполагает, что данные, собранные в корпусе, используются как источник примеров на естественном языке. В этом смысле такой подход мало чем отличается от сбора примеров как основы лингвистических исследований. Глубокого количественного анализа при таком подходе не предполагается. Этот подход в определенном смысле продолжает традицию лингвистики XX века, которая стремится к большей объективности лингвистического анализа: **в корпусном исследовании роль интроспекции (языковой интуиции исследователя) снижается**, она уступает место анализу языковых фактов во всем их разнообразии. В России этот поворот к языковой реальности

совпал с критикой концепции литературного языка, развернувшейся в конце XX века, и позволил обратить внимание на те языковые явления, которые прежде не привлекали внимания исследователей. Для примера укажу на работу [Влахов 2010], в которой изучаются русские причастия будущего времени, долгое время существовавшие в русском языке незаконно – как «человек, не *предъявляющий* никаких свидетельств и паспортов» (Н. В. Гоголь; пример из [Влахов 2010]).

Одно из исследований [Janda, Kopotев, Nesset 2020], выполненное нами в рамках этого подхода, посвящено конструкциям, которые редко привлекали внимание исследователей в силу маргинальности и нечастотности их употребления [см. Nichols 1981; Величко 2016]. Речь идет о выражениях типа «Дурак дураком», которые исследователи обычно относят к фразеологии, считая их *лексическими* единицами, фразеологизмами. Однако собранный на основе НКРЯ материал позволил обнаружить 3088 примеров¹, в которых используются 1596 уникальных существительных. Таким образом, речь идет о *синтаксической фраземе*, включающей большой набор переменных, заполняющих позиции номинативной и инструментальной групп. Самые частотные из них приведены в таблице 1.

Таблица 1. Частотные существительные в конструкции X-ном X-инс

честь честью	338
дурак дураком	128
клин клином	90
дружба дружбой	80
чин чином	75
дура дурой	51
дело делом	39
туча тучей	37
служба службой	36
зверь зверем	28
любовь любовью	23
молодец молодцом	23
война войной	20

Анализ собранных примеров позволил выявить целое семейство конструкций, находящихся

¹ Полный набор данных доступен в репозитории The Tromsø Repository of Language and Linguistics archive по адресу: <https://doi.org/10.18710/ZAM96S> (дата обращения: 07.05.2021).

ся друг с другом в деривативных отношениях, имеющих разную семантику и, соответственно, разное лексическое наполнение в современном языке. Нам удалось установить, что указанные конструкции представляют собой радиальную категорию (в смысле Дж. Лакоффа, см. [Lakoff 2008]), состоящую из нескольких взаимосвязанных подтипов, из которых три самых частотных в соответствии с их значением можно назвать 'экстремальный' (пример 1), 'образцовый' (пример 2) и 'смена дискурса' (пример 3).

(1) А то ты теперь **дурак дураком** ('полный дурак' – МК), хуже морковки на Луне, а я и вовсе трупом лежу, червей жду... (Юрий Буйда. У кошки девять смертей (2000) // Новый Мир, 2005).

(2) Красивей мужчины во всей губернии нет, умный, богатый, а никакого толку... **Дурак дураком** ('выглядящий дураком' – МК)... (А. П. Чехов. Леший, 1890).

(3) **Дурак дураком, а** ('Ж, возможно, дурак, но...' – МК) дело говорит (Александр Вампилов. Прошлым летом в Чулимске, 1971).

Наше исследование не только вводит в оборот новые данные и описывает эти типы на большом диахроническом материале, но и демонстрирует две важные составляющие современного корпусного исследования. Во-первых, корпусные данные позволяют собирать большое количество примеров при относительно малых временных затратах, что дает возможность как переосмыслить существующие наблюдения, так и обратиться к тем явлениям, которые раньше считались периферийными. Во-вторых, корпусные исследования становятся проверяемыми в том смысле, что при желании любой может обратиться к корпусу, чтобы подтвердить результаты, или получить доступ к собранному материалу для возможного продолжения исследования, если, конечно, авторы это позволяют.

2.2. Анализ, основанный на корпусе (англ. *corpus-based analysis*)

Особенность этого вида корпусного анализа заключается в том, что корпусные данные исследуются не только качественно, но и количественно. Обычно под таким вари-

антом корпусной работы подразумевается проверка некоторой исходной гипотезы, теоретические положения которой заданы заранее и не меняются в ходе исследования. Этот тип корпусных исследований знаменует важное изменение исследовательской оптики: **в лингвистику вернулась статистика**. Конечно, количественные методы применялись в лингвистике задолго до возникновения корпусной лингвистики (см., например, пионерскую работу по определению авторского стиля [Морозов 1916]), однако в рамках этого подхода количественные данные и базовый статистический анализ становятся обязательным инструментом верификации и – главное – воспроизводимости результатов. Этот подход является наиболее распространенным в современной корпусной русистике. Не боясь ошибиться, можно сказать, что большинство современных исследований, содержащих в названии слова *корпус*, *корпусной* или *корпусный*, придерживаются именно этой исследовательской стратегии.

Пожалуй, наиболее последовательным и масштабным примером такого подхода является проект корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>), участники которого декларируют количественное описание с опорой на НКРЯ:

Авторами описания используются количественные методы анализа корпусных данных.

Описание мыслится как строго эмпирически ориентированное и теоретически нейтральное: в нем по возможности учитываются данные, накопленные в рамках самых разных подходов и направлений современной лингвистики. <...>

Настоящее описание во многом опирается на существующие грамматики русского языка: «академические» грамматики [Виноградов 1960] и [Шведова 1980]; монографические описания [Виноградов 1947; Исаченко 1954–1960; Timberlake 2004] и мн. др.

(О проекте. (*Корпусная грамматика*, n.d.)).

В нашем исследовании [Kisselev, Klimov, Kopotev (в печати)] мы поставили задачу измерить, как синтаксическая сложность текста отражает уровень владения иностранным языком, в данном случае, русским. Для ана-

лиза были использованы данные ежегодного конкурса сочинений, проводимого в США (National Post-Secondary Russian Essay Contest (NPSREC)). Все сочинения были написаны в течение одного часа без использования компьютеров и словарей, проверены и оценены профессиональными педагогами по шкале WPT [см. ACTFL proficiency guidelines 2012]. Объем корпуса составил 46807 слов, или 2915 предложений, написанных 133 учениками. Таким образом, основой анализа стал уникальный по своей цельности, профессионально оцененный набор данных, который в процессе исследования был переведен в цифровую форму, обработан и проанализирован с помощью различных мер статистического анализа, целью которых стал поиска ответа на один вопрос: существует ли связь между синтаксическим явлением и уровнем владения языком.

Поскольку общая цель проекта состояла в том, чтобы создать систему автоматической проверки языковой компетенции, были выбраны такие параметры, которые можно проверить автоматически с помощью существующих в настоящее время систем синтаксического анализа¹. В итоге, были выбраны следующие параметры:

- средняя длина предложения;
- максимальная глубина вложенных групп;
- минимальная глубина вложенных групп;
- сочинительные предложения;
- подчинительные предложения;
- причастные обороты;
- деепричастные обороты;
- относительные клаузы;
- инфинитивные клаузы;
- сентенциальные актанты (изъяснительные придаточные);
- сентенциальные сирконстанты (придаточные времени, места, уступки и т. п.);
- составные союзы (или скрепы, по терминологии М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [Черемисина, Колосова 1987]).

Прежде всего, мы составили матрицу корреляций, чтобы убедиться в отсутствии существенных зависимостей разных мер друг от друга. Оказалось, что только три из них относительно хорошо коррелируют друг с дру-

гом (светлые квадратики на диаграмме 1). Это длина предложения, количество «плоских» предложений с небольшой глубиной вложения и количество предложений с большой глубиной вложения; последние два параметра, естественно, находятся в обратной зависимости. Корреляционный анализ показывает, что все параметры за исключением указанных трех фиксируют независимые друг от друга аспекты измерения.

Главный исследовательский вопрос решался с помощью теста ANOVA, цель которого – показать, какой вклад переменные величины (в нашем случае – синтаксические параметры) вносят в формирование постоянной величины (в нашем случае уровень – владение языком). Таблица ниже обобщает наши подсчеты в стандартной таблице результатов статистического текста ANOVA. Оказалось, что шесть параметров хорошо предсказывают уровень владения языком, еще три предсказывают уровень владения относительно слабо, а три параметра не могут считаться надежными показателями при определении уровня. Последняя колонка в таблице 2 показывает уровень надежности, где один астериск значит слабое, а три – максимальное надежное предсказание.

Совмещение двух представленных статистических расчетов позволяет нам сделать вывод, что оптимальный набор автоматизируемых синтаксических параметров, определяющих уровень владения русским языком, включает подсчет количества сирконстантных и относительных клауз, причастных оборотов и одного из трех пересекающихся параметров: средняя длина предложения, максимальная или минимальная глубина вложенных групп. Дополнительно можно учитывать количество составных союзов и инфинитивных и деепричастных оборотов.

Теоретическое обобщение этих результатов выходит за рамки настоящей статьи (см. нашу основную публикацию [Kisselev, Klimov, Kopotev (в печати)]. Здесь же хочется обратить внимание на то, что в рамках корпусной лингвистики возможно создавать даже узкоспециализированные наборы данных и применять

¹ Часть выбранных параметров, очевидно, пересекается, например, сентенциальные актанты и сирконстанты являются частными случаями подчинительных клауз. Нас, однако, интересовали как обобщенные, так и более конкретные параметры и их влияние на уровень владения языком.

к ним разнообразные инструменты статистического анализа. С некоторым упрощением можно сказать, что чем лучше исследователь владеет статистическими инструментарием, тем более доказуемой оказывается гипоте-

за, которую он или она представляет, тем более тонкие закономерности можно выявить в анализируемых данных. Это, естественно, не отменяет исследовательской интуиции и теоретических предпочтений исследователя.

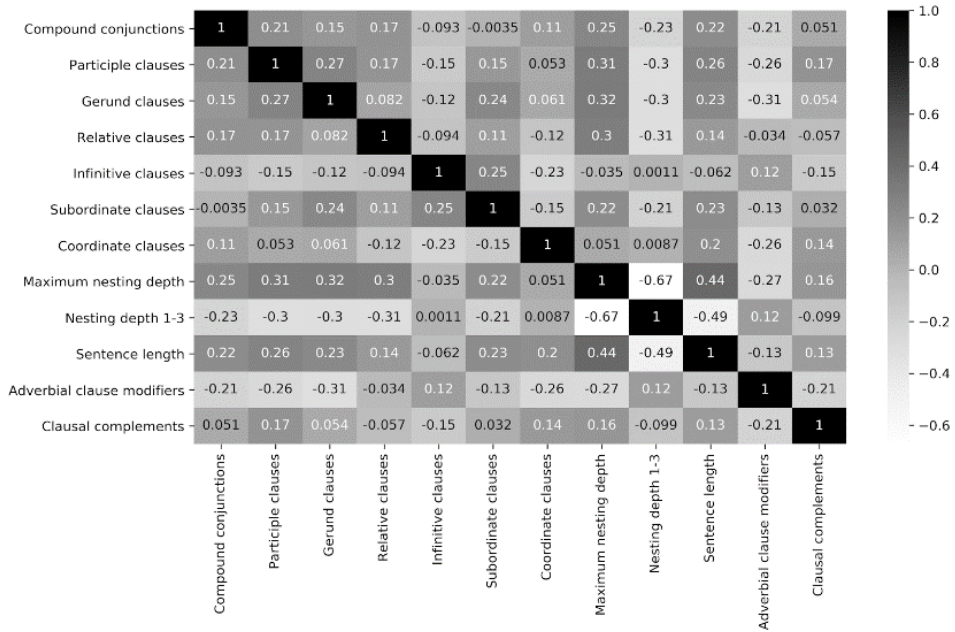

Диаграмма 1. Корреляция синтаксических параметров в учебных текстах

Таблица 2. Результаты теста ANOVA

	СТЕПЕНИ СВОБОДЫ	СУММА КВАДРАТОВ	СРЕДНЕЕ КВАДРАТОВ	ЗНАЧЕНИЕ F-МЕРЫ	Pr(>F)	ЗНАЧИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ
Средняя длина предложения	5	262.7	52.53	5.216	0.000218	***
Максимальная глубина вложенных групп	5	138.0	27.61	7.669	<0.001	***
Минимальная глубина вложенных групп	5	2277	455.4	6.745	<0.001	***
Сочинительные предложения	5	523	104.52	1.938	0.0926	–
Подчинительные предложения	5	127	25.41	0.386	0.858	–
Деепричастные обороты	5	68.6	13.716	2.863	0.0175	*
Причастные обороты	5	191.9	38.38	5.891	<0.001	***
Инфинитивные клаузы	5	459	91.80	2.751	0.0215	*
Относительные клаузы	5	1410	282.05	12.38	<0.001	***
Сентенциальные актаны	5	76.5	15.30	0.633	0.675	–
Сентенциальные сирконстанты	5	0.185	0.03699	8.287	<0.001	***
Составные союзы	5	2.557	0.5113	2.533	0.032	*

2.3. Анализ, направляемый корпусом (англ. *corpus-driven analysis*)

Третий тип корпусных исследований предполагает исключение или минимальное включение заранее заданных теоретических положений. В этом случае предполагается, что задача исследователя состоит в создании алгоритма обработки языковых данных, результатом применения которого становится анализ, например классификация языковых явлений, проведенный без участия человека. Задачей исследователя в таком случае является интерпретация полученных результатов и корректировка теории. Этот подход радикально отличается от предыдущих тем, что позволяет по-новому взглянуть на языковой материал, заметить закономерности, которые прежде не привлекали внимания лингвистов. В этой части корпусная лингвистика является частью большого социогуманитарного поворота к алгоритмическому анализу больших данных.

В качестве яркого примера такого подхода может служить *дистрибутивная семантика* – направление, активно развивающееся в последнее десятилетие. Основы дистрибутивной семантики заложил американский лингвист Дж. Фёрс, еще в середине XX века сформулировавший: “You shall know a word by the company it keeps” («Слово следует опознавать по его окружению») [Firth 1957: 11]. С возникновением корпусов появилась возможность подтвердить это положение с помощью анализа очень большого количества контекстов, в которых употребляется то или иное слово. Приведу пример.

Интуитивно понятно, что лексемы *бегемот* и *гиппопотам* употребляются в сходных контекстах, тогда как *лингвистика* и *языкознание*, будучи очень близки, тем не менее встречаются в контрастных контекстах, ср.: *компьютерное языкознание* (2 примера в огромном корпусе ruTenTen¹) и *сравнительно-историческая лингвистика* (9 примеров). Диаграмма 2 наглядно представляет этот контраст.

visualization by SKETCH ENGINE

Диаграмма 2. Контексты употребления существительных «лингвистика» и «языкознание»

К настоящему моменту разработано несколько моделей дистрибутивной семантики: например, *word2vec* [Mikolov и др. 2013], *ELMo*

[Peters и др. 2018], *BERT* [Devlin и др. 2018], в том числе и для русского языка [Kutuzov, Kuzmenko 2017]. Все они собирают контексты

¹ RuTenTen – аннотированный корпус русского языка объемом ок. 18 млрд слов [Jakubíček и др. 2013].

из огромного массива данных и помещают лексемы в многомерное семантическое пространство. Разные модели отличаются разными подходами к обработке контекста, к оптимизации семантических пространств и некоторыми другими параметрами, но суть их остается неизменной: созданный алгоритм без участия исследователя анализирует корпусные данные и классифицирует найденные единицы; чем чаще слова встречаются в одинаковых контекстах, тем семантически ближе они друг к другу. Диаграмма 3 ниже показывает взаимное расположение некоторых городов России, Беларуси и Финляндии в семантическом пространстве, как оно представлено в русскоязычном интернет-корпусе объемом в 2,1 миллиарда слов. Как кажется, эта диаграмма соответствует реальности – как минимум в контексте лингвистических связей между этими городами.

Диаграмма 3. Семантическое пространство существительных – названий городов (по данным <https://rusvectors.org>; Корпус GeoWAC (2.1 млрд слов), модель fastText)

Очевидный результат этого подхода, который лингвистам еще предстоит теоретически осмыслить, заключается в том, что степень семантической близости лексем можно численно измерить и синонимия оказывается многогранным и градуальным языковым феноменом. Таким образом, мысль Ю. Д. Апресяна о том, что язык избегает точных синонимов, не просто подтверждается, но становится более объемной: лексемы представляются разными наборами векторов в семантическом пространстве, вступающих в многомерные

семантические отношения разной степени близости.

В нашем проекте CoCoCo (cococo.cosyco.ru) реализован интегрированный подход, который можно назвать надкорпусным: в нем сложный математический аппарат применен для автоматического решения теоретической задачи – проблемы сочетаемости слов, или идиоматизации в широком смысле. Классификация фразеологизмов, заимствованная В. В. Виноградовым у Шарля Балли и вошедшая в вузовский канон в версии Н. М. Шанского, оказывается, по данным корпусной лингвистики, слишком жесткой, не учитывающей многочисленные переходные случаи и исключения. В частности, выяснилось, что феномен *фразеологических сочетаний* [Шанский 2010], или *полуфразем* [Мельчук, Иорданская 2017], которому в традиционной фразеологии уделяется меньше внимания, оказывается намного сложнее и, как выясняется, фундаментальнее, чем был принято думать.

В корпусной лингвистике такое «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц» [Ягунова, Пивоварова 2010: 30] принято называть *статистическими коллокациями*. Корпусная лингвистика предлагает несколько методов для их извлечения (для русского языка см. [Хохлова 2008; Pivovarova, Kormacheva, Kopotev 2017]). Эти единицы являются той первичной речевой стихией, из которой возникают и лексические фразеологизмы, и грамматические конструкции. Покажем это на одном примере: сочетания с предлогом *без*.

Статистические методы позволяют выявить целый ряд устойчивых выражений с предлогом *без* и управляемыми существительными: *без конца, без труда, без сомнения, без памяти, без дела, без исключения, без обиняков* и др., которые являются фразеологизмами и фиксируются в словарях фразеологизмов или эквивалентов слов. Однако список, извлеченный из НКРЯ с помощью статистических инструментов на сайте cococo.cosyco.ru, не ограничивается этими выражениями: он состоит из полутора тысяч существительных. Приведу только первые 50, отсортированные по статистической мере Dice¹.

¹ Подробнее о мерах можно узнать в работах [Evert 2008; Pivovarova, Kormacheva, Kopotev 2017].

Таблица 3. Устойчивые существительные после предлога *без* (по данным подкорпуса со снятой омонимией НКРЯ; сайт <https://cococo.cosyco.ru>)

СЛОВОФОРМА	T-SCORE	DICE
конца	12663	0,02590
труда	24654	0,01830
сомнения	30103	0,01500
памяти	16954	0,01300
исключения	30072	0,0110
дела	31168	0,01010
шапки	20210	0,01010
остатка	14001	0,00955
денег	18019	0,00926
вести	43221	0,00886
участия	44382	0,00840
учета	31868	0,00779
помощи	29677	0,00742
головы	27485	0,00716
слов	27485	0,00713
оглядки	21276	0,00694
устали	21276	0,00693
права	11780	0,00598
очереди	46844	0,00597
малого	45017	0,00594
следа	44652	0,00589
колебаний	44652	0,00589
улыбки	44652	0,00587
разрешения	44287	0,00582
сна	44231	0,00580
толку	35125	0,00518
проблем	33298	0,00502
свободы	33298	0,00501
внимания	25993	0,00453
окон	25263	0,00451
причины	24898	0,00447
ума	21610	0,00427
нужды	20880	0,00422
движения	20515	0,00419
сознания	19784	0,00415
надежды	19784	0,00415
преувеличения	16862	0,00396
погон	16862	0,00396
злобы	16132	0,00393
шума	15766	0,00391
работы	44289	0,00386
тени	13210	0,00376
хлеба	12479	0,00372
умолку	11383	0,00364
четверти	47178	0,00360
удовольствия	46447	0,00356
применения	46082	0,00354
ответа	44986	0,00350
ведома	42430	0,00331
галстука	42064	0,00330

Уже беглый взгляд на полный список позволяет заметить определенные закономерности. Первая – очевидная: предлог *без* управляет родительным и вторым родительным (в таблице выделен жирным) падежами. Более внимательный взгляд позволяет выделить лексико-семантические группы, которые образуют несколько групп, представленных десятком существительных в каждой группе:

БЕЗ + [одежда или деталь одежды]: *галстуков, манжет, капюшона, кителя, складок, пуговиц, халата, рубашки, чулок, перчатки, шали, юбки, рукавов, пальто, брюк, пиджака;*

БЕЗ + [промежуток времени, занятый неосновным действием]: *перерыва, выходных, отдыха, обеда, завтрака, вечера, антракта, тренировки;*

БЕЗ + [добавленный или удаленный фрагмент текста]: *исключения, изъятий, приписок, искажений, помарок, потеря, купюр;*

БЕЗ + [формат речи]: *толку, разговоров, расспоров, споров, объяснений, комментариев.*

Особого внимания заслуживает тот факт, что первые слова в каждой группе **одновременно** являются примерами конструкций и самостоятельными лексическими фразеологизмами: *без галстуков* ‘неформально’, *без перерыва* ‘усердно’, *без исключения* ‘эмфаза всеобщности’, *без разговоров* ‘не споря, без возражений’. В том же списке можно найти и фразеологизм *без толку*, уже потерявший связь с исходной конструкцией *без* + [формат речи], с которой он был, по-видимому, диахронически связан. Таким образом, фразеологические единицы не являются полностью изолированными, идиосинкратическими – они опираются на свободные конструкции, причем не только в диахронии, но и в синхронии.

Важно отметить, что вероятность сочетаемых возможностей различных лексем варьируется от обязательности грамматической и/или лексической связи до полного запрета на сочетание с градуальным переходом между этими экстремумами. В этом смысле, грамматические правила и лексические ограничения являются частным случаем общей лексико-грамматической вероятностной модели,

в которой каждый установленный в процессе порождения речи параметр активирует набор вероятностных ограничений для последующих знаков – это в равной степени касается и грамматических, и лексических характеристик высказывания. Другими словами, произнеся слово, говорящий вызывает набор ограничений, который прямо коррелирует с частотностью употребления. Например, после предлога *без* вероятность появления существительного превышает вероятность появления глагола в 4000 раз; появление любого из трех родов существительного равновероятно; вероятность появления генитива примерно в 1000 раз выше, чем номинатива, и в 140 раз выше, чем второго родильного; наконец, вероятность появления словоформы *конца* в 1000 раз выше, чем *года*. Для контраста добавим, что вероятность появления, например, словоформы *в* или формы прошедшего времени в том же контексте стремится к нулю. Именно в этой сложной комбинации вероятного и невероятного рождается высказывание.

Важным результатом подобного рода исследований является не просто, так сказать, переход качества в количество и появление в лингвистических статьях таблиц и графиков. Принципиальным становится создание новой, многомерной модели языка, которая не укладывается в контрастное представление в формате грамматического и, отдельно, лексикографического описаний. Интегральное описание языка должно представлять собой базу данных, в которой одновременно описываются грамматические и лексические связи и степень их обязательности (вероятности) для каждого случая. В качестве первого, несовершенного, приближения к этому можно указать на базу данных sosoco.cosusco.ru.

3. Вклад корпусной лингвистики в теорию языка

Может показаться, что корпусная лингвистика сводится к набору более или менее удобных инструментов для поиска примеров. В таком варианте корпусная лингвистика тоже представлена в современных исследованиях, но этим она далеко не ограничивается. За десятилетия своего существования корпусная лингвистика накопила достаточно на-

блюдений, которые подтверждают, уточняют и опровергают наши представления о языке. Ниже я обсужу те находки и идеи, вклад которых в общую теорию языка представляется мне наиболее весомым.

В 1991 году один из пионеров корпусной лингвистики Дж. Синклер сформулировал принцип идиоматичности (*idiom principle*):

...a language user has available to him or her a large number of semi-preconstructed phrases that constitute single choices, even though they might appear to be analyzable into segments [Sinclair 1991: 110].

...говорящий имеет в своем распоряжении большое число полуформленных фраз, конституирующих однократный выбор, несмотря на то, что при анализе их можно разбить на сегменты.

К настоящему моменту появилось множество подтверждений того, что наша речь изобилует штампами, мы не порождаем (в генеративистском смысле этого слова) высказывание каждый раз с самого глубинного уровня. Безусловно, длинные синтаксические связи требуют грамматической поддержки на уровне правил, однако на уровне фразы сочетаемость единиц оказывается в гораздо большей степени идиоматизированной.

Линейная развертываемость речи играет огромную роль в производстве и восприятии языка: в реальности, сказав А, мы скорее скажем Й, чем Б. Это значит, что в потоке речи каждый произведенный языковой знак снижает энтропию, повышая тем самым предсказуемость высказывания. Синтагматические отношения, таким образом, играют более фундаментальную роль, чем это считалось ранее [Hunston, Francis 2000; Sinclair 2000].

Структуралистское представление об иерархической структуре языка постоянно сталкивалось с фактами, которые трудно расположить на ригидной шкале языковой системы. Они часто обозначались как исключения из правил, маргинализуясь в сфере фразеологии. Корпусная лингвистика и тесно связанные с ней модели языка, основанные на употреблении [Barlow, Kemmer 2000; Langacker 2010], и Грамматика конструкций [Рахилина 2010;

Goldberg 2006; Stefanowitsch, Gries 2003] продемонстрировали отсутствие границ между уровнями и их проницаемость.

Для обобщения новых явлений было предложено объяснение, согласно которому при порождении высказывания говорящий не выполняет последовательные операции от глубинных структур к фонетической реализации на поверхностном уровне, а постоянно выбирает между несколькими возможностями построения высказывания, не иерархизируя, а приоритизируя доступный языковой материал без разделения на уровни. Эта концепция получила название «конкурирующей мотивации» (*competing motivations*; см. [Du Bois 1985; MacWhinney, Malchukov, Moravcsik 2014]).

Таким образом, в паре «язык-речь» роль синтагматических, речевых связей существенно возрастает. Речевая деятельность становится не просто первичной по отношению к языку – стирается граница между правилами и их реализацией, между языком и речью. Адекватным описанием оказывается не моделирование правил взаимодействия языковых единиц, разделенных на уровни, а описание всех – и индивидуальных, и самых общих – параметров употребления, представляющих собой единый континуум, в котором разделение на язык и речь является предельно условным.

Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование / А. В. Величко. – Москва : МАКС Пресс, 2016.

Литература

- Влахов, А. В. Причастия будущего времени в русском языке : выпускная квалификационная работа бакалавра филологии / Влахов А. В. – СПб. : СПбГУ, 2010.
- Копотев, М. В. Введение в корпусную лингвистику : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов / М. В. Копотев. – Praha : Animedia Company, 2014.
- Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. – URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 12.05.2021). – Текст : электронный.
- Мельчук, И. А. Смысл и сочетаемость в словаре / И. А. Мельчук, Л. Н. Иорданская. – Москва : Языки славянских культур, 2017.
- Морозов, Н. А. Лингвистические спектры: средство для отличия плагиатов от истинных произведений того или другого известного автора / Н. А. Морозов. – Петроград : Тип. Имп. Акад. наук, 1916. – 42 с.
- Рахилина, Е. В. Лингвистика конструкций / Е. В. Рахилина. – Москва : Азбуковник, 2010.
- Хохлова, М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций / М. В. Хохлова // *Slavica Helsingiensia*. – Хельсинки : Unigrafia, 2008. – С. 343–357.
- Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. – Новосибирск : Наука, 1987.
- Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : URSS, 2010.
- Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2010. – Т. 2. – С. 30–40.
- ACTFL proficiency guidelines. – Alexandria, VA, 2012.
- Ådel, A. Corpus Compilation / A. Ådel // *A Practical Handbook of Corpus Linguistics* / ed. by M. Paquot, S. Gries. – New York : Springer, 2020. – P. 3–24.
- Anthony, L. AntConc: A learner and classroom friendly, multi-platform corpus analysis toolkit / L. Anthony // *Proceedings of IWLeL*. – 2004. – P. 7–13.
- Barlow, M. Usage-based models of language / M. Barlow, S. Kemmer. – Stanford, CA : Center for the Study of Language and Information, 2000.
- Devlin, J. BERT: pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding / J. Devlin et al. – Text : electronic // arXiv preprint arXiv:1810.04805. – 2018. – URL: <https://arxiv.org/abs/1810.04805> (mode of access: 28.05.2021).
- Du Bois, J. W. Competing motivations / J. W. Du Bois // *Iconicity in syntax*. – 1985. – Vol. 6. – P. 343–365.
- Evert, S. Corpora and collocations / S. Evert // *Corpus linguistics. An international handbook*. – 2008. – Vol. 2. – P. 1212–1248.
- Fillmore, C. J. Corpus linguistics or Computer-aided armchair linguistics / C. J. Fillmore // *Directions in corpus linguistics* / ed. by J. Svartvik. – Berlin ; New York : de Gruyter Mouton, 2011. – P. 35–60.
- Firth, J. *Papers in Linguistics* / J. Firth. – London : Oxford University Press, 1957.
- Goldberg, A. E. *Constructions at work: The nature of generalization in language* / A. E. Goldberg. – London : Oxford University Press, 2006.
- Hunston, S. *Pattern grammar: A corpus-driven approach to the lexical grammar of English* / S. Hunston, G. Francis. – Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2000.
- Jakubíček, M. The TenTen corpus family / M. Jakubíček et al. // 7th International Corpus Linguistics Conference CL. – 2013. – P. 125–127.

- Janda, L. A. Constructions, their families and their neighborhoods: the case of *durak durakom* 'a fool times two' / L. A. Janda, M. V. Kopotev, T. Nessel // *Russian Linguistics*. – 2020. – P. 1–19.
- Kilgarriff, A. The Sketch Engine: ten years on / A. Kilgarriff et al. // *Lexicography*. – 2014. – Vol. 1, № 1. – P. 7–36.
- Kisselev, O. Syntactic complexity measures as indices of language proficiency in writing: focus on heritage learners of Russian / O. Kisselev, A. Klimov, M. Kopotev // *Heritage Language Journal. A Special Issue on Heritage Language Complexity*. 2021 (в печати).
- Kopotev, M. Corpora in Text-Based Russian Studies / M. Kopotev, A. Mustajoki, A. Bonch-Osmolovskaya // *The Palgrave Handbook of Digital Russian Studies*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 299–317.
- Kopotev, M. Russian challenges for quantitative research / M. Kopotev, O. Lyashevskaya, A. Mustajoki // *Quantitative approaches to the Russian language*. – Routledge, 2018. – P. 3–29.
- Kutuzov, A. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models / A. Kutuzov, E. Kuzmenko // *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. – 2017. – Vol. 661. – P. 155–161.
- Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / G. Lakoff. – University of Chicago press, 2008.
- Langacker, R. W. A dynamic usage-based model / R. W. Langacker // *Grammar and Conceptualization*. – Amsterdam : De Gruyter Mouton, 2010. – P. 91–146.
- MacWhinney, B. E. Competing motivations in grammar and usage / B. E. MacWhinney, A. E. Malchukov, E. E. Moravcsik. – London : Oxford University Press, 2014.
- McEnery, T. *Corpus Linguistics: An Introduction* / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1996.
- Mikolov, T. Efficient estimation of word representations in vector space / T. Mikolov et al. – Text : electronic // arXiv preprint arXiv:1301.3781. – 2013. – URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (mode of access: 28.05.2021).
- Nichols, J. *Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian* / J. Nichols. – Los Angeles : Univ. of California Press, 1981.
- Peters, M. E. Deep contextualized word representations / M. E. Peters et al. – Text : electronic // arXiv preprint arXiv:1802.05365. – 2018. – URL: <https://arxiv.org/abs/1802.05365> (mode of access: 28.05.2021).
- Pivovarova, L. Evaluation of collocation extraction methods for the Russian language / L. Pivovarova, D. Kormacheva, M. Kopotev // *Quantitative Approaches to the Russian Language*. – Routledge, 2017. – P. 137–157.
- Scott, M. *Developing Wordsmith* / M. Scott // *International Journal of English Studies*. – 2008. – Vol. 8, № 1. – P. 95–106.
- Sinclair J. *Lexical grammar* / J. Sinclair // *Naujoji Metodologija*. – 2000. – Vol. 24. – P. 191–203.
- Sinclair, J. *Corpus, concordance, collocation* / J. Sinclair. – Oxford University Press, 1991.
- Stefanowitsch, A. *Collocations: Investigating the interaction of words and constructions* / A. Stefanowitsch, S. T. Gries // *International journal of corpus linguistics*. – 2003. – Vol. 8, № 2. – P. 209–243.

References

- ACTFL *proficiency guidelines*. (2012). Alexandria, VA.
- Ådel, A. (2020). *Corpus Compilation*. In Paquot, M., Gries, S. (Eds.). *A Practical Handbook of Corpus Linguistics*. New York, Springer, pp. 3–24.
- Anthony, L. (2004). AntConc: A Learner and Classroom Friendly, Multi-Platform Corpus Analysis Toolkit. In *Proceedings of IWLLeL*, pp. 7–13.
- Barlow, M., Kemmer, S. (2000). *Usage-Based Models of Language*. Stanford, CA, Center for the Study of Language and Information.
- Cheremisina, M. I., Kolosova, T. A. (1987). *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentences]. Novosibirsk, Nauka.
- Devlin, J. et al. (2018). BERT: Pre-Training of Deep Bidirectional Transformers for Language Understanding. In *arXiv preprint arXiv:1810.04805*. URL: <https://arxiv.org/abs/1810.04805> (mode of access: 28.05.2021).
- Du Bois, J. W. (1985). Competing Motivations. In *Iconicity in syntax*. Vol. 6, pp. 343–365.
- Evert, S. (2008). Corpora and Collocations. In *Corpus linguistics. An international handbook*. Vol. 2, pp. 1212–1248.
- Fillmore, C. J. (2011). *Corpus Linguistics or Computer-Aided Armchair Linguistics*. In Svartvik, J. (Ed.). *Directions in corpus linguistics*. Berlin, New York, de Gruyter Mouton, pp. 35–60.
- Firth, J. (1957). *Papers in Linguistics*. London, Oxford University Press.
- Goldberg, A. E. (2006). *Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language*. London, Oxford University Press.
- Hunston, S. (2000). *Pattern grammar: A Corpus-Driven Approach to the Lexical Grammar of English*. Amsterdam, John Benjamins Publishing.
- Jakubiček, M. et al. (2013). The TenTen Corpus Family. In *7th International Corpus Linguistics Conference CL 2013*, pp. 125–127.
- Janda, L. A., Kopotev, M. V., Nessel, T. (2020). Constructions, Their Families, and Their Neighborhoods: the Case of *durak durakom* 'a fool times two'. In *Russian Linguistics*. Vol. 44, pp. 109–27.
- Khokhlova, M. V. (2008). Eksperimental'naya proverka metodov vydeleniya kollokatsii [Experimental Evaluation of Collocation Extraction Methods]. In *Slavica Helsingiensia*. Helsinki, Unigrafia, pp. 343–357.
- Kilgarriff, A. et al. (2014). The Sketch Engine: Ten Years on. In *Lexicography*. Vol. 1. No. 1, pp. 7–36.

Kisselev, O., Klimov, A., Kopotev, M. (2021). Syntactic Complexity Measures as Indices of Language Proficiency in Writing: Focus on Heritage Learners of Russian. *Heritage Language Journal. A Special Issue on Heritage Language Complexity*. (In print).

Kopotev, M. V. (2014). *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to Corpus Linguistics]. Praha, Animedia Company.

Kopotev, M., Lyashevskaya, O., Mustajoki, A. (2018). Russian Challenges for Quantitative Research. In *Quantitative approaches to the Russian language*. Routledge, pp. 3–29.

Kopotev, M., Mustajoki, A., Bonch-Osmolovskaya, A. (2021). Corpora in Text-Based Russian Studies. In *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 299–317.

Kutuzov, A. (2017). WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In *International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts*. Vol. 661, pp. 155–161.

Lakoff, G. (2008). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. University of Chicago press.

Langacker, R. W. (2010). A Dynamic Usage-Based Model. In *Grammar and Conceptualization*. Amsterdam, de Gruyter Mouton, pp. 91–146.

MacWhinney, B. E., Malchukov, A. E., Moravcsik, E. E. (2014). *Competing Motivations in Grammar and Usage*. London, Oxford University Press.

Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki [Materials to the Description of Corpus-Based Russian Grammar]. URL: <http://rusgram.ru> (mode of access: 12.05.2021).

McEnery, T., Wilson, A. (1996). *Corpus Linguistics: An Introduction*. Edinburgh, Edinburgh University Press.

Melchuk, I. A., Iordanskaya, L. N. (2017). *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and Compatibility in the Dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Mikolov, T. et al. (2013). Efficient Estimation of Word Representations in Vector Space. In *arXiv preprint arXiv:1301.3781*. URL: <https://arxiv.org/abs/1301.3781> (mode of access: 28.05.2021).

Morozov, N. A. (1916). *Lingvisticheskie spektry: Sredstvo dlya otlicheniya plagiatov ot istinykh proizvedenii togo ili drugogo izvestnogo avtora* [Linguistic Spectra: A Tool for Distinguishing Plagiarism from the True Works of One or Another Famous Author]. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 42 p.

Nichols, J. (1981). *Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian*. Los Angeles, Univ. of California Press.

Peters, M. E. et al. (2018). Deep Contextualized Word Representations. In *arXiv preprint arXiv:1802.05365*. URL: <https://arxiv.org/abs/1802.05365> (mode of access: 28.05.2021).

Pivovarova, L. (2017). Evaluation of Collocation Extraction Methods for the Russian Language. In *Quantitative Approaches to the Russian Language*. Routledge, pp. 137–157.

Rakhilina, E. V. (2010). *Lingvistika konstruktivnogo* [Construction Grammar]. Moscow, Azbukovnik, 2010.

Scott, M. (2008). Developing Wordsmith. In *International Journal of English Studies*. Vol. 8. No. 1, pp. 95–106.

Shansky, N. M. (2010). *Frazeologiya sovremennoy russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language]. Moscow, URSS.

Sinclair, J. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford University Press.

Sinclair, J. (2000). Lexical Grammar. In *Naujoji metodologija*. Vol. 24, pp. 191–203.

Stefanowitsch, A., Gries, S. T. (2003). Collocations: Investigating the Interaction of Words and Constructions. In *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 8. No. 2, pp. 209–243.

Velichko, A. V. (2016). *Predlozheniya frazeologizirovannoi struktury v russkom yazyke. Strukturno-semanticheskoe i funktsional'no-kommunikativnoe issledovanie* [Sentences of the Phraseological Structure in the Russian Language. Structural-Semantic and Functional-Communicative Research]. Moscow, MAKS Press.

Vlakhov, A. V. (2010). *Prichastiya budushchego vremeni v russkom yazyke* [Future Tense Participles in Russian]. Vypusknaya kvalifikatsionnaya rabota bakalavra filologii. Saint Petersburg, SPbSU.

Yagunova, E. V., Pivovarova, L. M. (2010). Priroda kollokatsii v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The Nature of Collocations in the Russian Language. Experience of Automatic Extraction and Classification Based on News Texts]. In *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2*. Vol. 2, pp. 30–40.

Данные об авторе

Копотев Михаил Вячеславович – PhD, профессор, школа гуманитарных наук и искусств НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия); адъюнкт-профессор, Отделение языков, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия).

Адрес: P.O. Box 24 (Unioninkatu 40), 00014 University of Helsinki, Finland.

E-mail: mihail.kopotev@helsinki.fi.

Author's information

Kopotev Mikhail Vyacheslavovich – PhD, Professor, School of Arts and Humanities at the HSE University (Saint Petersburg, Russia); Associate Professor, Department of Languages, University of Helsinki (Helsinki, Finland).

АВТОРСКАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА В СИСТЕМНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Мухин М. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

Мухин Н. Ю.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8679-9869>

А н н о т а ц и я . В статье рассматривается стилометрическая модель системного представления авторской лексической синтагматики (лексической сочетаемости) в классической прозе XIX в. Соотнося достижения классической лексикологии и современной корпусной лингвистики, для исследования текстов большого объема авторы предлагают в качестве единицы лексической синтагматики рассматривать биграммы – пары слов, употребляемых в одном фразовом контексте. Сформулированы требования к лексическим биграммам, участвующим в лексико-статистическом сопоставлении разных индивидуальных стилей. Приведены примеры оригинальных биграмм, повторяющихся в разных произведениях одного автора на протяжении многих творческих лет (например, *облокотить голову* в романах Льва Толстого). Поставлена проблема каталогизации и системного представления таких повторяющихся стилистических «частностей», которые автор может употреблять намеренно или бессознательно, а читатель может замечать или не замечать в разных текстах.

На базе корпуса классической прозы XIX в. (произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и И. А. Гончарова) отработано контекстное лексико-статистическое сопоставление биграмм, содержащих слова, часто используемые всеми авторами (например, *человек/люди, голова, говорить, первый, вдруг, два* и др.). Отмечается, что у каждого автора можно выявить свой набор слов, предстающих в оригинальном контекстном окружении.

Подробно модель сопоставительного анализа рассмотрена на примере контекстов слов, обозначающих человека: *человек/люди, женщина и ребенок/дети*. Такие сочетания, как *интеллигентный человек, ленивый человек, иметь успех у женщин, дети и внуки* (А. П. Чехов), *нервический человек* (И. С. Тургенев), *пощадить человека* (Ф. М. Достоевский), *курчавый человек, невысокая женщина, беременная женщина* (Л. Н. Толстой), *женщины – создания (прекрасные, нежные, слабые)* (И. А. Гончаров), являются малыми фрагментами авторских стилистических систем. Анализ выявляет яркую разницу между синтагматическими характеристиками творчества разных писателей. Сделаны выводы о возможном систематическом изложении материала в виде авторского синтагматического словаря русской прозы XIX в.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексическая синтагматика; лексические единицы; русский язык; лексико-статистический анализ; стилометрия; идиостиль; лексические биграммы; корпусная лингвистика; русские писатели.

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-012-00104 «Формализация индивидуальной лексической сочетаемости как средство описания идиостилей: корпусное сопоставительное исследование классической прозы XIX в.»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мухин, М. Ю. Авторская лексическая синтагматика в системном представлении / М. Ю. Мухин, Н. Ю. Мухин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 103–110. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-08.

AUTHORED LEXICAL SYNTAGMATICS IN A SYSTEMATIC INTERPRETATION

Mikhail Yu. Mukhin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8716-9260>

Nikolay Yu. Mukhin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8679-9869>

Abstract. The article considers a stylometric model of systematic interpretation of authored lexical syntagmatics (lexical compatibility) in the classical prose of the 19th century. The article compares the achievements of classical lexicology and modern corpus linguistics and suggest bigrams, i. e. pairs of words used in a common phraseological context, as units of lexical syntagmatics to study texts of great volume. Besides, the articles formulates the requirements for lexical bigrams involved in the lexical-statistical comparison of different individual styles. The article provides examples of original bigrams that recur in different works of the same author over many creative years (e.g., *oblokotit' golovu* [to lean a head on elbows] in the novels by L. N. Tolstoy). The problem of cataloguing and systematic interpretation of such recurring stylistic "particulars", which the author may use deliberately or unconsciously, and the reader may or may not notice in different texts, is posed.

On the basis of 19th century classical prose (the works of L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, I. S. Turgenev and I. A. Goncharov), the authors perform a context lexico-statistical comparison of bigrams containing words frequently used by all authors (for example, *chelovek/lyudi* [person/people], *golova* [head], *govorit'* [to speak], *pervyy* [first], *vdrug* [suddenly], *dva* [two], etc.) is studied. It is noted that each author can identify a different set of words appearing in the original contextual environment.

The model of comparative analysis is examined in detail on the example of the contexts of words denoting a person: *chelovek/lyudi* [person/people], *zhenshchina* [woman] and *rebenok/deti* [child/children]. Such combinations as *intelligentnyy chelovek* [intelligent person], *lenivyy chelovek* [lazy person], *imet' uspekh u zhenshchin* [to succeed with women], *deti i vnuki* [children and grandchildren] (A. P. Chekhov), *nervicheskiy chelovek* [nervous person] (I. S. Turgenev), *poshchadit' cheloveka* [to spare a person] (F. M. Dostoevsky), *kurchavyy chelovek* [curly-haired person], *nevysokaya zhenshchina* [short woman], *beremennaya zhenshchina* [pregnant woman] (L. N. Tolstoy), *zhenshchiny – sozdaniya* (*prekrasnye, nezhnye, slabye*) [women are (beautiful, gentle, weak) creatures] (I. A. Goncharov) are small fragments of authored stylistic systems. The analysis reveals a striking difference between the syntagmatic characteristics of the works of different writers. Conclusions are made about a possible systematic presentation of the material in the form of an authored syntagmatic dictionary of the Russian prose of the 19th century.

Keywords: lexical syntagmatics; lexical units; Russian language; lexico-statistical analysis; stylometry; idio-style; lexical bigram; corpus linguistics; Russian writers.

Acknowledgments: Research is accomplished with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-012-00104 "Formalization of individual lexical compatibility as a means of idio-style description: A corpus-based comparative study of the 19th century classical prose".

For citation: Mukhin, M. Yu., Mukhin, N. Yu. (2021). Authored Lexical Syntagmatics in a Systematic Interpretation. In *Philological Class.* Vol. 26. No. 2, pp. 103–110. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-08.

1. Вопросы лексической синтагматики являются классическими проблемами изучения лексической и текстовой семантики, сформулированными в работах ученых Пражского лингвистического кружка, В. Б. Шкловского, В. П. Григорьева, В. Г. Адмони и других филологов. В научный оборот введены термины «сочетаемость», «валентность» слова, а в сфере изучения изящной словесности употребляются конструкции «работа со словом», «особая» (или «нетипичная», «нестандартная») сочетаемость и даже легитимное «нарушение [привычной] сочетаемости» – см., например: [Володина 1998; Дуркина 2013; Мухин 2015; Степанова 1998; Яшина 2011]. Можно перечислить

несколько теоретических и прикладных подходов к научному рассмотрению лексической синтагматики. «Принцип учебника» по лексикологии и лексической семантике предполагает констатацию фактов широкой и узкой сочетаемости, возможных факторов ее нетипичности, а также выявление связи сочетаемости и многозначности, контекстных факторов реализации того или иного значения слова. «Принцип словаря» предполагает обзор примеров наиболее явных вариантов типовой сочетаемости, однако никакой словарь не в состоянии охватить аспекты даже типовых, нормативных лексических контекстов – см., например, [Словарь сочетаемости слов

русского языка 2002]. Принцип исследования сочетаемости в конкретном тексте или творчестве какого-либо автора, реализованный в большом количестве филологических работ, проявляется в анализе интересных фактов авторской синтагматики, но говорить о системном, исчерпывающем характере таких наблюдений сложно. Наконец, принцип статистического измерения контекстной многозначности, лежащий, например, в основе методов автоматизированного извлечения коллокаций из массивов текстов [Ягунова, Пивоварова 2010; Хохлова 2010], машинного перевода (статистического или нейросетевого), машинного обучения [Кузьмин 2020; Хохлова 2019], предлагает относительно точные результаты, которые в то же время отражают общезыковые, а не индивидуально-авторские решения.

При следовании перечисленным принципам термины «особая сочетаемость» или, наоборот, «типичная сочетаемость» слов наполняются разным содержанием и являются в разной степени строгими или, наоборот, нечеткими. Используя, с одной стороны, классические лингвистические наблюдения над лексической синтагматикой, а с другой – опыт корпусных исследований, мы предлагаем для систематизации авторской лексической сочетаемости принцип сравнительно-статистического анализа контекстов слов, которые часто используют разные авторы. В таком случае единицей рассмотрения является лексическая пара (биграмма), функционирующая в одной фразе. К биграммам предъявляются следующие требования:

- слова должны употребляться в одном предложении и находиться друг от друга на небольшом расстоянии (не более пяти слов, что определено опытным путем);
- одним из членов пары должно быть слово, часто употребляемое в языке или в нашем случае – часто употребляемое разными авторами и в разных текстах;
- лексическая биграмма должна неоднократно употребляться в разных текстах одного автора и при этом не быть характерной для других авторов.

В результате решается несколько задач объективной выборки материала. Так, некое множество частотных слов употребляет каж-

дый человек, но каждый автор может делать это особым образом. Наличие в составе биграммы слова типа *человек/люди, голова, говорить, первый, вдруг, два* и т. д. делает сопоставление авторских стилей обоснованным в силу индивидуальных особенностей обращения к одним и тем же словам. По условиям, выборка выходит за пределы одного конкретного произведения, а также за пределы типовой сочетаемости, свойственной многим авторам.

Итогом применения предложенного метода в перспективе является «каталогизация» случаев индивидуально-авторской лексической синтагматики, обобщение слов, которые наиболее интересно употребляет каждый автор, и, наконец, выводы идиостилевого характера – см. об этом: [Mukhin M. Yu. & Mukhin N. Yu. 2020].

2. В целях исследования создан корпус прозаических произведений XIX в. (объем около 4 миллионов слов). Авторы произведений – Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов. Методика анализа включает сопоставление разных идиостилей и в то же время сопоставление текстовых массивов, принадлежащих одному автору.

Чтобы показать специфику нашего материала, приведем несколько примеров из романов Л. Н. Толстого:

Он сидел, облокотив голову на руки, и хотел что-то сказать в ответ на мой взгляд, но только тяжело вздохнул и опять облокотился («Семейное счастье»);

<...> другой, помоложе, лежал на траве, облокотив ступанную белокурую голову на руки, и смотрел задумчивыми голубыми глазами на воду («Анна Каренина»);

На третью ночь графиня затихла на несколько минут, и Наташа закрыла глаза, облокотив голову на ручку кресла («Война и мир»);

Графиня Катерина Ивановна сидела у мозаикового столика, облокотив голову на обе руки, и толстые плечи ее вздрагивали («Воскресение»).

Представленную оригинальную биграмму составляют слова *голова* (часто употребляемое всеми авторами) и глагол *облокотить*. Среди исследуемых авторов это сочетание уникально еще и потому, что, кроме Толстого, никто из них не использует глагол *облокотить* (только *облокотиться*). Индивидуально-авторской

является и биграмма *облокотить – руки*: Он сел подле жены, облокотив молодецки руки на колена и взьерошивая седые волосы («Война и мир»).

Вряд ли можно сказать, что необычное сочетание *облокотить голову* (не только на руки с локтями, но и – посредством рук – на ручку кресла) в XIX в. употреблял исключительно Л. Н. Толстой, но ясно, что именно у него оно повторяется, причем в разных произведениях на протяжении 40 лет творчества. Этот вывод подтверждает и Национальный корпус русского языка.

Читая классические произведения, мы можем замечать или, наоборот, не замечать такие детали. И автор, с другой стороны, может возвращаться к таким сочетаниям намеренно или неспециально. Тем не менее при системном лингвистическом рассмотрении идиостиля такие лексические повторы никак нельзя признать случайными. Возникает вопрос: можно ли создать более или менее полный перечень стилистических особенностей авторской синтагматики?

Сравнительно-статистический анализ показывает, что у каждого из перечисленных авторов-классиков существовали свои предпочтения в особенном сочетании обычных, общеупотребительных слов с другими словами. Таковы наречия *вдруг, опять, уже, еще* у Ф. М. Достоевского [Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. 2020; Ружицкий 2011], слово *лицо* и лексемы, обозначающие части тела, в текстах А. П. Чехова [Мухин, Филатова 2020], фазовые глаголы в романах И. С. Тургенева [Дюзенли 2020] и др. Подобных «универсальных», часто употребляемых всеми авторами слов, относящихся к знаменательным частям речи, выявлено более ста.

3. В формате статьи трудно представить материал, который мог бы составить основу целого синтагматического словаря. Рассмотрим здесь результаты сопоставительного анализа авторской сочетаемости слов, обозначающих человека. Это собственно *человек/люди*, а также существительные *женщина и ребенок/дети*, входящие в перечень основных слов, составляющих лексические биграммы.

Начнем с наиболее употребительного слова *человек/люди*. Согласно данным Наци-

онального корпуса русского языка (поиск по биграммам¹), наиболее частотные коллокации этого слова, относящиеся к знаменательным частям речи, – *молодой, один, несколько, жить, говорить* и т. д. Предложения с подобными контекстами есть у разных авторов, но здесь мы рассматриваем статистически подтвержденные индивидуальные решения. Больше всего их обнаружено в прозе А. П. Чехова.

Наиболее характерны для писателя оценочные определения *интеллигентный* (почти два десятка случаев), *культурный, ленивый человек*: *Вы, человек интеллигентный и пожилой, ни разу не слышали про меня – доказательство убедительно!* («Пассажир 1-го класса»); *И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу <...> тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными* («Ионыч»); *Ершаков закурил гаванку, и в его комнате еще сильнее запахло культурным человеком* («Писатель»); *Самая высокая и святая задача культурного человека – это служить ближним, и мы пытаемся служить, как умеем* («Дом с мезонином»); *От природы вы человек ленивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь так, чтобы вас ничто не беспокоило и не двигало с места* («Палата № 6»).

В то же время слова *интеллигентный* и *культурный* Чехов может использовать со скрытой иронией, как в примере из рассказа «Писатель». Известны его рассуждения о том, каким должен быть воспитанный и культурный человек; действительно, Чехов много думал об этом, тема уровня культуры и воспитания – одна из важных для его наследия (в том числе эпистолярного). Однако из этого не следует прямо обязательное отражение таких рассуждений в лексической сочетаемости.

В контекстах слова *человек* неоднократно встречаем у Чехова глагол *зарезать*: *Я знаю такое убийство, что человека повесили, зарезали, керосином облили и сожгли – все это сразу, и то я молчу* («Два газетчика»); *Они, зарезавши человека, вышли из лесу с уверенностью, что они постышки* («Припадок»). Менее частотны, но тоже вполне типичны для писателя контексты сочетаний *человек, посвященный* (во что-либо) или *посвятивший себя* (науке, решению больших задач и т. п.), *пьяница*, а также *человек, одетый в какую-либо рубашу*.

¹ См.: URL: https://ruscorpora.ru/old/search-ngrams_2.html (дата обращения: 20.05.2021).

В целом мы видим доминирование поляризованной этической оценки в сочетаниях этого слова у А. П. Чехова: с одной стороны, человек интеллигентный, культурный, посвятивший себя какому-либо служению, а с другой стороны – ленивый, пьяница, разбойник.

Каким предстает человек в творчестве других авторов исходя из особенностей лексической сочетаемости? На фоне «синтагматического разнообразия» в чеховском окружении слова *человек* у других авторов находим значительно меньше контекстных особенностей. Человек Тургенева может быть нервическим (*Он был очень нервический молодой человек* («Накануне»); *Человек он был нервический, нездоровый, зато когда он расправлял свои крылья – боже! куда не залетал он! в самую глубину и лазурь неба!* («Рудин»)) или обладать каким-либо (особенным) отпечатком, то есть внимание автора обращено на черты характера. Жизнь человека может висеть (на нитке, ниточке): *Каждый человек на ниточке висит, бездна ежеминутно под ним разверзнуться может* («Отцы и дети»).

У Л. Н. Толстого одна повторяющаяся внешняя характеристика – *курчавый человек*: *Николай был невысокий курчавый молодой человек с открытым выражением лица* («Война и мир»); *направо от двери <...> сидел курчавый рыжеватый человек в очках и гуттаперчевой куртке* («Воскресение»). С человеком связаны факторы неотвратимости влияния социальных обстоятельств, что отражают контексты со словами неизбежно и условия: *люди, попадающие в это правительстве, неизбежно стираются и уничтожаются* («Война и мир»); *Его планы, составленные в Москве, казались ему чем-то вроде тех юношеских мечтаний, в которых неизбежно разочаровываются люди, вступающие в жизнь* («Воскресение»); *Нет таких условий, к которым человек не мог бы привыкнуть* («Анна Каренина»); *Но под давлением жизненных условий он, правдивый человек, допустил маленькую ложь <...>* («Воскресение»). Автор неоднократно возвращается к вопросу о том, как часто человека подвергают отрицательному воздействию – опасностям, мучениям, унижениям и страданиям.

Единственный особенный глагол речи, неоднократно употребляемый Л. Н. Толстым рядом со словом *человек/люди*, это глагол *переговариваться*: *Выходившие люди все еще переговаривались о том, что случилось* («Анна Каренина»).

В романах Ф. М. Достоевского находим всего одно повторяющееся словосочетание – *пощадить человека* (*Можно же, наконец, пощадить человека!* («Бесы»)), что более чем характерно для этико-философской системы писателя.

Таким образом, индивидуально-авторская сочетаемость наблюдается у Чехова в сфере этического, нравственного устройства человека, взаимодействующего с окружающим миром (*человек* – субъект); у Достоевского, напротив, – в должествующей этической направленности по отношению к человеку (*человек* – объект); что касается Толстого, то его синтагматические отличия – в области внешней характеристики, социальных отношений и зависимости человека от них; биграмма *человек* – неизбежно очень хорошо коррелирует с убеждениями Толстого об объективности исторического процесса, о непреложном ходе истории (хотя эти убеждения в большей степени относятся к периоду «Войны и мира», ослабевая впоследствии).

Теперь о том, в каких оригинальных контекстах встречается у писателей слово *женщина*. Для А. П. Чехова опять же характерно сочетание *интеллигентная женщина*: *У нас интеллигентным девушкам и женщинам решительно некуда деваться* («Огни»). Не менее характерен для писателя оборот *иметь успех у женщин / не иметь успеха у женщин* (колоколом является слово *успех*): *Вообще Сергей Сергеевич имел большой успех у женщин* («У знакомых»). *У женщин я имею прежний успех – это а propos* («Драма на охоте»); *Я никогда не имел успеха у женщин <...>* («Три года»). Все это произведения разных периодов творчества писателя. Показательно, что в текущей версии Национального корпуса русского языка выражение *иметь успех у женщин* (с разными формами глагола *иметь*) встречается 25 раз, и 6 из этих контекстов – чеховские.

Отношения с женщинами в ряде случаев отражены в конструкциях с безличным глаголом *приходиться* в значении «выпадать на чью-либо долю, быть неизбежным в связи с какими-л. обстоятельствами». Так, чеховским персонажам приходилось (или не приходилось) встречаться с женщинами, обнимать их за талию, обмануть их, расставаться с ними и т. д.

Посмотрим, что следует из сочетаемости слова *женщина* в текстах других авторов. В романах Л. Н. Толстого с женщинами связаны повторяющиеся прилагательные *невысокая, беременная, привлекательная*. Слово *невысокая* автор как будто настойчиво употребляет в различных портретных фрагментах: *Хозяйка была круглолицая, белокурая и невысокая женщина, вся сияющая ямочками и улыбками* («Анна Каренина»); *И ему представляется с желтизной в жирном лице невысокая, толстая женщина – матушка-императрица* («Война и мир»); *Четвертая, стоявшая у окна, была <...> невысокая, коренастая деревенская женщина с очень выпуклыми глазами и добродушным лицом; Рядом с ней сидела и также шила мешки из парусины невысокая курносая черноватая женщина с маленькими черными глазами, добродушная и болтливая* («Воскресение»).

У И. А. Гончарова авторской является биграмма *женщина – создание*, которое может быть прекрасным, нежным, слабым и, наоборот, жалким, пошлым и еще более падшим. «Создание» – это не только творенье божье или природы, это нечто хрупкое, трепетное; таким образом передается гончаровское возвышенное отношение к женщине, т. е. эстетика и требование внутреннего соответствия женщины этой эстетике: *Это влечение к всякой видимой красоте, все более к красоте женщины, как лучшего создания природы, обличает высшие человеческие инстинкты, влечение и к другой красоте, невидимой, к идеалам добра, изящества души, к красоте жизни!* («Обрыв»).

У Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева отличительных контекстов со словом *женщина* не выявлено.

Наконец, приведем два примера контекстного окружения слова *ребенок/дети*. У А. П. Чехова это встречающееся несколько раз сочетание *дети и (или) внуки* – фактически в значении «потомство, следующие поколения»: *И детям закажу помнить, и внукам... в род и род...* («Симулянты»); *А для наших детей или внуков вопрос этот, – правы они или нет, – будет уже решен* («Случай из практики»). В романах Л. Н. Толстого такой контекст также один – *окруженный(-ая) детьми*: *Когда Степан Аркадьич ушел, она вернулась на диван, где сидела окружен-*

ная детьми («Анна Каренина»); *Окруженные кричавшими детьми, ряженые, закрывая лица и меняя голоса, раскланивались перед хозяйкой и расстановились по комнате* («Война и мир»).

Не стоит абсолютизировать такую лексическую сочетаемость в плане восприятия людей в целом или женщин разными писателями, но в то же время для их идиостилей приведенные выше контексты представляются весьма показательными.

Резюмируя, мы можем сказать, что индивидуально-авторская сочетаемость наблюдается в области именно тех характерных особенностей, которые и в целом присущи художественному миру авторов: культурно-этический вектор личности, направленный в будущее, у Чехова; внимание к чертам внешности, социальный фон, «окружение», объективные факторы влияния на людей у Толстого; этика милосердия, моральное отношение общества к отдельному человеку у Достоевского; одухотворенная эстетика Гончарова.

4. Рассмотренный фрагмент авторской лексической сочетаемости в классической прозе свидетельствует о ярких стилистических различиях у известных писателей. На фоне существующих филологических исследований литературы XIX в. такой «мелкомасштабный» анализ текста может казаться малозначимым, поскольку прямо не выводит на концепции, проблематику известных произведений. Тем не менее именно благодаря базовому статистическому сопоставлению современный исследователь может получить подобный контекстный массив, в котором совокупность синтагматических предпочтений часто свидетельствует о том, какие фрагменты действительности автору «интереснее», важнее представлять в особом словесном окружении. В предложенном материале наиболее значимо реализовались А. П. Чехов и Л. Н. Толстой, в других случаях мы наблюдаем особую лексическую оригинальность Достоевского, Тургенева и Гончарова. Если соединить все эти наблюдения, то в перспективе можно говорить об идиостилевом синтагматическом словаре русской классической прозы.

Литература

- Володина, Е. А. Нестандартная сочетаемость как средство создания юмористического эффекта: На материале англоязычной прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Володина Е. А. – М., 1998. – 16 с.
- Дуркина, Г. С. Семантико-синтагматический аспект описания русского художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дуркина Г. С. – Волгоград, 2013. – 26 с.
- Дюзенли, М. В. Особенности авторской лексической сочетаемости в романах И. С. Тургенева на примере выражения семантической категории фазовости / М. В. Дюзенли // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 35–41.
- Кузьмин, О. И. О динамике развития основных концепций автоматизированного перевода / О. И. Кузьмин // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 12 (841). – С. 88–98.
- Мухин, М. Ю. Нетипичная лексическая сочетаемость: формализация термина и анализ текста / М. Ю. Мухин // Уральский филологический вестник. – 2015. – Вып. 4. – С. 105–115.
- Мухин, М. Ю. Корпусная методология в синтагматическом исследовании прозы XIX в. / М. Ю. Мухин, Н. Ю. Мухин // Когнитивные исследования языка. – Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. – М.; Тамбов; Екатеринбург, 2020. – С. 850–853.
- Ружицкий, И. В. Текстобразующая функция слова «вдруг» в произведениях Ф. М. Достоевского / И. В. Ружицкий // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 3. – С. 18–25.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 3-е изд., испр. – М., 2002. – 811 с.
- Степанова, С. Ю. Авторское использование экспрессивных средств языка и нестандартной сочетаемости : дис. ... канд. филол. наук / Степанова С. Ю. – М., 1998. – 145 с.
- Хохлова, М. В. Исследование лексико-синтаксической сочетаемости в русском языке с помощью статистических методов: на базе корпусов текстов : дис. ... канд. филол. наук / Хохлова М. В. – СПб., 2010. – 218 с.
- Хохлова, М. В. Статистический подход применительно к исследованию сочетаемости: от мер ассоциации к машинному обучению / М. В. Хохлова // Структурная и прикладная лингвистика : сборник научных трудов. Вып. 12. – СПб., 2019. – С. 106–122.
- Ягунова, Е. В. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов / Е. В. Ягунова, Л. М. Пивоварова. – Текст : электронный // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2010. – № 6. – URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf (дата обращения: 20.05.2021).
- Яшина, Е. А. Особенности нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте / Е. А. Яшина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Лингвистика». – 2011. – № 2. – С. 69–76.
- Mukhin, M. Yu. Psychological Traits of Author's Style of Writing: Ways to Find New Meanings / M. Yu. Mukhin, E. R. Filatova // Proceedings of Science School: 2nd International Neuropsychological Summer School named after A. R. Luria "The World After the Pandemic: Challenges and Prospects for Neuroscience". – Ekaterinburg, 2020. – P. 59–62.
- Mukhin, M. Yu. Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th Century Prose: Ural Stylometric Project / M. Yu. Mukhin, N. Yu. Mukhin // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 13, № 12. – С. 2027–2034.

References

- Denisov, P. N., Morkovkin, V. V. (Eds.). (2002). *Slovar'sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of Collocation of Russian Words]. Moscow. 811 p.
- Durkina, G. S. (2013). *Semantiko-sintagmaticsii aspekt opisaniya russkogo khudozhestvennogo teksta* [Semantic and Syntagmatic Aspect of Study of Russian Literary Text]. Avtoref. dis. ... cand. philol. nauk. Volgograd. 26 p.
- Dyuzenli, M. V. (2020) *Osobennosti avtorskoi leksicheskoi sochetaemosti v romanakh I. S. Turgeneva na primere vyrazheniya semanticheskoi kategorii fazovosti* [The Specificity of the Original Lexical Collocations in Novels by I.S. Turgenev Based on the Expression of the Semantic Category of Phaseness]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. Vol. 17. No. 4, pp. 35–41.
- Khokhlova, M. V. (2010). *Issledovanie leksiko-sintaksicheskoi sochetaemosti v russkom yazyke s pomoshch'yu statisticheskikh metodov: na baze korpusov tekstov* [Research of Lexical-Syntactic Collocation in Russian Using Statistical Methods: Corpus-based Study]. Dis. ... cand. philol. nauk. Saint Petersburg. 218 p.
- Khokhlova, M. V. (2019). *Statisticheskii podkhod primenitel'no k issledovaniyu sochetaemosti: ot mer assotsiatsii k mashinnomu obucheniyu* [Statistical Approach in the Study of Compatibility: from Measures of Association to Machine Learning]. In *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika: sbornik nauchnykh trudov. Issue 12*. Saint Petersburg, pp. 106–122.
- Kuz'min, O. I. (2020). *O dinamike razvitiya osnovnykh kontseptsii avtomatizirovannogo perevoda* [On the Dynamics of the Development of the Basic Concepts of Machine Translation]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Vol. 12 (841), pp. 88–98.
- Mukhin, M. Yu. (2015). *Netipichnaya leksicheskaya sochetaemost': formalizatsiya termina i analiz teksta* [Atypical Lexical Compatibility: Term Formalization and Text Analysis]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik*. Vol. 4, pp. 105–115.
- Mukhin, M. Yu., Filatova, E. R. (2020). *Psychological Traits of Author's Style of Writing: Ways to Find New Meanings*. In *Proceedings of Science School: 2nd International Neuropsychological Summer School named after A. R. Luria "The World After the Pandemic: Challenges and Prospects for Neuroscience"*. Ekaterinburg, pp. 59–62.

Mukhin, M. Yu., Mukhin, N. Yu. (2020). Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th Century Prose: Ural Stylogrammetric Project. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 13. No. 12, pp. 2027–2034.

Mukhin, M. Yu., Mukhin, N. Yu. (2020). Korpusnaya metodologiya v sintagmaticheskom issledovanii prozy XIX v. [Corpus Methodology In The Syntagmatic Study of XIX Century Prose]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Issue 2 (41): Kognitivno-diskursivnaya paradigma v lingvistike i smezhnykh naukah: sovremennye problemy i metodologiya issledovaniya*. Moscow, Tambov, Ekaterinburg, pp. 850–853.

Ruzhytsky, I. V. (2011). Tekstoobrazuyushchaya funktsiya slova «vdrug» v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo [Text-Forming Function of the Word “Suddenly” in the Works of F. M. Dostoevsky]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Vol. 3, pp. 18–25.

Stepanova, S. Yu. (1998). *Avtorskoe ispol'zovanie ekspressivnykh sredstv yazyka i nestandartnoi sochetaemosti* [Author's Use of Expressive Ways of Language and Non-standard Compatibility]. Dis. ... cand. philol. nauk. Moscow. 145 p.

Volodina, E. A. (1998). *Nestandartnaya sochetaemost' kak sredstvo sozdaniya yumoristicheskogo effekta: Na materiale angloyazychnoi prozy* [Non-standard Compatibility as a Method of Creating a Humorous Effect: Based on the Material of English-language Prose]. Avtoref. dis. ... cand. philol. nauk. Moscow. 16 p.

Yagunova, E. V., Pivovarova, L. M. (2010). Priroda kollokatsii v russkom yazyke. Opyt avtomaticheskogo izvlecheniya i klassifikatsii na materiale novostnykh tekstov [The Nature of Collocations in Russian Language. Experience of the Automatic Extraction and Classification on the Material of News Texts]. In *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2*. No. 6. URL: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394529742_4311.pdf (mode of access: 20.05.2021).

Yashina, E. A. (2011). Osobennosti narusheniya sochetaemosti leksicheskikh edinit v khudozhestvennom tekste [Features of Variation of the Compatibility of Lexical Units in a Literary Text]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. «Lingvistika»*. Vol. 2, pp. 69–76.

Данные об авторах

Мухин Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: mikhail.mukhin@urfu.ru.

Мухин Николай Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
E-mail: nfly2011@yandex.ru.

Author's information

Mukhin Mikhail Yurievich – Doctor of Philology, Professor of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Mukhin Nikolay Yurievich – Candidate of Philology, Associate Professor, Researcher of Laboratory for Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

«СОХРАНИ МОЮ РЕЧЬ...»: К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

УДК 821.161. 1-1(Мандельштам О. Э.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-09.
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,45. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.08

«ПУТЕВОДНЫЕ ЗНАКИ». ИЗ БЕСЕД И ЗАПИСЕЙ О «ВОРОНЕЖСКИХ ТЕТРАДЯХ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

Митракова Н. М. Воронеж, Россия

Алейников О. Ю.

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

А н н о т а ц и я . В статье анализируется специфика рецепции «Воронежских тетрадей» О. Мандельштама в подцензурный («допечатный») период изучения его произведений независимыми исследователями в городе, где были созданы, записаны и авторизованы стихотворения, вошедшие в «Наташину книгу». Рассматривается история вопроса, уточняются различные стратегии восприятия лирики поэта, проблемы историко-литературного и реального комментирования его текста. Актуальность темы обусловлена насущной потребностью изучения истории приращения и накопления точных знаний о поэте и его творчестве в документах личного происхождения, в составе которых, помимо писем, заметное место занимают дневники, блокноты, записи бесед, сохранившиеся в частных собраниях и архивах исследователей, участвовавших в поиске и систематизации историко-биографических сведений (а также других достоверных материалов, фактов, устных воспоминаний) о жизни и творческом наследии О. Мандельштама. Новизна исследования определяется тем, что в научный оборот вводятся записи 1960-х – 1980-х годов, сделанные Н. М. Митраковой во время общения с уроженкой Воронежа Н. Е. Штемпель (1908–1988), принимавшей участие в судьбе поднадзорного поэта и в дальнейшем спасении и сбережении значительной части его рукописного архива, дружившей с Н. Я. Мандельштам. В статье содержится реконструкция поисков реальной топонимики Воронежа, переосмысленной в произведениях поэта. Впервые приводятся выписки разных лет из неопубликованных и неизвестных специалистам дневников профессора В. А. Свительского (1940–2005), стоявшего в Воронеже у истоков научного мандельштамоведения. Публикуются фотографии из личного собрания Н. М. Митраковой и фотографии, сделанные в 1970–1980-е годы исследователем-поисковиком, кандидатом химических наук В. Л. Гординым (1940–1992) – соавтором Н. Е. Штемпель по работе над альбомом и слайд-фильмом «Мандельштам в Воронеже». Текст статьи подготовил О. Ю. Алейников. Цитаты из дневников В. А. Свительского подготовила и предоставила Н. М. Митракова. Фрагменты ее воспоминаний о Н. Е. Штемпель и поиске реальной топографии выделены в тексте статьи как авторский материал.

К л ю ч е в ы е с л о в а : рецепции творчества; русские поэты; литературное творчество; литературные жанры; стихотворения; мандельштамоведение.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Митракова, Н. М. «Путеводные знаки». Из бесед и записей о «Воронежских тетрадях» О. Мандельштама / Н. М. Митракова, О. Ю. Алейников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 111–122. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-09.

“MILESTONES”. FROM CONVERSATIONS AND NOTES ABOUT OSIP MANDELSTAM'S “VORONEZH NOTEBOOKS”

Nina M. Mitrakova
Voronezh, Russia

Oleg Yu. Aleinikov
Voronezh State University (Voronezh, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5500-6918>

Abstract. The article analyses the specificity of reception of Mandelstam's “Voronezh Notebooks” in the censored (prepublication) period during expertise of his works by independent researchers in Voronezh where his poems were created, recorded and authorized. The authors study the historical background and clarify some strategies of perception of Mandelstam's lyrical poems and the problems of real and historical-literary commenting of his texts. The urgency of the study can be attributed to the need to investigate the history of accumulating precise knowledge about the poet and his creative activity recorded in personal documents such as letters, diaries, notebooks and transcripts of interviews kept in private collections of the scholars who took part in the search and systematization of historical and biographical data (and other reliable materials, facts and oral reminiscences) about Mandelstam's life and his creative heritage. The novelty of the study is determined by the fact that it includes in the scope of scholarly interest the notes of N. Mitrakova, written down in the 1960s–1980s during her communication with N. Shtempel (1908–1988) who, being a friend of N. Mandelstam, was involved in poet's life, and saved and kept the major part of his archive. The article reconstructs the search for real Voronezh toponymy reinterpreted in the poet's works. For the first time, the article provides extracts from previously unpublished and new diaries of Professor V. Svitelskiy (1940–2005), who was the founder of Mandelstam studies in Voronezh. The article publishes photos from N. Mitrakova's private collection and photos made in the 1970s–1980s by the researcher, Candidate of Chemistry V. Gordin (1940–1992), who was N. Shtempel's co-author of the album and the slide show “Mandelstam in Voronezh”. The text was prepared by O. Aleinikov. Quotes from the diaries of V. Svitelskiy were prepared and provided by N. Mitrakova. Fragments of her memoirs about N. Shtempel and the search for real topography are highlighted in the text of the article as the author's material.

Key words: reception of creative activity; Russian poets; literary creative activity; literary genres; poems; Mandelstam studies.

For citation: Mitrakova, N. M., Aleinikov, O. Yu. (2021). “Milestones”. From Conversations and Notes about Osip Mandelstam's “Voronezh Notebooks”. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 111–122. DOI: 10.51762/IFK-2021-26-02-09.

«Воспоминания – прерывистые знаки» (Н. Я. Мандельштам). В дневнике В. Свительского за 1959 год Осип Мандельштам упоминается дважды: в перечне прочитанных книг и в описании встречи у памятника Кольцову с приезжим стариком. Тот «почему-то называл поэтов по именам»: «У Алексея есть прекрасные строки... „Иль у сокола крылья связаны, иль пути ему все заказаны...“ Так мечтал о свободе воронежский прасол! А Мандельштам откликнулся: „Я около Кольцова, как сокол, закольцован...“ Осипу приходилось жить в вашем городе, друзья. Не забывайте об этом».

Последние слова напоминают напутствие: стихов, созданных поэтом в ссылке, будущему исследователю его творчества слышать не доводилось...

В 1960-е годы отрывочные сведения о «Воронежских тетрадах» начинали приходиться к читателям советских изданий с многочисленными умолчаниями. В воспоминаниях И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» образ О. Мандельштама, преследуемого белогвардейцами, полицией и другими «враждебными силами», был отчасти романтизирован, «воронежские» строки появлялись в повествовании о злоключениях поэта в Киеве,

Коктебеле, Феодосии, Батуми, Москве времен Гражданской войны. По логике, предложенной мемуаристом, уже тогда начался поединок поэта с «веком-волкодавом» – в емкой мандельштамовской метафоре, упомянутой в тексте воспоминаний, откликнулись гибельные исторические обстоятельства, о которых И. Эренбург рассказывал, пропуская целые десятилетия: «Летом 1934 года я искал его в Воронеже» [Эренбург 1961: 142]. Но вместо подробностей далее приводилось стихотворение «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», почти никому не известное.

В другой публикации, осуществленной в четвертом номере журнала «Простор» за 1965 год, стихи, извлеченные из «Воронежских тетрадей» (в том числе «Я должен жить, хотя я дважды умер...»), обнародованы без указания места их создания. Но умолчания, вызванные запретами цензуры, едва ли могли дезориентировать: лирикой Мандельштама Воронеж уже был вписан в его творческую биографию и в мировую поэзию (в Италии, США и Франции приступали к изданию его стихов).

В СССР предпринимались неуместные попытки приспособить к официальной советской литературе наследие поэта, заклеянного когда-то как «мэтра замолчавших вражеских лир» (Г. Рыжманов). В 1966 году журнал «Подъем» – благодаря поддержке секретаря воронежского обкома партии по пропаганде – напечатал подборку из «Наташиной книги» с предисловием, из которого следовало, что на черноземной земле «в поэзию Мандельштама вошла жизнь с гулом подземных поездов московского метро, гудками паровозов, снующих между Отрожкой и Придачей, рокотом самолетов, взрезающих туманное небо Арктики, звоном далеких и близких кремлевских курантов, сжимающим пространство между Москвой и Воронежем до точки» [Немировский 1966: 93]. При подготовке произведений к печати была перепутана их датировка, не уточнена текстология, но содержалось указание на источник публикации: «стихи Мандельштама воронежского периода сохранились в списках Н. Е. Штемпель. В значительной степени по ее воспоминаниям мы восстанавливаем жизнь О. Э. Мандельштама в Воронеже» [Там же: 92].

Это был сигнал, подтверждавший достоверность приведенных в предисловии историко-биографических фактов. Однако в печать пропустили немного. Информацию, полученную у Натальи Евгеньевны, но значительно сокращенную редакцией журнала, А. Немировский пытался восстановить в областной газете «Молодой коммунар». В статью «Мандельштам в Воронеже» (1966, 19 авг.) удалось включить полный текст стихотворения «Я около Кольцова...», упомянуть один из адресов опального поэта: «улица Фридриха Энгельса (угол улицы Чайковского)», куда в сентябре 1936 года пришла Наташа Штемпель, чтобы познакомиться с создателем «Камня».

Дом, где сравнительно недолго снимали комнату Мандельштамы, получил известность, но «исходные образы», автобиографическую реальность стихотворений, маршруты опального мастера и другие «путеводные знаки», значимые для понимания «Воронежских тетрадей», подцензурные публикации, рассыпанные по разным изданиям, подсказать не могли.

Нина Матвеевна Митракова вспоминает: «О том, что в нашем городе живет женщина, принявшая участие в судьбе ссыльного поэта, мой муж Слава Свительский, его сестра Тania и я знали со времен студенчества. Вероятнее всего, об этом говорил наш преподаватель Владислав Петрович Скобелев, поощрявший интерес к творчеству Мандельштама и другим полузапретным темам. В 1968 году – я тогда работала в отделе периодики университетской библиотеки – мы познакомились с Натальей Евгеньевной, решившей передать в читальный зал комплекты журнала „Новый мир“ за несколько лет. Выяснилось, что район педагогического института, где мы жили, она хорошо знала, после войны ее и других преподавателей авиационного техникума подсадили в двухэтажный дом, располагавшийся недалеко – в переулке Купянском (прежнее название – 2-й переулок Буденнова. – Прим. О. А.).

Первый день знакомства запомнился. „Воронежские тетради“ мы читали и прежде – рукописными и машинописными страничками, уже ходившими в самиздате, делились друзья. Но Наталья Евгеньевна произносила знакомые строки с необычной интонацией (как мы

потом поняли, услышанной у Мандельштама). Стихотворения о жизни и смерти, весне и любви, чередуясь, в ее исполнении соединились в созвучии...

В. Свительский, Н. Митракова.
«Накануне знакомства с Н.Е. Штемпель»

Мы стали часто бывать у Н. Е. Штемпель. Говорили о разном. Квартира на Никитинской была открыта для всех, кто интересовался поэзией, новыми событиями культуры. Мандельштамовская тема, конечно, была главной, его стихи звучали чаще других. Мы расспрашивали о поднадзорной жизни поэта в Воронеже, круге его знакомых, привычках... Славу интересовали перемены в отношении Мандельштама к городу, в котором пришлось отбывать ссылку. Не на все вопросы мы получали ответы, хотя относилась к нам Наталья Евгеньевна с пониманием и доверием. Осенью 1969 года она пригласила В. Свительского поехать на станцию Графскую. Там, на чердаке домика, стоявшего у самого леса, ее давняя приятельница Полина Ионовна хранила машинопись „Второй книги“ Н. Я. Мандельштам. Мы смогли прочитать эти захватывающие страницы в ранней редакции, еще до выхода ее сочинений в зарубежном издательстве. Позже „Воспоминания“, отпечатанные в тамиздате и вызвавшие глухую ярость советских властей, нам передаст через общих знакомых прибывшая из Австрии Иоханна Штайндль, будущая жена Саши Соколова. Жизнь и творчество поэта открывались в значимых деталях. Запомнилось, что в своем повествовании Надежда Яковлевна подчеркивала весомость и точность „показаний“ Наташи Штемпель (это словечко из судебной практики не удивляло: Синявский и Даниэль отбы-

вали тюремные сроки, трагически прервалась пражская весна).

Как-то Наталья Евгеньевна позвонила мне на работу и таинственно сообщила о приезде „знакомой, которая жила в яме и согласилась на встречу“ с нами. Во время общей беседы Н. Я. Мандельштам несколько раз обращалась глазами к „ясной Наташе“, словно нуждаясь в подтверждении отдельных фактов».

Следует признать: отвечая на вопросы тех, кто приходил в дом 38а на Никитинской улице и поднимался по очень крутой и темной лестнице на третий этаж в квартиру 29, Н. Е. Штемпель рассказывала лишь то, что сберегла ее память, ничего не придумывая, опуская подробности, связанные с «собственной персоной», не ссылаясь на адресованные ей стихотворения поэта. Позже признавалась: «Стремилась себя убраться». И, отправляясь с гостями на ставшие легендарными прогулки по «мандельштамовскому Воронежу», говорила о наиболее ярких эпизодах и встречах, не пытаясь разнообразить свои сообщения. Делала это, очевидно, сознательно, чтобы исключить неточное изложение событий, относящихся к периоду ссылки Мандельштама в «старый русский город», почти не документированной тогда в открытой печати.

Эта позиция выгодно отличала ее устные рассказы (и опубликованные позже воспоминания) от субъективных и беллетризованных мемуаров. «Нечего и говорить, насколько важны такие наивно-фактографические воспоминания для исследователей творчества Мандельштама, – делился впечатлениями от многолетнего знакомства с Н. Е. Штемпель историк Древнего Рима, прозаик и переводчик. – Мемуаристка не навязывает своего отношения к событиям, а просто воспроизводит факты так, как они отложились у нее в памяти» [Немировский 1991: 224]. Однако тот же рецензент сетовал на излишнюю «простоту» ее рассказов о Мандельштаме, полагая, что их заметно обедняет отсутствие ссылок на документы личного происхождения. Особенно поражала профессионального историка утрата писем поэта, адресованных Н. Штемпель, но оставленных ею в Воронеже накануне оккупации города немецкими войсками.

«– Боже мой! Что Вы наделали, Наталья Евгеньевна! – закричал я. – Это все равно, что

Беатриче или Лаура оставили посвященные им стихи. Если брать письма...

– Но это были личные письма, и я сочла, что важнее сохранить письма Осипа Эмильевича к Надежде Яковлевне. И знали бы Вы, Шу-у-ра, в какой обстановке мы с мамой покидали Воронеж.

– По крайней мере, – не унимался я, – каково было содержание писем? Что Вам писал Осип Эмильевич, находясь с Вами в одном городе?

– Они были очень длинные... – замялась она. – А почерк у него был неразборчивый.

В этом вся Наталья Евгеньевна, бесписьменный человек!» [Немировский 1991: 226], – спешил с выводом строгий собеседник «воронежской Лауры де Сад».

О войне Наталья Евгеньевна говорить не любила. Редко вспоминала, как покидала Воронеж летом 1942 года. Однако в письме к Э. Г. Герштейн позволила себе сказать больше, чем обычно: «Дорогая Эмма Григорьевна, все погибло, я не знаю, какой бог осенил меня и помог мне взять все рукописи стихов, блокноты и письма, не принадлежавшие мне.

Мы уходили за несколько часов до вступления немцев в город, абсолютно налегке, была паника.

А потом какие мытарства: крестьянские избы, случайные грузовые машины, товарные поезда... бесконечная дорога в неизвестность.

Письма О. Э. ко мне, интересные, длинные, Н. Я. и С. Б. телеграммы – все погибло. Больно об этом вспоминать.

Мама утешала меня: „Что делать, девочка, люди гибли, все гибло. Не надо грустить. Могла и это не спасти“.

В своих воспоминаниях я не решилась заниматься пересказом пропавших писем из боязни исказить, быть неточной» [«Ясная Наташа» 2008: 137].

Даже близким друзьям Наталья Евгеньевна не цитировала адресованных ей записок и посланий влюбленного поэта. Известно, правда, свидетельство А. И. Немировского, согласно которому Н. Штемпель «доверительно рассказывала ему, что в этих письмах она представляла „как новая Лаура“». Эти слова упоминаются в книге, посвященной ее 100-летию [«Ясная Наташа» 2008: 19], и в «Мандельштамовской энциклопедии» [Нер-

лер 2017: 553], но в приведенном выше диалоге историка античности с воронежской музеем Мандельштама сравнивал Лауру де Сад с Натальей Евгеньевной сам Александр Иосифович Немировский, обнарудовавший эту записку в научной статье.

Разночтения встречаются и в реконструкции событий 1942 года. О спасении «Воронежских тетрадей» и «части архива» мемуаристы и биографы сообщают не во всем совпадающие детали. «Мелькнули эпизоды, годные для сценария: Наташа, уносившая письма О. М. ко мне в жестяной коробочке из-под чая, когда наступали немцы и уже горел Воронеж» [Н. Мандельштам 2014, т. 1: 366] (здесь и далее курсив наш. – Н. М., О. А.). «Она сохранила и унесла в чемоданчике во время войны рукописи Мандельштама...» [Гурина 2008: 247]. «В июле 1942 года, во время эвакуации из пылающего Воронежа, в который вот-вот должны были войти немцы, Наташа взяла с собой вверенные ей стихи Мандельштама и его письма к жене. Письма же Мандельштама к ней самой Наташа оставила в развалинах дома» [Дутли 2005: 328].

Уточним: свой полусгоревший дом (в 1942 году он еще не был поврежден пламенем и осколками снарядов) Н. Е. Штемпель увидит лишь осенью 1944 года, когда вернется в родной город, до неузнаваемости разрушенный и разоренный войной. А с 4 по 6 июля 1942 года воронежцы в спешке покидали правобережье, чтобы спастись от наступавшего неприятеля (6 июля саперы взорвут Чернавский мост, после чего пешеходная переправа из центра города на левый берег реки будет невозможна).

В начале 1970-х годов из беседы с Натальей Евгеньевной стало известно о том, как были спасены «воронежские стихи»: «С июня город бомбили, в июле – почти ежедневно. Мы остались без воды и света. Дым и чад мешали дышать... Бои шли на подступах к Воронежу, но к эвакуации мы были совсем не готовы – еще недавно агитаторы ходили по дворам и повторяли, что в город враг не войдет. Боролись с пораженческими настроениями... Когда объявили, что немцы занимают окраины, началась паника. Я связала веревочкой блокноты со стихами Осипа Эмильевича, его письма жене, завернула все в платок и пошла на Чернавский мост. Никаких вещей не взяла. В руках был этот узелок».

О дальнейших событиях говорится в ее автобиографии: «До глубокой осени жили в селе Архангельском (около двухсот километров от Воронежа). В конце октября Министерство оборонной промышленности (во время войны техникум подчинялся ему) направило нас в город Куйбышев» [Штемпель 2008: 98].

Спасение «Воронежских тетрадей» Натальи Евгеньевны сравнивала с чудом: «В Куйбышеве меня разместили в огромной необжитой комнате. Я боялась, что архив может пропасть... Но сберегла. От мышей и крыс бумаги спасал черный кот с желтыми лучистыми глазами. Он пришел в первый же вечер, словно явился из довоенного Воронежа, из стихов Мандельштама, чтобы стеречь их в то голодное и страшное время» (запись не датирована).

По свидетельству Н. М. Митраковой, разнообразие фактов и событий открывалось друзьям и слушателям Натальи Евгеньевны без заранее продуманной системы. Постепенно возник замысел сохранить то, что она рассказывала, сделать фотографии улиц, домов, парков и скверов, других памятных мест, сопроводить их текстом. Сложился круг единомышленников, посвященных в общее дело. «Наталья Евгеньевна к работе подходила серьезно, внимательно вглядывалась в старинные городские открытки, отбирала фотографии, обсуждала собранные материалы и подготовленные подписи к ним... Однажды Витя Гордин предложил сделать слайды, определив место каждого кадра в общей подборке. Тогда же начали составлять „Альбом“, не похожий на те, что заводили в поэтических „салонах“ (это слово Н. Е. не любила).

„Прерывистые знаки“ воспоминаний должны были обрести внутреннюю логику и цельность. Все мы еще не знали, как непросто осуществить то, что задумывалось».

«Внутренняя жизнь, пожалуй, в большей степени определяет внешние события, чем наоборот» (Н. Я. Мандельштам). Одну из своих задач молодые исследователи, работавшие с Н. Е. Штемпель над материалами о жизни и творчестве О. Мандельштама, видели в том, чтобы понять, как соотносятся в «Воронежских тетрадах» факты биографии и факты творчества. Многое приходилось сверять, узнавать заново. Считалось, например, что ссылку в Воронеж предо-

пределил случай: Мандельштам сам выбрал этот город, узнав, что там работает хороший тюремный врач. Но заочная встреча поэта с «мачехой Кольцова», увековеченной в его стихах, как выяснилось, произошла значительно раньше – статья О. Мандельштама «Утро акмеизма» была напечатана в № 4/5 «пролетарского двухнедельника» «Сирена» за 1919 год (пожелтевший и частично поврежденный экземпляр издания спустя 50 лет был выявлен в фондах библиотеки ВГУ). В этом журнале, выходившем в пореволюционном Воронеже под редакцией В. Нарбута, принимали участие А. Ахматова, Вл. Бахметьев, С. Буданцев, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, С. Есенин, В. Лидин, П. Орешин, Б. Пастернак, Б. Пильняк, А. Ремизов, В. Шершеневич и другие очень разные поэты, прозаики, литературоведы из Москвы, Петрограда, губернского Воронежа. На страницах двухнедельника появились рецензии на «Дубравну» С. Клычкова, «Африканскую поэму» Н. Гумилева. «Утро акмеизма» сопровождали в одном разделе «Античные размеры в русском стихосложении» В. Келлера, «Новые разыскания» И. Эйгеса о стихотворениях М. Ю. Лермонтова и В. А. Жуковского. После выхода в свет сдвоенного выпуска со статьей О. Мандельштама издавать «Сирену» предполагалось на Украине, куда пришлось уехать В. Нарбуту, но этого не произошло.

Н. Е. Штемпель, Н. Митракова, Н. Гордина.
«Прерывистые знаки воспоминаний должны были обрести внутреннюю логику и цельность»

Однако Воронеж, очевидно, продолжал восприниматься поэтом, начавшим работать над «Шумом времени», как город, доступный

для интенсивной литературной, культурной и научной жизни. «Весной и летом трудного для О. Мандельштама 1923 года воронежский журнал „Железный путь“ напечатал ряд его стихотворений (в частности, „Когда Психея-жизнь спускается к теням...“, „Ветер нам утешенье принес...“). Такие события не забываются авторами», – уже в «новое время» напишет историк региональной культуры, напомнив, что «Воронеж, наряду с Харьковом (оба – университетские центры)», «мимолетно встречается и в „Четвертой прозе“». Город для ссылки едва ли «был выбран так случайно и скоропалительно, как это описывается в мемуарах Н. Мандельштам» [Ласунский 1995: 318], – пояснит ученый причины «обольщения поэта» Воронежем (выражение Н. Е. Штемпель).

Исследовательский подход, основанный на внимании к фактам творчества – статьям, стихам и прозе, а не к одной лишь внешней канве событий, на рубеже 1960–1970-х годов приходилось отстаивать. Показательны выписки из статьи «Утро акмеизма» в дневнике В. А. Свительского за 1970-й год (со ссылкой на «Сирену»): «...желательно, чтобы разговоры об искусстве отличались величайшей сдержанностью», «Мироощущение для художника – орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственное реальное – это само произведение».

На той же странице приводятся примеры из «Воронежских тетрадей», краткие комментарии к ним содержат полемику со сторонниками «легковесных прочтений». Несогласие, в частности, вызывают попытки связать особенности городской «топографии», воссозданной в стихотворении «Я живу на важных огородах...», с пребыванием Мандельштамов в Привокзальном поселке, где в 1934-м году им пришлось поселиться в «застекленной терраске» жактовского дома (первый их воронежский адрес) – ее сдавал не названный по имени «старик-повар».

Замечания ученого достаточно сдержанны. Вместо сокрушительных для оппонентов ссылок на «Воспоминания» Н. Я. Мандельштам, охарактеризовавшей первую строку стихотворения «Я живу на важных огородах...» как «Пейзаж из окна агронома, у которого мы снимали комнату», в дневнике В. Свительского появляется запись, адресо-

ванная неизвестному собеседнику: «Странная логика – если летом жили в Привокзальном поселке, значит, „важные огороды“, если „Ветер служит даром на заводах...“, значит, имеются в виду железнодорожные мастерские, расположенные неподалеку. За топографией „Тетрадей“ – судьба поэта, проблемы и дыхательные времена, а не случайные параллели».

В сосредоточенности на «художественной информации» исследователь видит исходный рубеж аналитической работы, полагая, что «стенограмма глубоко личных переживаний поэта и связанные с ними ассоциации и обобщения могут существенно отрываться от исторической и географической подоплеки», а кого-то вводить в искушение небрежно толковать текст.

Автор дневника внимателен к «авторским переименованиям» и номинациям: «„Это махеха Кольцова, Шутить: родина щегла!“, „Это какая улица? Улица Мандельштама...“, – поэт открывает новые значения, впервые называет, переименовывает», – отмечает литературовед. Его привлекают произведения, «построенные на звуковом образе»: «Ты выронишь меня или вернешь, / Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож». Эти строки из стихотворения «Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», рожденные «на грани логики и глубинных ассоциаций» (с вольной трактовкой этимологии имен собственных), исследователь склонен считать «вступлением к „Тетрадьм“» из-за их семантической «значимости в трагической динамике книги» (февраль 1970 года).

Приведенные выше записи – спустя двадцать лет – В. А. Свительский объединит и дополнит в статье «О поэтической логике „Воронежских тетрадей“»: «Через освоение звукового шифра названия города („Воронеж – блажь, Воронеж – ворон, нож...“) Воронеж наделяется значением, тесно связанным с участием поэта. Улица переименовывается в честь поэта, тогда как ее старое название становится определением характера автора» [Свительский 1990: 471].

Выясняя внутреннюю логику «Воронежский тетрадей», литературовед уточняет свою позицию: «мало кто из читающих стихотворение „Это какая улица?..“ знает, что в его основе лежит буквальная топография, что „яма“ есть в действительности и даже дом сохранился... Ни

в коем случае не хочу сказать, что знать об этом не надо, но приходится иметь в виду то обстоятельство, что стихи чаще всего воспринимаются без комментария, без выяснений реалий и прототипов» [Там же: 467]. В составленном им позже сборнике ученый добавит: «В стихах Мандельштама соединяется реальность и воображение, действительно существующее и привнесенное поэтическим взглядом. Читатель где-нибудь в Амстердаме или Токио, открыв стихотворение „Это какая улица?..“, подумает о символичности его. Перед воронежцами открываются более широкие возможности: мы можем сопоставить реальную топографию и поэтическую мысль... Чтобы лучше понять поэта, надо побывать в местах, где он жил. Мы ходим по следам создателя „Воронежских тетрадей“» [Свительский 1999: 558].

Эпиграмма об улице, подобной яме и названной в честь поэта, была притягательна для историко-биографических и краеведческих исследований, но для поиска «исходного образа» в 1970-е годы имелись не совсем четкие ориентиры. «Это какая улица?.. Шуточные стихи. Третья строчка второй строфы первоначально была: „Жил он на улице Ленина“ – почему так называлась окраинная улица, на которой мы жили, я не знаю, – признавалась вдова поэта. <...> Стишок мы записывали шифром, так как любую улицу называть своим именем ссыльному было опасно» [Н. Мандельштам 2014, т. 2: 759].

Подсказать, где находилось «зашифрованное» в стихотворении место жительства, не могла и Н. Е. Штемпель. Впервые она появилась у Мандельштамов в комнате на улице Ф. Энгельса, а посещать прежние квартиры ссыльного поэта, удаленные от центра города, ей не доводилось. О чем она сожалела: «В 1950-е годы Надежда Яковлевна приезжала в Воронеж, – вспоминала Наталья Евгеньевна, – но отыскать дом рядом с железной дорогой, где они жили с Осипом Эмильевичем, нам не удалось...» (запись 1969 года). По свидетельству В. А. Свительского, когда молодые воронежские исследователи пытались уточнить у Н. Я. Мандельштам почтовый адрес дома, стоявшего в яме, та, вежливо помолчав и не ответив, закурила.

Однако текст авторской эпиграммы высечивал читателям прикровенные «путеводные

знаки». В строке «Мало в нем было линейного...» отзывалось название улицы Линеинной (имелась в виду 2-я Линеинная – так улица именовалась в 1930-е годы; она находилась примерно в 150 метрах от ул. Ленина, до которой из центра города можно было доехать на трамвае – маршрут шел по Проспекту Революции до Сельскохозяйственного института. На остановке, нужной Мандельштамам, кондуктор объявлял: «Улица Ленина». Не исключено, что по этой причине в первоначальной редакции стихотворения обыгрывалось именно это название). В 1962-м году 2-я Линеинная была переименована в переулок Швейников, а 1-ю Линеинную улицу, расположенную за полотном железной дороги, стали называть Линеинной, убрав порядковый номер.

«Мы знали о переименовании, – рассказывает Н. М. Митракова. – В 1962 году, когда это происходило, я училась на третьем курсе филологического факультета – для заработка разносила телеграммы жителям в том же районе. На почте объясняли: названия меняют, чтобы устранить путаницу с доставкой корреспонденций... Прочитав „Воспоминания“ Н. Я. Мандельштам, мы не сомневались, что поиски второго воронежского адреса ссыльного поэта нужно начинать с бывшей 2-й Линеинной, переименованной в переулок Швейников».

Попытки сопоставить текст эпиграммы с местным «ландшафтом» в 1970-е годы не приводили к искомому результату. «Улицы» найти не удавалось: переулок упирался в ворота, примыкавшие к двухэтажному особняку дореволюционной постройки (тот стоял напротив семафора у самой кромки железнодорожного откоса). В тупик могли зайти и «топографические разыскания», если бы не настойчивость Н. Е. Штемпель.

«После кончины Н. Я. Мандельштам Наталья Евгеньевна просила продолжить поиск второй воронежской квартиры поэта, – вновь берет слово Н. М. Митракова. – Друзья предлагали мне „расширить географию“ наблюдений, но Свительский советовал: „Чтобы найти подсказку к эпиграмме, лучше перечитать ‘Воронежские тетради’ и ‘Воспоминания’ Н. Я. Мы не раз говорили, что хозяйева квартир в ее повествовании названы не по фамилии, а по профессии: повар, агроном, театральная

портниха... 'Обиженный хозяин' из стихотворения 'Я живу на важных огородах...' был агрономом". Это „ключевое слово“ помогло. Хорошо помню весенний солнечный день и белые платочки старушек, сидевших на лавочке в переулке, куда я когда-то приходила с телеграммами... Меня охотно вызвались проводить к „дому агронома“, которого бабушки помнили как „человека хорошего“: тот снабжал „саженцами яблонь, груш и вишен жителей всего околотка“. Скоро, к моему удивлению, мы вошли в ворота, стоявшие рядом с двухэтажным особняком (оказывается, они отделяли одну часть переулка от другой), и начали спускаться к дому № 4б, стоявшему в „яме“: это была глубокая впадина со склонами, отведенными под огородные грядки. Не очень приветливые хозяева подтвердили, что агроном жил здесь в до- и послевоенные годы. Соседки-старушки подсказали его фамилию: Вдовин. Семью ссыльных, стоявших у него на квартире, вспомнили не сразу, пока одна из них не сказала что-то „о птице-гоголе“, рассмешив всех. Я поспешила к Н. Е. Штемпель, чтобы порадовать ее долгожданной находкой. Через два-три дня этот же адрес, обнаруженный в архиве, Витя Гордин получил из Москвы. Письмо отправил его знакомый, узнавший о наших разысканиях. Эта новость мне всегда казалась важнее моей „встречи с ямой“: документальное подтверждение ставило окончательную точку в истории наших поисков второго воронежского адреса Мандельштама).

К сказанному добавим, что имена исследователей-энтузиастов, нашедших дом, в котором снимали комнату Мандельштамы и были созданы многие его стихотворения, как правило, не упоминается издателями, однако Н. Е. Штемпель была благодарна тем, кто помог обнаружить «недостающее звено» из реальной топографии «Воронежских тетрадей». В ее бумагах сохранились заметки об этом [см.: Штемпель 1991: 177].

Подведем итоги. Открытие реалий, изучение «поэтической логики» воронежских стихов, в том числе авторской эпиграммы, содержавшей не только самоиронию, но и неоконченный спор с трагическим «разворотом истории», уже в подцензурное время давали возможность установить общую за-

висимость выбора воронежских адресов поэта от его мировосприятия и внутреннего настроения. Первые два адреса связаны с ожиданием возможных перемен: и Привокзальный поселок, и дом, стоявший рядом с железной дорогой, уже своим расположением укрепляли веру О. Мандельштама в скорый отъезд. См., например, запись С. Рудакова: «Сегодня – опять о рельсах, что видны с балкона, и о том, скоро ли нас повезут поезда. А он говорит: „Я семафор со сломанной рукой / У полотна воронежской дороги“. (У него сломана правая рука выше локтя)» [Рудаков 1999: 283]. Сходные настроения не оставляли поэта и позже. Видимо, не случайно от дома на ул. Фридриха Энгельса, где была комната с лучшими, чем прежде, удобствами, был виден железнодорожный вокзал.

Другие квартиры, расположенные в центре города, отчасти передают внутреннее состояние поэта, вынужденного избыток «немеющее время» в условиях изоляции, гнетущего изгойства. По свидетельству вдовы поэта, «чувство беды не могло пересилить вечной и дикой радости жизни, совершенно необъяснимого веселья запертого в клетку стихотворца» [Н. Мандельштам 2014, т. 1: 279]. Выбор останавливается на жилье, расположенном вблизи телеграфа, переговорного пункта, почтамта. Это поиск голосов и вестей, способных рассеивать оцепенение людей и странств.

Вместе с тем ощущение неустойчивой, зыбкой поверхности передают многие строки, созвучные последнему воронежскому жилью Мандельштамов в «доме без крыльца», у театральной портнихи (ул. 27-го Февраля, 50). «Крайним воплощением и знаком несвободы, безысходного одиночества становится „яма“» [Свительский 1990: 472], на этот раз уже подстерегающая свою жертву: «И в яму, в бородавчатую темь / Скольжу к обледенелой водочке».

«Трагическая динамика „Воронежских тетрадей“ – в преодолении этой несвободы и переживании ее» [Там же: 472], – точно охарактеризовал эти состояния В. А. Свительский. В дневнике исследователя появляются записи о том, как и в каком измерении происходит «освобождение от удушья „мертвого воздуха“: страницы и образы мировой культуры воз-

вышают над немотой оцепеневшего города, с Мандельштамом – Данте, Шекспир, Вийон, шедевры Микель-Анджело». По наблюдению ученого, «поэтическому слову, сохранившему в неволе чистоту и силу, „внемлет звездное небо“, но у „точки безумия“ в минуты обретенного равновесия между жизнью и смертью, слово живет по законам, более сложным, чем прежде: „То, что я говорю, мне прости... Тихо, тихо его мне прочти...“ – это стихотворение о тайне соединения людей и земного воплощения человека... Это признание о самом главном „здесь – на земле, а не на небе...“» – так завершает свои рассуждения ученый, стоявший у истоков научного мандельштамоведения в Воронеже.

Его статьи о творческом наследии поэта увидели свет в 1990-е годы, но дневниковые записи, оставшиеся неопубликованными, убеждают, что ко многим выводам, не уста-

ревшим сегодня, исследователь приходил еще в начале 1970-х годов.

В. А. Свительский, Е. А. Подшивалова.
«И потому эта улица или, верней,
эта яма...»

Литература

Алейников, О. Ю. Письма из забытого прошлого. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE SAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000 / О. Ю. Алейников // Вестник Воронежского университета. Гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 234–236.

Гурина, Т. «Дорогая Наталья Евгеньевна!» / Т. Гурина // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – С. 240–253.

Дутли, Р. «Век мой, зверь мой». Осип Мандельштам. Биография / Р. Дутли ; перевод с нем. К. Азадовского. – СПб. : Академический проект, 2005. – 432 с.

Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарий. Исследования. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – 544 с.

Ласунский, О. Г. Воронеж в художественном сознании О. Мандельштама / О. Г. Ласунский // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения : сборник статей. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1995. – С. 316–326.

Мандельштам, Н. Собрание сочинений в двух томах / Н. Мандельштам ; ред.-сост. С. Василенко, П. Нерлер, Ю. Фрейдин ; вступ. ст. П. Нерлера. – Екатеринбург : Издательство ГОНЗО (при участии Мандельштамовского общества), 2014. – 864 с.

Мандельштам, О. Из «Воронежских тетрадей» / О. Мандельштам ; вступительная статья А. И. Немировского // Подъем. – 1966. – № 1. – С. 91–97.

Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. Фотоальбом. Стихи. К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама / сост. П. Нерлер. – М., 2008. – 312 с.

Мандельштамовские дни в Воронеже : материалы. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1994. – 96 с.

Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2017.

Митракова, Н. Наталья Евгеньевна Штемпель / Н. Митракова // «Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – С. 283–294.

Немировский, А. Из «Воронежских тетрадей» [Вступительная статья] / А. Немировский // Подъем. – 1966. – № 1. – С. 91–93.

Немировский, А. Образ и прототип / А. Немировский // Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. – М. : Наука, 1991. – С. 222–231.

Нерлер, П. Штемпель Наталья Евгеньевна / П. Нерлер // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – С. 552–553.

Осип Мандельштам в Воронеже. К 70-летию со дня смерти О. Э. Мандельштама / сост. П. Нерлер. – М., 2008. – 312 с.

Рудаков, С. Из писем 1935–1936 годов / С. Рудаков // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 276–356.

Свительский, В. А. О поэтической логике «Воронежских тетрадей» / В. А. Свительский // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 465–479.

Свительский, В. А. Поэт и время / В. А. Свительский // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 5–16.

Свительский, В. А. Как читать стихи Мандельштама? / В. А. Свительский // Мандельштам О. Воронежские тетради. Стихи. Воспоминания. Письма. Документы. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 1999. – С. 553–558.

Штемпель, Н. Е. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания / Н. Е. Штемпель ; вступ. ст. Д. П. Заславского ; сост. В. Н. Гыдова. – М. : Мандельштамовское об-во, 1992. – 146 с.

Штемпель, Н. Е. Воронежские адреса Мандельштама / Н. Е. Штемпель ; публ. и послесловие П. М. Нерлера // Литературная учеба. – 1991. – № 1. – С. 177–181.

Эренбург, И. Люди, годы, жизнь / И. Эренбург // Новый мир. – 1961. – № 1. – С. 91–152.

«Ясная Наташа». Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. К 100-летию со дня рождения Н. Е. Штемпель / сост. П. Нерлер, Н. Гордина ; предисловие П. Нерлера ; науч. ред. С. Василенко. – Москва ; Воронеж : Кварта, 2008. – 368 с.

References

Aleinikov, O. Yu. (2001). Pis'ma iz nezabytogo proshlogo. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE CAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000 [Letter from an Unforgotten Past. OSSIP MANDELSTAM. LETTRES. TRAD. DU RUSSE PAR GISLAINE CAPOGNA-BARDET. PARIS, 2000]. In *Vestnik Voronezhskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 234–236.

Dutli, R. (2005). «Vek moi, zver' moi». *Osip Mandel'shtam. Biografiya* ["My Age, the Beast is Mine". Osip Mandel'shtam. Biography] / transl. by K. Azadovsky. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 432 p.

Erenburg, I. (1961). Lyudi, gody, zhizn' [People, Years, Life]. In *Novyi mir*. No. 1, pp. 91–152.

Gurina, T. (2008). «Dorogaya Natal'ya Evgen'evna!» [«Dear Natalia Evgen'evna!»]. In Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. (Eds.). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'*. Moscow, Voronezh, Kvarta, pp. 240–253.

Lasunsky, O. G. (1995). Voronezh v khudozhestvennom soznanii O. Mandel'shtama [Voronezh in the Artistic Consciousness of O. Mandel'shtam]. In «*Otdai menya, Voronezh...*»: *Tret'i mezhdunarodnye Mandel'shtamovskie chteniya: sbornik statei*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 316–326.

Mandel'shtamovskaya entsiklopediya: v 2 t. [Mandel'shtam's Encyclopedia, in 2 vols.]. (2017). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.

Mandel'shtamovskie dni v Voronezhe: Materialy [Mandel'shtam Days in Voronezh: Materials]. (1994). Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 96 p.

Mandel'shtam, N. (2014). *Sobranie sochinenii v dvukh tomakh* [Collected Works in two volumes] / ed. by S. Vasilenko, P. Nerler, Yu. Freidin. Ekaterinburg, Izdatel'stvo GONZO (pri uchastii Mandel'shtamovskogo obshchestva). 864 p.

Mandel'shtam, O. (1966). Iz «Voronezhskikh tetradей» [From "Voronezh Notebooks"]. In *Pod'em*. No. 1, pp. 91–97.

Mitrakova, N. (2008). Natal'ya Evgen'evna Shtempel' [Natalia Evgen'evna Shtempel]. In Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. N. (Eds.). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'*. Moscow, Voronezh, Kvarta, pp. 283–294.

Nemirovsky, A. (1966). Iz «Voronezhskikh tetradей». Vstupitel'naya stat'ya [From the "Voronezh Notebooks". Introductory Article]. In *Pod'em*. No. 1, pp. 91–93.

Nemirovsky, A. (1991). Obraz i prototip [Image and Prototype]. In *Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam. Issledovaniya i materialy*. Moscow, Nauka, pp. 222–231.

Nerler, P. (2017). Shtempel' Natal'ya Evgen'evna [Shtempel Natalia Evgen'evna]. In *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya, in 2 vols.* Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 552–553.

Nerler, P. (Ed.). (2008). *Mandel'shtam v Voronezhe. Vospominaniya. Fotoal'bom. Stikhi. K 70-letiyu s dnya smerti O. E. Mandel'shtama* [Mandel'shtam in Voronezh. Memories. Photo Album. Poems. On the Occasion of the 70th Anniversary of the Death of O. E. Mandel'shtam]. Moscow. 312 p.

Nerler, P. (Ed.). (2008). *Osip Mandel'shtam v Voronezhe. K 70-letiyu so dnya smerti O. E. Mandel'shtama* [Osip Mandel'shtam in Voronezh. On the Occasion of the 70th Anniversary of the Death of O. E. Mandel'shtam]. Moscow. 312 p.

Nerler, P., Gordina, N., Vasilenko, S. N. (Eds.). (2008). «Yasnaya Natasha». *Osip Mandel'shtam i Natal'ya Shtempel'. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya N. E. Shtempel'* ["Bright Natasha". Osip Mandel'shtam and Natalia Shtempel. To the 100th Anniversary of the Birth of N. E. Shtempel']. Moscow, Voronezh, Kvarta. 368 p.

Rudakov, S. (1999). Iz pisem 1935–1936 godov [From letters 1935–1936]. In Mandel'shtam, O. *Voronezhskie tetradей. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E. A. Bolkhovitinova, pp. 276–356.

Shtempel', N. E. (1991). Voronezhskie adresa Mandel'shtama [Voronezh Addresses of Mandel'shtam]. In *Literaturnaya ucheba*. No. 1, pp. 177–181.

Shtempel', N. E. (1992). *Mandel'shtam v Voronezhe: Vospominaniya* [Mandel'shtam in Voronezh: Memories] / ed. by D. P. Zaslavsky, V. N. Gydova. Moscow, Mandel'shtamovskoe obshchestvo. 146 p.

Svitel'skiy, V. A. (1990). O poeticheskoi logike «Voronezhskikh tetradей» [On the Poetic Logic of "Voronezh Notebooks"]. In *Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniya*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 465–479.

Митракова Н. М., Алейников О. Ю. «Путеводные знаки». Из бесед и записей о «Воронежских тетрадах»...

Svitel'sky, V. A. (1999). Kak chitat' stikhi Mandel'shtama? [How to Read Mandelstam's Poems?]. In Mandelstam, O. *Voronezhskie tetradi. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E. A. Bolkhovitinova, pp. 553–558.

Svitel'sky, V. A. (1999). Poet i vremya [Poet and Time]. In Mandelstam, O. *Voronezhskie tetradi. Stikhi. Vospominaniya. Pis'ma. Dokumenty*. Voronezh, Izdatel'stvo im. E. A. Bolkhovitinova, pp. 5–16.

Zhizn' i tvorchestvo O. E. Mandel'shtama: Vospominaniya. Materialy k biografii. «Novye stikhi». Kommentarii. Issledovaniya [Life and Creativity of O. E. Mandelstam: Memoirs. Materials for the Biography. "New Poems". Comments. Research]. (1990). Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 544 p.

Данные об авторах

Митракова Нина Матвеевна – независимый исследователь, филолог, педагог (Воронеж, Россия).

Адрес: 394681, Россия, г. Воронеж, ул. Ломоносова, 114.

E-mail: nina.matveevna.61@yandex.ru.

Алейников Олег Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия).

Адрес: 394693, Россия, г. Воронеж, пл. Ленина, 10.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru.

Authors' information

Mitrakova Nina Matveevna – Independent Researcher, Philologist, Teacher (Voronezh, Russia).

Aleinikov Oleg Yur'evich – Candidate of Philology, Associate Professor, Voronezh State University (Voronezh, Russia).

Дата поступления: 11.06.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 11.06.2021; date of publication: 30.06.2021

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СФЕРА АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «КАМЕНЬ»)

Глазырин В. А.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8504-3015>

Казарин Ю. В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2411-4518>

А н н о т а ц и я. Объектом исследования явился авторский словарь, или словарь языка Осипа Мандельштама (на материале книги стихотворений «Камень»). Предмет изучения – статья авторского словаря как система, имеющая структуру и свои единицы. В основе исследования лежит метод поэтической идеографии как разновидность литературно-художественной идеографии и вид общей идеографии в лексикографическом аспекте. Единицы исследования имеют неоднородную и разномасштабную природу: это единицы квантового и метафункционального характера. К первым относятся единицы просодии, лексические и концептуальные, ко вторым – единицы поэтологического, просодического характера, а также концептуальные образования. Определяются и характеризуются типологические признаки авторского словаря (языка О. Мандельштама); вводятся новые признаки: поэтологический, просодический и интерпретационный. В целом исследование проводится в русле и в рамках лексикографии, идеографии, текстоведения, лингвистики текста, герменевтики текста, декодирования (интерпретации) текста. Устанавливается операциональный порядок описания единиц стихотворения (порядок расположения материала в авторском словаре является потекстовым), который соответствует набору системных сфер поэтического текста, анализируемого в словарной статье: текстовая, поэтологическая, просодическая, лексико-семантическая, денотативная, идеографическая, интерпретационная (с опорой на анализ системы функционально-семантического поля лексики в том или ином стихотворении как заглавной единицы словарной статьи) сферы. Результаты поэтико-идеографического анализа соотносятся с особенностями поэтической картины мира О. Мандельштама. Предлагаются, иллюстрируются и анализируются модель и структура словарной статьи словаря языка О. Мандельштама. Определяется степень субъективности/объективности содержания интерпретационной сферы словарной статьи. Осмысливается природа, характер и структура интерпретационной сферы словарной статьи. Анализируется стихотворение О. Мандельштама «Silentium». Словарная статья включает в себя 8 структурных элементов. Логика описания и анализа единиц поэтического текста (по строфам) такова: заглавная единица словарной статьи – стихотворение → поэтологическая информация → просодическая информация → информация семантико-денотативно-идеографического характера → интерпретационная сфера словарной статьи. Интерпретация текстологической, общей лексикографической и идеографической информации производится с опорой на выявление и анализ парадигматических (каузативных) рядов концептуальных образований, реализованных в тексте пословно, построочно и построфно (единицы интерпретационного анализа – лексика, словосочетание, высказывание, сложно-синтаксическая конструкция и сложно-синтаксическое целое). Интерпретация концептуальных образований производится с учетом многозначности лексики. Интерпретационная сфера – это результат функционирования такого признака текста, как интерпретативность, или полиинтерпретативность, а также итог, обобщенный вывод из поэтико-лексикографического исследования стихотворений О. Мандельштама.

К л ю ч е в ы е с л о в а: авторские словари; поэтическая идеография; идеографическая сфера; словарные статьи; функционально-семантический класс слов; концептуальное образование; интерпретационная сфера; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; стихотворения; книги стихов.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Глазырин, В. А. Интерпретационная сфера авторского словаря (на материале книги стихотворений О. Э. Мандельштама «Камень») / В. А. Глазырин, Ю. В. Казарин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 123–133. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-10.

INTERPRETATION SPHERE OF THE AUTHOR'S VOCABULARY (ON THE MATERIAL OF THE BOOK "STONE" BY O. E. MANDELSTAM)

Vyacheslav A. Glazyrin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8504-3015>

Yuri V. Kazarin

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2411-4518>

Abstract. The scope of research in the article includes author's vocabulary, or the vocabulary of the language of O. E. Mandelstam (based on the book of poems "Stone"). The research object is an author's vocabulary entry as a system that has a structure and its own units. The basic research method is the method of poetic ideography as a kind of literary ideography and a type of general ideography in lexicographical perspective. The units under study are heterogeneous and diverse: these are units of a quantum and metafunctional nature. The former include units of prosody, lexical and conceptual units; the latter comprise units of a poetological and prosodic nature, as well as conceptual formations. The study reveals and characterizes typological features of the author's vocabulary (of the language of O. Mandelstam), and introduces new features: poetological, prosodic, and interpretative. In general, the investigation is carried out within the framework of lexicography, ideography, textual studies, text linguistics, text hermeneutics, and text decoding (interpretation). The article establishes the operational order of description of poem units (the arrangement of the material in the author's vocabulary is text-related), which corresponds to the set of systemic areas of the poetic text analyzed in the vocabulary entry: textual, poetological, prosodic, lexico-semantic, denotative, ideographic, and interpretative (based on the analysis of the system of functional-semantic field of vocabulary in a particular poem as the title unit of a vocabulary entry) spheres. The results of poetic-ideographic analysis correlate with the specific features of the poetic worldview of O. Mandelstam. The study suggests, illustrates, and analyzes a model and structure of a vocabulary entry of O. Mandelstam's language. The degree of subjectivity/objectivity of the content of the interpretation sphere of a vocabulary entry is also determined. Furthermore, the authors conceptualize the nature, character, and structure of the interpretative sphere of a vocabulary entry. They analyze O. Mandelstam's poem "Silentium". The vocabulary entry contains eight structural elements. The logic of description and analysis of the units of the poetic text (by stanzas) is as follows: the title unit of the vocabulary entry – the poem → poetological information → prosodic information → semantic-denotative-ideographic information → interpretative sphere of the vocabulary entry. Interpretation of textual, general lexicographic, and ideographic information is performed with reference to the identification and analysis of paradigmatic (causative) series of conceptual formations implemented in the text word by word, line by line, and stanza by stanza (the units of interpretative analysis – vocabulary, phrase, utterance, complex syntactic construction and complex syntactic unity). Interpretation of conceptual formations is carried out taking into account the polysemy of the vocabulary. The interpretative sphere is the result of functioning of such a feature of the text as interpretability, or poliinterpretability, and also an outcome or generalized conclusion of the poetic and lexicographic study of O. Mandelstam's poems.

Keywords: author's dictionary; poetic ideography; ideographic sphere; dictionary entry; functional semantic class of words; conceptual education; interpretative sphere; Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; poems; books of poems.

For citation: Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. (2021). Interpretation Sphere of the Author's Vocabulary (on the Material of the Book "Stone" by O. E. Mandelstam). In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 123–133. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-10.

1. Данная статья выполнена в традициях Уральской семантической школы, возглавляемой профессором Л. Г. Бабенко, и является частью цикла работ (статей [Глазырин, Казарин 2016; Казарин, Якимова 2017; Глазырин, Казарин 2018] и монографии [Казарин 2019]),

посвященных исследованию творчества Осипа Мандельштама, а также изучению теоретических, методологических и лексикографических основ составления авторского словаря (на материале книги стихотворений «Камень»). В современной лингвистике текста, в текстоведении и лексикографии (в том числе авторской) различаются методы общей идеографии, литературно-художественной идеографии (термин предложен Л. Г. Бабенко; исследование тематических, функционально-семантических классов и групп лексики в художественном тексте началось в 80-х годах прошлого века [Казарин, Якимова 2017: 82–88]), а также метод поэтической идеографии [Там же]. Поэтическая идеография как метод и как многоаспектный анализ единиц текста и текстов в целом имеет комплексный характер и включает в себя исследование, описание и анализ таких системно-информационных структур словарной статьи, как просодическая, формально-грамматическая, семантическая, идеографическая и функциональная. Статья авторского словаря создается, таким образом, на основе исследования единиц просодического, грамматического, лексико-семантического (с учетом смыслового варьирования лексических единиц в поэтическом контексте и в целом тексте), идеографического (выявление семантической, функционально-денотативной и собственно идеографической карты стихотворения) уровней поэтического текста. Именно стихотворение, цельный и автономный (отдельный) поэтический текст, является объектом и множественным предметом поэтической идеографии. Именно поэтому в словаре принято потекстовое расположение единиц лексикографического и поэтико-идеографического описания.

Объектом настоящего исследования является особая сфера статьи авторского словаря О. Мандельштама – интерпретационная сфера авторского словаря. Потекстовая интерпретация способствует формированию данной общей сферы словаря не как суммы интерпретационных материалов, а как потекстовой парадигмы интерпретативной природы, являющейся неотъемлемой частью общей полипарадигмальной структуры авторского словаря, включающей в себя парадигмы просодического, грамматического, лингвисти-

ческого, семантического, функционального и идеографического характера. Цель данной работы – выявление и создание интерпретационной сферы статьи авторского словаря на материале стихотворения «Silentium».

2. Авторский словарь языка О. Мандельштама (на материале книги «Камень») имеет ряд типологических признаков, выявленных Л. Л. Шестаковой [Шестакова 2011: 53]. Среди них наиболее важными для нас оказываются следующие: а) словарь является филологическим, в частности, текстоведческим; б) словарь монографичен; в) словарь (по охвату материала) атезаурусный, а по объекту описания – это словарь языка поэта; г) по цели описания – это словарь объяснительный, интерпретационный; д) словарь является многопараметровым (параметры: функциональный, семантический, поэтико-идеографический, потекстовый, интерпретационный); е) единицы описания: просодические, слова-текстемы, смыслы, идеографические классы слов, текст (как часть метатекста книги «Камень»); ж) потекстовый, идеографический, неалфавитный; з) одноязычный; и) синхронный; к) словарь имеет научно-описательную ориентацию и адресован филологам и любителям поэзии; л) по типу информационного носителя словарь универсален (электронный, книжный и др. варианты). Наиболее продуктивными в восприятии и осмыслении поэзии О. Мандельштама и материалов словаря языка поэта оказываются такие характеристики данного словаря, как текстоведческий, филологический, монографический, атезаурусный, поэтический, интерпретационный, идеографический. Указанные характеристики авторского словаря поэта наиболее эффективно и полно выявляются в процессе поэтико-идеографического описания и анализа стихотворений О. Мандельштама.

Поэтико-идеографический анализ стихотворения универсален: в ходе такого исследования в круг интересов текстоведа/поэтолога/идеографа/лексикографа входят различные предметы текстостроения, качество и объем которых определяет этапы создания основных частей статьи словаря языка поэта. Среди них выделяются следующие этапы:

1) характеристика просодической организации стихотворения (этому аспекту осо-

бое внимание уделял М. Л. Гаспаров в работе «Стих О. Мандельштама» [Гаспаров 1997: 492–501];

2) сопоставление языковой, контекстной и текстовой семантики слова;

3) выявление специфики процессов метафоризации с учетом действия закона пересеканности [СТСРР 2007: 16] семантики лексических единиц, образующих системно организованные множества;

4) идеографический анализ лексики: определение принадлежности слова к той или иной идеографической сфере, группе, подгруппе;

5) статистический анализ с последующим сопоставлением лексических единиц, входящих в те или иные идеографические объединения;

6) интерпретация результатов поэтико-идеографического анализа с последующим моделированием функционально-семантических полей (их ядерных, приядерных и периферийных зон/сфер);

7) составление семантической карты стихотворения [Глазырин, Казарин 2018: 86–87];

8) составление функционально-денотативной карты стихотворения [Там же: 87–88];

9) составление идеографической карты стихотворения [Там же: 88–89];

10) выделение и интерпретация функционально-концептуальных образований в стихотворении.

Идеографический словарь языка поэта О. Мандельштама имеет оригинальную (если не уникальную) теоретико-методологическую основу, которая в свою очередь опирается на идею множественной пересеканности всех единиц поэтического текста в сферах функциональной текстовой семантики с неизбежными процессами смыслового и образного варьирования, которые очевидно влияют на формирование языковой, текстовой, поэтической, индивидуально-авторской (лингво- и текстоантропологической) и культурной картины мира, а также на теорию и практику исследований лингвотекстовых множеств. Кроме того, необходимо отметить, что такой авторский словарь, в отличие от иных, содержит в себе как микро-, так и макроединицы описания (от просодических [метр, ритм, рифма, строфа и строфостроение и др.] и лексических

единиц – до цельного, отдельного текста как части книжной парадигмы текстов, или как части метатекста). Потекстовое расположение статей в словаре определяет комплексную/множественную в широком понимании природу, систему и структуру словарной статьи.

3. Инвариантная модель системы и структуры словарной статьи языка поэта (на материале книги О. Мандельштама) имеет следующее строение (с учетом последовательности и поступательности восприятия единиц текста и текста в целом, а также осознания и изучения процессов пересеканности и взаимодействия микроединиц и макроединиц [текста стихотворения]):

Модель и структура словарной статьи

1. Заглавная макроединица: стихотворение.

2. Необходимая поэтологическая информация: время, место, события жизни автора в период написания данного текста.

3. Информация просодического характера.

4. Блок лексики глагольного, субстантивного и адъективного характера. Каждая лексема описывается по следующим параметрам:

а) грамматическая информация;

б) словарное значение слова, реализованное в тексте;

в) переносные, образные, метафорические значения, реализованные в тексте автономно или параллельно словарному значению (с учетом смыслового варьирования семантики слова);

г) определение идеографической сферы, группы (или групп: согласно закону пересеканности лексема способна функционировать одновременно в различных идеографических статусах) [Универсальный идеографический словарь... 2015: 22–42];

д) определение идеографической сферы, группы (или групп) образного, метафорического («параллельного») значения слова, реализованного в контексте макроединицы – цельного текста.

5. Выявление и составление семантической карты данного стихотворения.

6. Выявление и составление функционально-денотативной карты стихотворения.

7. Выявление и составление идеографической карты стихотворения.

8. Интерпретационный комментарий данного стихотворения.

Пункты 6, 7, 8, и 9 являются основой представления и осознания языковой, текстовой, поэтической и концептуальной картины мира. Кроме того, вся содержательная часть словарной статьи языка писателя дает представление (и лексикографу/идеографу, и читателю) об этико-эстетическом сценарии исследуемого поэтического текста как части метатекста всей книги и всего творчества поэта. Интерпретационный комментарий, кроме научной, интуитивной и эмпирической эвристичности, также открывает исследователю и читателю словаря (и стихотворений О. Мандельштама) в достаточно полной мере расширенную парадигму вопросов, неизбежно возникающих в процессе изучения поэзии, поэта и поэтического текста. Первый и второй вопросы: «Что хотел сказать поэт?» и «Что хотел сказать текст?» восполняются вопросом «А что хотела сказать поэзия?» – поэзия не только как особый вид языковой/текстовой и культурной деятельности, но и как особое вещество, активизирующееся и множасьщееся в процессе поэтического познания, в процессе порождения гармонии (поэтической), в процессе постижения чуда, красоты, ужаса, жизни, любви, смерти, духа и света бытия. «Что хотела сказать поэзия?» – вопрос онтологического уровня и огромной экзистенциальной силы; это вопрос не столько поэтиеведческий, сколько одновременно физический, метафизический и интерфизический (связь поэтического творчества, слова, языка и поэта со всем, со всеми, а также связь обратная: связь всего со всем, со всеми – поэзией, поэтом, поэтическим текстом, литературой и культурой).

Степень субъективности интерпретационного комментария зависит прежде всего от сохранения системного состояния процесса подобного исследования, который должен быть в той или иной степени адекватен и функционально, и содержательно процессу поэтического познания. Процессы поэтического познания и познания научного родственны друг другу, но поэтическое познание зависит от антропологической уникальности поэта.

4. Данная статья посвящена осмыслению интерпретационной сферы словарной статьи авторского словаря, – поэтому мы нашли необходимым представить здесь только четыре

первых пункта модели словарной статьи, т. к. оказывается невозможной презентация всех сфер и блоков статьи, которые имеют внушительный объем.

Материалом исследования (и создания) интерпретационной сферы словарных статей словаря языка поэта послужило стихотворение «Silentium» О. Мандельштама из книги «Камень» (первое издание 1913 г. [Мец 1990: 277–279; Михайлов, Нерлер 1990: 447–448; Мандельштамовская энциклопедия 2017: 277]). Интерпретационный комментарий завершает описание каждой словарной статьи в авторском словаре (пункт 8 модели словарной статьи). В данной работе мы опустим пункты 5, 6, 7 (составление семантической, функционально-денотативной и идеографической карты стихотворения как заглавной единицы словарной статьи [Глазырин, Казарин 2018: 86–89]).

5. Стихотворение «Silentium».

1. (Заглавная единица)

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышат моря груди,
Но, как безумный, светел день
И пены бледная сирень
В мутно-лазоревои сосуде.

Да обретут мои уста
Первоначальную немоту –
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста.

Останься пеной, Афродита,
И, слово, в музыку вернись,
И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито.

2. (Поэтологическая информация).

Стихотворение написано в 1910 г. Первая публикация в журнале «Аполлон» (1910, № 9). Стихотворение в авторизованной машинописи и в журнале «Аполлон» – без заглавия. Заглавие сближает этот текст с одноименным стихотворением Ф. И. Тютчева. Общая тема –

молчание, немота, безмолвие. Н. С. Гумилев в одной из своих рецензий назвал это стихотворение «смелым договариванием верленовского „L'art poétique“» [Мец 1990: 290]. Восьмая строка имеет вариант (1935 г.): «В черно-лазовом сосуде» → «В мутно-лазовом сосуде», – что являлось авторской поправкой [Там же]. О. Мандельштам заменяет смежный эпитет «черно-лазорево́й» на менее контрастный и многозначный «мутно-лазорево́й» (сосуд). О. Мандельштам впервые связывает молчание/немоту/безмолвие не только с речью, смыслами, образами, с поэзией, но и с красотой, ее силой и вечным существованием («Афродита»).

3. (Информация просодического характера).

Основные единицы просодии:

метр – четырехстопный ямб;

ритм – сверхсложный (по А. Белому [Белый 1994: 77]): из 16 строк только пятая строка не имеет ослабленных (пиррихий) и усиленных (спондей) в акцентном отношении слогов; всего в тексте 3 спондея и 27 пиррихий, или три замедления и 27 ускорений ритма;

рифма: смежная и опоясывающая; 1 и 3 строфа – мжжм, 2 и 4 строфа – жммж, т. е. рифма бисистемная, когда рифменные объединения чередуются таким образом: мжжм // жммж // мжжм // жммж, что создает особенно сильную рифменно-звуковую и строфическую цельности стихотворения;

строфа: четыре строфы создают два чередующихся за счет рифменных четверок композиционно-ритмических и фонетико-музыкальных блока стихотворения и обеспечивают высокую степень связности, цельности и завершенности поэтического текста.

В целом стихотворение есть просодическое продолжение традиций силлаботоники, что обеспечивается глубоким, если не сакральным, и философским, онтологическим и культурологическим познанием феномена *Silentium'a* как тишины, немоты и безмолвия в синтезе с «родившейся-неродившейся», или хрупкой и беззащитной красотой.

4. (Информация семантико-/ денотативно-идеографического характера).

(не) **Рождаться/родиться** – 1. Получить – получать жизнь в результате родов, появиться – появляться на свет.

→ Еще не появиться на свет.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Начальная фаза бытия, существования.

Музыка, -и, ж. – 1. Искусство, воплощающееся в звуковых художественных образах.

3. Гармоническое, приятное для слушания звучание чего-л.

→ Музыка как обобщенное представление, гармония.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные представления – Музыка.

Слово, -а, ж. – 2. Речь, язык.

→ Язык и речь – Речевое сообщение.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Слово.

Живое, -ого, ср. (субт. От живой, -ая, -ое; жив, -а, -о) – 1. Такой, который живет, обладает жизнью (противоп.: мертвый).

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Бытие-существование в определенном времени и пространстве.

(не) **Нарушать/нарушить** – 3. Разрушить, повредить.

→ Тот, который невозможно повредить.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Неизменяемость, постоянство.

Связь, -и, ж. – 1. Отношение взаимной зависимости, обусловленности. 2. Общность, взаимопонимание, внутреннее единство.

→ Нерасторжимое внутреннее единство, взаимная зависимость.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Зависимость.

Дышать – 1. Вбирать и выпускать легкими воздух, делать вдохи и выдохи.

→ Метафорическая номинация бега морских волн.

→ Человек как живое существо – Физиологические состояния и процессы, характерные для человека.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

Море, -я, ж. – 1. Часть Мирового океана – большое водное пространство, ограниченное с одной или нескольких сторон сушей и отделяемое от самого океана островами или возвышенностями подводного рельефа.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

Грудь, -и, ж. – 1. Передняя часть туловища человека или животного от шеи до живота.

→ Метафорическая номинация морских волн.

→ Человек как живое существо – Особенности телосложения человека.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

Безумный, -ая, -ое; -мен, -мна, -мно – 3. Достигший крайней степени проявления; очень сильный, большой.

→ Универсальные представления и смыслы – Интенсивность.

Светлый, -ая, -ое; -тел, -тла, -тло, светлы – 2. Хорошо освещенный, наполненный светом.

→ Неживая природа – Погода, климат и их признаки.

→ Неживая природа – Оптические явления и их признаки.

День, -я, м. – 1. Часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера.

→ Восприятие окружающего мира – Часть суток.

Пена, -ы, ж. – 1. Беловатая пузырчатая масса на поверхности жидкости, образующаяся от сильного колыхания, взбалтывания, кипения, брожения и т. п.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

Бледный, -ая, -ое; бледен, -дна, -дно, бледны – 2. Лишенный интенсивной окраски; утративший яркость и свежесть тона.

→ Восприятие окружающего мира – Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета).

Сирень, -и, ж. – Высокий декоративный кустарник сем. Маслиновых с бледно-лиловыми или белыми душистыми цветками, собранными в кисти.

→ Метафорическая номинация морской пены // декоративное растение.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

→ Живая природа – Деревья и кустарники.

Мутно-лазоревый, -ая, -ое – [мутный] 1. Непрозрачный, нечистый от засорения (о жидкости); [лазурный] светло-синий, цвета ясно-го неба; небесно-голубой.

→ Непрозрачный, нечистый от засорения // светло-синий, неяркой-синий.

→ Восприятие окружающего мира – Характер зрительного восприятия, доступность/недоступность зрительному восприятию.

→ Восприятие окружающего мира – Проявление цветового признака (оттенки, качество цвета).

Сосуд, -а, м. – 1. Вместилище (бутылка, кувшин и т. п.) для жидких и сыпучих тел.

→ Метафорическая номинация моря // ваза, в которой стоит букет сирени.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

→ Человек как живое существо – Физиологические и бытовые потребности человека – Быт – Емкости, вместилища и их части.

Уста, уст, мн. ч. – Трад.-поэт. Рот, губы.

→ Человек как живое существо – Голова человека и ее части.

Обретать/обрести – Найти, отыскать; получить.

Немота, -ы, ж. р. – 1. Отсутствие дара речи, неспособность говорить.

→ Язык и речь – Отсутствие навыка устной речи.

Первоначальный, -ая, -ое – 1. Предшествующий всему прочему, самый первый; начальный, исходный.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Начальная фаза бытия, существования.

Кристаллический, -ая, -ое – Скорее, здесь реализовано значение прилагательного «кристальный» → 2. Безукоризненный, безупречный. (Кристаллический → относящийся к кристаллу // состоящий из кристаллов).

→ Безукоризненный, безупречный.

→ Восприятие окружающего мира – Характеристика звука.

Нота, -ы, ж. – 2. Самый звук в музыке или пении.

→ Восприятие окружающего мира – Звуки, их разновидности и источник.

Рождение, -я, ж. – (Родить – 3. Дать – давать начало чему-л., послужить – служить причиной появления кого-, чего-л.).

→ Самое начало.

→ Универсальные представление, смыслы и отношения – Начальная фаза бытия, существования.

Чистый, -ая, -ое; чист, -а, -о – 15. Получающий наиболее полное, яркое проявление,

воплощение; истинный, совершенный, подлинный.

→ Восприятие окружающего мира – Характеристика звука.

Оставаться/остаться – 4. Не перестать быть каким-л., кем-л.; продолжить прежнее существование; не перестать находиться в прежнем состоянии.

→ Продолжить прежнее существование.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Пребывание в каком-либо состоянии.

Пена, -ы, ж. – 1. Беловатая пузырчатая масса на поверхности жидкости, образующаяся от сильного колыхания, взбалтывания, кипения, брожения и т. п.

→ Неживая природа – Водное пространство, водный поток, их части и признаки.

Афродита, -ы, ж. – В древнегреческой мифологии: богиня любви и красоты, возникшая из морской пены.

→ Общественно-государственная сфера – Объект религиозного поклонения.

Слово, -а, ж. – 2. Речь, язык.

→ Язык и речь – Речевое сообщение.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные представления – Слово.

Музыка, -и, ж. – 1. Искусство, воплощающееся в звуковых художественных образах. 3. Гармоническое, приятное для слушания звучание чего-л.

→ Музыка как обобщенное представление, гармония.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Универсальные представления – Музыка.

Возвращаться/вернуться – 2. Вновь обратиться к чему-л., приняться за прежнее, прерванное.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Пребывание в каком-либо состоянии.

Сердце, -а, ж. – 1. Центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка, находящийся у человека в левой стороне грудной полости.

→ Метонимический перенос с части на целое (сердце → человек).

→ Человек и его внутренний мир – Внутренний мир человека.

Стыдиться/устыдиться – 1. Испытывать чувство стыда.

→ Человек и его внутренний мир – Стыд.

Первооснова, -ы, ж. р. – Первоначальная основа, сущность чего-л.

Жизнь, -и, ж. р. – 1. Особая форма существования материи, возникающая на определенном этапе ее развития, основным отличием которой от неживой природы является обмен веществ.

→ Универсальное представление, смыслы и отношения – Онтологические, бытийные категории.

Сливать/слить – 4. Соединив вместе, образовать целое.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Пребывание в каком-либо состоянии.

→ Универсальные представления, смыслы и отношения – Совокупность, единство.

Этот блок словарной статьи позволяет представить структуру функционально-семантического/денотативного поля, ядро которого манифестируется идеографической сферой «Универсальные смыслы» (музыка, слово, бытие, существование, время, пространство, постоянство, неизменяемость, зависимость, интенсивность, пребывание в том или ином состоянии, онтологические, бытийные категории, совокупность, единство и др.). Приядерную зону образуют сферы «Восприятие окружающего мира», «Человек как живое существо», «Язык и речь – Отсутствие навыка устной речи», «Человек и его внутренний мир». Периферийная зона функционально-семантического поля включает в себя остальные идеографические сферы и группы. (Произведенный поэтико-идеографический анализ лексики данного стихотворения позволяет выявить семантическую, функционально-денотативную и идеографическую карты стихотворения.)

8. (Интерпретационная сфера словарной статьи).

Прежде всего, создавая интерпретационную сферу словарной статьи, необходимо выявить парадигматический, как правило, каузативный ряд концептуальных образований [Казарин 2019: 82], реализованных в стихотворении пословно, построчно и построфно. Необходимо помнить, что поэтические смыс-

лы, их рост, распространение и воздействие на воспринимающего в поэзии Осипа Мандельштама располагаются вертикально (цепочно, радиально и одиночно), как собственно графический облик силлаботонического строфического поэтического текста. Осмысление и интерпретация текста производится последовательно от первого четверостишия (строфы) до последнего.

Первая строфа

– Немота – особое состояние поэзии и музыки: это интерфизическое состояние не – речи, но немота языка и музыки, которая связывает все и всех со всем. Немота поэзии и музыки – потому немота, потому что звук не способен стать миром и заменить его.

Вторая строфа

– В состоянии до-немоты поэтической и музыкальной природа (море и свет, и др.) остается непотревоженной и спокойной, но и готовой к преобразению в слове и музыке.

Третья строфа

– Уста (поэта) готовы обрести первоначальную (рожденную из пустоты в трансгрессивном состоянии поэта [Фуко 1996: 39], способного творить нечто из ничего), немоту, чистую и ясную, перенаполненную истиной, красотой, любовью, добром и духовностью.

Четвертая строфа

– Музыка – начало и слова, и красоты, и души (сердца), соединенной с первоосновой жизни.

Ряд концептуальных образований

Немота → музыка → поэзия → свобода («море») и свет → первоначальная («главная») немота как начало абсолютной (по П. Валери [Валери 1993: 110]) музыки → красота свободного и светлого мира («море», «светел день») должна остаться и быть изначальной, чистейшей → поэзия («слово») должна обрести качества музыки → душа возвращается на место свое – «первоосновное» и неотделимое от жизни.

О. Мандельштам в тематическом и смысловом отношении создает стихотворение, которое, продолжая метатему «Silentium» в поэзии (В. Жуковский «Невыразимое», Ф. Тютчев «Silentium!», П. Верлен «L'art poetique» и др.) и поэтически познавая сферу невыразимого [Глазырин, Казарин 2016: 317-324], формирует, номинирует, и создает новую комплексную

концепцию молчания, немоты, тишины, безмолвия. По О. Мандельштаму, музыка – первичное состояние «звучащей немоты», в которое и в которую (в музыку) должно вернуться слово для того, чтобы выразить неназываемое и главное.

«Silentium» О. Мандельштама – это образец языка, речи и текста, находящихся в поэтическом состоянии [Женетт 1998: 227]. Поэт, по О. Мандельштаму, – это человек, словесник, сочинитель, который вслед за языком и поэзией «впадает» в поэтическое состояние, когда процессы поэтического познания [Казарин 2019: 126–128] укрепляются поэтической гармонией [Там же: 86–135] и поэтической концептуализацией познаваемого [Там же].

Поэтическая концепция О. Мандельштама в обобщенном виде представляет собой единство различных состояний немоты (Silentium), вот эти состояния: Pre-Silentium, Melo-Silentium и, наконец, Post-Silentium. Таким образом, слово-немота (или немота-слово, поэзия) функционируют внутри тройной оболочки:

Слово/поэзия защищены тройной оболочкой, тройной «линией обороны» от пусторечия, пустословия, от прагматики и сора повседневной речи. Тишина, немота, безмолвие – суть иная речь, – речь поэзии, природы, богов (Афродита в этом стихотворении – это не только носитель красоты, но и поэзии, истины, добра, любви и Духа). О. Мандельштам синтезирует не только времена и культуры (античные и современные), но и создает сложнейший образ Silentium, а точнее – Melo-Silentium.

6. Словарная статья словаря О. Мандельштама (на материале книги стихотворений «Камень») существует одновременно в нескольких вариантах, но все они опираются на теорию и практику использования методов авторской лексикографии, поэтической иде-

ографии, текстоведческого, поэтологического и лингвистического анализа поэтического текста, а также на методику интерпретационного комментария и анализа.

Интерпретативность [Бабенко 2004: 50], или полиинтерпретативность [Казарин 2008: 84-87] как признак поэтического текста, ле-

жит в основе интерпретации любой сферы стихотворения, а интерпретационная сфера является итоговой (заключительной) частью общего лексикографического и поэтико-идеографического исследования поэтического текста.

Источники

БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс книга, 2005. – 864 с.

СТСРР – Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс книга, 2007. – 632 с.

Универсальный идеографический словарь русского языка : проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. ; Екатеринбург, 2015. – 208 с.

Литература

Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. – 464 с. – («Gaudeamus»).

Белый, А. Критика. Эстетика. Теория символизма. Т. 1 / А. Белый. – М., 1994. – 479 с.

Валери, П. Об искусстве / П. Валери. – М., 1993. – 508 с.

Гаспаров, М. Л. Избранные труды. Т. 3 / М. Л. Гаспаров. – М., 1997. – 608 с.

Глазырин, В. А. Категория невыразимого в книге О. Э. Мандельштама «Камень» / В. А. Глазырин, Ю. В. Казарин // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. – М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 317-324.

Глазырин, В. А. Опыт составления словарной статьи авторского словаря языка О. Э. Мандельштама (книга стихотворений «Камень») / В. А. Глазырин, Ю. В. Казарин // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – Т. 24, № 3 (177). – С. 79-89.

Женетт, Ж. Работы по поэтике: Фигуры : 2 т. / Ж. Женетт. – М., 1998. – 954 с.

Жирмунский, В. М. Теория стиха / В. М. Жирмунский. – Л., 1975. – 664 с.

Казарин, Ю. В. Основы текстотворчества (мастерская текста) / Ю. В. Казарин. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2008. – 204 с.

Казарин, Ю. В. Поэтическая гармония и внутренний мир Осипа Мандельштама : монография / Ю. В. Казарин ; науч. ред. Л. Г. Бабенко ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2019. – 288 с.

Казарин, Ю. В. Основные параметры авторского словаря Земфиры / Ю. В. Казарин, М. Е. Якимова // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2017. – Т. 23, № 4 (168). – С. 82-88.

Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. – М. : Политическая энциклопедия, 2017. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 488 с.

Мец, А. Г. «Камень» (к творческой истории книги) / А. Г. Мец // Осип Мандельштам. «Камень». – Ленинград : Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1990. – С. 277-279.

Михайлов, А. Д. Комментарии / А. Д. Михайлов, П. М. Нерлер // Осип Мандельштам. Сочинения в двух томах. Том первый. – М. : Худ. лит, 1990. – С. 447-448.

Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / М. Фуко ; сост. и пер. с фр. С. Табачниковой. – М., 1996. – 448 с.

Шестакова, Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова. – М., 2011. – 464 с.

References

Babenco, L. G. (2004). *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological Analysis of the Text. Fundamentals of Theory, Principles and Aspects of Analysis]. Ekaterinburg, Delovaya kniga. 464 p.

Babenco, L. G. (Ed.). (2007). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Great Explanatory Dictionary of Russian Nouns: An Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents]. Moscow, AST-Press Kniga. 864 p.

Babenco, L. G. (Ed.). (2007). *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi* [A Thesaurus of Synonyms of Russian Speech]. Moscow, AST-Press kniga. 632 p.

Belyy, A. (1994). *Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma* [Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism]. Moscow. 479 p.

Foucault, M. (1996). *Volya k istine : po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let* [The Will to Truth: on the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality: Works of Different Years]. Moscow. 448 p.

- Gasparov, M. L. (1997). *Izbranye trudy*. T. 3 [Selected Works. Vol. 3]. Moscow. 608 p.
- Genette, G. (1998). *Raboty po poetike: Figury* [Poetry: Figures]. Moscow. 954 p.
- Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. (2016). Kategoriya nevyrazimogo v knige O. E. Mandel'shtama «Kamen'» [The Category of Inexpressible in the Book of O. E. Mandelstam "Stone"]. In *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 317-324.
- Glazyrin, V. A., Kazarin, Yu. V. (2018). Opyt sostavleniya slovarnoi stat'i avtorskogo slovarya yazyka O. E. Mandel'shtama (kniga stikhotvorenii «Kamen'») [The Experience of Compiling a Dictionary Article of the Author's Dictionary of the Language of O. E. Mandelstam (Book of Poems "Stone")]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 24. No. 3 (177), pp. 79-89.
- Kazarin, Yu. V. (2008). *Osnovy tekstotvorchestva (masterskaya teksta)* [Fundamentals of Text Creation (Text Workshop)]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet. 204 p.
- Kazarin, Yu. V. (2019). *Poeticheskaya harmoniya i vnutrennii mir Osipa Mandel'shtama* [Poetic Harmony and the Inner World of Osip Mandelstam]. Ekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi. 288 p.
- Kazarin, Yu. V., Yakimova, M. E. (2017). Osnovnye parametry avtorskogo slovarya Zemfiry [The Main Parameters of the Author's Dictionary Zemfira]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. Vol. 26. No. 4, pp. 82-88.
- Mets, A. G. (1990). «Kamen'» (k tvorcheskoi istorii knigi) ["Stone" (to the Creative History of the Book)]. In *Osip Mandel'shtam. «Kamen'»*. Leningrad, Izdatel'stvo «Nauka», Leningradskoe otdelenie, pp. 277-279.
- Mikhailov, A. D., Nerler, P. M. (1990). Kommentarii [Comments]. In *Osip Mandel'shtam. Sochineniya v dvukh tomakh. Tom pervyi*. Moscow, pp. 447-448.
- Nerler, P. M., Lekmanov, O. A. (Eds.). (2017). *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Mandelstam Encyclopedia, in 2 vols.]. 576 p. (Vol. 1), 488 p. (Vol. 2).
- Shestakova, L. L. (2011). *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian Author's Lexicography: Theory, History, Modernity]. Moscow. 464 p.
- Valéry, P. (1993). *Ob iskusstve* [About Art]. Moscow. 508 p.
- Zhirumunsky, V. M. (1975). *Teoriya stikha* [Theory of Verse]. Leningrad. 664 p.

Данные об авторах

Глазырин Вячеслав Александрович – ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: glazyrinslava@bk.ru.

Казарин Юрий Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
E-mail: said55@ya.ru.

Authors' information

Glazyrin Vyacheslav Aleksandrovich – Assistant of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Kazarin Yuri Viktorovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Studies, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

ЧТО И КАК «ЗВУЧИТ В КОРЕ» ДВУХ СТИХОТВОРЕНИЙ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ «СОСНОВОЙ РОЩИЦЫ ЗАКОН...» И «ПЛАСТИНКОЙ ТОНЕНЬКОЙ ЖИЛЛЕТА...»)?

Гутрина Л. Д.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5083-9299>

А н н о т а ц и я. Статья посвящена интерпретации пары стихотворений О. Мандельштама 1936 года «Сосновой рощицы закон...» и «Пластинкой тоненькой жиллета...». Ключом к прочтению стихотворений выступают ритмические и лексические «конфликты» в поэтической ткани (Е. Эткинд) и разные типы повторов. Именно они способствуют актуализации в семантическом поле данной стихотворной пары мотива расставания и разнообразных женских имен, среди которых как А. А. Ахматова, М. И. Цветаева, так и героини литературных произведений (Татьяна Ларина, Минвана). Ситуация расставания, повторенная в подтексте стихотворения многократно (прощание с Цветаевой, с Ахматовой, прощание Арминия и Минваны, прощание Татьяны Лариной с родными местами), вырастает в конечном итоге до события расставания лирического героя с прежней жизнью, наполненной гармонией. Ритмические конфликты стихотворения позволяют заключить, что в стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...» Мандельштам воспроизвел ритмические ходы «онегинской строфы», однако изменил закрепленную в ней последовательность рифмовки. В результате возник эффект «просвечивания» в стихотворении пушкинской гармонии. Подобно этому «просвечиванию», в шуме мандельштамовских деревьев звучит и дорогое для поэта море, которого он оказался безвозвратно лишен. «Женское» в поэтическом мире стихотворения играет роль компонента, смягчающего общее ощущение неблагополучия, примиряет с происходящим. В статье также высказано предположение о тяготении данной стихотворной пары к лирическому циклу (помимо прочего, выявляется метасюжет роста деревьев от первого стихотворения ко второму).

К л ю ч е в ы е с л о в а: ритмический конфликт; лексический конфликт; русская поэзия; русские поэты; по-этическое творчество; стихотворения; анализ стихотворений.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Гутрина, Л. Д. Что и как «звучит в коре» двух стихотворений О.Э. Мандельштама (на материале стихотворений «Сосновой рощицы закон...» и «Пластинкой тоненькой жиллета...»)? / Л. Д. Гутрина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 134–143. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-11.

WHAT THEMES “VIBRATE IN THE CORE” OF TWO POEMS OF OSIP MANDELSTAM AND HOW IT HAPPENS (BASED ON THE POEMS “THE LAW OF PINE GROVE...” AND “THE BRISTLES OF SLEEPINESS...”)?

Liliya D. Gutrina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5083-9299>

A b s t r a c t. The present article addresses the interpretation of two poems written by Osip Mandelstam in 1936, namely “The law of pine grove...” (“Sosnovoy roshchitsy zakon...”) and “The bristles of sleepiness...” (“Plastinkoi tonen’koi zhilleta”). Rhythmic and lexical “conflicts” in the poem tissue (E. Etkind) and various types of reiterations act as a key to poem interpretation. It is they that contribute to the actualization of the motif of parting and various female names, including Anna Akhmatova, Marina Tsvetaeva, as well as women-characters of literary works (Tatyana Larina, Minvana) in the semantic field of these two poems. Eventually the parting scene, which is repeated in the context over and over again (parting with Tsvetaeva and Akhmatova, Arminius and Minvana’s partings, and Tatiana Larina’s farewell to her native places), develops into the parting act of the lyrical character with their past filled with harmony. The rhythmic conflicts of the poem enable the reader to conclude that Mandelstam’s poem “The bristles of sleepiness...” reconstructs the rhythm of “Onegin stanza”, in which the author changed the rhyme sequence fixed in it. As a result, there emerges the effect of the presence of Pushkin’s harmony between its lines. Similarly to this implicit presence of Pushkin’s harmony, the sea noise which was so dear to the poet and which he was irretrievably deprived of is heard in the sound of wind in Mandelstam’s trees. The

“Feminine” theme in the poetic world of a poem acts as a component which softens the shared sense of trouble and reconciles with what is happening. The article also makes an assumption that the two poems make up one lyrical cycle (among other things, the metaplot of the growth of the trees is traced throughout the first poem to the second one).

Keywords: rhythmical conflict; lexical conflict; Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; poems; analysis of poems.

For citation: Gutrina, L. D. (2021). What Themes “Vibrate in the Core” of Two Poems of Osip Mandelstam and How It Happens (Based on the Poems “The Law of Pine Grove...” and “The Bristles of Sleepiness...”) In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 134–143. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-11.

В декабре 1936 года Осип Мандельштам начинает «Вторую Воронежскую тетрадь». В течение месяца создаются стихотворения, принадлежащие разным поэтическим «гнездам», но объединенные общими тревогами и размышлениями. Д. И. Черашняя пишет, фиксируя основные мотивы и особенность художественного мышления поэта этого периода, что «многообразны в последних стихах образы вхождения, спуска, погружения... с утверждением противоположного» [Черашняя 2011: 219], что «пространство декабрьских стихотворений представляет собой единую кружевную вязь: сплетение образов и мотивов с их опережениями и возвращениями, притяжениями и отталкиваниями» [Там же: 230] Б. А. Минц полагает, что «формообразующим во „Второй Воронежской тетради“ является противоречие двух начал: с одной стороны, живой мир детства, вольной природы, первотворения [...], высокий мир ветхозаветных пророков, Спасителя [...], мир великой живописи и музыки; с другой – монументальная образность чуждого ему застывшего небытия» [Минц 2019: 440].

В период с 15 по 27 декабря Мандельштам пишет стихи, связанные мотивом улыбки-улитки («Рождение улыбки», «Не у меня, не у тебя, у них...»), «Внутри горы...»), «щеглиного» и «зимнего» циклов («Ночь. Дорога...»), «Вехи дальнего обоза...»), «Где я? Что со мной дурного?»); тогда же создается пара стихотворений о летней поездке в Задонск, городок в Липецкой области, где Мандельштамы сняли дачу в доме № 8 по ул. Карла Маркса. «Мандельштам-

мовская энциклопедия» дает такую датировку событий: «16 июня – увольнение из Воронежского советского театра с 1 августа 1936 года из-за нетрудоспособности. 20 июня – отъезд на машине в Задонск. 7–8 июля – в Задонск приезжает С. Рудаков. Начало сентября – возвращение в Воронеж, знакомство с Н. Штемпель» [Мандельштамовская энциклопедия 2017: 24]. Н. Я. Мандельштам писала: «С „Сосновой рощицы...“ начинается новый цикл... Произошло возвращение к настоящему, входит сегодняшний день и Воронеж. „Сосновая рощица...“ как-то связана с „Задонском“, но это не связь двух стихотворений, растущих из одного корня, – они никогда не смешивались, хотя писались разом. Иначе говоря, это связь чисто тематическая, чем чисто словесная» [Мандельштам Н. Я. 1990: 272-273].

Попробуем зафиксировать для начала внешние связи между текстами. Во-первых, это ритмическое родство: в обоих стихотворениях использован 4-стопный ямб с вольной рифмовкой, а также не вполне типичные для русской поэзии строфы: в «Сосновой рощицы...» – десятистишие (строфа, характерная для поэзии XVIII века, которая в данном конкретном случае не соответствует известным типам десятистиший, выделяемым, например, О. И. Федотовым¹), а в «Пластинкой тоненькой жиллета...»), кроме катренов и восьмистишия, использована строфа из пяти строк. В финале каждого стихотворения использована опоясывающая рифмовка (жммж), в каждом встречаются длительные периоды с парными рифмами: с 1 по 6 в «Со-

¹ «Одические десятистишия в русской поэзии XVIII в. Подразделялись на три основные структуры...: 1) десятистишие круглого строя..., десятистишие зыблящегося строя..., десятистишие обрывистого строя» [Федотов 2003: 137–138].

сновой рощицы...» и с 5 по 9, с 14 по 25 в «Пластинкой тоненькой...», причем известно, что последнее стихотворение «почти не имело вариантов и сложилось сразу в уме... только „раздвинулось“ четвертой строфой» (как раз восьмистишием с парной рифмовкой – Л. Г.) [Мандельштам Н. Я. 1990: 273]. Отметим также некоторое сходство грамматических моделей первых фраз, в которых использован родительный падеж существительных: «...рощицы закон» и «пластинкой жиллета».

Конечно же, внешняя связь стихотворений обеспечивается и «тематически» (как пишет Н. Я. Мандельштам) – темой деревьев: в первом – сосновая рощица, которая «была перед ...домом в Задонске на пригорке» (упомянуты *корни, кора, стволы*), во втором – «именитые *вершины*» (кроны) деревьев, тополь и ива, которые, по словам исследователей, росли возле дома Осипа Мандельштама в Задонске. Д. И. Черашняя, ссылаясь на Н. Штемпель, напоминает, что тополь рос и у дома Осипа Мандельштама в Воронеже [Штемпель 1992: 75]. Обращает на себя внимание мотив «парности», связанный с деревьями: в «Сосновой рощице...» сосны названы «арфы и виолы» (причем, сочетание это повторено трижды – во 2, 4 и 9 строках), в «Пластинке...» – ива и тополь («И на пожар рванулась ива, / а тополь встал самолюбиво»).

Именно тема деревьев подробнее всего раскрывается исследователями.

В частности, В. В. Аристовым раскрывается история и семантика образа тополя у Мандельштама: «„Тополь“ по крайней мере трижды ... упоминается в стихах Мандельштама, и каждый раз в нем проявляются некоторые „антропоморфные“ черты...То есть он как бы подготавливал неявно себя (и читателя) к тому, что тополь (так же как, допустим, щегол) станет для него выражающим особые человеческие чувства и смыслы» [Аристов 2017: 245-246]. Исследователь обнаруживает связь воронежского тополя и Петрополя-Петербурга («Но и Воронеж – тоже город Петра, где он создавал первое адмиралтейство и флот» [Там же: 247]); проводит убедительные ассоциации с пушкинским «Памятником» и знаменитым «темным дубом» Лермонтова [Там же: 245, 247], говорит о «топопиной торжественной теме, связанной с Мандельштамом», в сти-

хотворении А. А. Ахматовой «Воронеж» [Там же: 247]. Также Аристов указывает на то, что тополь и ива ассоциируются с самим О. Мандельштамом и его женой: «И если тополь наминает сейчас о поэте, то женственный образ исчезнувшей той ивы мог бы предстать памятным знаком о его „нищенке-подруге“» [Там же: 243].

В диссертации Б. А. Минц отмечено, что образ тополя в поэзии Мандельштама связан с семантикой «любви, поэзии, веры, природы» [Минц 2019: 219], а мотив корней – с тем, что «приобщение к корневой системе мироздания дает крепость и одновременно смирение и слепоту» [Минц 2019: 340].

Глубоко и многогранно рассматривает тему деревьев Д. И. Черашняя. Во-первых, она объясняет связи с прямо названным Рейсдалем – голландским художником, основное место на картинах которого занимают исплинские деревья, художника, который буквально «звучит в коре» [Черашняя 2011: 223]; исследовательница убеждена, что Мандельштам испытывал «ощущение внутреннего, духовного родства с художником» [Там же: 225], отмечает их сходство даже на уровне фамилий: в фамилии Мандельштама спрятано слово «ствол» (нем. Stamm), в фамилии Рейсдаля – «отросток, побег, веточка» (нем. Reis) [Там же: 223]. По мысли Черашней, стихи о деревьях – это высказывания поэта о самом себе, осмысление стратегии творческого поведения в тот тяжелейший для поэта период, суть которой – «звучать в коре». По мысли исследовательницы, мотив «пробудил / Звучать в коре, коричневая» – центральный для всех декабрьских стихов 1936 года [Там же: 230]. Что же стоит за этим словосочетанием? «Распространяясь вверх и вширь, они (деревья – Л.Г.) заполняют пространство холста... Маленькие фигурки на картинах прижаты к земле и заняты житейскими делами, в то время как человеческие страсти, страдания, стремления, а главное – тяга к небу – удесятерены и отданы деревьям» [Там же: 224]. «Звучать в коре» – это значит жить для вечности, ощущая себя частью прекрасного большого мира, даже если ты и оказался силой обстоятельств в тяжелых жизненных условиях, пригибающих к земле, если оказался «извилистым и голым стволом» во власти ветра. В статье проведена аналогия

между Эолом, гнущим деревья, и Сталиным, а мотив «закона» связан с реалиями 1936 года (принятие 5 декабря новой Конституции) [Там же: 221]. Д. И. Черашняя указывает на мотив пробуждения, связывающий стихотворения: «Виолу с арфой *пробудил*» и «Легко *щетину спячки снять*...» [Там же: 222].

Позволим высказать предположение, что есть еще несколько оснований для сближения стихотворений. В качестве инструментария используем понятие «конфликта», заложенного в поэтической ткани (Е. Г. Эткинд). Приведем оба стихотворения целиком.

Сосновой рощицы закон:
Виол и арф семейный звон.
Стволы извилисты и голы,
Но все же – арфы и виолы.
Растут, как будто каждый ствол
На арфу начал гнуть Эол
И бросил, о корнях жалея,
Жалея ствол, жалея сил,
Виолу с арфой пробудил
Звучать в коре, коричневая.
16–18 декабря 1936

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.
Вы, именитые вершины,
Дерев косматых именины, –
Чсть Рюисдалевых картин, —
И на почин лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин.

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной
Семипалатной простоты.
Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар
Как цепь шатров в тенистый жар!
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво...

Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов коля.
А Дон еще как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа,
Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бражники шумели...¹
15–27 декабря 1936

[Мандельштам 1995: 254–255].

Стихотворение «Пластинкой тоненькой жиллета» обращает на себя внимание ритмикой. Согласно Мандельштамовской энциклопедии, перед нами (равно как и в «парном стихотворении») «вольный 4-стопный астрофический ямб... с вольной рифмовкой и чередованием женских и мужских клаузул» [Мандельштамовская энциклопедия 2017: 79]. Присмотримся к нему. Первая строфа – катрен с перекрестной рифмовкой (жмжм). Вторая строфа – пятистишие, нетипичная для русской поэзии строфа с рифмовкой ааббб (жжммм). Далее вновь идет катрен, идентичный первому. Четвертая строфа – восьмистишие, строки которого объединяются парной рифмовкой (ааббввгг). Пятая строфа – катрен с парной рифмовкой, как будто продолжающий восьмистишие. Наконец, последняя строфа стихотворения – катрен с опоясывающей рифмовкой. Как видим, поэт варьирует катрены с разными типами рифмовки, и лишь вторая строфа, где упомянут Рюисдаль, ритмически от катрена отходит. В этих 29 строках подавляющее число рифм – парные, на втором месте – перекрестные, затем идут опоясывающие. Для Осипа Мандельштама подобный разброс рифм не очень характерен. «Вольная рифмовка с нанизыванием затяжных рифмических цепей – прием, характерный исключительно для позднего Мандельштама: 29 случаев в 1935–37 гг. и только 6 случаев за все предыдущие годы („Из-за домов, из-за лесов“, „сосновой рощицы закон...“,

¹ Н. Я. вспоминает о возникновении стихотворения «Пластинкой тоненькой жиллета»: «Повод был смешной – мы шли из бани и увидели воз с сеном. Я заметила, как ОМ пристально на него смотрит, и испугалась – мне хотелось, чтобы он отдохнул от стихов... Он это почувствовал и сказал мне, что ничего не поделаешь. Дома он разложил на полу мои задонские акварельки и долго шагал по ним. Там все снопы были и холмики. Задонск – городок при монастыре; место чудное в верховьях Дона. Мы жили недалеко от монастыря – на отличной монастырской дороге, усаженной деревьями, кажется, тополями» [Мандельштам Н. Я. 1990: 273].

„Пластинкой тоненькой жиллета“, „Вехи дальнего обоза...“ и др.)» [Гаспаров 1990: 344]. Полагаем, что ключ к подобной рифменной мозаичности заключен все в той же второй стро-

фе – странном пятистишии, в котором прямо назван столь важный для Мандельштама Якоб Исаак Рейсдал.

Сопоставим:

Вы, именитые вершины,
Дерев косматых именины –
Честь Рюисдалевых картин...

Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин, глава 7, XXVIII [Пушкин 1960: 142].

Мандельштамовский герой воспроизводит, по сути, интонацию онегинской строфы и ситуацию пушкинской Татьяны, которая прощается с любимыми местами, предчувствуя скорую разлуку, – неизбежный отъезд в столицу. В пользу этой аналогии говорит и упомянутое Мандельштамом слово «именины» (сцену Татьянинных именин в романе Пушкина трудно переоценить) и, конечно же, схожесть ситуаций Татьяны и Мандельштамов (наверняка они понимали, что поездка в Задонск вряд ли когда-либо повторится). Получается, что в разнообразии строф и рифм «звучит» «онегинская строфа», «звучит в коре» – в данном случае во внешне пейзажном стихотворении, посвященном Рейсдалю, его деревьям. Но только вот гармония онегинской строфы, вполне здесь узнаваемой, как будто расколота, превращена в мозаику. Задонские пейзажи, напоминающие о пейзажах пушкинских, все же не дают обольщаться: раскалывая онегинскую строфу, Мандельштам как будто иронизирует над собой, трезво оценивает ситуацию.

Онегинский «след» в стихотворении замечен и в словосочетании «моя душа»:

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
воды набравши с полковша,
Терялся, что моя душа...

Хотя «моя душа» (душа лирического героя) – это то, с чем сопоставлен робко, несмело текущий Дон (Задонск стоит в истоке Дона), тем не менее словосочетание воспринимается в первую очередь как «фирменный знак» Пушкина.

Вспомним:

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла холодные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е [Пушкин 1960: 72].

Сравним также:

Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатились глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

В обоих случаях, сказочном и романном, «моя душа» отнесено к юной девушке, вызывающей симпатию говорящего. Благодаря этому мандельштамовское стихотворение конденсирует смыслы, связанные с женской темой. Напомним, В. В. Аристов убедительно показал, что тополь и ива – суть пара «он и она», он же отметил, что стихотворение перекликается с ахматовским текстом («Воронез»). В работе Б. А. Минц о стихотворении

«Пластинкой тоненькой жиллета...» сказано, что оно посвящено Н. Я. Мандельштам [Минц 2019: 309-310].

На лексические «конфликты» богата третья строфа стихотворения. Во-первых, о просторе сказано, что он «объятный», хотя уместнее было бы «необъятный». Эта вроде бы еле заметная «ложка дегтя» способствует созданию атмосферы неблагополучия, тем более что в стихотворении есть и «спячка» (тяжелый сон), «мясо красных глин», «жар» и «пожар» в соседних строках, рванувшаяся ива, «бремя вечеров»; «шатры» и «лагерь» жнивья, «жесткие постели», вызывающие ассоциации скорее с военными действиями, чем с мирным временем и дачным отдыхом.

Странное сочетание «семипалатная простота» сложно для толкования. Представляется возможным вести ассоциации в сторону «семихолмия» («колокольное семихолмие») и «пятисоборной площади» – оба сочетания известны по циклу Цветаевой «Стихи о Москве». Пять соборов, семь холмов, семь палат – словообразовательная модель, как видим, одна и та же, да и образный ряд един. Известно, что второе стихотворение цикла адресовано О. Мандельштаму:

Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По церковке – все сорок сороков,
И реющих над ними голубков.
И Спаские – с цветами – воротá,
Где шапка православного снята.

Часовню звёздную – приют от зол –
Где вытертый от поцелуев – пол.

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг
[Цветаева 1990: 99].

Более того, диалог с М. Цветаевой в стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...» осуществляется и на уровне повторения мотивно-образного комплекса из стихотворения 1916 года «Не веря воскресенья чуду...» [Мандельштам 1995: 135]. Так же, как и в стихотворении двадцатилетней давности, в «Пластинкой тоненькой жиллета...» есть он и

она, воспоминание («Давай с тобою вспоминать...»), степи и холмы («его дорог степной бульвар» и «я через овиди степные» в черновиках стихотворения 1916 года [Мандельштам 1995: 456]), топос монастыря (ср. «от монастырских косогоров широкий убегают луг» и монастырская дорога из воспоминаний Н. Я. Мандельштам). Полоска незагорелой кожи на руке возлюбленной («Целую след, где от браслета Еще белеет полоса») рифмуется с характеристикой Дона: «А Дон еще, как полукровка, серебрясь и мелко, и неловко» (исследователи связывают данное стихотворение Мандельштама с цветаевским «С большою нежностью – потому...», в котором она говорит о «серебряном браслете». См., например: Мец А. Г. Примечания к ст. «Не веря воскресенья чуду...» [Мандельштам 1995: 544-545]).

Стихотворение 1916 года всего на одну строчку длиннее позднейшего (30 строк против 29) и тоже написано четырехстопным ямбом, правда, уже с преобладающей перекрестной рифмовкой. Да и ситуации двух стихотворений сходные: если стихотворение 1916 года написано Мандельштамом после поездки к М. Цветаевой во Владимирскую область (при этом в нем отразились воспоминания о встречах с нею в Коктебеле), то стихотворение декабря 1936 года основано на событиях июня 1936 года, сквозь которые, скорее всего, проступают воспоминания о киевском лете 1919 года – счастливом времени знакомства Н. Я. Хазиной и О. Э. Мандельштама¹.

Важно при сопоставлении двух стихотворений Осипа Мандельштама обратить внимание на то, чего нет в тексте 1936 года, по сравнению с ранним стихотворением. Приведем его первую строфу:

Не веря воскресенья чуду,
На кладбище гуляли мы.
– Ты знаешь, мне земля повсюду
Напоминает те холмы
.....
.....
Где обрывается Россия
Над морем черным и глухим.

Мандельштам, как известно, не мог придумать 5–6 строки (строки об «овидях степных», по его словам, принадлежат Лозинскому и не

¹ «1919. 21 мая – на дне рождения А. Дейча в кафе „ХЛАМ“ знакомство с Н. Хазиной. 23 (25) мая. Вместе с Н. Хазиной побывал в киевской кофейне „На Фундуклеевской“» [Мандельштамовская энциклопедия 2017: 14].

были включены поэтом в текст [Мандельштам 1995: 544]), и стихотворение публиковалось с отточиями, которые, конечно же, помогали акцентировать слово «обрывается», наметить образ пустоты, бездны; но вместе с тем, отточия – это способ обратить внимание на последние строки, посвященные морю. Черное море здесь – и Черное, и тревожное, а вот «глухое» – значит, связанное с сильным шумом, таким, что через него и разобрать слов невозможно. Вот как раз моря и нет в стихотворении Мандельштама 1936 года, однако о его шуме напоминают деревья.

Обратим внимание еще на один «конфликт», возникающий в финале стихотворения: Дон назван «полукровкой», он робок (см. на спрятанный в строке «Воды набравши с полковша» оборот «воды в рот набрать»), а вот деревья в это время «выходят из берегов», как бы замещая собой великую реку, от которой один шаг к морю. С морем в лирике Мандельштама связан комплекс значений. Море – это и то, из чего возникла красота, это и знак единства всего и вся («Silentium»), и любовь («Бессоница. Гомер. Тугие паруса...»), и поэзия, и свобода, и счастье («Ариост»). Мандельштам в стихотворении «День стоял о пяти головах...» (апрель–июнь 1935) воскликнет: «На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко...» – он осознает, что море для него теперь недоступно. И теперь, в стихотворении декабря 1936 года, место моря занимают деревья. Они шумят о любви и любимых, красоте, поэзии, свободе и много еще о чем и о ком, на что указывает знак многоточия в конце стихотворения; оно заканчивается, но шум деревьев вечен:

Когда на жесткие постели
ложилось бремя вечеров
и выходя из берегов
деревья-бражники шумели...

Итак, ритмические, лексические «конфликты» стихотворения способствуют включению в ассоциативное поле стихотворения имен Марины Цветаевой и Татьяны Лариной. Учитывая наблюдения исследователей о связи данного стихотворения с ахматовским, можно заключить, что в стихотворении очень важен «женский» подтекст и ситуация разлуки, расставания: прощание с Цветаевой в 1916 году, прощание с Ахматовой в февра-

ле 1936 года, расставание Татьяны с родными местами в романе «Евгений Онегин». За этими разлуками скрывался еще один значимый для Мандельштама разрыв – с морем, отголоски которого он услышал в шуме задонских деревьев. Утрата моря, воплощающего саму жизнь, сказалась в ритме стихотворения: в нем слышны отголоски прежней гармонии – в перепутанной рифмовке онегинской строфы.

Стихотворение «Сосновой рощицы...» сложилось намного раньше, чем рассмотренное. В нем всего 10 строк, – тем заметнее многочисленные «тройные» повторы, возвращения к одному и тому же, на визуальном уровне рождающие эффект «извилистости», дуги (нескольких дуг), – как будто и сам текст «гнется» под воздействием неких сил:

«виол и арф» – «арфы и виолы» – «виолу с арфой»;
«стволы» – «ствол» – «ствол»;
«жалая» – «жалая» – «жалая»;
«о корнях» – «в коре» – «коричневая» (звуковой повтор).

Значение повторов – в том числе и в подчеркивании мелодичности, музыкальности. Мелодичность стихотворения эффектно нарушается анжамбеманом на границе 4 и 5 строк, который позволил сделать акцент на способности «арф и виол» к росту несмотря на их слабость («стволы извилисты и голы»):

Но все же арфы и виолы
Растут...

Далее высказывание переводится в мифологический регистр: появляется Эол, наделенный способностью активно и противоречиво действовать: «начал гнуть», «бросил, жалея», «жалая», «жалая», «пробудил», однако сила его действий ослабляется сравнительным союзом «как будто» (возникает смысловой эффект неопределенной модальности: было или не было?) и стоящим в самом конце деепричастием «коричневая», которое характеризует деревья. Описание деятельного Эола «закольцовано» действиями деревьев: они «растут» (слово в сильной позиции из-за анжамбемана) и «звучат, коричневая» (сильная позиция финала текста). Так, внешне податливые, гнущиеся сосны оказываются сильнее и реальнее Эола, – и корни, кора и стволы из стихотворения «Сосновой рощицы закон...» как будто прорастают в стихотворении «Пластинкой то-

ненькой жиллета...» шумящими вершинами. Быть может, поэтому Мандельштам «склонялся к тому, чтобы «Сосновая рощица...» шла перед «Задонском», хотя и «окончательно этого не решил: „Потом посмотрим“» [Мандельштам Н. Я. 1990: 273].

В этом стихотворении также проступает ситуация расставания. Ассоциация с «эоловой арфой» не может не возникнуть при чтении, если в коротком стихотворении рядом встают слова «арфа» и «Эол». В балладе Жуковского «Эолова арфа» постоянны образы дубрав и холмов, а прекрасный певец Арминий и царская дочь Минвана встречаются под сенью могучего дуба – царя деревьев. Именно на его ветвях Арминий, предчувствуя разлуку, оставляет свою арфу:

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Улада разлуки
И вестник души неизменная будь»

[Жуковский 1959: 72].

В момент смерти Арминия арфа зазвучала, спустя время Минвана также умирает от печали, а арфа продолжает звучать как знак нежной и вечной любви героев¹. Мотив связи деревьев и музыки объединяет балладу Жуковского и стихотворение Мандельштама.

Стоит обратить внимание собственно и на музыкальные инструменты – виолу и арфу. Оба они – из семейства «струнных»², «ножного способа держания»; это старинные инструменты, прошедшие период обновления в эпоху Возрождения. Среди многочисленных виол дольше всех просуществовала виола да гамба, которая была вытеснена к середине XVIII века скрипкой; о гамбе пишут, что она выполняла в оркестре функцию баса (большая басовая виола, малая басовая виола) [Раабен]. Рискнем предположить, что виола – инструмент «мужской», а арфа – «женский» – по

крайней мере, в XX веке в России и СССР. Известны такие русские арфистки, как К. А. Эрдели, О. Эрдели, В. Дулова, Т. Тауэр, Э. Кузьмичева. Как тополь и ива, так и виола и арфа раскрывают в стихотворении мысль о связи, семейственности (семейство струнных), любви, ладе. Подчеркнем, что виола да гамба в XVIII веке оказалась на периферии музыкального мира, была вытеснена из него скрипкой, что может выступить аналогией судьбы самого поэта.

Итак, два стихотворения Осипа Мандельштама, навеянные воспоминаниями о лете в Задонске, при внешней своей пейзажности, оказываются высказыванием о способе творческого поведения, о чем очень точно и глубоко написала Д. И. Черашняя.

Стихотворения создают впечатление именно лирического цикла, в котором первое место занимает «Сосновой рощицы закон...», а второе – «Пластинкой тоненькой жиллета...». Во-первых, Д. И. Черашняя указала на мотив пробуждения, который звучит в финале первого и начале второго стихотворений. Кроме того, можно указать на буквальный рост деревьев в художественном мире цикла: в первом тексте «сосны растут», есть указания на корни, ствол, кору, а во втором уже появляются шумящие кроны. Деревья дорастают до «звучания» – их шум заменяет герою стихотворения иной шум, ныне недоступный, – шум моря. «Неостановимость течения воды и роста древесины, – по мысли В. В. Мусатова, – были сродни неостановимости творчества» [Мусатов 2000: 476]; рост деревьев в цикле свидетельствует и о внутреннем распрямлении лирического героя, его росте и звучании (согласимся с мнением Д. И. Черашней, что «пробуждение» героя происходит во многом благодаря установлению родства с Рейсдалем, с которым Мандельштам и ведет диалог в стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...»), и в этом, как представляется, состоит метасюжет этого небольшого лирического цикла.

¹ Музыка, кстати, несколько трансформируясь, появляется в стихотворении «Пластинкой тоненькой жиллета...» – в мотиве шума и имени.

² Не связано ли с этим обилие строк, связанных парной рифмовкой, напоминающих натянутые струны? Таких строк очень много в том и другом стихотворении, и, если присмотреться, то чередование разнообразных строк в «Пластинкой тоненькой...» может способствовать созданию зримого образа виолы (длинный гриф, потом удлиненный же корпус), а монолитность «Сосновой рощицы...» сходна с конструкцией арфы, в которой, между прочим, выделяются шейка, плечо, корона, вызывающие ассоциации с девушкой.

Связующим для стихотворений оказывается мотив разлуки, расставания. На интертекстуальном уровне стихотворения вступают в диалог с «Эоловой арфой» Жуковского и строфами о Татьяне Лариной, которая прощается с родными местами; ассоциативно связано с «Пластинкой тоненькой жиллета...» стихотворение А. Ахматовой «Воронеж», написанное после ее отъезда от Мандельштамов в феврале 1936 года, а также стихотворение «Не веря воскресенья чуду...», посвященное Цветаевой. Всякий раз в текст вводятся женские имена – как реальных женщин, так и литературных героинь, и это придает миру, который возникает в стихотворениях, особую прелесть, хрупкость и, может быть, вносит ноту примирения с происходящим (мир, изображенный в стихотворениях, тревожен в своей противоречивости). Важно в этой связи и то, что после возвращения из Задонска Мандель-

штамы познакомились с Н. Е. Штемпель, которая стала для них верным другом.

Необходимость «звучать в коре», то есть, будучи стесненным, сохранять свой дар, поэтический голос, интересно воплотилась в ритмическом строе стихотворения «Пластинкой тоненькой жиллета...»: Мандельштам таким образом выстроил свое стихотворение, что в нем зазвучала гармония «онегинской строфы» – пусть рассыпанная, превращенная в мозаику, но все же узнаваемая. И получалось, что в стихотворении Мандельштама, написанном в глубине России, слышалось и море – в шуме вершин деревьев, и Пушкин – в строфически странном стихотворении, и Рейсдаль – в пейзажных зарисовках Задонска. Сами стихотворения Мандельштама стали «эоловой арфой», вечно поющей о любви, разлуке и творчестве.

Литература

- Абрамова, К. В. Книга Д. И. Черашней: последний год творчества Осипа Мандельштама как исследовательская проблема / К. В. Абрамова // Сибирский филологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 260–267.
- Аристов, В. В. Явные и скрытые образы Мандельштама, связанные с Задонском / В. В. Аристов // Мандельштамовские чтения : материалы Международных Мандельштамовских чтений 7–9 ноября 2016. – Воронеж, 2017. – С. 241–250.
- Гаспаров, М. Л. Эволюция метрики Мандельштама / М. Л. Гаспаров // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1991. – С. 336–346.
- Жуковский, В. А. Собрание сочинений : в 4-х т. Т. 2 / В. А. Жуковский. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1959.
- Мандельштам, Н. Я. Комментарий к стихам 1930–1937 гг. / Н. Я. Мандельштам // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 189–312.
- Мандельштам, О. Э. Полное собрание стихотворений / О. Э. Мандельштам ; вступ. ст. М. Л. Гаспарова и А. Г. Меца ; сост., подгот. текста и примеч. А. Г. Меца. – СПб. : Академический проект, 1995.
- Мандельштамовская энциклопедия : в 2-х т. Т. 2 / гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. – М. : Политическая энциклопедия, 2017.
- Минц, Б. А. Структура и поэтика лирических единств в поэзии О. Мандельштама : дис. ... д-ра филол. наук / Минц Б. А. – Саратов, 2019. – 495 с.
- Мусатов, В. В. Лирика Осипа Мандельштама / В. В. Мусатов. – Киев : Ника-Центр ; Эльга-Н, 2000. – 560 с.
- Пушкин, А. С. Евгений Онегин / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4. – М. : ГИХЛ, 1960. – С. 5–200.
- Раабен, Л. Н. Виолы / Л. Н. Раабен. – Текст : электронный // Классическая музыка, опера и балет. – URL: <https://www.belcanto.ru/violi.html> (дата обращения: 01.03.2021).
- Федотов, О. И. Основы теории литературы : в 2 ч. Часть 2. Стихосложение и литературный процесс : учебное пособие для вузов / О. И. Федотов. – М. : Владос, 2003. – 240 с.
- Цветаева, М. Стихотворения и поэмы / М. Цветаева. – Л. : Советский писатель, 1990. – 800 с.
- Черашняя, Д. И. К стратегии творческого поведения О. Мандельштама в декабре 1936 года / Д. И. Черашняя // Универсалии русской литературы. 3 : сборник статей / отв. ред. А. А. Фаустов. – Воронеж : Научная книга, 2011. – С. 214–232.
- Штемпель, Н. Е. Мандельштам в Воронеже: Воспоминания / Н. Е. Штемпель ; вступ. ст. Д. П. Заславского ; сост. В. Н. Гыдова. – М. : Мандельштамовское об-во, 1992. – 146 с.

References

- Abramova, K. V. (2016). Kniga D. I. Cherashej: poslednij god tvorčestva Osipa Mandel'shtama kak issledovatel'skaja problema [The Book by D. I. Cherashej: the Last Year of Osip Mandelstam's Creativity as a Research Problem]. In *Sibirskii filologičeskii žurnal*. No. 1, pp. 260–267.

- Aristov, V. V. (2017). Yavnye i skrytye obrazy Mandel'shtama, svyazannye s Zadonskom [Explicit and Hidden Images of Mandelstam Associated with Zadonsk]. In *Mandel'shtamovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnykh Mandel'shtamovskikh chteniy 7–9 noyabrya 2016*. Voronezh, pp. 241–250.
- Cherashnyaya, D. I. (2011). K strategii tvorcheskogo povedeniya O. Mandel'shtama v dekabre 1936 goda [To the Strategy of Creative Behavior of O. Mandelstam in December 1936]. In Faustov, A. A. (Ed.). *Universalii russkoi literatury. 3: sbornik statei*. Voronezh, Nauchnaya kniga, pp. 214–232.
- Fedotov, O. I. (2003). *Osnovy teorii literatury: v 2 ch. Chast' 2. Stikhoslozhenie i literaturnyi protsess* [Fundamentals of Literary Theory, in 2 parts. Part 2. Verse Composition and Literary Process]. Moscow, Vlados. 240 p.
- Gasparov, M. L. (1991). Evolyutsiya metriki Mandel'shtama [Evolution of the Mandelstam Metric]. In *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, pp. 336–346.
- Mandel'shtam, N. Ya. (1990). Kommentarii k stikham 1930–1937 gg. [Comments on Poems of 1930–37]. In *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. pp. 189–312.
- Mandel'shtam, O. E. (1995). *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [The Complete Set of Poems]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 720 p.
- Mints, B. A. (2019). *Struktura i poetika liricheskikh edinstv v poezii O. Mandel'shtama* [Structure and Poetics of Lyrical Unities in the Poetry of Osip Mandelstam]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov. 495 p.
- Musatov, V. V. (2000). *Lirika Osipa Mandel'shtama* [Lyrics by Osip Mandelstam]. Kiev, Nika-Tsentr, El'ga-N. 560 p.
- Nerler, P. M., Lekmanov, O. A. (Eds.). (2017). *Mandel'shtamovskaya entsiklopediya: v 2-kh t.* [Mandelstam Encyclopedia, in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 489 p.
- Pushkin, A. S. (1960). Evgenii Onegin [Evgeny Onegin]. In *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 4*. Moscow, GIKhL, pp. 5–200.
- Raaben, L. N. Violy [Violas]. In *Klassicheskaya muzyka, opera i balet*. URL: <https://www.belcanto.ru/violi.html> (mode of access: 01.03.2021).
- Shtempel', N. E. (1992). *Mandel'shtam v Voronezhe: Vospominaniya* [Mandelstam in Voronezh: Memories] / ed. by D. P. Zaslavsky, V. N. Gydova. Moscow, Mandel'shtamovskoe obshchestvo. 146 p.
- Tsvetaeva, M. (1990). *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetry and Poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 800 p.
- Zhukovsky, V. A. (1959). *Sobranie sochinenii: v 4-kh t.* [The Complete Works, in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, GIKhL. 490 p.

Данные об авторе

Гутрина Лилия Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: gutrina@bk.ru.

Author's information

Gutrina Liliya Dmitrievna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Literature and Its Teaching Methods, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 29.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 29.03.2021; date of publication: 30.06.2021

ТРАЕКТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX–XXI вв.

УДК 821.161.1-31(Толстой Л. Н.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-12.
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44. ГРНТИ 17.07.41. Код ВАК 10.01.01

УСАДЬБЫ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»: ОТ ОБЛИЧЕНИЯ РОСКОШИ К ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Андреева В. Г.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)
Костромской государственный университет (Кострома, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

А н н о т а ц и я . Автор статьи фактически впервые в литературоведении обращается к образу усадьбы в позднем художественном творчестве Толстого, показывая динамику взглядов писателя на усадебную жизнь, образ идеальной усадьбы, который для Толстого всегда был связан с мотивами труда, семейной жизни, правильного отношения к народу и др. Отмечается, что в 1880–1910 гг. усадебная тема напрямую соотносится в представлении Толстого с проблемами земельной собственности, правильного хозяйствования, а также верного и поэтапного пути личности и ее духовного роста.

В романе Л. Н. Толстого «Воскресение» образ усадебной жизни реализуется в двух контрастных вариантах: роскошного существования высшего света и аристократии, не поддерживаемой никаким содержанием, и трансформирующейся к новому облику трудовой жизни интеллигенции и помещиков на земле. Демонстрируются присутствующие в художественном мире романа факты оскудения усадебной жизни рубежа XIX – XX вв. Доказывается, что ключевая в произведении идея неразрывной связи человека с окружающими его людьми, с народом напрямую связана с осмыслением Толстым изменения форм усадебной жизни, важной и дорогой для самого писателя. Большое значение в романе обретает осознание героями естественной жизни, которая представлена по контрасту с цивилизацией, отступающей от основных законов любви и добра. На основании аналитического сопоставления черновиков романа и итогового текста обосновывается значимость усадебной темы для понимания чувств главного героя и его внутренней работы, для организации эпического художественного мира романа. Иллюстрируются этапы диалектического движения Дмитрия Нехлюдова, связь усадебной и семейной тем. В статье переосмысливается ряд эпизодов романа, получивших в науке спорные толкования, выявляются художественные скрепы, соединяющие различные главы произведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. Н. Толстой; дворянство; народ; усадьба; земельный вопрос; динамика героя; цивилизация; семейная тема; эпический масштаб.

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Андреева, В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле / В. Г. Андреева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 144–154. – DOI: 10.51762/1FK- 2021-26-02-12.

ESTATES IN LEO TOLSTOY'S NOVEL "RESURRECTION": FROM DENOUNCING LUXURY TO LIFE ON LAND

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Kostroma State University (Kostroma, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. For the first time in literary criticism, the author of the article turns her attention to the image of the estate in Tolstoy's later artistic work, showing the dynamics of the writer's views on estate life, the image of an ideal estate, which for Tolstoy was always associated with the motives of work, family life, proper attitude towards the people, etc. It is noted that in 1880–1910, the estate theme in Tolstoy's creative imagination was directly related to the problems of land ownership, proper management and correct and gradual path of the individual and their spiritual growth.

The picture of estate life in Leo Tolstoy's novel "Resurrection" is realized in two contrasting versions: luxurious existence of the upper class and the aristocracy, not supported by any content, and transforming into a new image of the working life of the intelligentsia and landowners on the land. The author demonstrates the facts of impoverishment of estate life at the turn of the 19th–20th centuries, which are introduced in the artistic world of the novel. It is proved that the idea in the work of inseparable connection of a person with the people around him and with humanity at large, which is the key conception of the novel, is directly related to Tolstoy's understanding of the change of the forms of estate life, important and dear for the writer himself. Of great importance in the novel is the awareness of the characters of natural life, which is presented in contrast to civilization, which deviates from the basic laws of love and goodness. On the basis of an analytical comparison of the drafts of the novel and the final text, the author substantiates the importance of the estate theme for understanding the feelings of the protagonist and his inner life, for organizing the epic artistic world of the novel. The article illustrates the stages of the dialectical movement of Dmitry Nekhlyudov and the connection between the estate and family themes. The author rethinks some episodes of the novel that have received controversial interpretations in science and reveals the artistic links that connect different chapters of the work.

Key words: Leo Tolstoy; nobility; people; estate; land issue; hero dynamics; civilization; family theme; epic

Acknowledgments: research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within scientific project No. 20-012-00102.

For citation: Andreeva, V. G. (2021). Estates in Leo Tolstoy's Novel "Resurrection": from Denouncing Luxury to Life on Land. *In Philological Class.* Vol. 26. No. 2, pp. 144–154. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-12.

Усадебная тема, проблема правильного хозяйства в творчестве Л. Н. Толстого является одной из основных, поскольку именно к форме лучшего усадебного устройства всю жизнь стремился сам писатель, начиная со времени ухода из университета и определения плана собственного развития и будущего хозяйствования и до первого десятилетия XX в. – после произошедшего с ним мировоззренческого перелома Толстой не раз задумывался о наиболее правильном изменении форм жизни на земле.

Однако при всей значимости указанной темы в литературоведении до сих пор отношение Толстого к усадебной жизни остается недостаточно освещенным: в особенности это касается позднего периода творчества писателя. Конечно, толстоведы не могут пройти мимо осмысления места Ясной Поляны в судьбе писателя, а вместе с тем и образа жела-

емой лучшей жизни дворянина, русского интеллигента. Усадебной теме в творчестве Толстого 1850–1870-х гг. посвящены интересные работы Е. В. Подарцева [Подарцев 2008, 2010]. Одной из задач исследователя стало стремление «проследить эволюцию в описании усадеб в произведениях Толстого, начиная с раннего творчества („Детство“, „Утро помещика“, „Семейное счастье“) и заканчивая более поздними произведениями („Война и мир“, „Анна Каренина“). Однако на фоне существования множества мемуарных источников и рассказов близких людей Толстого о его реальном бытии, образ усадебной жизни в художественном творчестве писателя 1880–1910 гг. фактически не изучен.

Долгое время внимание ученых было приковано к рассмотрению идей позднего Толстого, его протестных настроений, позиции проповедника, нашедшей отражение не толь-

ко в публицистике Толстого, но и в его поздних художественных произведениях. Однако для последних были характерны удивительные прозрения писателя, модели жизни и поведения, реализованные в образах и при этом лишенные толстовских противоречий и крайностей.

Примеры усадебной жизни в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1899) имеют большое значение в целой системе противопоставлений: прошлое и настоящее героя, естественная и искусственная жизнь, природный мир и условности света. Они включены в сложную систему размышлений Толстого о формах нового бытия. С одной стороны, читатель чувствует, что дорогое самому писателю усадебное прошлое притягательно, что Толстой тесно связан с помещичьей жизнью; с другой стороны, старому быту более не находится места, своего героя Дмитрия Нехлюдова Толстой выводит в большой мир, подводя к отказу от светской роскоши. Выход к широте эпического романа предполагал идею открытости, отсутствия обособленности, характерной для прежних форм помещичьего существования. Именно поэтому переосмысление образа жизни героя и его отказ от эгоизма тесно связаны с жанровой природой романа: осознавая себя подчиненным воле Хозяина, Нехлюдов перестает на первое место ставить свой интерес, с которым у него долгое время были связаны ощущения прежнего барского времяпрепровождения.

Одна из ключевых идей романа – идея неразрывной связи человека с окружающими людьми, с народом – у Толстого напрямую связана с трансформацией форм прежней жизни помещиков. Л. Н. Летагин отметил, что во второй половине XIX в. в предметном обращении к «усадебному тексту» происходит закономерное смещение ценностных акцентов: «Ключевой элегической темой выступают отблески „идиллического прошлого“, его „отражения“, „отголоски“, „покой запустения“, а вместе и наряду с этим – образная стилизация реального оскудения. Именно в том, что дворянская усадьба перестает восприниматься фактом актуального настоящего, кроется причина ностальгического к ней интереса, именно потому она становится символическим воплощением всего безвозвратного прошлого»

[Летагин 2020: 29]. Но в романе Толстого все неоднозначно. Воскресающий на глазах читателя Дмитрий Нехлюдов порывает со своим кругом, даже с семьей сестры Наташи, отдает землю крестьянам. Несмотря на тот факт, что Нехлюдов становится «путешественником», *не имеющим дома*, но ощущающим неразрывную связь со всем народом, образ последнего в его сознании неизменно связан с усадебным прошлым, которое должно воскреснуть в новых формах.

В хронологической последовательности в романе все начинается в усадьбе (тетушек Нехлюдова), а в завершении произведения мы видим еще одну городскую усадьбу сибирского генерала, контрастирующую с тюрьмами и напоминаящую главному герою о забытых семейных ценностях. Читатель видит Нехлюдова переживающим процесс нравственного преобразования, однако в фазе изменений герой не может быть долго. Толстой оставляет Нехлюдова на пороге строительства будущего, но наделяет его простыми человеческими желаниями: «Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни», – мелькнуло у него в голове [Толстой 1928–1958, т. 32: 431].

Некоторые исследователи творчества Толстого считают, что эта фраза показывает слабость Нехлюдова, его уклонение от правильного пути духовного роста, на который он встал. Однако это не так: у Толстого движение к миру невозможно без личного счастья, без осознания полноты и целостности своей жизни. Б. И. Берман справедливо называет стремление к счастью непосредственным мотивом творчества Толстого, «движущим принципом космоса Толстого»: «Это главное побуждение героев Толстого. Это стержень толстовского мира, вокруг которого все выстраивается, это его загадка, для разрешения которой он и творится» [Берман 1992: 38].

Лучшие образцы семейной жизни и жизни у земли в представлении Толстого были прочно связаны именно с личным хозяйством. Эта ситуация не изменяется и в «Воскресении», несмотря на пореформенные трансформации и тот факт, что земельная собственность отрицается и самим автором, и его героем. Уместно здесь вспомнить одно из ранних писем Толстого к Валерии Арсе-

ньевой, которую молодой писатель пытался воспитывать и наставлять. В послании к Валерии от 23–24 ноября 1856 г. Толстой подчеркивает необходимость уединения. Описывая семью Храповицких (желаемый им образец семьи), писатель отмечает важность избирательного общения: «Деревня должна быть уединением и занятием, про которые я писал в предпоследнем письме, и больше ничего, но такой деревни Вы не выдержите, а тульские знакомства порождают провинциализм, который ужасно опасен. <...> Нет-с, матушка, Храповицкие или никого не будут видеть, или лучшее общество во всей России, т. е. лучшее общество не в смысле царской милости и богатства, а в смысле ума и образования» [Толстой 1928–1958, т. 60: 122–123]. Хотя здесь еще толстовский идеал семейной жизни предполагает уединенное существование с избирательным общением.

В «Воскресении» усадебная тема напрямую связана не только с переоценкой ценностей главного героя, но и с выбором Нехлюдовым спутницы жизни, с мотивом труда. В ранних черновых материалах к роману Толстой продумывал финал, согласно которому Нехлюдов и Катюша соединили свои судьбы, сначала жили в России, пытаясь работать, а потом, после начавшихся преследований Нехлюдова, писавшего о земельной собственности, уезжали в Лондон. И герой заранее пытался просчитать, на какие средства они будут существовать: «И это затруднение разрешилось тут же. В имении был дом и картофельный завод. Он не знал, что делать и с тем и с другим. И тут появился покупатель на завод и дом, и то и другое на своз, за который ему заплатил 12 тысяч» [Толстой 1928–1958, т. 33: 88]. Как в указанном отрывке, так и в итоговом тексте романа читатель констатирует процесс оскудения усадебной жизни, но в окончательном произведении он показан на фоне общего тяжелого положения народа и роскоши небольшого количества людей, пользующихся всеми возможными благами.

Комментаторы романа уже не раз отмечали, что начало первых редакций произведения казалось писателю неудачным: выигрышным оно стало, когда Толстой начал действие не с изображения утра Нехлюдова, а с городского пейзажа и описания Катюши

Масловой [Гудзий]. Толстой в самых первых черновых набросках уделял большее внимание образам тетушек и их имению, где герой познакомился с Катюшей: Марья Ивановна и Катерина Ивановна Юшкины «старые богатые девицы, жившие в своем имении под губернским городом» [Толстой 1928–1958, т. 33: 3]. Писатель отмечал в черновиках как крепостнический характер тетушек Нехлюдова, так и склонности молодого человека к легкой и красивой жизни: «Он 4 года тому назад кончил курс в университете и с тех пор, в особенности по смерти отца, когда он получил в руки имение, жил, наслаждаясь прелестями жизни богатого, независимого человека высшего круга» [Толстой 1928–1958, т. 33: 3]. Однако Толстой сразу делает своего героя искренним и не склонным к расчету: в черновиках тетушки оставляют племяннику имение, так как дела его расстроены, но молодой человек и не думает об этом наследстве.

Все эти незначительные факты касались только первой незаконченной редакции романа – самых ранних набросков. В итоговом тексте события, происходящие в имениях героя, тщательно продуманы. Толстой проводит Дмитрия Нехлюдова вновь своим излюбленным путем тезиса, антитезиса и синтеза. Герой в юности отдает небольшое имение отца крестьянам, так как он считает предосудительным владение землей. Но Толстой не просто показывает дальнейшее изменение героя, принимающего сторону светского общества, он констатирует, что этот путь был неизбежен не только в силу влияния среды, но и в силу неосознанности Нехлюдовым своего пути.

Усадебная жизнь в произведении оценивается очень неоднозначно: в художественном мире эпического романа, где речь идет о выживании голодающего народа, поэтизация сельских или городских усадеб была бы, конечно, неуместна. На протяжении всего романа реализуется мысль Толстого об удалении человека от естественной жизни. Как понимает читатель, именно усадебный быт мог дать благотворные примеры возвращения к правильному и гармоничному существованию на земле: не случайно образ земли становится одним из ключевых в романе [Андреева 2020].

Значимой в «Воскресении» является сцена, в которой Нехлюдов фактически впервые

после долгого пребывания в городе приезжает в свои имения. Поездка эта связана с желанием героя освободиться от земельной собственности, которая начинает тяготить возрождающегося к правильной жизни Нехлюдова. Причем Толстой не показывает этого, но внимательный читатель понимает, что по пути в свои имения Нехлюдов думает не о крестьянах, а только о том, что владеть землей нехорошо и неправильно. Но по приезде в имения, особенно в меньшее, Паново, герой осознает всю тяжесть бедственного положения народа. Писатель мастерски выстраивает противопоставление между сытым Нехлюдовым, отвечающим на вопрос приказчика: «Я не голоден» [Толстой 1928–1958, т. 32: 208] и всем крестьянством, перебивающимся скудной пищей: «Кушать? – смеясь, сказал старик. – Кушанье наше не хитрое. Покажь ему, старуха» [Толстой 1928–1958, т. 32: 211] или вовсе голодающим: «Как живу? Побираюсь, – сказала Анисья и заплакала» [Толстой 1928–1958, т. 32: 216].

Толстой описывает ситуацию, в которой проблема может быть решена только изменением отношения даже не к собственности, как об этом первоначально думает Нехлюдов, а к окружающим людям. Усадьбная жизнь, по Толстому, умирает именно потому, что на место возможных *рачительных хозяев* приходят *равнодушные управляющие*. Так, извозчик рассказывает Нехлюдову об управляющем в его имении, «шикарном немце»: «Награбил денег – страсть! Чего ему: вся его власть. Сказывают, хорошее имение купил» [Толстой 1928–1958, т. 32: 200]. А также потому, что у народа нет возможности жить на родной земле, которая отдается купцам и продается иностранцам. «У нас француз владеет, у прежнего барина купил. Не сдает – да и шабаш» [Толстой 1928–1958, т. 32: 240], – заявляет Нехлюдову извозчик.

Забывший о крестьянах, живущих на его земле и обрабатывающих эту землю, Нехлюдов даже в свои приезды в имения не поймет ошибки – он осознает ее позднее, на пути в Сибирь, в вагоне третьего класса: «Сделалось все это оттого, что все эти люди – губернаторы, смотрители, околоточные, городовые – считают, что есть на свете такие положения, в которых человеческое отношение с человеком

не обязательно» (курсив мой – В. А.) [Толстой 1928–1958, т. 32: 349–350].

Пробуждение Нехлюдова совершилось, но его преобразование не может произойти в один момент, и причиной этого являются как раз те формы жизни, которые закономерно его удерживают. Герой не только вынужден будет осознать свою ошибку и неправильное отношение к людям (хотя об этом он прямо не говорит именно потому, что пытается исправиться), но и постараться изменить жизнь в бытовом плане. В финале романа Толстой не случайно говорит о «новых условиях жизни Нехлюдова»: по сравнению с духовным прозрением они не так важны, но без этих изменений дальнейшее движение героя не было бы возможным.

«В русском романе XIX века проблема поиска положительного героя-помещика в первую очередь была обусловлена вопросом о взаимоотношениях его с крестьянством. ...Эффективное управление имением, практическая реализация на своей земле конкретных нововведений, облегчение участи крестьянства определяли представления русских писателей о долге помещика и дворянина», – отмечает А. Ю. Саркисова [Саркисова 2017: 138]. У Нехлюдова на протяжении долгого времени на первое место выдвигаются не люди и не дело, а собственная персона. В черновиках к роману есть несколько интересных рассуждений героя по поводу передачи земли крестьянам. Вот, к примеру, Нехлюдов задумывается о средствах, которые ему могут потребоваться в случае женитьбы: «Отдать Рязанскую землю мужикам, надо отдать и Нижегородскую и Самарскую и остаться ни с чем. Все это хорошо было тогда, прежде, когда я был один, довольствовался малым и мог зарабатывать, что мне нужно, но теперь другое дело: не могу я отдать свои имения и, женившись, пользоваться ее состоянием» [Толстой 1928–1958, т. 33: 29].

Приезжающий в свои имения герой, решающий пожертвовать частью дохода и облегчить участь крестьян, ожидает, что его встретят как благодетеля, однако мужики воспринимают предложения барина настоятельно, да и несколько иронично; почти в форме торга представляет писатель диалог Нехлюдова и крестьян:

«Так как же насчет земли? Желаете ли вы? И какую цену назначите, если отдать всю землю?»

Товар ваш, вы цену назначьте» [Толстой 1928–1958, т. 32: 199].

Не раз в разговоре делается акцент на владении Нехлюдовым землей. Читатель романа прекрасно понимает, что *один* Нехлюдов не сможет решить ни земельного вопроса, ни проблемы непреодолимой пропасти между бариним и мужиками, возникшей в силу искажения истинной усадебной жизни, при которой помещик является настоящим хозяином, вникающим во все дела и максимально поддерживающим работающих на него людей.

В поздний период творчества Толстой считал земельный вопрос одним из основных. Писатель активно распространял учение Генри Джорджа (американский политэконом полагал, что причины обнищания народа заключаются в увеличении земельной ренты). Земельному вопросу уделено огромное внимание и в публицистике Толстого 1900-х гг. Проблема нехватки земли у народа рассматривается Толстым в статье «Где выход?» (1900): «А земли у работающего крестьянина или вовсе нет, или мало, так мало, что она не прокормит его с семьей. Так что либо умирай с голода, либо бери землю, которая тут же под дворами...» [Толстой 1928–1958, т. 34: 208]. А в статье «Великий грех» (1905) Толстой демонстрирует эпический масштаб бедствия народа, связанный именно с недостатком земли [Толстой 1928–1958, т. 36: 206–210]. Этот же эпический масштаб видим мы в романе «Воскресение», и усадебный текст оказывается структурно и содержательно связанным с жанровой широтой произведения. Множество сцен романа, посвященных усадебному быту, подчинены продвижению идеи осознания окружающего мира даже не собственностью всего человечества, а общим домом с садом и прочими угодами и постройками, где есть работники и руководящий всем Хозяин.

Нехлюдов видит в людях из народа немало пороков, но в тех случаях, когда это не страшные преступления, а человеческие слабости, писатель неизменно ставит рядом мотив сложной, а порою и невыносимой трудовой жизни. Как и в ситуации с оценкой аристо-

кратии, на первый взгляд, несколько предвзято представленной на основании намеренно отобранных примеров, а на самом деле, оцениваемой с позиции объективной, Толстой и в оценке крестьянства старается быть максимально правдивым. На определенном этапе Нехлюдов оказывается на своей родной русской земле *путешественником*: «И он испытал чувство радости путешественника, открывшего новый, неизвестный и прекрасный мир» [Толстой 1928–1958, т. 32: 361]. Это сравнение, повторяемое в романе несколько раз, не случайно: Нехлюдов смотрит на все глазами *непредвзято оценивающего человека*.

В художественном мире романа черты усадебного топоса важны для понимания чувств героя и его внутренней работы. В первом и большом имении Кузьминское Нехлюдову суждено пережить «искушение властью и собственностью» перед решительной передачей земли мужикам в найм: «Ему вдруг жалко стало и дома, который развалится, и сада, который запустится, и лесов, которые вырубятся, и всех тех скотных дворов, конюшен, инструментных сараев, машин, лошадей, коров...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 202]. Обратим внимание, что указанная сцена с описанием жалости Нехлюдова по отношению к своему имуществу была в черновиках к роману, причем Нехлюдов достаточно быстро менял свою позицию: «Прежде ему бы было обидно думать, что мужику Беляеву достанутся эти кресла красного дерева с золочеными лирами и такие же стол и шифоньерка с брюхом и с бронзовыми львиными головами, держащими кольца; теперь все это отошло куда-то далеко-далеко назад, впереди было открытое, радостное, полное несомненного дела будущее...» [Толстой 1928–1958, т. 33: 89]. Однако писатель чутко уловил, что для прозрения Нехлюдову нужно было выйти за границы комфортной жизни не только мысленно, но и физически, созерцая страшное народное бедствие.

Ю. В. Лебедев считает, что этот эпизод с колебаниями Нехлюдова по поводу земли можно считать художественно правдивым по отношению к самому герою, но идущим вразрез с замыслом писателя: «Толстому хочется доказать, что в душе Нехлюдова, ощутившего в своей душе Бога, свершилось торжество

духовных начал. Его усовершенствование не нуждается в благодатной поддержке и движется к оптимистическому финалу. Однако художественная реальность требует от автора жизненной правды. И Толстой изменить этой правде не может» [Лебедев 2020: 49]. По нашему мнению, этот эпизод с сомнениями, наоборот, раскрывает поэтапное преобразование героя, который не может слишком быстро избавиться от светских мнений, привычек и оценок. Толстой в данном случае остается верен и самому себе, и пониманию природы человека. Писатель показывает, что для прозрения Нехлюдов должен пережить все прежние впечатления, связанные со временем его пребывания в усадьбе Паново. Вопреки многим крайностям Толстого-публициста, Толстой-писатель в данном случае прав: вставшему на путь преобразования Нехлюдову еще очень многое нужно понять и почувствовать.

Разницу между идеями и надеждами героя и его реальными возможностями хорошо показывает сцена с насекомыми. Писатель перемежает высокие размышления Нехлюдова и его наблюдения за окружающим, открывающие почти натуралистические подробности быта:

«Нехлюдов вернулся в горницу, разделся и лег в постель не без опасения о клопах, присутствие которых заставляли подозревать оторванные грязные бумажки стен.

„Да, чувствовать себя не хозяином, а slugой,“ – думал он и радовался этой мысли.

Опасения его оправдались. Только что он потушил свечу, его, облипая, стали кусать насекомые.

„Отдать землю, ехать в Сибирь, – блохи, клопы, нечистота... Ну, что ж, коли надо нести это – понесу.“ Но, несмотря на все желание, он не мог вынести этого и сел у открытого окна...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 226].

Обратим внимание на тот факт, что наступающее прозрение связано у Нехлюдова с ощущением счастья, которое, в свою очередь, возрождает в памяти героя лучшие мгновения искренней и чистой любви: «Это была для него радостная, счастливая ночь. Воображение возобновило перед ним впечатления того счастливого лета, которое он провел здесь невинным юношей...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 225]. В этом эпизоде Толстой фактически не

упоминает о Катюше, потому что герой психологически отталкивается от воспоминаний, причиняющих ему боль: «Нехлюдов вышел во двор и хотел идти в сад, но вспомнил ту ночь, окно в девичьей, заднее крыльцо – и ему неприятно было ходить по местам, оскверненным преступными воспоминаниями» [Толстой 1928–1958, т. 32: 228]. Но для читателя прочно соединяются воедино образ счастья, сад, усадебная тема и, конечно, образ женщины – связь указанных компонентов у Толстого подробно рассматривает К. А. Нагина. Исследовательница отмечает: «Этапы воскресения Нехлюдова осеяны садом. Чувство стыда и „отвращения к самому себе“, осознание роковых последствий поступка с Катюшей приводят персонажа к „чистке души“. И как знак истинности того пути, по которому он теперь собирается идти, ему вновь открывается сад, открывается таким, каким он видел его в ранней юности» [Нагина 2011: 14]. Напомним, что сцена с пребыванием героя в саду повторяется дважды, причем сад, в отличие от всех построек в Паново, не оскудевает, а разрастается: «Крыльца – оба, переднее и особенно памятное ему заднее, – сгнили и были разломаны, оставались только перемены; окна некоторые вместо стекла были заделаны тесом, ...все было ветхо и серо. Только сад не только не обветшал, но разросся, сросся и теперь был весь в цвету...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 218].

В Паново «картина разрушения помещичьего гнезда прерывается видом ликующей природы и здорового, ушедшего корнями в землю труда крестьян вблизи развалившегося барского дома» [Жданов 1960: 348]. Толстой в «Воскресении» не идеализирует крестьянского труда, писатель показывает острую необходимость пересмотра всех прежних форм бытия. Нехлюдов отказывается от жизни в имени именно потому, что этого требуют новые условия и путь к эпической широте народного мира. Образ возрождающейся земли, представленный в XI главе второй части романа, открывает Нехлюдову настоящий смысл естественной жизни [Андреева 2020: 223].

Уместно в данном случае обратить внимание на эпизод, присутствующий в черновиках и раскрывающий судьбу Нехлюдова и Катюши. По одной из предполагаемых писателем развязок романа, Нехлюдов женил-

ся на Масловой, потом в качестве арестанта следовал за Катюшей, а в Троицкосавске он с женой оставался в предместье города: «...огородом и садом он мог заниматься мало и передал это дело работнику и жене. Катюша со времени поселения своего, кроме домашнего хозяйства, много читала и училась и, поняв дело своего мужа, помогала ему и гордилась им. ...Он должен был добывать себе средства жизни, что он и делал, садом и огородом и статьями в русских и заграничных изданиях» [Толстой 1928–1958, т. 33: 93]. В описании Толстой не раз упоминает сад и огород, причем в эпизоде явно заметны противоречия: сначала писатель констатирует, что устройство сада и огорода не удалось Нехлюдову в той мере, как он это планировал, далее описывает сад и огород как источники пропитания и заработка семьи. Толстой прекрасно чувствовал происходящие в обществе процессы, но в романе и черновиках к нему несколько подравнивал действительно начинавшиеся перемены под собственное видение: идеалом писателя продолжала оставаться жизнь на земле.

В финале итогового текста Толстой показывает своего героя на пороге новой жизни, причем в одиночестве, без любимой женщины. Образ сада в финале переходит в духовно-нравственный, неосязаемый план, приобретает вселенский масштаб: «Виноградари вообразили себе, что сад, в который они были посланы для работы на хозяина, был их собственностью...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 444]. Писатель не конкретизирует формы дальнейшей жизни Нехлюдова, но намечает, что еще потребуются найти герою для осуществления его мечты о счастье.

К. А. Нагина очень интересно комментирует сон Нехлюдова, особенно факт превращения немца-управляющего в Маслову: «Превращение немца-управляющего в Катюшу Маслову демонстрирует потребность Нехлюдова в целостном образе мироздания; он прозревает смысл бытия: каждое отдельное существо – это лишь часть целого, и прежде чем открыть собственное „я“, нужно постичь свою тождественность с другими» [Нагина 2011: 15]. Действительно, в этом превращении можно найти и центральную для всего романа идею соотношения всех людей, однако перевоплощение это стоит понимать и более прямо:

время управляющего в имении Нехлюдова, да и вообще управляющих уходит – на место жизни помещичьего типа должно прийти, по мнению Толстого, хозяйство одной семьи (вспомним яснополянские проекты Толстого, его труд с мужиками и привлечение собственных детей к физической работе).

В художественном мире «Воскресения» важно, что главный герой нигде не служит, а его роскошная жизнь в начале романа поддерживается доходами с имений. Н. В. Фролова отмечает, что «русское поместное дворянство, будучи разобценным по местам расселения», «в большинстве своем всячески стремилось к активной общественной деятельности, считая ее почетным долгом дворянина» [Фролова 2017: 133]. Но Нехлюдов лишь со стороны узнает новости о земской деятельности, не принимая в ней никакого участия. В этой полной пассивности он, с одной стороны, уподобляется Толстым светскому миру (в начале романа), с другой стороны, отчасти выражает и позицию неделания – неприятия существовавшего порядка вещей.

Кроме указанной линии трансформации усадебной жизни в романе «Воскресение» очень сильна линия отрицания роскоши усадебного быта чиновников и дворян, проживающих в Москве и Петербурге. Только после поездки в свои имения Нехлюдов видит город в новом свете, извращающем человеческую природу обманом: «Одни из этих людей сумели воспользоваться городскими условиями и стали такие же, как и господа, и радовались своему положению, другие же стали в городе в еще худшие условия, чем в деревне, и были еще более жалки» [Толстой 1928–1958, т. 32: 234].

В художественном мире романа Толстого атмосфера городского усадебного дома (еще со времен романа-эпопеи «Война и мир») определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми. И писатель показывает, что последние порою ведут себя не по-хозяински, а как гости. Линию усадеб городского типа, которые Нехлюдов посещал ранее и вынужденно посещает, ища справедливости по делу Масловой, открывает дом Корчагиных (в черновиках упоминался дом Кармалиных на Покровке). Все в этом доме роскошно, дорого и ненатурально, все потеряло истинно

русский усадебный колорит, начиная от «бесшумно двигавшейся на английских петлях дубовой двери подъезда» [Толстой 1928–1958, т. 32: 89] и заканчивая лежачей хозяйкой. В художественном мире романа очень важно, что Нехлюдов в гостях у знакомых дворян почти каждый раз испытывает двойственное чувство: ему приятно находиться в семейных гнездах, но вслед за этим герой быстро разочаровывается, когда видит, что в стенах одного дома часто живут чужие люди, объединенные лишь формально.

В доме адвоката Масленникова целью хозяйки являются блестящие приемные дни, причем до уровня светской болтовни и зловония опускаются все гости, даже «очень важный военный гость» [Толстой 1928–1958, т. 32: 188], которого Нехлюдов встретил в передней Масленникова. Но максимум роскоши городской усадебной жизни Нехлюдов созерцает в Петербурге. Н. Г. Михновец точно подмечает парадокс, относящийся к петербургскому дискурсу в романе «Воскресение»: «Подчеркнутая субъективность и даже тенденциозность автора – есть следствие стремления романиста воссоздать жизнь столицы в ее глубинной сущности: „живая жизнь“, как представляется Толстому, выхолащивается вследствие разрыва с жизнью многомиллионного народа. ...Подчеркнуто субъективное авторское освещение петербургской жизни парадоксальным образом становится залогом изображения объективной картины» [Михновец 2020: 137]. Толстой подробно не останавливается на домах и усадьбах Чарских, Mariette и ее мужа, Вольфа, Топорова, он показывает людей и ощущение многочисленных параллелей и знакомств между ними. Но в отличие от центральной идеи романа, согласно которой важнейшей ценностью является соединенность человека со своим народом, эти светские знакомства обуславливают тонко выстроенную систему поддержки обманного порядка жизни. Толстой описывает впечатление Нехлюдова от города, в котором общая атмосфера ухоженности и внешней чистоты, максимально продуманных формул и взаимовыгодной жизни скрывает не просто пустоту, но подлость его обитателей. Не случайно Mariette живет в доме на канаве, а барон Воробьев – в великолепном казенном доме.

Очень примечательно Толстой описывает переезд Корчагиных из своего подгородного имения к сестре княгини по Нижегородской дороге. Глазами Нехлюдова писатель подробно осматривает целую процессию с участием членов семьи Корчагиных, причем хозяйку несут в кресле, окутанную воздушным покрывалом. Но после пространного описания всех участников процессии автор показывает, намеренно не упоминая членов семьи Корчагиных, что от них ничего фактически не зависит в этом перемещении: «Шествие носильщиков, горничной и доктора проследовало в дамскую комнату...» [Толстой 1928–1958, т. 32: 345].

Заключительные главы являют очередной контраст, которых немало на страницах романа. Из нечеловеческих условий тюрем Нехлюдов попадает в обстановку семейного счастья в доме сибирского генерала. Наблюдая за молодой семьей дочери генерала и вспоминая дно жизни, герой переоценивает для себя понятия «изящного» и «чистого». Для Нехлюдова теперь не представляет ценности изящество высшего света и противоречащая духовному развитию чистота Петербурга, эти понятия связываются для него с обликом семьи: «И ему стало завидно и захотелось себе такого же изящного, чистого, как ему казалось теперь, счастья» [Толстой 1928–1958, т. 32: 430].

По всей видимости, создавая финал романа «Воскресение», Толстой пока не представлял иной формы жизни в имении, нежели та, какую он вел сам в усадьбе Ясная Поляна или в Хамовническом доме в Москве. В городском доме сибирского генерала внешне все очень похоже на дорогой сердцу Нехлюдова (да и самого автора романа) усадебный быт. В далекой Сибири перед нами возникает пример почти московского усадебного дома, и Нехлюдову очень приятны не только красивая обстановка, рояль, учтивость хозяев, но и новое содержание усадебной жизни, связанное с целеустремленностью и хозяйственностью людей, населяющих эту землю.

Не случайно в гостиной сибирского генерала появляется новый герой, соединяющий лучшие качества мужика и дворянина: «Молодой купец-золотопромышленник, сын мужика, в сшитой в Лондоне фрачной паре с бри-

Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле

Letyagin, L. N. (2020). Sud'ba usadebnogo naslediya [The Fate of the Estate Heritage]. In Bogdanova, O. A. (Ed.). *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm*. Moscow, IMLI RAN, pp. 26–41.

Mikhnovets, N. G. (2020). Roman L. N. Tolstogo kak epicheskii: avtorskii podkhod k izobrazheniyu faktov sovremenosti i ikh otsenka [The Novel “Resurrection” by Leo Tolstoy as an Epic – the Author’s Approach to the Image of Facts of Contemporaneity and Their Appraisal]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 26. No. 2, pp. 132–138. DOI: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-132-138>.

Nagina, K. A. (2011). «Ideya sada» v tvorchestve L. Tolstogo: ot «Kazakov» v «Voskreseniyu» [“The Idea of a Garden” in the Works of L. Tolstoy: from “Cossacks” to “Resurrection”]. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. No. 4, pp. 8–17.

Podartsev, E. V. (2010). Russkaya usad'ba v proizvedeniyakh L'va Tolstogo [Russian Estates in the Works of Leo Tolstoy]. In *Literatura v shkole*. No. 5, pp. 16–20.

Podartsev, E. V. (2008). *Mir russkoi usad'by v tvorchestve L. N. Tolstogo* [The World of the Russian Estate in the Works of L. N. Tolstoy]. Dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, MPGU. 171 p.

Sarkisova, A. Yu. (2017). Predstavleniya ob obraztsovom pomeshchike v tvorchestve Dzh. Osten i I. S. Turgeneva [Representations of an Exemplary Landowner in the Works of J. Austen and I. S. Turgenev]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 3, pp. 133–141. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.3.133.

Tolstoy, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 t.* [Complete Works, in 90 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura.

Zhdanov, V. A. (1960). *Tvorcheskaya istoriya romana L. N. Tolstogo «Voskresenie»* [The Creative History of Leo Tolstoy’s Novel “Resurrection”]. Moscow, Sovetskii pisatel'. 452 p.

Данные об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия); профессор кафедры Отечественной филологии, Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а.
E-mail: lanfra87@mail.ru.

Author's information

Andreeva Valeria Gennad'evna – Doctor of Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Professor of Department of Domestic Philology, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

Дата поступления: 15.02.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 15.02.2021; date of publication: 30.06.2021

А. М. РЕМИЗОВ И ФОЛЬКЛОР: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нагорная Я. В.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-2462>

Аннотация. В работе представлен критический обзор научных исследований по теме «Фольклорно-литературное взаимодействие в творчестве А. М. Ремизова», опубликованных на русском языке. Изучение заявленной темы ведется, преимущественно, в русле литературоведения. Между тем, для писателя, известного своим стремлением к сохранению и новаторским отношением к традиционным литературным жанрам, фольклор является одним из доминирующих источников творчества. В настоящее время ремизоведение не располагает обобщающими работами о фольклоризме в творчестве писателя и о влиянии жанров устного народного творчества на его художественную систему, поэтому одна из задач статьи – вызвать научный интерес к проблеме и стимулировать дальнейшие исследования в этом направлении. В публикации дается краткая характеристика современного состояния изучения проблемы, обозначаются основные векторы рассмотрения и выявляются лакуны. Анализируются работы, посвященные разнообразным аспектам, позволяющим актуализировать ракурс рассмотрения творческого наследия с точки зрения фольклористики как таковой, в частности, посвященные типологии фольклоризма и мифологизма в творчестве писателя; уточнению круга фольклорных источников и особенностей работы с ними, авторской методологии, а также роли и функции авторских комментариев к миниатюрам «Посолони». Эти примечания к текстам возникли под влиянием литературного скандала, связанного с обвинением писателя в плагиате. Оценка событий вокруг этого инцидента ремизоведами и фольклористами не совпадает, в статье намечены перспективы дальнейших исследований. Подробно рассматриваются публикации, посвященные влиянию текстов календарной обрядности, духовных стихов, сказочной, заговорно-заклинательной традиции, народной драмы, детского фольклора и русских народных картинок на творчество писателя. Впервые выдвигается версия о возможном влиянии эстетики райка («Всемирной косморамы») на творчество Ремизова на примере сказочной повести «Что есть табак», в которой художественными средствами лубка и райка происходит переформатирование апокрифической модели. Проведенный анализ многочисленных исследований позволил определить, что в художественном творчестве писателя нашли отражение не только все многообразие фольклорных жанров, но и такие специфические его черты, как устность и вариативность. Результаты исследования могут быть использованы при построении истории русской литературы и фольклористики начала XX в., в исследованиях, посвященных фольклорно-литературному взаимодействию, популяризации и изданию произведений устной словесности.

Ключевые слова: ремизоведение; фольклоризм; фольклорно-литературное взаимодействие; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; русский фольклор; литературная обработка; фольклорные тексты.

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00007 «Наследие А. М. Ремизова в литературном процессе XX– XXI вв. Электронная научная система».

Для цитирования: Нагорная, Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: к вопросу о методологии исследования / Я. В. Нагорная. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 155–166. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13.

A. M. REMIZOV AND FOLKLORE: ON THE ISSUE OF RESEARCH METHODOLOGY

Yana V. Nagornaya

Institute of Russian Literature (the Pushkin House) Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-2462>

Abstract. The article presents a critical review of research works on the topic “Folklore-literary interaction in the creative activity of A.M. Remizov” published in Russian. The study of the topic has been conducted mainly within the framework of literary criticism. Meanwhile, for a writer known for his commitment to preservation and innovative approach to traditional literary genres, folklore is one of the dominant sources of creativity. Currently, Remizov studies cannot boast of generalizing works on folklorism in the writer's creative activity and on the influence of oral folk art genres on his artistic system, so one of the aims of the article is to attract scholarly interest to the issue and stimulate further research in this area. The publication gives a brief description of the

current state of research on the problem, identifies the main vectors of its consideration and reveals the academic lacunae. The author analyzes the works, which deal with the creative heritage from the point of view of folklore studies and address the problems of the typology of folklorism and mythologism of the writer, clarify the range of folklore sources and the specificity of working with them, as well as the role and function of the author's comments on the miniatures of *Posoloni*. These notes to the texts were created under the influence of a literary scandal related to the accusation of the writer of plagiarism. The assessment of the events around this incident by specialists in Remizov studies and folklorists does not coincide, the article outlines prospects for further research. The author undertakes a detailed description of the influence of the texts of calendar rite, spiritual verses, fairy tale, conspiracy-spell tradition, folk drama, children's folklore and Russian folk pictures on the writer's creative activity. For the first time, the author poses a hypothesis about the possible influence of the aesthetics of rayok ("World Cosmorama") on the work of A. M. Remizov by the example of the fairy-tale novella "What is Tobacco", which depicts the reformatting of the apocryphal model by artistic means of lubok and rayok. The analysis of numerous studies made it possible for the author of the article to conclude that the writer's creative activity does not only reflect the real diversity of folklore genres but also such specific features of them as oral format and variability. The results of the study can be used in the design of the course of the history of Russian literature and folklore studies of the beginning of the early 20th century, in the studies dealing with folklore-literary interaction, and in popularization and publication of folklore texts.

Key words: Remizov studies; folklorismus; folklore-literary interaction; Russian writers; literary creative activity; literary genres; Russian folklore; literary interpretation; folklore texts.

Acknowledgments: the study has been accomplished with financial support of the Russian Humanitarian Science Foundation (RScN) Grant No. 20-18-00007 "The legacy of A.M. Remizov in the literary process of the 20th–21st centuries. Electronic scientific system".

For citation: Nagornaya, Ya. V. (2021). A.M. Remizov and Folklore: on the Issue of Research Methodology. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 155–166. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-13.

Введение

Изучение темы «Творчество А. М. Ремизова и фольклор» имеет долгую и непростую историю, основные итоги которой представлены в монографиях Ю. В. Розанова «Фольклоризм А. М. Ремизова: источники, генезис, поэтика» и И. Ф. Даниловой «Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы)» [Розанов 2008: 8–14; Данилова 2010: 8–21]. Выходу в свет этих работ предшествовал значительный рост числа научных исследований, посвященных выявлению фольклорных основ художественного творчества писателя.

Комплексный характер научных изысканий в этой области, учитывающий в равной степени литературоведческий и фольклористический аспекты, представляется вполне логичным, поскольку результаты исследований важны для обеих наук. В принятой научной практике литературоведы и фольклористы большей частью подходят к изучению

влияния традиционной культуры на творчество писателя с разных точек зрения, используя инструментарий своей исследовательской сферы, в частности, выявление фольклорных мотивов, образов и сюжетов в авторских текстах. Применительно к творчеству Ремизова еще не разработана строгая система дефиниций, которая позволила бы раскрыть особенности использования писателем фольклорно-этнографического материала, не допуская вариативности в толковании терминов. Смешение понятий «фольклорно-литературное взаимодействие» и «мифопоэтика», игнорирование жанровых особенностей текста-источника и специфики фольклорной лексики в трудах ремизоведов нередко сводят исследовательскую задачу к односложному перечислению фольклорных и/или архетипических признаков авторского текста.

С другой стороны, недостаточное внимание фольклористов к историко-литератур-

ному и биографическому контексту творчества писателя в некоторых случаях приводит к научной полемике между представителями этих двух областей филологического знания. Примером могут служить расхождения в интерпретации событий вокруг литературного скандала, связанного с обвинением Ремизова в издании от своего имени двух текстов из сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» [Ончуков 2008]. Разница в трактовке откликов на инцидент, выдвинутая фольклористом Т. Г. Ивановой и историком литературы И. Ф. Даниловой, а также все детали рассматриваемого биографического сюжета проанализированы в монографии «Литературная сказка А. М. Ремизова (1900–1920-е годы)» [Данилова 2010: 99–125]. Несколькими годами позже Ю. Н. Розанов изложил свою версию в статье «Плагиат из фольклора: случай А. М. Ремизова» [Розанов 2015].

На наш взгляд, обращаясь к реакции собирателей на ремизовские переложения зафиксированных ими текстов, исследователи опускают тот факт, что сказка «Мышонок», записанная М. М. Пришвиным, и «Небо пало» – Н. Е. Ончуковым, подверглись литературной обработке в разной степени и с разной целью. Как отмечал М. М. Пришвин, создавая переложение текста, писатель не только изменял синтаксис и фонетику, но и воссоздавал образы и быт рассказчика, реконструируя местами утраченный смысл сказки [Пришвин 1909: 5]. Изменения, внесенные в миниатюру «Небо пало», сравнительно немногочисленны и, в основном, связаны с авторской интенцией психологизировать действия героев. Как отмечал Ремизов в письме в редакцию, «что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, в этом вся хитрость и мастерство художника» [Ремизов 2000: 608]. В откликах на литературный скандал критики, сличая эти миниатюры со сказками Ончукова, старались доказать идентичность текстов на уровне сюжета, образов и языковых средств, всячески нивелируя различия. Комплексное текстологическое исследование ремизовских художественных пересказов, проведенное в сопоставлении их с источниками, позволит выявить художественные приемы, превращающие фольклорную основу в литературный текст.

В монографии И. Ф. Даниловой намечен еще один ракурс изучения этого литературного скандала. По подсчетам исследовательницы в течение первой недели после выхода в свет статьи Мих. Мирова «Писатель или списыватель?» «появилось как минимум девять перепечаток и сообщений о ремизовском плагиате, опубликованных в столичной и провинциальной печати» [Данилова 2010: 103]. Анализ этих публикаций был проведен И. Ф. Даниловой с литературоведческой точки зрения [Данилова 2010: 99–125]. Обращение фольклористов к откликам провинциальных изданий может дать дополнительные материалы о восприятии массовым сознанием («средним читателем») различий между произведениями устной словесности и литературными текстами, а также особенностей процесса популяризации традиционной культуры на примере творчества Ремизова.

Основные подходы к типологизации фольклоризма и мифологизма творчества Ремизова

На современном этапе общей для всех исследований, выполненных в рамках данной проблематики, является тенденция, связанная с систематизацией и дифференциацией материала. В этой связи вопросы о модели использования устной поэзии и поэтики мифа являются основополагающими для дальнейших научных построений, связанных с изучением индивидуального стиля писателя, особенностей процесса творчества и эволюции художественного мышления. Проблема типологии фольклоризма Ремизова, несмотря на обилие научных трудов, посвященных частным вопросам использования фольклора, далека от окончательного решения. В настоящее время нам известны две работы, в которых затрагивается эта тема.

Одна из наиболее полных современных типологий фольклоризма, предложенная В. В. Головиным и О. Р. Николаевым, подразумевает четкое разделение понятий «мифопоэтика» и «литературно-фольклорное взаимодействие», при котором отношение к традиционной культуре всегда отчетливо проявляется в литературном тексте [Головин, Николаев 2013: 34]. Типологизируя функциональные поля литературно-фольклорного взаимодействия,

авторы относят книгу Ремизова «Посолонь» к прагматической модели «конструирование „космоса“ на основе фольклорно-мифологической традиции». Среди ее характеристик выделяются признаки традиционной мифологической картины мира: трехчастное строение космоса, «противопоставление центра мира и границы, оппозиция сакральное-мирское, чистое-нечистое, мифологические персонажи из русской традиции» [Головин, Николаев 2013: 34]. Согласно рассматриваемой концепции предложенную модель нельзя отнести ко всему творчеству писателя в целом, однако ее авторы не исключают, что этот вид фольклорно-литературного взаимодействия может оказаться доминирующим и в других произведениях. О. Р. Николаев и В. В. Головин представляют модель построения текста без анализа конкретных миниатюр, что в дальнейшем может стать предметом исследовательского интереса.

Одним из приемов описания творчества Ремизова с точки зрения фольклорно-мифологической основы является рассмотрение книг «Посолони» и «К Морю-Океану» через призму концепции о трех видах «поэтики мифологизирования» Е. М. Мелетинского, раскрытую в монографии «Поэтика мифа». Рассматривая особенности авторской работы с фольклорно-этнографическими источниками на примере образов растительного мира, В. Б. Колосова и С. Ю. Королева убедительно показали, что мифопоэтика писателя не подчиняется строго разграниченной типологии. Во-первых, она совмещает признаки основных трех способов конвергенции (интеллектуального, интуитивного и магического); во-вторых, основу художественного мифологизма Ремизова составляет фольклорная традиция в живом ее бытовании, использование книжных источников придает ему интеллектуальный характер. Вместе с тем в текстах прослеживается индивидуальное – интуитивное – и спонтанное мифотворчество, писатель как бы воспроизводит несуществующие в традиционной культуре образы и сюжеты, никак не разделяя фольклорную и художественную реальности [Колосова, Королева 2009: 127].

Исследуя приемы художественного воплощения народной традиции в творчестве Ремизова, историки литературы отмечают свой-

ственную началу XX века романтическую идеализацию прошлого, обращение к обряду и мифу как наиболее архаичным формам традиционной культуры. Миф у Ремизова предстает как «протограф очевидца истинного события, который скрыт под наслоениями времен фиксации. Именно до „истинного“ рассказа о событии Ремизов докапывается, сличая списки, вчитываясь в исследования, и, как итог, пишет свою „реконструкцию“» [Грачева 1979: 390]. Специфика отношения к мифу заключается в том, что внимание Ремизова сосредоточено на гранях перехода обряда в игру, мифа в сказку. Разноаспектному изучению последней темы посвящена обширная литература [Артемьева 1999; Бувевич 2011; Жиликов 2008 и др.], в то время как связь обряда и игры в творчестве писателя изучена сравнительно мало [Ржепниковская 2010; Чередникова 1995].

Фольклорно-этнографические источники произведений писателя и специфика их литературной обработки

Положение о том, что «фольклороцентризм» Ремизова имеет книжное происхождение, единодушно принимается всеми, в связи с этим исследователи видят важной задачей определение явных и скрытых источников, с которыми работал писатель. После обвинения в плагиате Ремизов снабжал свои тексты обширными комментариями и давал отсылки к трудам этнографов, фольклористов и языковедов (А. Н. Афанасьева, Е. В. Аничкова, А. Н. Веселовского, К. Ф. Жакова, Д. К. Зеленина, В. П. Налимова, А. А. Потебни, Н. Ф. Сумцова и др.), в том числе к работам представителей мифологической школы, которые в начале XX в. уже подвергались основательной критике, о чем Ремизов был хорошо осведомлен. По наблюдениям В. Б. Колосовой и С. Ю. Королевой, в отборе материала из научных трудов и фольклорных записей писателя привлекал прежде всего образный потенциал источника [Колосова, Королева 2009], поэтому труды Ф. И. Буслаева и его последователей занимали главенствующую роль в этих списках.

Благодаря исследованиям С. Н. Доценко, Е. Е. Вахненко, И. Ф. Даниловой, Е. Р. Обатниной, Ю. Н. Розанова, А. Л. Топоркова, А. В. Коровашко и др., круг скрытых источников про-

изведений писателя постоянно расширяется. В монографии И. Ф. Даниловой «Литературная сказка А. М. Ремизова...» представлена типология основных способов обработки источников: использование этнографических описаний обрядов; цитирование исследований, использование диалектного слова, зафиксированного словарями, и развертывание в самостоятельный сюжет отдельного имени или мотива, обнаруженного в научных работах [Данилова 2010: 90]. Последний прием был подробно рассмотрен в статье В. Б. Колосовой и С. Ю. Королевой на примере растительной символики [Колосова, Королева 2009] и работе А. В. Коровашко о заговорах. В ней представлены различные способы «реализации заговоров» и внутренняя логика создания сложных контаминаций из заговорных мотивов [Коровашко 2009].

Работа писателя над «воссозданием народного мифа», манифестированная в статье, написанной в ответ на обвинение в плагиате [Ремизов 2000: 607–610], велась по двум направлениям: создание «неаутентичных явлений народной культуры» [Розанов 2008] путем литературной обработки фольклорных произведений, записанных собирателями («Небо пало», «Лев-зверь», «Собачий хвост» и др.), и собственно авторское творчество, основанное на использовании сюжетов, мотивов и образов устной поэзии. В последнем случае Ремизов принимает на себя роль продолжателя традиции, поскольку хорошо понимает, что восстановление народного мифа – дело коллективного преемственного творчества [Ремизов 2000: 608]. А. Д. Синавский, анализирующий психологию творчества писателя, нашел в его поведении черты нескольких литературных масок, среди которых «чудотворец, колдун или сказочник» и «скоморох», [Синавский 1987]. Соединившись с понятием «литературная маска», значение этих понятий, заимствованных из фольклористики, размылось. В современном ремизоведении нет единого определения терминов «литературная маска скомороха / сказочника», однако они широко используются для раскрытия культурной самоидентификации писателя, избравшего роль протагониста своих произведений [Данилова 2010; Розанов 2008].

Как показала А. М. Грачева, создавая художественные произведения, Ремизов во многом следовал опыту древнерусских книжников, поэтому для обозначения народнопоэтических основ художественного творчества в ремизоведении применяются такие несвойственные фольклористике понятия, как «извод» («сказки фольклорного извода», «сказки кавказского извода»), «протограф» [Данилова 2010] и «устнопоэтический канон» [Колосова, Королева 2009].

Важная особенность фольклоризма Ремизова – сочетание «книжных приемов» и вариативности, яркого и самого очевидного свойства произведений устного творчества. При очередной публикации Ремизов создает новую редакцию произведения, внося небольшие правки, касающиеся особенностей ритмического строя текста и его звучания [Данилова 2010: 180]. Эффект непосредственного говорения, сказывания, достигался писателем, в частности, и за счет использования приема «имитации оговорок, отступлений сказителя» [Розанов 2008: 115].

В творчестве писателя также представлено и региональное начало традиционной культуры. Его интерес к северному фольклору и литературе очевиден. Ремизовские сказки насыщены элементами различных традиций: славянских, сибирских, кавказских, арабских, подкарпатских, кабыльских. [Данилова 2008: 152–171; Вахненко 2018].

Ю. Н. Розанов выявил еще один аспект фольклорно-литературного взаимодействия в рамках творчества писателя: переход в обиходный язык Боли-Бошки, героя одноименной новеллы [Розанов 2008: 244]. По сути – это ценное наблюдение актуализирует задачу создания ономастикона произведений писателя, на материале которого можно не только очертить круг подобных явлений, но и выявить фольклорно-этнографические источники имен собственных, встречающихся в текстах.

Для определения особенностей работы писателя с источниками важны результаты исследований о месте и функции авторских примечаний к текстам «Посолони». И. Ржепниковская рассматривает эти комментарии как научный текст, цель которого – подчеркнуть исследовательскую основу сказок [Ржепниковская 2010]. Другие авторы видят в них продол-

жение художественного текста [Розанов 1994; Чередникова 1995]. В рассматриваемом контексте наиболее убедительным и нуждающимся в дальнейшем развитии представляется функциональный подход, предложенный И. Ф. Даниловой: Примечания дают возможность устанавливать единство всего повествования и являются «смысловым расширением» авторского текста, связывая сказку с широким контекстом фольклорно-этнографических источников, задавая вектор для дальнейшей интерпретации [Данилова 2010: 55].

Отражение жанровой системы фольклора в произведениях Ремизова

Пристальное внимание исследователей к истокам фольклорных интересов, идущих из детства писателя, позволяет говорить об интуитивном ощущении традиционных основ сказок, колыбельных, мифологической прозы и календарных обрядов, особенно Святков. Эстетика этого праздника с их смеховой культурой и традицией ряжения близка мироощущению писателя, главная тема творчества которого определялась им как дуалистическое свойство человеческого бытия.

Основное внимание ремизоведов сосредоточено на изучении сказок. Анализу миниатюр «Посолони» посвящено три монографии [Завгородняя 2009; Розанов 2008; Данилова 2009], несколько диссертационных исследований [список см. Данилова 2009: 14] и внушительное количество статей. Однако приходится признать, что отражение жанровой специфики народной сказки в творчестве Ремизова остается вне поля зрения фольклористов. До конца не исследованы репертуар сказочных сюжетов, особенности их контаминации, включение в структуру сказочного повествования элементов других жанров, особенности литературной обработки текстов.

В последнее время фокус внимания исследователей вновь смещается в сторону духовных стихов – самого популярного жанра устной словесности в литературе Серебряного века. Для обработок духовных стихов, сделанных Ремизовым, были характерны разнообразные эксперименты на грани стиха и прозы [Орлицкий 1997], а также использование приема контаминации фрагментов сюжетов. А. Л. Топорков выделил пять типов

обращения к этому жанру в текстах писателя: создание крупных произведений на сюжеты духовных стихов («Действо о Георгии Храбром»); включение аутентичных стихов или их фрагментов в текст (стих «Плач Адама» в «Бесовском действе»); заимствование образной системы (Алатырь-камень в цикле «Образ Николая Чудотворца. Алатырь-камень русской веры»), а также использование сюжета без имитации формы (духовный стих «Святой Николай и триста старцев иноков» в рассказе «Никола Угодник») [Топорков 2015]. Предложенный типологический подход можно было бы применить также к сказкам и заговорам.

Как установили В. Б. Колосова и С. Ю. Королева, заговорная традиция реализуется в текстах «Посолони» на разных уровнях, в том числе – с помощью языковых средств [Колосова, Королева 2009], тем не менее эта тема редко становится предметом отдельного исследования. Результаты изучения влияния поэтики заговоров на сказки, рассказы и апокрифы писателя представлены в работах И. В. Привалова и А. В. Коровашко [Коровашко 2009; Привалов 2001].

Ремизов ставил загадки в один ряд с заговорами и другими жанрами, послужившими материалом для его произведений [Ремизов 2000: 608], проявляя в этом интуитивное понимание близости загадок к заклинательной традиции и шире – ритуально-мифологическим представлениям славян. На отдельные элементы поэтики загадок и других «малых жанров» фольклора попутно указывали многие исследователи творчества писателя [Колосова, Королева 2009; Розанов 2008; Ржепникова 2010], однако в настоящее время эта тема практически не изучается.

К числу жанров устной словесности, положенных в основу ремизовских произведений, следует отнести былины, баллады, причитания, лирические и колыбельные песни. Е. Р. Обатнина в комментариях к «Трагедии об Иуде принце Искаротском» [Обатнина 2016: 775–819] вслед за автором очертила круг фольклорно-этнографических источников драмы (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860; Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873) и опре-

делила специфику их использования. Сформулированная исследовательницей задача по созданию всеобъемлющего историко-литературного комментария к тексту пьесы не реализована до сих пор.

Календарная обрядность в творчестве писателя

Специального исследования, посвященного сравнительному анализу мифологического календаря «Посолони» с народным аграрным календарем, не проводилось, однако статьи, посвященные отдельным сказкам: «Воробьиная ночь» [Доценко 1994], «Ночь темная» [Бувич 2011; Розанов 2008; Жиляков 2008 и др.], «Кукушка» [Доценко 2019; Ржепниковская 2010], подтверждают тезис С. Н. Доценко: «Без реконструкции фольклорно-мифологического контекста многие образы и мотивы Ремизова теряют смысл» [Доценко 1994: 106].

И. Ржепниковская в статье о ритуальном начале «Посолони», следуя за пояснениями Ремизова, связывает логику расположения частей книги с аграрными представлениями славян о весне как начале хозяйственного года. Исследовательница показывает (в частности на примере миниатюры «Кукушка»), что для писателя приоритетными в его обработке материала оказываются игровые и развлекательные элементы обряда, которые он выводит на первый план, оставляя аграрно-заклинательную символику лишь частью специального знания, явленного в комментариях к тексту. И. Ржепниковская рассматривает «Посолонь» «как праздник слова, обладающего целительными и оберегательными свойствами» [Ржепниковская 2010: 163].

Народная драма и драматургия Ремизова

Ряд исследователей [Данилова 2010; Розанов 2008; Чередникова 1995 и др.] отмечали «игровое» начало некоторых сказок писателя, связанное с особой ситуацией рассказывания. Почти все пьесы автора тесно связаны с народным театром и создавались в 1900 – начале 1920-х годов, во время создания сказочных циклов и наиболее активной работы с фольклорно-этнографическим материалом [подробнее см. Данилова 2010: 6, 98].

В работах, посвященных Ремизову-драматургу [Грачева 2016; Розанов 2008; Топорков

2015], выявляются отличительные черты жанра «действ», приводится история создания произведений и дается краткая характеристика фольклорных источников, положенных в основу сюжета: духовные стихи («Действа о Георгии Храбром»), отчасти и «Бесовское действо»), лубочная сказка («Бова Королевич»), народная драма «Царь Максимилиан». Ю. К. Герасимов рассматривает драматические произведения как попытку объединения традиций вертепа с принципами театра для трудящихся и актуальной для символистов задачей создания современного мистериального театра [Герасимов 1994: 180].

А. М. Грачева отмечает, что при создании драмы о Царе Максимилиане писатель использовал двухчастную композицию, объединяющую две пьесы народного театра: «О кесаре Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе» и «О храбром воине Анике и Смерти» [Грачева 2016: 849]. Этот же композиционный прием описал А. Л. Топорков на примере «Действа о Егории Храбром», сюжет которого состоит из двух вариантов этого народного стиха: так называемого «большого» и «малого» [Топорков 2015: 23–24]. В использовании данного приема можно увидеть родство драматургии Ремизова со сказками и в каком-то смысле – заговорами, поскольку в фольклоре контаминация сюжетов и мотивов гораздо в большей степени характерна этим жанрам, чем народному театру. Создание сложных единств из образов, мотивов и сюжетных схем, взятых из различных фольклорных жанров в рамках одного произведения и даже одного предложения, – один из основных приемов, который писатель использует для «воссоздания народного мифа». Некоторые из контаминаций, созданных Ремизовым, действительно имеют прямые параллели в традиционной культуре, что на примере заговоров показал А. В. Коровашко [Коровашко 2009: 164–165].

Эстетика русских народных картинок в творчестве писателя

Ремизоведы рассматривают лубочные сказки и народные картинки как один из источников художественного интереса писателя [Данилова 2010; Обатнина 2016; Розанов 2008 и др.].

Опираясь на работу Ю. М. Лотмана «Художественная природа русских народных кар-

тинок», И. Ф. Данилова называет важные для творчества Ремизова характеристики лубков: связь с театром, преимущественно, с балаганом, с игрой, ориентированность на активное взаимодействие со зрителем, использование маски, воспроизведение шутовского поведения, связь с календарной обрядностью, а отсюда, фривольность многих сюжетов, подписи к картинкам как бы разыгрывают рисунок, «заставляя воспринимать его не статически, а как действие» [цит. по: Данилова 2010: 216].

Лубочная эстетика нашла отражение в драматических опытах Ремизова. Так, «Бесовское действо» называется «одним из первых опытов модернистского подхода к воплощению на сцене апокрифического, мистериального и лубочного сюжетов» [Вахненко 2019: 173]. Картинки из собрания Д. К. Ровинского (о дивных людях, найденных Александром Македонским, трех святителях Василии Великом, Григории Богослове и Иване Златоусте, Мазическом царстве) нашли отражение также в «Трагедии об Иуде» [Обатнина 2016: 811]. Эти сюжеты становятся источником для описания иноземцев и удивительных стран.

Одним из наиболее ярких примеров использования лубочного сюжета является сказка о Бове Королевиче, к которой Ремизов обращался в своем творчестве не единожды. «Сказка о славном и сильном богатыре Бове Королевиче и о прекрасной супруге его Дружневне» была положена в основу сюжета заветного сказа «Царь Додон» [Данилова 2010: 192]. История создания «Повести о Бове Королевиче» и анализ ее редакций представлены в монографии «Алексей Ремизов и Древнерусская культура» [Грачева 2000]. Драматическое действо о «Храбром витязе Бове Королевиче» является предметом особого рассмотрения в другой статье этого же автора. А. М. Грачева называет пьесу «сценарием», предназначенным для актерской импровизации и кукольного театра, а также отмечает, что ее язык «ориентирован на язык лубочной сказки о Бове Королевиче и, одновременно, на игру в народное переосмысление иностранных слов в духе Н. С. Лескова» [Грачева 2016: 709].

На примере святочной повести «Что есть табак» И. Ф. Данилова показала, как персонажи и

художественные средства лубочных картинок нашли отражение в апокрифическом тексте. Исследовательница перечисляет названия лубков, использованных Ремизовым при описании чудес и знамений в монастыре, а также рассматривает персонажей картинок «Шут Гонос» и «Фарнос, красный нос» как прототипов действующих лиц повести [Данилова 2010: 221–222].

Не вызывающие сомнений наблюдения И. Ф. Даниловой могут быть дополнены за счет соотнесения апокрифа «Что есть табак» с эстетикой райка («Всемирной косморамы»). Проблема влияния этого вида зрелищной культуры на поэтику ремизовских текстов до настоящего времени не стала объектом пристального внимания специалистов. Как вид площадного развлечения «потешные панорамы», представляющие собой ящик с движущимися картинками, дожили до начала XX в. и пользовались большой популярностью. Раешное представление включало три важные, с точки зрения ремизовской поэтики, вида воздействия на публику: изображение, игру и слово, а комментарии раешника одновременно развлекали и просвещали публику (в отличие от текстов лубков, приговоры раешников не подвергались цензуре). Основой изображения были лубочные листы разной тематики: виды городов и монастырей, батальные сцены, среди которых виды осады обитателей, необыкновенные случаи, «чудеса природы» (волосатые люди, русалки, выловленное из воды морское чудище), персонажи античной мифологии (Медуза, Скилла), гуляние с медведем, райские птицы (Сирин и Алконост). Все эти сюжеты, аллюзии к которым можно найти в тексте «Гоносовой повести», были широко известны и опубликованы в издании русских народных картинок Д. К. Ровинского. Таким образом, художественными средствами лубка и райка происходит переформатирование апокрифической модели, а читатель становится еще и зрителем «Всемирной косморамы», наблюдающим за движением «потешных листов», элементов сюжета.

Жанры детского фольклора в «Посолони»

Родство произведений Ремизова с миром детства отмечали многие читатели-современники и критики¹, однако глубокое осмысле-

¹ О реакции критики на выход в свет книги «Посолонь» см. подробнее [Розанов 2008: 79–80].

ние темы началось спустя почти сто лет после первого издания «Посолони». На данном этапе научный поиск ведется, в основном, на уровне постановки вопроса и разрозненных наблюдений. Специалист в области изучения детского фольклора М. П. Чередникова отмечает несомненную связь сказочных миниатюр с народными демонологическими рассказами (вплоть до начала XX в. этот жанр принадлежал также и детской субкультуре), и в этом ключе анализирует образ Костромы, опровергая распространенное среди ремизоведов [Розанов 2008: 103–104; Калимуллина 2014] представление о том, что это низший демонологический персонаж, близкий к овииннику. В одноименной сказке Кострома – ласковый покровитель детства, символ солнечного тепла и земной благодати. Объяснение связи с овином исследовательница находит в материалах Д. К. Зеленина, описавшего обычай умывать росой у овина беспокойных младенцев [Чередникова 1995: 313].

Современные исследователи детской литературы [Жибуль 2004; Бредихина 2017] подчеркивают связь ремизовских сказок с детским фольклором и отмечают особое мастерство писателя в передаче детского языка и мировидения: ребенок называет явления мира своими «именами».

Природа неологизмов писателя объясняется в монографии «Литературная сказка А. М. Ремизова»: они заимствовались из речи дочери и знакомых детей или представляли собой звукоподражания, «олицетворения детских страхов (например, старуха Буроба, Зародыш или Кучерище из сказки „Котофей Котофейч“), которые сконструированы по той же модели, что и подлинные фольклорные аналогии» [Данилова 2010: 40].

Литература

- Артемьева, О. В. Мифопоэтика прозы Алексея Ремизова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Артемьева. – Москва : [б. и.], 1999. – 16 с.
- Бредихина, В. Н. Детская литература Серебряного века: А. М. Ремизов: сборник сказок «Посолонь» / В. Н. Бредихина // Традиции и новации в системе дошкольного образования : материалы междунар. науч.-метод. конф. Псков, 27–28 октября 2016 года / под ред. С. О. Домбек. – Псков, 2017. – С. 29–32.
- Бувевич, О. В. Жанровое своеобразие сказки А. М. Ремизова «Ночь темная» / О. В. Бувевич // Вестник Омского университета. – 2011. – № 3. – С. 198–203.
- Вахненко, Е. Е. Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 431. – С. 19–28.
- Вахненко, Е. Е. Литературная личность А. М. Ремизова в карикатурах, шаржах, пародиях современников (1906–1916) / Е. Е. Вахненко // Филологический класс. – 2019. – № 4 (58). – С. 170–180.
- Герасимов, Ю. К. Театр Алексея Ремизова / Ю. К. Герасимов // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А. М. Грачева. – СПб. : Дм. Буланин, 1994.

Выводы

Разностороннее изучение роли традиционной культуры в творческом наследии Ремизова и методов ее художественного воплощения образует самостоятельное и актуальное направление современного литературоведения. Всплеск научного интереса к изучению вопроса, наметившийся в начале XXI в., не прекращается до настоящего времени. Научно-методологическое осмысление темы планомерно движется от стремления ученых выявить связи произведений Ремизова с конкретными устно-поэтическими источниками, анализа эстетических функций фольклорных элементов в авторском тексте к попыткам обнаружить принципы освоения писателем художественных основ устной поэзии и его жанровой системы. Однако при таком обилии глубоких исследований, выполненных в русле различных подходов, еще не создана последовательная типология фольклоризма творчества писателя, охватывающая все многообразие текстов Ремизова, поэтому приходится говорить, что научное обсуждение этого важнейшего вопроса, по сути, еще не началось, хотя данное направление исследований могло бы способствовать объединению научных интересов фольклористов и литературоведов. Проведенный обзор трудов ремизоведов позволил выявить и другие лакуны, которые еще ждут своих исследователей. Это, прежде всего, темы, связанные с изучением ономастикона ремизовских произведений, отражения в них поэтики «малых жанров» загадок, паремий, детского фольклора и эстетики райка.

Головин, В. В. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах нового времени / В. В. Головин, О. Р. Николаев // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов : сб. науч. ст. / сост. и отв. ред. Н. Е. Котельникова. – М. : Гос. республик. центр русского фольклора, 2013. – С. 16–54.

Грачева, А. М. Повесть А. М. Ремизова «Савва Грудцын» и ее древнерусский прототип / А. М. Грачева // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 33: Древнерусские литературные памятники / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. – Л., 1979. – С. 388–400.

Грачева, А. М. Алексей Ремизов и древнерусская культура / А. М. Грачева ; РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб. : Дм. Буланин, 2000. – 333 с. – (Studiorum Slavicorum Monumenta; Т. 19).

Грачева, А. М. «Охваченный жаждой новых форм для выражения вечных тайн...» (Алексей Ремизов и метаморфозы русского театра первой четверти XX века) / А. М. Грачева // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 12: Русалия / под ред. А. М. Грачевой. – СПб. : Издательство «Росток», 2016. – С. 676–727.

Данилова, И. Ф. Литературная сказка А. М. Ремизова: (1900–1920-е годы) / И. Ф. Данилова ; University of Helsinki, Department of Modern Language. – Helsinki, 2010. – 271 с. – (Slavica Helsingiensia; 39).

Доценко, С. Н. «Воробьяная ночь» Алексея Ремизова: Текстологический анализ сказки / С. Н. Доценко // Русская речь. – 1994. – № 2. – С. 103–106.

Доценко, С. Н. Из чего сделана «Кукушка» А. М. Ремизова / С. Н. Доценко // Emigrantika и возле: К 60-летию Олега Коростелева / ред.-сост. Е. Р. Пономарев, М. Шруба. – М. : Изд-во «Дмитрий Сечин» ; Литфакт, 2019. – С. 263–277.

Жибуль, В. Ю. Детская поэзия Серебряного века. Модернизм / В. Ю. Жибуль. – Минск : Логинов, 2004. – 130 с.

Жиляков, А. С. Жанровое своеобразие литературной сказки рубежа XIX–XX веков («Посолонь» А. М. Ремизова – «Пак с Волшебных Холмов» Р. Кипплинга) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жиляков А. С. – Томск : [б. и.], 2008. – 26 с.

Завгородняя, Г. Ю. Миф-сказка-метафора (к вопросу о формах стилизации в русской прозе начала XX века) / Г. Ю. Завгородняя // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, № 3. – С. 57–64.

Калимуллина, Е. В. Интерпретация образов фольклорной демонологии в творчестве А. М. Ремизова / Е. В. Калимуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 10 (40) : в 3-х ч. Ч. II. – С. 65–70.

Колосова, В. Б. Мифология растений в сказочных циклах А. Ремизова «Посолонь» и «К морю-океану» (об отношении мифопоэтического образа к фольклорному первоисточнику) / В. Б. Колосова, С. Ю. Королева // Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. – М. : РГГУ, 2009. – С. 110–128. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 57).

Коровашко, А. В. Заговоры и заклинания в мифотворчестве Алексея Ремизова / А. В. Коровашко // Заговоры и заклинания в русской литературе XIX–XX веков. – М. : Изд-во Кулагиной 2009. – С. 160–168.

Обатнина, Е. Р. Трагедия об Иуде, Принце Искаротском. Комментарий / Е. Р. Обатнина // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 12: Русалия / под ред. А. М. Грачевой. – СПб. : Издательство «Росток», 2016. – С. 775–819.

Орлицкий, Ю. Б. Традиции духовного стиха в русской литературе Серебряного века / Ю. Б. Орлицкий // Христианское миссионерство как феномен истории культуры. – Пермь, 1997. – С. 274–283.

Привалов, И. В. Лимонарь, сиречь луг духовный / И В. Привалов // Вестник университета Российской академии образования. – 2001. – № 4. – С. 77–81.

Пришвин, М. Плагиатор ли А. Ремизов? (Письмо в редакцию) / М. Пришвин // Слово. – 1909. – 21 июня (4 июля). – № 833. – С. 5.

Ремизов, А. М. Письмо в редакцию / А. М. Ремизов // Ремизов А. М. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2: Доука и балагурье / сост., подгот. текста, вступит. статья и коммент. И. Ф. Даниловой. – М. : Русская книга, 2000. – С. 607–610.

Ржепниковская, И. Мифо-ритуальное начало в сказках Алексея Ремизова «Посолонь» / И. Ржепниковская // Festkultur in der russischen Literatur (18–21. Jahrhundert). Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв. – München : Herbert Utz Verlag, 2010. – С. 155–164.

Розанов, Ю. В. Фольклоризм А. М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика : монография / Ю. В. Розанов. – Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т, 2008. – 266 с.

Розанов, Ю. В. Плагиат из фольклора: Случай А. М. Ремизова / Ю. В. Розанов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 82–86.

Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / сост., подгот. текстов, вступ. статья, коммент., указ. и словарь В. И. Ереминой. – СПб. : Издательский дом «Мирь», 2008. – 750 с.

Синявский, А. Литературная маска Ремизова / А. Синявский // Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / ed. by G. Slobin. – Columbus : Slavica, [1987]. – P. 25–39. – (UCLA Slavic Studies; Vol. 16).

Топорков, А. Л. Духовные стихи в русской литературе / А. Л. Топорков // Русская литература. – 2015. – № 1. – С. 5–29.

Чередникова, М. П. Миф-сказка-игра в лирическом цикле А. М. Ремизова «Посолонь» / М. П. Чередникова // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства / сост.: Е. В. Кулешов и И. А. Антипова. – М. : ОГИ, 2003. – С. 307–316.

References

- Artem'eva O. V. (1999). *Mifopoetika prozy Alekseya Remizova* [Mythopoeitics of Prose by Alexei Remizov]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 16 p.
- Bredikhina, V. N. (2017). Detskaya literatura Serebryanogo veka: A. M. Remizov: sbornik skazok «Posolon» [Children's Literature of the Silver Age: A. M. Remizov: Collection of Fairy Tales "Posolon"]. In Dombek, P. O. (Ed.). *Traditsii i novatsii v sisteme doskol'nogo obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Pskov, 27–28 oktyabrya 2016 goda*. Pskov, pp. 29–32.
- Buevich, O. V. (2011). Zhanrovoe svoeobrazie skazki A. M. Remizova «Noch' temnaya» [Genre Originality of A. M. Remizov's Fairy Tale "Dark Night"]. In *Vestnik Omskogo universiteta*. Nom 3, pp. 198–203.
- Cherednikova, M. P. (2003). Mif-skazka-igra v liricheskom tsikle A. M. Remizova «Posolon» [Myth-Fairy Tale-Game in the Lyrical Cycle of A. M. Remizov "Posolon"]. In *Detskii sbornik: Stat'i po detskoj literature i antropologii detstva*. Moscow, OGI, pp. 307–316.
- Daniilova, I. F. (2010). *Literaturnaya skazka A. M. Remizova: (1900–1920-e gody)* [Literary Tale of A. M. Remizov: (1900–1920)]. Helsinki, 271 p.
- Dotsenko, P. N. (1994). «Vorob'inaya noch'» Alekseya Remizova: Tekstologicheskii analiz skazki ["Sparrow Night" by Alexei Remizov: Textual Analysis of the Tale]. In *Russkaya rech'*. No. 2, pp. 103–106.
- Dotsenko, P. N. (2019). Iz chego sdelana «Kukushka» A. M. Remizova [What is made "Cuckoo" by A. M. Remizov]. In Ponomarev, E. R., Shrubina, M. (Eds.). *Emigrantika i vozle: K 60-letiyu Olega Korosteleva*. Moscow, Izdatel'stvo «Dmitrii Sechin», Litfakt, pp. 263–277.
- Eremina, V. I. (Ed.). (2008). *Severnye skazki v sobranii N. E. Onchukova* [Northern Tales in the Collection of N. E. Onchukov]. Saint Petersburg, Izdatel'skii dom «Mir». 750 p.
- Gerasimov, Yu. K. (1994). Teatr Alekseya Remizova [Theater of Alexey Remizov]. In Gracheva, A. M. (Ed.). *Aleksei Remizov: Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg, Dm. Bulanin.
- Golovin, V. V., Nikolaev, O. R. (2013). «Uzelkoe pis'mo» fol'klorizma: pragmatika literaturno-fol'klornogo vzaimodeistviya v russkikh literaturnykh tekstakh novogo vremeni ["Knot Letter" of Folklorism: Pragmatics of Literary and Folklore Interaction in Russian Literary Texts of the New Times]. In Kotelnikova, N. E. (Ed.). *Navstrechu Tret'emu Vserossiiskomu kongressu fol'kloristov: sb. nauchnykh statei*. Moscow, Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, pp. 16–54.
- Gracheva, A. M. (1979). Povest' A. M. Remizova «Savva Grudtsyn» i ee drevnerusskii prototip [The Story of A. M. Remizov "Savva Grudtsyn" and Its Old Russian Prototype]. In Likhachev, D. P. (Ed.). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 33: *Drevnerusskie literaturnye pamyatniki*. Leningrad, pp. 388–400.
- Gracheva, A. M. (2000). *Aleksei Remizov i drevnerusskaya kul'tura* [Alexey Remizov and Old Russian Culture]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 333 p.
- Gracheva, A. M. (2016). «Okhvachennyy zhazhdoi novykh form dlya vyrazheniya vechnykh tain...» (Aleksei Remizov i metamorfozy russkogo teatra pervoi chetverti XX veka) ["Engulfed in the Thirst for New Forms for the Expression of Eternal Secrets..."] (Alexey Remizov and Metamorphoses of the Russian theater of the First Quarter of the 20th Century)]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 12: Rusaliya* / ed. by A. M. Gracheva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Rostok», pp. 676–727.
- Kalimullina, E. V. (2014). Interpretatsiya obrazov fol'klornoj demonologii v tvorchestve A. M. Remizova [Interpretation of Images of Folklore Demonology in the Work of A. M. Remizov]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. No. 10 (40), in 3 parts. Part II, pp. 65–70.
- Kolosova, V. B., Koroleva, P. Yu. (2009). Mifologiya rastenii v skazochnykh tsiklakh A. Remizova «Posolon» i «K moryu-okeanu» (ob otnoshenii mifopoeticheskogo obraza k fol'klornomu pervoistochniku) [Plant Mythology in the Fairy Cycles of A. Remizov "Salon" and "To the Sea-Ocean" (on the Attitude of the Mythopoeitic Image to the Folklore Source)]. In Neklyudov, P. Yu. (Ed.). *Mif v fol'klornykh traditsiyakh i kul'ture noveishogo vremeni*. Moscow, RGGU, pp. 110–128.
- Korovashko, A. V. (2009). Zagovory i zaklinaniya v mifotvorchestve Alekseya Remizova [Conspiracies and Spells in the Myth-Making of Alexei Remizov]. In *Zagovory i zaklinaniya v russkoi literature XIX–XX vekov*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoinoi, pp. 160–168.
- Obatnina, E. R. (2016). Tragediya ob Iude, Printse Iskariotskom. Kommentarii [The Tragedy of Judah, Prince of Iscariot. Comment]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 12: Rusaliya* / ed. by A. M. Gracheva. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Rostok», pp. 775–819.
- Orlitsky, Yu. B. (1997). Traditsii dukhovnogo stikha v russkoi literature Serebryanogo veka [Traditions of Spiritual Verse in Russian Literature of the Silver Age]. In *Khristianskoe missiонерство как феномен истории культуры*. Perm, pp. 274–283.
- Prishvin, M. (1909). Plagiator li A. Remizov? (Pis'mo v redaktsiyu) [Is Remizov a Plagiarist (Letter to the Editor)]. In *Slovo*. June 21. No. 833, p. 5.
- Privalov, I. V. (2001). Limonar', sirech' lug dukhovnyi [Lemonary or Spiritual Meadow]. In *Vestnik universiteta Rossiiskoj akademii obrazovaniya*. No. 4, pp. 77–81.
- Remizov, A. Pis'mo v redaktsiyu [Letter to Editorial Board]. In Remizov, A. M. *Sobranie sochinenii, in 10 vols. Vol. 2: Dokuka i balagure* / ed. by I. F. Daniilova. Moscow, Russkaya knigapp. 607–610.
- Rozanov, Yu. V. (2008). *Fol'klorizm A. M. Remizova: Istochniki, genesis, poetika* [Folklorism of A. M. Remizov: Sources, Genesis, Poetics]. Vologda, Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. 266 p.
- Rozanov, Yu. V. (2015). Plagiat iz fol'klora: Sluchai A. M. Remizova [Plagiarism from Folklore: The Case of A. M. Remizov]. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (64), pp. 82–86.

Нагорная Я. В. А. М. Ремизов и фольклор: к вопросу о методологии исследования

Rzepnikowska, I. (2010). Mifo-ritual'noe nachalo v skazkakh Alekseya Remizova «Posolon» [Myth-Ritual Beginning in the Tales of Alexei Remizov "The Posolon"]. In *Festkultur in der russischen Literatur (18–21. Jahrhundert)*. München, pp. 155–164.

Sinyavsky, A. (1987). Literaturnaya maska Remizova [Literary Mask of Remizov]. In by Slobin, G. (Ed.). *Alexei Remizov. Approaches to a Protean Writer*. Columbus, Slavica. 286 p.

Toporkov, A. L. (2015). Dukhovnye stikhi v russkoi literature [Spiritual Poems in Russian Literature]. In *Russkaya literatura*. No. 1, pp. 5–29.

Vakhnenko, E. E. (2018). Retseptsiya i transformatsiya fol'klornykh syuzhetov korennykh narodov Sibiri v skazkakh A. Remizova [Reception and Transformation of Folklore Plots of the Indigenous Peoples of Siberia in the Tales of A. Remizov]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 431, pp. 19–28.

Vakhnenko, E. E. (2019). Literaturnaya lichnost' A. M. Remizova v karikaturakh, sharzhakh, parodiyakh sovremennikov (1906–1916) [Remizov's Literary Person in Cartoons and Parodies of His Contemporaries (1906-1916)]. In *Filologicheskii klass*. No. 4 (58), pp. 170–180.

Zavgorodnyaya, G. Yu. (2009). Mif-skazka-metafora (k voprosu o formakh stilizatsii v russkoi proze nachala XX veka) [Myth-Tale-Metaphor (to the Question of Forms of Stylization in Russian Prose of the Early 20th Century)]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 151. No. 3, pp. 57–64.

Zhibul', V. Yu. (2004). *Detskaya poeziya Serebryanogo veka. Modernizm* [Children's Poetry of the Silver Age. Modernism]. Minsk, Loginov. 130 p.

Zhilyakov, A. P. (2008). *Zhanrovoe svoebrazie literaturnoi skazki rubezha XIX–XX vekov («Posolon» A. M. Remizova – «Park s Volshebnykh Kholmov» R. Kiplinga)* [Genre Originality of the Literary Tale of the Turn of the XIX–XX Centuries ("Salon" by A. M. Remizov – "Park from the Magic Hills" by R. Kipling)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk. 26 p.

Данные об авторе

Нагорная Яна Валерьевна – младший научный сотрудник Рукописного отдела, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, наб. Маркова, 4.

E-mail: iohannan@yandex.ru.

Author's information

Nagornaya Yana Valer'evna – Junior Researcher of Manuscript Department, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 28.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 28.03.2021; date of publication: 30.06.2021

ТОПОС «ДОМ» КАК ГЕТЕРОТОПИЯ В РОМАНЕ М. ПЕТРОСЯН «ДОМ, В КОТОРОМ...»

Булгакова А. А.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3992-8389>

Аннотация. Статья посвящена исследованию топоса Дом как устойчивого образа, обладающего пространственными характеристиками, в книге М. Петросян «Дом, в котором...». Целью статьи является выявление возможности функционирования топоса Дом в романе как гетеротопии, то есть пространства, находящегося за пределами иных мест, но непременно взаимодействующего с ними по принципу соположения или противопоставления. Для реализации цели была использована комплексная методика, включающая структурно-семиотический, мифологический, культурно-исторический методы, которые позволили описать структурные и семантические особенности топоса Дом (базовые бинарные оппозиции и основные метафоры, составляющие ядро топоса), а также его роль на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях художественного пространства. К числу основных результатов исследования можно отнести следующие утверждения. Топос Дом в книге М. Петросян представлен и как место действия, антропоморфизированная среда, и как пространство авторского сознания, и как образ-символ, пространство памяти. Понятие «дом» связано со всеми аспектами бытия человека, а потому основные оппозиции, формирующие структуру топоса Дом в романе, раскрывают онтологическую, аксиологическую, социальную, психологическую, гносеологическую проблематику. Топос Дом сближается с топосом Мир и парадигмой его субтопосов (мир – книга, мир – храм, мир – сад, мир – человек) и выполняет миромоделирующую функцию, актуализирующуюся в переходные периоды историко-культурного развития. Он функционирует как гетеротопия, преодолевающая принцип бинарности, предполагающая «раскрой времени» (разрыв с традиционным, реальным временем, возникновение перцептуального и мифологического времени), изолированность и в то же время проницаемость пространств (Дом, наружность, изнанка только относительно замкнуты и предполагают возможность коммуникации), поднимающая вопрос о степени реальности или иллюзорности пространства через создание мест-гетероклитов (в романе это наружность, изнанка, лес, зеркало, человеческое сознание и др.).

Ключевые слова: топосы; топка; субтопос; гетеротопия; бинарная оппозиция; концептуальное пространство; мифопоэтическое сознание; культурная универсалия; дома; армянская литература; армянские писательницы; литературное творчество; литературные жанры; романы; литературные образы.

Для цитирования: Булгакова, А. А. Топос «дом» как гетеротопия в романе М. Петросян «Дом, в котором...» / А. А. Булгакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 167–181. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-14.

THE TOPOS HOME AS HETEROTOPY IN THE NOVEL BY M. PETROSYAN “THE HOUSE IN WHICH...”

Anna A. Bulgakova

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Republic of Belarus) ORCID ID:
<https://orcid.org/0000-0002-3992-8389>

Abstract. The article is devoted to the study of the topos *home* as a stable image with spatial characteristics in the book by M. Petrosyan “House in Which ...”. The aim of the article is to identify the possibility of functioning of the topos *home* in the novel as a heterotopy, i.e. a space that is outside other places, but certainly interacts with them according to the principle of juxtaposition or opposition. To achieve the aim, a complex method was used, including structural-semiotic, mythological, cultural-historical methods, which made it possible to describe the structural and semantic features of the topos *home* (basic binary oppositions and metaphors that make up the core of the topos), as well as its role on the real, perceptual and conceptual levels of artistic space. The main results of the study include the following statements. The topos *home* in the book of M. Petrosyan is presented both as a place of action of the characters, as an anthropomorphized environment, and as a space of the author’s consciousness, and as an image-symbol, a space of memory. The concept of “house” is associated with all aspects of human existence, and therefore the main oppositions that form the structure of the topos *home* in the novel

reveal ontological, axiological, social, psychological, epistemological problems. The topos *home* approaches the topos *world* and the paradigm of its subtopos (world is a book, world is a temple, world is a garden, world is a person) and performs a world-modeling function that is actualized in the transitional periods of historical and cultural development. It functions as a heterotopy, overcoming the principle of binarity, suggesting the “opening of time” (a break with traditional, real time, the emergence of perceptual and mythological time), isolation and at the same time permeability of spaces (House, appearance, wrong side are only relatively closed and suggest the possibility of communication), which raises the question of the degree of reality or illusory nature of space through the creation of places-heteroclitics (in the novel, this is the exterior, the wrong side, the forest, the mirror, human consciousness, etc.).

Key words: topos; topic; subtopos; heterotopy; binary opposition; conceptual space; mythopoetic consciousness, cultural universal; houses; Armenian literature; Armenian women-writers; literary creative activity; literary genres; novels; literary images.

For citation: Bulgakova, A. A. (2021). The Topos *Home* as Heterotopy in the Novel by M. Petrosyan “The House in Which...”. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 167–181. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-14.

Введение

Книга «Дом, в котором...» (2009) армянской писательницы и художницы Мариам Петросян, по словам Д. Быкова, открывает «дверь в ту новую литературу, которой все ждали» [Быков [http](#)]¹. О ее популярности среди молодежной аудитории говорит возникновение фэндомов, члены которых пишут произведения по мотивам романа, следят за публикациями о нем в прессе, создают фан-арт – иллюстрации, компьютерные игры и косплеи героев, копируя их внешность, характер, поведение. В то же время книга отнюдь не позиционируется автором как подростковая, ведь главным ее персонажем является Дом – архетипический образ, близкий сознанию каждого человека. Именно топос Дом, функционирующий в романе как гетеротопия, является предметом нашего исследования.

Дом как топос мировой культуры

Дом – одна из важнейших культурных универсалий, уходящих корнями в мифопоэтическое сознание и описывающих способ освоения человеком мира, формирования пространственной бытийности. Она настолько многоплановая и глубокая, что исследования не ограничиваются только осмыслением ее корреляции с категорией пространства, выявлением взаимодействия с социальным, пси-

хологическим и духовным аспектами жизни человека, а выходят на онтологический, метафизический уровень, связывающий понятие «дом» с проблемами космоса и хаоса, бытия и небытия (инобытия), жизни и смерти.

Выступая одновременно как материальный объект, социальная структура и явление культуры, дом становится объектом изучения этнографов и фольклористов, антропологов и философов, культурологов и литературоведов. Так, ряд работ посвящен исследованию дома как социальной (К. Леви-Стросс) и экзистенциальной (Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер, Г. Башляр, Е. Л. Разова) категории, использованию его символики в практике психоанализа (З. Фрейд, К. Г. Юнг) и христианской психологии (Б. В. Ничипоров). В центре внимания других ученых – специфика семантики дома и локусов, связанных с ним, в творчестве отдельных авторов различных культурно-исторических периодов, его связь с фольклорными традициями (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Я. Лакшин, В. Ф. Переверзев, Ф. П. Фёдоров, В. В. Колесов, Е. В. Шутова и др.), место дома в национальных картинах мира (Т. В. Цивьян, В. Н. Топоров, Г. М. Яворская, В. Г. Щукин и др.), структура дома и его семиокомплекс с позиций мифопоэтического сознания (А. Ф. Лосев, В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг,

¹ Книга сразу же обратила на себя внимание критиков и стала объектом исследований Д. Быкова, М. Галиной, О. П. Лебедушкиной, М. Н. Липовецкого, Д. А. Мельник, А. Немзера, К. В. Синегубовой, К. Тихомировой и др.

Е. М. Мелетинский, М. Элиаде, А. Л. Топорков, А. К. Байбурун и др.)¹.

Дом, один из важнейших образов в мировой культуре, функционирует как ментальная единица – концепт – и как единица пространственная, семиотическая, культурно-типологическая – **топос**, ядерную часть семантической парадигмы которого составляют исконные, базовые значения, образованные бинарными оппозициями, а периферийные смыслы (система субтопосов – метафорических образов, раскрывающих семантику топоса) формируются в зависимости от внешних (культурная ситуация, литературное направление) и внутренних (авторский замысел, мировосприятие писателя) факторов². Выступая в качестве хранителя культурной памяти, с одной стороны, и маркера социокультурных (а следовательно, мировоззренческих, ментальных) изменений, с другой, топос Дом фокусирует гносеологическую, аксиологическую и онтологическую проблематику, что делает его репрезентативной категорией для изучения специфики художественного сознания в различные культурные эпохи, в том числе (и особенно!) в переходные.

Понятие «дом» полисеманлично и отражает различные аспекты бытия человека. Ряд смыслов, составляющих семантическое ядро и основные оппозиции топоса Дом, восходит к космогоническим мифам³. В мифопоэтической картине мира дом имеет важное значение⁴, что связано с пониманием его как особого места (огороженного пространства), выполняющего защитную функцию, обусловленную его изначальным предназначением: охранять от чужаков, отграничивать от мира, создавать замкнутость и предоставлять защиту, обеспечивая человеку «пренатальное чувство безопасности» [Разова [http](#)] (дом как убежище): «дом противопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему» [Топорков 1995: 168]. Так сформи-

ровались основные бинарные оппозиции, характеризующие структуру топоса: свое – чужое, открытое – закрытое, внутреннее – внешнее.

Оппозиция замкнутое – открытое раскрывает *психологический смысл* топоса Дом: способность ощутить границу физическую, ментальную и эмоциональную через характеристики, которые отличают жителей дома от внешнего мира, позволяет сформировать понимание и чувство дома как «своего» микрокосма. В рамках данного аспекта формируется также значение дома как места поиска Самости, «душевной целостности» [Юнг 2003: 221] (реализуется перцептуальное пространство топоса); места, где сконцентрирован эмоциональный опыт человека [Башляр 2004].

Широко представлено и *аксиологическое измерение* топоса Дом: он представлялся средоточием жизненных ценностей – согласия, мира, счастья, благополучия. Это понятие, связывающее человека с его семьей, родом [Колесов 1986: 195]. Данный образ, с одной стороны, фиксирует стремление человека к уединению от внешнего мира, с другой стороны, демонстрирует его стремление находиться рядом с единомышленниками. Именно в этом проявляется *социальная проблематика* топоса: дом воспринимается как сообщество людей, объединенных не только условиями существования, но и общими ценностями. Ценностное отношение проступает в оппозиции «свое – чужое»; при этом дом, как «пространство регулирующей морали и этики» [Разова [http](#)] (именно там происходит первичная социализация человека, закладываются нормы и правила существования в обществе, формируется система запретов [Байбурун 1983: 18], определяется понятие границ), способен принимать людей извне и (при условии духовной и ментальной общности) делать их «своими».

Оппозиция внутреннее – внешнее определяет и *гносеологическую проблематику* топоса Дом: отгораживаясь от внешнего мира, че-

¹ Интересным проектом, аккумулирующим результаты научных изысканий по теме дома и бездомности в аспекте проблем антропологии литературы служит конференция и одноименный сборник статей под редакцией профессоров В. Супы и И. Зданович «Topos domu. Doswiadczenie zamieszkiwania i bezdomności» (Białystok, 2016).

² Подробнее о топосе структуре, семантике, а также механизмах развития топоса как литературоведческой категории см.: [Автухович 2005; Богдевич 2019; Булгакова 2010].

³ Так, строительство дома уподоблялось космогоническому акту, а творцом в данном случае выступал человек. См.: [Байбурун 1983; Элиаде [http](#); и др.].

⁴ Б. А. Рыбаков называет дом «мельчайшей частицей, неделимым атомом древнего общества» [Рыбаков 1987: 460].

ловек способен углубляться в самопознание, рефлексировать о мире и своем месте в нем, осознавать себя как особую сущность, осознавать чувства и желания, раскрывать интеллектуальные и творческие способности. Дом служит источником воображения; вызывая воспоминания, он учит человека фантазировать и визуализировать [Башляр 2004: 28].

Дом выполняет мнемоническую и трансляционную функции – накапливает, хранит и передает знание об окружающем мире, его истории, традициях, культуре: как писал В. Непомнящий о семантике дома у А. С. Пушкина (что можно экстраполировать на славянскую культуру в целом), «дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история» [Непомнящий 2019: 373].

Оппозиция закрытое – открытое раскрывает **амбивалентность** дома как пространственного объекта: отнесенность одновременно и к открытым, и к замкнутым структурам. Стенами дом отгораживается от мира, создавая собственную локацию в нем и «принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир» [Цивьян 1978: 65]; окнами и дверями, напротив, дом коммуницирует с внешним миром, что подчеркивает его сущность как жизненного пространства (в противовес этому без-жизненное пространство – гроб, домоваина – замкнуты и не имеют выхода в мир, а потому теряют связь с человеческим и символизируют смерть). В связи с этим дом должен рассматриваться в тесной связи с понятием границы, как пространство медиальное, принадлежащее одновременно миру и человеку (дом «может быть „развернут“ в мир и „свернут“ в человека» [Байбурин 1983: 11]) и отделяющее человека от инобытия.

Таким образом, базовой оппозицией в структуре топоса Дом выступает оппозиция *свое – чужое*, которая соотносится с оппозициями *космос – хаос*, *бытие – небытие*, *внутреннее – внешнее*, *видимое – невидимое*, *сакральное – профанное*, *неэнтропия – энтропия*, *гармония – дисгармония*, *закрытое – открытое*, *истинное – ложное*, *определенное – неопределенное*, *культурное – природное*, *память – забвение*, *душа – тело*, *покой – борьба* и др., экстраполируемыми в культуру и способными актуализироваться в различные литературные эпохи и порождать разнообразные авторские метафоры.

Топос Дом и топос Мир

Топос Дом, структура которого сложилась еще в мифопоэтическом сознании, напрямую коррелирует с топосом Мир, первичным топосом мировой культуры, и может рассматриваться как один из его субтопосов. И в то же время данные топосы напрямую связаны с человеком и его бытием (именно дом является местом «со-бытия человека и мира» [Разова 2002]) и могут выступать как равнозначные. Они противопоставляются друг другу как мир внешний и внутренний, природный и человеческий (мир культуры). И как мир непостижим до конца, так и дом не раскрывает все свои смыслы с точки зрения обыденного сознания. И несмотря на то, что дом обладает определенной целостностью, пространственным и временным единством, разум в попытках осмысления его как феномена постоянно наталкивается на антиномии, так же, как и при попытках осмыслить понятие мира.

Полисемантичесность понятия «дом», обусловленная мифологическим субстратом, многообразие связей, возникающих внутри данной пространственной структуры и отражающих онтологический, гносеологический, аксиологический аспекты бытия, обуславливают то, что топос Дом, в аспекте его антропологической проблематики, становится изоморфным топосу Мир, выполняет миромоделирующую функцию, вбирает семантику его основных субтопосов (мир – книга, мир – храм, мир – сад, мир – человек и др., объясняющих мир, упорядочивающих вещи, явления и процессы, происходящие в нем, и определяющих связи между ними) и функционирует на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях художественного пространства, реализуя при этом конкретный (предметный) и абстрактный (относящийся к ментальной или духовной сфере) планы.

Топос Дом вбирает семантику сада, понимаемого как огороженное, защищенное место, упорядоченное, отличающееся полнотой и обилием пространство, противопоставленное дикой, хаотичной природе.

Дом концентрирует семантику, связанную с субтопосом «мир – человек», отражающим представление о человеке как микрокосме, единстве противоположных начал: духовного и телесного, тленного и вечного. Как отмеча-

ла Т. Г. Цивьян, дом «является в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека» [Цивьян 1978: 65]. Д. Бенедиктович указывает на антропоморфизацию дома в фольклоре [Benedyktowicz 1992: 31]. Дом *уподобляется человеческому организму: очаг – сердце, крыша – голова, окна – глаза* и др. – и повторяет структуру сознания (подвал как бессознательное, крыша как сверхсознание, лестницы отражают связь между уровнями личности).

Представление о дихотомичности мира и человека порождает мотив разлада, отпечатывающийся на семантике топоса Дом в различные культурные эпохи: в то время как мир воспринимается как враждебное пространство, в котором человек чувствует себя одиноким и ощущает трагизм бытия, дом предлагает ему защиту. Следует также отметить восприятие дома как пространства духовной жизни человека: «Дом есть <...> форма эманации личности, продолжение мыслей, идей и предпочтений» [Spieralska 2004: 34].

В субтопосе «мир – книга» актуализировано представление о текстовой природе творчества. В мифопоэтической картине мира книга выступала символом трансцендентного: прочтение священной книги означало проникновение в сакральные тайны. А. К. Байбурин, отмечая важность трансляционной функции дома (передача знаний, опыта, традиций, кодов и др.), сравнивал его со своего рода книгой, которая «формирует представления об эталонных связях в системе мир – человек» [Байбурин 1983: 14].

Соположение мира с храмом (а следовательно, и с домом) обусловлено фундаментальной потребностью человека в упорядочении пространства и наделении его смыслами,

создании космоса из хаоса [Элиаде [http](http://)]. Дом как храм функционирует на реальном (подобие структуры, горизонтальное и вертикальное членение¹, наделение частей дома – очаг, красный угол – сакральным значением), перцептуальном (дом как пространство души человека, внутреннего созерцания) и концептуальном уровнях (образ-символ гармонии, духовного и нравственного восхождения человека).

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что соотносительность топосов Мир и Дом, миромоделирующая функция последнего позволяют рассматривать его как гетеротопию.

Понятие гетеротопии было введено М. Фуко («Слова и вещи») и приобрело популярность в гуманитаристике². Стоит отметить, что в ряде случаев применение для анализа художественного текста нелитературоведческого инструментария, в том числе понятий лингвистики, культурологии, философии, когнитивистики и др., хотя и закономерно в контексте развития междисциплинарных исследований, но нецелесообразно, однако использование для изучения литературного произведения концепта гетеротопии, на наш взгляд, имеет эвристический потенциал и большие перспективы.

О методике исследования гетеротопии в художественном тексте в контексте нового отношения к пространству и времени писала Э. Шестакова [Шестакова 2016]. Наличие в пространстве гетеротопии воображаемого уровня отмечал П. Джонсон [Johnson 2013] со ссылкой на Б. Дженоккио («гетеротопия – это скорее идея о пространстве, чем любое реальное место» [Genocchio 1995]), что также

¹ Дом членится по горизонтали – например, женское и мужское пространства, а также по вертикали: крыша – основная жилая зона, стены – подвал, что соотносится с трехчастной структурой мироздания (небеса – земля – преисподняя).

² Понятие гетеротопии используется в исследованиях по урбанистике, культурной географии, социологии, культурологии, языкознанию и др. Л. Н. Синельникова, к примеру, соотносит гетеротопический подход с дискурсивным; социально-значимое пространство исследуется профессором как пространство повседневных практик с одной стороны и отражения духовных ценностей с другой, обуславливающее формы коммуникативного поведения [Синельникова 2014: 142]. Э. К. Филимон [Filimon 2014] применяет концепт гетеротопии к исследованию кинотекста для обозначения специфики представленного в сюрреалистических картинах Д. Линча пространства. М. Никольчина [Nicolchina 2013] и ее последователи в болгарской гуманитаристике [Парачовешкото... 2017] используют гетеротопию в гендерных исследованиях, изучении политического дискурса, а также особенных пространств в художественных текстах. О гетеротопии как отправной точке объяснения специфики культурных, социальных, дискурсивных пространств пишет П. Джонсон [Johnson 2013]. В рамках проекта ИНИОН РАН «Гетеротопия: цивилизационный контекст» [Кулькина 2019] не только дается философская интерпретация данного понятия, но и обозначаются перспективы его применения в других областях знания (политологии, футурологии, литературоведении).

говорит о возможности использования данного понятия в качестве категории анализа литературного произведения. Важность гетеротопии как для писателя (способ привязки утопии к реальному месту), так и для исследователя (расширение возможностей анализа художественного пространства) отмечена в работах О. В. Беззубовой [Беззубова 2010]. Е. Ч. Богдевич [Богдевич 2019, 2020] применила концепт гетеротопии для исследования локальных пространств, утративших на рубеже XX–XXI вв. метафорическое значение (библиотека, музей, архив, каталог и др.), что помогло увидеть десакрализацию книги и писательского творчества. Сборник научных статей «Гетеротопии: миры, границы, повествование» [Гетеротопии... 2015] по итогам международной научной конференции «Вильнюс: Гетеротопии» в Вильнюсском университете в целом демонстрирует множество взглядов на понимание и – главное – использование гетеротопии в качестве категории анализа художественного текста (Т. Е. Автухович, М. Н. Виролайнен, Д. Л. Вукас, А. И. Иваницкий, Т. Лаукконен, Е. К. Созина и др.).

Что касается нашего исследования, то концепт гетеротопии, на наш взгляд, способствует определению пространственной специфики категории топоса. Многослойность понятия «топос», понимание его как пространства, фиксирующего определенные связи и отношения, на самом деле позволяет соотнести его с понятием гетеротопии (хотя мы признаем, что «толкование фукианской гетеротопии остается неоднозначным» [Радченко 2016: 144] и часто используется как научная метафора). Под гетеротопией философ понимал сложно устроенное неоднородное место со своим временем, выступающее по отношению к другим пространствам в качестве дополнения или противопоставления [Фуко 2006: 195].

Можно предположить, что так как топос фигурирует на различных уровнях художественного пространства (реальном, перцептуальном и концептуальном) и одновременно представляет пространство языковое и ментальное, пространство коллективного и индивидуального сознания, он может функционировать как гетеротопия (об этом писала и Е. Ч. Богдевич [Богдевич 2020]). Анализ топоса как гетеротопии позволяет увидеть

и раскрыть совершенно особенную архитекtonику литературного текста. Такие свойства гетеротопии, как особая роль по отношению к реальному пространству, неоднородность, совмещение в себе нескольких пространств, активизация в период «разрыва» с традиционным временем, одновременная замкнутость и открытость, изолированность и проницаемость, зависимость от контекста эпохи и ее мировоззренческих оснований, способность фиксировать переход от одного типа культурного сознания к другому, новое отношение к миру, возможность выстраивать связи и отношения между его явлениями, оказываются близкими характеристикам топоса.

Как отмечала Т. Е. Автухович, признавая, что М. Фуко говорил о гетеротопии как внешнем, физическом пространстве, «для литературоведа интересен антропологический аспект, который – наряду с другими вопросами – предполагает разговор именно о конфигурациях внутреннего пространства как отражения человеческой экзистенции в границах гетеротопии» [Автухович 2015: 44].

Так, дом инвалидов в реальном и социальном пространстве функционирует как гетеротопия отклонения (от всевозможных общественно принятых норм), воспринимаемая как «другое пространство» и «пространство других», проницаемая и имеющая связи с реальным миром, но как будто существующая вне его, в своем временном континууме, отделенная физическими, ментальными и психологическими барьерами. Понимание данного топоса как гетеротопии позволяет глубже раскрыть его семантику и внутреннюю структуру как совокупность взаимоотношений человека с окружающими, а также увидеть специфику мироощущения и самоопределения людей, живущих в данном гетеротопическом пространстве. Предполагая, что топос Дом в романе функционирует в качестве гетеротопии, рассмотрим основные признаки, которым он должен соответствовать.

Результаты исследования. Во-первых, Дом в романе представляет собой пространство, не имеющее конкретных координат, обозначенное условно: «Дом стоит на окраине города. В месте, называемом Расческой» [Петросян 2015: 7]. Он соседствует с гаражами, мусорны-

ми баками, собачьими будками, то есть находится на периферии городского пространства и является границей «между двумя мирами – зубцов и пустырей» [Там же: 45]. Показательно, что с внутренней стороны, со двора, Дом выглядит иначе: «Разноцветный и веселый, он как будто решил показать мальчику свое другое лицо. Улыбающееся. Лицо не для всех» [Там же: 47]. Его предназначение ясно: это интернат для инвалидов с давней историей. Туда попадают как дети, имеющие физические или умственные недостатки (слепые, без рук и ног, разделенные сиамские близнецы и др.), так и просто сложные в общении или же по какой-либо другой причине неугодные родителям.

На реальном уровне пространства топос Дом может рассматриваться и как конкретная локация, место действия героев, и как сообщество людей, совместно проживающих, объединенных условиями существования, принятием законов / правил общежития, зачастую несхожих с принятыми во внешнем мире, схожестью проблем, ценностей («Мы, на нас держится Дом, мы несем его и поддерживаем» [Там же: 676]). Топос Дом совмещает пространство дома (местоположение, структура здания, прилегающие территории) и пространство человека (привычный циклический распорядок дня: приемы пищи, уроки, общение со сверстниками и учителями и т. п.).

Пространство дома в романе повторяет структуру мира (субтопос дом – храм), то есть горизонтально и вертикально структурировано. Горизонтально Дом состоит из нескольких относительно самостоятельных «крыльев», коридоров, жилых и нежилых комнат, разграниченных друг от друга дверью и стенами. Вертикально Дом выстроен как трехуровневая система: подвал (низший уровень, где прячутся отвергнутые Домом, аналог преисподней, бессознательных структур человеческой психики); жилая зона и стены (срединный уровень, уровень жизни, человеческой памяти, истории); чердак / крыша (высший уровень, небеса, сверхсознание). Эта структура неслучайна и имеет мифологическую основу: так, реальный уровень пространства топоса Дом не является значимым и замещается уровнем концептуальным, на котором он выступает как архетип, образ-символ, смысловое ядро

которого оформилось в мифопоэтическом сознании и было развито культурой.

Реальное пространство Дома непосредственно связано с такими пространственными континуумами, как изнанка и наружность: с первым – по принципу дополнения, со вторым – по принципу противопоставления.

Наружность – то есть мир за пределами Дома, воспринимается его жителями как инобытие, противопоставленное защищенному пребыванию в Доме: «Дом – это Дом, а наружность – не то, в чем он находится, а нечто совсем иное» [Там же: 293], «мир, куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать» [Там же: 294]. В романе наружность характеризуется не через систему локусов или пространственных координат, не посредством введения героев – обитателей Наружности, а через восприятие ее подростками-домовцами, через их чувства по отношению к ней. Здесь реализуется базовая оппозиция топоса Дом свое – чужое, маркирующая пространство дома как огороженное, защищенное, объединяющее «своих» людей, а пространство окружающего мира, то есть наружности (в соответствии с первобытными инстинктами), – как чужое, неизвестное, а потому враждебное, злое, неструктурированное хаотичное пространство («снаружи – никого и ничего, только пустой, враждебный город, живший своей жизнью» [Там же: 104]), непосредственно связанное с представлениями об изгнании, забвении, гибели. Выход в наружность, порождает у героев страх и тревогу, угнетенность и психологическую подавленность (как нам кажется, можно выстроить параллель между наружностью и взрослой жизнью, пугающей детей неизвестностью). Как мы видим из сюжета, уход из Дома, особенно несвоевременный, сопровождается изменениями во внешности человека, в его интеллектуальной и духовной сферах.

И если привязанность к внешнему миру, стремление вовне означает выход в наружность, то углубление, движение внутрь себя, к единению с Домом приводит к перемещению в изнанку, где и возможно слияние Дома с Человеком и формирование общего коллективного сознания.

Изнанка представляет собой мистическое субпространство топоса, демонстрирующее

уникальность Дома и его жителей. Оно раскрывает сущность Дома как вместительница человеческой истории, культуры, пространства, «распаковывающего» бессознательное человека и открывающее ему безграничные возможности, платформы для коммуникации человека с космосом. Выход в изнанку, то есть единение сознаний человека и Дома, диалог между ними, дает «возможность для человека увидеть это другое пространство, установить с ним связь, основанную на новом взгляде на мир и себя» [Шестакова 2016: 295], что позволяет героям книги, ограниченным в реальном мире физически или интеллектуально, выходить за пределы тела, нарушать законы времени и пространства, жить без рамок и границ (в то время как наружность сковывает подростков границами их увечий, социальными, культурными, правовыми рамками), что соответствует естественной устремленности человека к открытию и познанию мира.

Выйти в изнанку возможно, как показывает автор, при избранности человека Домом (Слепой, Сфинкс, Крыса, Рыжий, Лорд). Связанных с изнанкой людей в романе называют «ходоками» (они способны намеренно, по своему желанию попадать туда и исчезать для реального мира, их также называют «проводниками» из-за способности найти заплутавшего в изнанке и вывести его оттуда) или «прыгунами» (к ним относят жителей Дома, заброшенных туда спонтанно, например, переживших сильные потрясения и ввалившихся в реальный мир в кому). Изнанка закрыта для тесно связанных с наружностью и тяготеющих к ней Фазанов и Псов, понимающих лишь язык грубой силы и не способных войти в мир тонкой материи.

Изнанка между тем не является идеальным пространством: «Это такая заброшенная местность... раздолбанная трасса, вокруг – поля, изредка попадаются домики. Большая часть заколочена» [Петросян 2015: 213]. В ней легко застрять и потеряться, там обитают чудовища из сказок, снов, фантазий, то есть, возможно, образы из бессознательного героев, сотворенные ими же.

Изнанка может представляться героям в виде пространства, противопоставленного дому – Леса. С одной стороны, лес дремуч, и древний человек всегда наделял его страхами

[Пропп 1986: 151]; именно лес как вход в потусторонний мир использовали для проведения обрядов инициации. Он представлялся человеку чем-то беспредельным, непостижимым, выходящим за пределы разума, а потому враждебным. Лес в романе связывается с дорогами, болотом, полем дурманной травы. Как и Дом, этот образ одушевлен: «Лес схватил его сам, подцепил косматыми лапами-ветками и затянул вглубь себя, в душную чашу своего сырого нутра» [Петросян 2015: 140]. Лес связан с высвобождением чувств героев, с единением с природой: «Слепой шел как часть Леса, как его отросток, как оборотень» [Там же: 145]. С другой стороны, лес в мифопоэтическом сознании тесно связан с понятием тайны, недоступной случайным людям, а открывающейся лишь посвященным. В этом контексте связь изнанки с лесом не столько заставляет противопоставлять изнанку и Дом, сколько выводит к пониманию избранности тех героев книги, которые способны, расширяя свое сознание, выходить в пространство изнанки.

На *перцептуальном уровне* топоса Дом предстает как проекция ментального состояния автора, духовное пространство героев, их ощущение близости с другими людьми, матрица для формирования ценностной структуры мира. Восприятие Дома напрямую зависит от сформированности отношений между его жителями, так, для Слепого близость Лося сформировала чувство общности с Домом: «Потом оказалось, что Дом живой и что он тоже умеет любить <...> Ему нравился запах Дома <...> Нравились щели в стенах Дома, его закутки и заброшенные комнаты <...> Нравились дружелюбные призраки и все без исключения дороги, которые перед ним Дом открывал» [Там же: 54–55].

С одной стороны, топос Дом в романе – это насыщенный смыслами культурный образ, с другой – творение авторского сознания (книга как мир, созданный для себя), отклик на эмоциональное состояние писателя, авторское инобытие, куда возможно бегство от действительности, аналогичное бегству героев из внешнего мира в Дом или в изнанку. «Я не писала эту книгу, я в ней жила», – признавалась М. Петросян, для которой «Дом, в котором...» как текст был местом, куда она могла «войти и побыть» [Юзефович <http://>].

Чувство психологической защищенности позволяет домовцам осознавать свою сущность, раскрывать таланты, реализовать потенциал, правда, в зависимости от внутреннего стержня человека и его желания развиваться: «Дом одаряет или грабит, подсовывает сказку или кошмар, убивает или старит, дает крылья...» [Петросян 2015: 596]. Пространство Дома предрасполагает к самоуглублению и самоопределению, развивает способность делать осознанный выбор. Герои книги совершают путешествие – путь в наружность, или в изнанку, или же в оба эти места. Согласно исконным представлениям о пути, можно совершить как «горизонтальное» путешествие, связанное с изменением исходного статуса (человек, достигший его конца, имеет более высокий статус, чем в его начале), так и «вертикальное» (его совершает душа человека). Любой путь сопряжен с преодолением препятствий, духовным развитием, возникновением ситуации выбора. Справиться с трудностями, совершая переход из одного пространства в другое, способен лишь тот, кто обладает высокими моральными качествами, то есть избранный, «отмеченный». Но, как писал В. Н. Топоров, именно путешествие от сакрального центра, когда энтропия возрастает, раскрывает истинную сущность героя, который находится в «ситуации риска, случая, почти неконтролируемого выбора, предельного драматизма» [Топоров 1983: 262]. Так, Сфинкс осуществляет путешествие из Дома к «чужой и страшной периферии» [Там же: 262], то есть Наружности – в пространство неопределенности, опасности и хаоса. При этом отметим, что подобный путь Лорда, Стервятника и других беглецов (Фитиля, Соломона, Дона и др.) оказался неудачным, был прерван, так как они не обладали необходимыми для освоения данного пространства качествами. Путь же к сакральному центру сопряжен с овладением тайным знанием, постижением Самости, «вплоть до совмещения себя с этим сакральным центром» [Там же: 262], что мы видим, например, в путешествии в изнанку Слепого, уводящего за собой часть воспитанников Дома.

Итак, в романе топос Дом представлен на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях пространства. Кроме того, реальное

пространство, наружность и изнанка образуют особое гиперпространство как место встречи и коммуникации человека в единстве его телесного и духовного, сознания и бессознательного, с миром. Таким образом (и это **во-вторых**), Дом содержит в себе, по сути, несколько относительно самостоятельных пространств, являющихся несовместимыми, однако проницаемыми.

В-третьих, гетеротопия, по мнению М. Фуко, связана с «раскромом времени», то есть начинает работать, когда происходит разрыв человека с реальным временем [Фуко 2006: 199], что чаще всего связано с его субъективным восприятием.

В настоящем Дома сливаются и сосуществуют прошлое и будущее: прошлое – в виде историй о Доме, произведений духовной (рисунки, граффити, стихотворения, сказки, песни, ритуалы, традиции и др.) и материальной (старые вещи) культуры; будущее – в виде фантазий, рассуждений о дальнейшей жизни в наружности, то есть в виде *потенциального* времени. Дом предстает как точка бифуркации, место соединения возможных траекторий – путей героев, определяющих их дальнейшее существование.

В романе реальное время сосуществует с *перцептуальным* (может замедляться («мое время застыло и сжалось в комок» [Петросян 2015: 827]) или ускоряться, в зависимости от субъективных ощущений героя – к примеру, Сфинкс, по его ощущениям, провел в изнанке больше трех лет, хотя изнанка – «вневременная дыра»; Самая Длинная Ночь перед выпускным длится для героев намного больше, чем согласно реальному времени; Табаки ненавидит часы и при этом выступает как Хранитель Времени в изнанке) и *мифологическим*, которое «является фундаментальным для человека <...> и определяет его подлинное существование» [Пилипенко 2015: 165].

В соответствии с сакральным временем, временной поток членится на циклы. Малый цикл – это учебный год, завершающийся каникулами (временным выходом в наружность) и начинающийся с момента возвращения детей в Дом и приезда новичков (космогонии). Большой цикл в Доме завершается выпуском. Выпуск как пороговый, переходный этап (из Дома в наружность, из мира по-

сюстороннего в потусторонний) заканчивается наступлением хаоса: ритуальной дракой (эсхатология), в процессе которой проливается кровь (жертвенная кровь поддерживает существование Дома), отменой субординации и принятых законов («Выпускной год – плохое время <...> Это год страха, сумасшедших и самоубийц, психов и истериков» [Петросян 2015: 479]). После этого цикл начинается заново, мир восстанавливается: определяется новый вожак, глава Дома, а основные участники события претерпевают трансформации в именах, внешности, способностях.

Ритуальная битва может интерпретироваться как обряд инициации: проходя через физические страдания, ребенок умирал и воскресал взрослым – ему давали новое имя, наносили на тело знаки, определенным образом изменяли внешность [Пропп 1986: 151]. Подобное произошло и с героями книги: безрукий Кузнечик стал Сфинксом, умеющим, как никто другой, слушать людей и чувствовать их; колясник Вонючка получил имя Табаки и стал хранителем традиций Дома и его истории; Слепой стал хозяином Дома и т. п.

Игру со временем, его нелинейность («Время не течет, как река, в которую нельзя войти дважды, – сказал Сфинкс. – Оно как расходящиеся по воде круги. Это не я сказал, это цитата <...> И если уронить в эти расходящиеся круги, скажем, перо, как нарисовано здесь, от него ведь тоже пойдут круги?» [Петросян 2015: 946]) демонстрирует и финал романа, в котором Сфинкс благодаря подарку Табаки выводит из прошлого маленького Слепого, воспитывает его («Просто хочется, чтобы он полюбил этот мир» [Там же: 950]), перекраивает его жизнь, принимая ответственность не только за нее, но и за судьбу Дома.

В-четвертых, гетеротопия предполагает систему закрытости и открытости, одновременно изолирует пространства и делает их проницаемыми.

Особенность пространства дома в том, что оно, будучи закрытым, является человеческим, но в то же время, обеспечивая контакты с внешним миром, человеку не принадлежит,

то есть является по сути границей своего и чужого мира, на что указывает Т. Г. Цивьян [Цивьян 1978: 72].

Роль границ в Доме выполняют стены – внешние и внутренние. Внешние стены изолируют его от мира, но их состояние зависит не столько от внешних факторов, сколько от внутренних изменений: так, в книге уход одних воспитанников в изнанку, других в наружность, пожар и другие потрясения отразились на состоянии стен, и это символизировало начало разрушения Дома. Внутри Дома стены отделяют одну социальную группу («фракцию», «стаю», которых насчитывалось пять: Фазаны, Крысы, Птицы, четвертая – безымянная – и Псы) от другой. Помимо этого, стены в романе объединяют разные поколения воспитанников дома: выступают носителями актуальной текущей информации (стена как своего рода газета), пространством памяти (сохраняют надписи и рисунки живших в доме людей), хранителями традиций (своеобразный аналог книги, где фиксируются правила и особые ритуалы).

Дом в романе – не абсолютно замкнутое пространство, оно проницаемо и имеет точки соприкосновения с наружностью, причем связи носят двусторонний характер. Так, с одной стороны, Дом входит в наружность через сбежавших, нарушивших законы, тех, кого Дом отверг, выпускников, а также посредством летунов – людей, которые отправляются в наружность за вещами из внешнего мира.

Через вещи Наружность проникает в Дом. Казалось бы, какое значение имеют для подростков, которые боятся одного упоминания наружности, вещи извне, означает ли это для них необходимость связи с внешним миром? Скорее, вещи необходимы героям для самоопределения. Расположение вещей в Доме означает его обживание, нахождение себя в данном пространственном континууме¹. Это происходит через наделение вещей субъективными смыслами и ценностями (как говорит Табаки, «неужели непонятно, что для меня это символ?» [Петросян 2015: 838]), в результате чего они становятся достоянием

¹ Как писал В. Н. Топоров, «мифопоэтическое пространство всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1983: 234]; «связано с вещественным наполнением (первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры и т. п.), т. е. всем тем, что так или иначе «организует» пространство, собирает его, сплачивает, укореняет в едином центре» [Там же: 234].

Дома, приобретают иные значения и связи, обретают историю и душу: «Вещи создают индивидуальный мир, мир символический, наполненный смыслами и мир практический, мир движений и функций» [Разова <http>]. В итоге весь Дом превращается в семиотический комплекс.

Наружность входит в Дом и также через людей – воспитателей, оценивающих подростков и осмысливающих все происходящее в Доме с позиций внешнего мира, родителей, отчужденных духовно, не понимающих детей и страшщихся их возвращения, а также вернувшихся и изменившихся порой до неузнаваемости воспитанников Дома (Лорд) и воспитателей (Ральф Первый). И Дом либо признает их, как Ральфа, либо отвергает.

Отдельные структурные части дома – окна, двери, порог, крыша – также обеспечивают его проницаемость. Пороговым локусом является двор – защищенное пространство, откуда берет начало дорога, путь в наружность. При этом следует отметить, что пространство Дома не склонно к расширению внешних границ (чему свидетельствуют, например, замурованные окна и камин, а также двери, маскирующиеся под стены), но стремится к углублению, уходу в себя.

Итак, Дом представляет собой медиальное пространство, границу между мирами и точку их концентрации. Это же относится и к его воспитанникам: так, М. Н. Липовецкий, причисляя Сфинкса, Слепого, Лорда (короля эльфов), Стервятника (короля птиц) к трикстерам, пишет о том, что они являются образами одновременно реального и фантастического миров, балансирующими между миром детей и взрослых и легко переходящими границы между ними, что обуславливает их «амбивалентность и трансгрессивность» [Липовецкий 2014: 18], равно как и амбивалентность самого дома.

В-пятых, гетеротопия, как следует из трудов М. Фуко, ставит вопрос о том, какое из пространств на самом деле является иллюзорным, а какое реальным [Фуко 2006: 202]. То, что выступает как реальное, на самом деле может оказаться параллельным миром или так восприниматься отдельными героями.

Важно отметить, что в ситуации столкновения двух пространств – Дома и наружности –

происходит их противопоставление не только со стороны обитателей Дома, но и со стороны внешнего мира: инверсируются члены бинарных оппозиций, раскрывающих онтологическую и аксиологическую проблематику (к примеру, для жителей Дома наружность – пугающий мир-по-ту-сторону («не красивая, не уродливая, просто никакая <...> вызывала неприятные ощущения даже у посторонних» [Петросян 2015: 726]), а Дом – обжитое, понятное пространство, единственная реальность; в то время как жителям наружности, наоборот, Дом кажется если не безликим (они называют его «серым»), то пугающим иномирием). Для наружности Дом не существует как уникальный объект, а представляется одним из множества, а люди в нем – выброшенными на обочину жизни ущербными калекками, не соответствующими общепринятым нормам, – таким образом, топос Дом в романе актуализирует важную в настоящее время проблему нормы и отклонения.

Вопрос о реальности / иллюзорности пространств раскрывается в книге через отдельные места-гетероклиты. Особым субпространством изнанки (границей между собственно изнанкой и Домом) является зеркало. Это пространство отраженной реальности, и герои принципиально настаивают на расподоблении мира и его отражения (разговор Курильщика со Сфинксом: «– Ладно, – сказал он. – Забудем того тебя, который живет в зеркале. – По-твоему, это не я? – Ты. Но не совсем. Это ты, искаженный собственным восприятием. В зеркалах мы все хуже, чем на самом деле, не замечал?» [Там же: 84]). Некоторые сознательно воспринимают мир лишь через зеркала (Крыса «глядит в них чаще, чем вокруг, и видит все фрагментами, в перевернутом виде» [Там же: 193]), объясняя, что лишь это опосредованное изображение реально; другие герои предпочитают мир без зеркал (Лорд). Табаки чувствует их магию и принадлежность к Изнанке, а потому стремится отразиться в зеркале перед выпуском с целью быть замеченным изнанкой и остаться в сознании Дома.

Героем, часто находящимся на границе двух миров, остро чувствующим это и пытающимся определиться с тем, что считать реальностью, является Сфинкс. Приведем в пример его разговор со Слепым: «– Это моя жизнь, –

говорит Сфинкс. – Я хочу прожить ее. Никто не виноват в том, что для тебя реальность там, а для меня здесь» [Там же: 880], «Мне надоело жить в тени Дома. Я не хочу ни его подарков, ни миров-ловушек, не хочу принадлежать ему, ничего не хочу! Мне надоели чужие жизни, которые проживаешь, как наяву, а потом обнаруживаешь, что успел состариться...» [Там же: 881]. В итоге Сфинкс выбирает наружность, где он, безрукий калека с богатым духовным миром и тонко чувствующей душой, воспитанный Домом, сумеет найти призвание и реализовать себя, в то время как Слепой уходит в изнанку – мир, единственно реальный для него.

Выводы

Таким образом, пространственно-временная организация модели мира в романе выстраивается вокруг дома как средоточия онтологической, аксиологической и гносеологической проблематики.

Поиск стабильных, устойчивых оснований, характерный для периода смены эпох, вызывает обращение к мифологическим структурам, их исходной семантике. Топос Дом в романе «Дом, в котором...» М. Петросян выполняет миромоделирующую функцию и сближается с топосом Мир, приобретая значения его субтопосов (мир – храм, мир – чело-

век, мир – сад, мир – книга), и реализуется на реальном, перцептуальном и концептуальном уровнях пространства. При этом на реальном уровне топос представлен слабо (редуцирован); на перцептуальном фигурирует как особое пространство проекций авторского сознания, особый мир, предоставляющий возможность параллельного перемещения героев в физическом и ментальном пространствах как внутри дома, так и за его пределами, что приводит к существенным изменениям в их сознании; на концептуальном уровне топос Дом выступает как образ-символ, архетип, пространство памяти, связывающее поколения, бытийная сущность, способствующая физическому, духовному, социальному, психологическому становлению (взрослению) героев.

Топос Дом функционирует в книге в качестве особой модели организации мира – гетеротопии, которая обеспечивает преодоление принципа бинарности, возможность соположения и противопоставления различных пространств: реального, (географического), ментального (субъективного), мистического (мифологического) – и формирования уникального сеттинга. Соотношение пространств-гетеротопий в книге: дом, лес, зеркало, сознание человека – демонстрирует амбивалентность топоса Дом, пространственную, онтологическую и ценностную.

Литература

- Автухович, Т. Е. Жизнь в виртуале, или Конфигурация внутреннего пространства в условиях белорусской гетеротопии / Т. Е. Автухович // Гетеротопии: миры, границы, повествование : сборник научных статей. – Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 2015. – С. 42–53.
- Автухович, Т. Е. Поэзия риторики: очерки теоретической и исторической поэтики / Т. Е. Автухович. – Минск : РИВШ, 2005. – 204 с.
- Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. : Наука, 1983. – 191 с.
- Башляр, Г. Избранное: Поэтика пространства. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. – 376 с.
- Беззубова, О. В. Гетеротопии городского пространства: к истории концепта / О. В. Беззубова // Эстетика архитектуры и дизайна : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М. : Архитектура-С, 2010. – С. 27–31.
- Богдевич, Е. Ч. Топос как пространство памяти: структура, семантика, механизмы развития // ФИЛОЛОГОС. – 2019. – № 2 (41). – С. 12–19. – DOI: 10.24888/2079-2638-2019-41-2-12-18.
- Богдевич, Е. Ч. Топос «книга» в литературном процессе XX–XXI вв.: генезис, структура, семантика, динамика развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Богдевич Е. Ч.. – Минск, 2020. – 26 с.
- Булгакова, А. А. Топос Мир в смене литературных эпох (Симеон Полоцкий, Семен Бобров) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Булгакова А. А. – Минск, 2010. – 24 с.
- Быков, Д. Порог, за которым / Д. Быков. – URL: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-porog-za-kotorym-/291098.html> (дата обращения 01.09.2020). – Текст : электронный.
- Гетеротопии: миры, границы, повествование : сборник научных статей / ред. и сост. И. Видугирите, П. Лавриненц, Г. Михайлова. – Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 2015. – 416 с.
- Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 312 с.
- Кулькина, В. М. Гетеротопия как способ анализа пространства (обзор) / В. М. Кулькина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. – 2018. – № 2. – С. 21–28.

- Липовецкий, М. Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской детской литературе / М. Н. Липовецкий // Детские чтения. – 2014. – № 2. – С. 7–23.
- Непомнящий, В. С. Собрание трудов : в 5 т. Т. II / В. С. Непомнящий. – М. : Издательский центр МГИК, 2019. – 718 с.
- Парачовешкото: грация и гравитация : юбилеен сборник в чест на проф. Миглена Николчина / съставит. и ред. К. Спасова, Д. Тенев, М. Калинова. – София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2017. – 975 с.
- Петросян, М. Дом, в котором... / М. Петросян. – М. : Livebook, 2015. – 960 с.
- Пилипенко, Е. А. Концепт мифологического времени / Е. А. Пилипенко // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 6 (51). – С. 162–168.
- Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
- Радченко, Т. А. Гетеротопии в романе М. Эмиса «Беременная вдова» / Т. А. Радченко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. Ч. 2. – С. 140–150.
- Разова, Е. Л. В поисках дома / Е. Л. Разова. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/v-poiskah-doma> (дата обращения: 02.02.2021). – Текст : электронный.
- Разова, Е. Л. Дом. Экзистенциальное пространство человека / Е. Л. Разова. – Текст : электронный // Vita Cogitans. – 2002. – № 1. – С. 206–220. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/dom-ekzistencialnoe-prostranstvo-cheloveka> (дата обращения: 10.02.2021).
- Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1987. – 782 с.
- Синельникова, Л. Н. Дискурс реагирования в контексте информационной войны / Л. Н. Синельникова // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования : сб. науч. работ. – Белгород : КОНСТАНТА, 2014. – С. 138–145.
- Топорков, А. Л. Дом / А. Л. Топорков // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – С. 168–169.
- Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
- Фуко, М. Другие пространства / М. Фуко // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью : в 4 ч. Ч. 3. – М. : Праксис, 2006. – С. 191–205.
- Цивьян, Т. В. Дом в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) / Т. В. Цивьян // Труды по знаковым системам 10. – Тарту : ТГУ, 1978. – С. 65–85.
- Шестакова, Э. Гетеротопии города-дачи-курорта в мире И. А. Бунина / Э. Шестакова // Literatūra. – 2016. – № 57 (5). – С. 295–305. – DOI: 10.15388/Litera.2015.5.10219.
- Элиаде, М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / М. Элиаде. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/_index_Arhetip.php (дата обращения: 10.01.2021). – Текст : электронный.
- Юзефович, Г. Мариам Петросян: «Новых книг от меня ждать не стоит...». Лауреат «Русской премии» – о том, откуда взялись и куда ушли её герои / Г. Юзефович – Текст : электронный // Частный корреспондент. – 2010. – № 12. – URL: http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 (дата обращения: 15.01.2021).
- Юнг, К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К. Г. Юнг. – Минск : ООО «Харвест», 2003. – 496 с.
- Benedyktowicz, D. Struktura symboliczna domu / D. Benedyktowicz // Dom we współczesnej Polsce / pod red. P. Łukaszewicza, A. Sicińskiego. – Wrocław : Wiedza o kulturze, 1992. – S. 31–54.
- Genocchio, B. Discourse, discontinuity, difference: the question of other spaces / B. Genocchio // Watson S. Post-modern cities and spaces. – Oxford : Blackwell, 1995. – P. 35–46.
- Johnson, P. The geographies of heterotopia / P. Johnson // Geography compass. – 2013. – Vol. 11, № 7. – P. 790–803.
- Nikolchina, M. Unicorns of the Velvet Revolutions. Heterotopia of the Seminar / M. Nikolchina. – Fordham : Fordham University Press, 2013. – 184 p.
- Spierska, B. Dach nad głową. Pojęcie domu w językach indoeuropejskich / B. Spierska // Polska Sztuka Ludowa. Konteksty. – 2004. – № 1–2. – S. 33–36.

References

- Avtukhovich, T. E. (2005). *Poeziya ritoriki: ocherki teoreticheskoi i istoricheskoi poehtiki* [Poetry of Rhetoric: Essays on Theoretical and Historical Poetics]. Minsk, RIVSh. 204 p.
- Avtukhovich, T. E. (2015). Zhizn' v virtuale, ili Konfiguratsiya vnutrennego prostranstva v usloviyakh belorusskoi geterotopii [Life in Virtual, or the Configuration of Internal Space in the Conditions of Belarusian Heterotopy]. In *Geterotopii: miry, grani'tsy, povestvovanie: sbornik nauchnykh statei*. Vilnius, Izdatel'stvo Vil'nyusskogo universiteta, pp. 42–53.
- Baiburin, A. K. (1983). *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [Dwelling in Rituals and Representations of the Eastern Slavs]. Leningrad, Nauka. 191 p.
- Bashlyar, G. (2004). *Izbrannoe: Poetika prostranstva* [Selected: Poetics of Space]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 376 p.
- Benedyktowicz, D. (1992). Symbolic Structure of the House. In Łukaszewicza, P., Sicińskiego, A. (Eds.). *Dom we współczesnej Polsce*. Wrocław, Wiedza o kulturze, pp. 31–54.

- Bezzubova, O. V. (2010). Geterotopii gorodskogo prostranstva: k istorii kontsepta [Heterotopies of Urban Space: Towards the History of the Concept]. In *Estetika arkhitektury i dizaina: materialy Vseros. nauch.-prakt. Konf. Moscow, Arkhitektura-S*, pp. 27–31.
- Bogdevich, E. Ch. (2019). Topos kak prostranstvo pamyati: struktura, semantika, mekhanizmy razvitiya [Topos as a Memory Space: Structure, Semantics, Mechanisms of Development]. In *FILOLOGOS*. No. 2 (41), pp. 12–19. DOI: 10.24888/2079-2638-2019-41-2-12-18.
- Bogdevich, E. Ch. (2020). Topos «kniga» v literaturnom protsesse XX–XXI vv.: genesis, struktura, semantika, dinamika razvitiya [Topos “Book” in the Literary Process of the XX–XXI Centuries: Genesis, Structure, Semantics, Dynamics of Development]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk. 26 p.
- Bulgakova, A. A. (2010). Topos Mir v smene literaturnykh epokh (Simeon Polockii, Semen Bobrov) [Topos World in the Change of Literary Epochs (Simeon Polotsky, Semyon Bobrov)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Minsk. 24 p.
- Bykov, D. Porog, za kotorym [The Threshold beyond Which]. URL: <http://www.gzt.ru/topnews/culture/-porog-za-kotorym-/291098.html> (mode of access: 01.09.2020).
- Eliade, M. Mifo vechnom vozvrashchenii. Arkhetipy i povtoryaemost' [The Myth of the Eternal Return. Archetypes and Repetition]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eliade/_index_Arhetip.php (mode of access: 21.01.2021).
- Fuko, M. (2006). Drugie prostranstva [Other Spaces]. In *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu: v 4 ch.* Part 3. Moscow, Praxis, pp. 191–205.
- Genocchio, B. (1995). Discourse, Discontinuity, Difference: the question of Other Spaces. In Watson, S. *Postmodern cities and spaces*. Oxford, Blackwell, pp. 35–46.
- Johnson, P. (2013). The Geographies of Heterotopia. In *Geography compass*. Vol. 11. No. 7, pp. 790–803.
- Jung, K. G. (2003). *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, Dreams, Reflections]. Minsk, OOO «Harvest». 496 p.
- Kolesov, V. V. (1986). *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The World of Man in the Word of Ancient Rus]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 312 p.
- Kul'kina, V. M. (2018). Geterotopiya kak sposob analiza prostranstva (obzor) [Heterotopy as a Way of Analyzing Space (Review)]. In *Sotsial'nye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 7. Literaturovedenie*. No. 2, pp. 21–28.
- Lipovecky, M. N. (2014). Shaluny, vrangi, drugie... Trikshter v sovetskoj i postsovetskoj detskoj literature [Mischievous-Mischiefs, Enemies, Others ... Trickster in Soviet and post-Soviet Children's Literature] In *Detskije chteniya*. No. 2, pp. 7–23.
- Nepomnyashchy, V. S. (2019). *Sobranie trudov: v 5 t.* [Collection of Works, in 5 vols.]. Vol. II. Moscow, Izdatel'skii tsentr MGIK. 718 p.
- Nikolchina, M. (2013). *Unicorns of the Velvet Revolutions. Heterotopia of the Seminar*. Fordham, Fordham University Press. 184 p.
- Petrosyan, M. (2015). *Dom, v kotorom...* [House in Which ...]. Moscow, Livebook. 960 p.
- Pilipenko, E. A. (2015). Kontsept mifologicheskogo vremeni [Concept of Mythological Time]. In *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. No. 6 (51), pp. 162–168.
- Propp, V. Ya. (1986). *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, Izdatel'stvo LGU. 364 p.
- Radchenko, T. A. (2016). Geterotopii v romane M. Emisa «Beremennaya vdova» [Heterotopies in M. Amis' Novel “The Pregnant Widow”]. In *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. Vol 2 (68). No. 2. Part 2, pp. 140–150.
- Razova, E. L. (2002). Dom. Ekzistentsial'noe prostranstvo cheloveka [House. Existential Space of a Person]. In *Vita Cogitans*. No. 1, pp. 206–220. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/dom-ekzistentsialnoe-prostranstvo-cheloveka> (mode of access: 10.02.2021).
- Razova, E. L. V poiskakh doma [In Search of a Home]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/razova-el/v-poiskakh-doma> (mode of access: 10.02.2021).
- Rybakov, B. A. (1987). *Yazychestvo drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Nauka. 782 p.
- Shestakova, E. (2016). Geterotopii goroda-dachi-kurorta v mire I. A. Bunina [Heterotopia of the City-Dacha-Resort in the World I. A. Bunin]. In *Literatūra*. No. 57 (5), pp. 295–305. DOI: 10.15388/Litera.2015.5.10219.
- Sinel'nikova, L. N. (2014). Diskurs reagirovaniya v kontekste informatsionnoi voyny [Discourse of Response in the Context of Information War]. In *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsial'noi praktiki i obrazovaniya: sb. nauch. rabot*. Belgorod, KONSTANTA, pp. 138–145.
- Spasova, K., Tenev, D., Kalinova, M. (Eds.). (2017). *Parachoveshkoto: gratsiya i gravitatsiya* [The Parahuman: Grace and Gravity]. Sofiya, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oksridski». 975 p.
- Spierska, B. (2004). Dach nad głową. Pojęcie domu w językach indoeuropejskich. In *Polska Sztuka Ludowa. Konteksty*. No. 1–2, pp. 33–36.
- Toporkov, A. L. (1995). Dom [House]. In *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Ellis Lak, pp. 168–169.
- Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst [Space and Text]. In *Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, pp. 227–284.
- Tsiv'yan, T. V. (1978). Dom v folklornoi modeli mira (na materiale balkanskikh zagadok) [House in the Folklore Model of the World (Based on the Balkan Mysteries)]. In *Trudy po znakovym sistemam* 10. Tartu, TGU, pp. 65–85.
- Vidugirite, I., Lavrinets, P., Mikhailova, G. (Eds.). (2015). *Geterotopii: miry, granitsy, povestvovanie* [Heterotopies: Worlds, Boundaries, Narration]. Vilnius, Izdatel'stvo Vil'nyusskogo universiteta. 416 p.

Bulgakova A. A. The Topos Home as Heterotopy in the Novel by M. Petrosyan "The House in Which..."

Yuzefovich, G. (2010). Mariam Petrosyan: «Novykh knig ot menya zhdat' ne stoit...». Laureat «Russkoi premii» – o tom, otkuda vzyalis' i kuda ushli ee geroi [Mariam Petrosyan: "You Shouldn't Expect New Books from Me...". Laureate of the "Russian Prize" – about Where the Heroes Came from and Where They Went]. In *Chastnyi korrespondent*. No. 12. URL: http://www.chaskor.ru/article/mariam_petrosyan_novyh_knig_ot_menya_zhdat_ne_stoit_15919 (mode of access: 15.01.2021).

Данные об авторе

Булгакова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь).

Адрес: 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Э. Ожешко, 22.

E-mail: abulgakova@inbox.ru.

Author's information

Bulgakova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Journalism, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Republic of Belarus).

Дата поступления: 24.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 24.03.2021; date of publication: 30.06.2021

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИКИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 821.111-32(Картер А.). DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-15.
ББК Ш33(4Вел)6-8,44. ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 10.01.03

ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОНСТРУКТОВ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК В РАССКАЗАХ АНЖЕЛЫ КАРТЕР

Атлас А. З.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

А н н о т а ц и я . Статья посвящена рассмотрению культурных стереотипов, отраженных в классических сказках, и выявлению способов их представления во вторичных текстах. Осознание давления «социальных мифов» в значимых для социума текстах привело к тому, что в конце XX века они стали объектом пристального внимания женщин-писателей. В сборнике рассказов «Кровавая комната» Анжелы Картер переписывает сюжеты сказок Шарля Перро, называя это «работой по демифологизации». В статье выявляются «социальные мифы» в отношении женщин в двух авторских версиях исходной истории о Красавице и Чудовище. Анализ художественной системы вторичных текстов показывает, что критический взгляд на культурные конструкты определяет выбор способа репрезентации истории – текст о тексте и изложение через восприятие женского персонажа. Это позволяет ввести в реинтерпретацию метакомментарий, объектом которого становятся имеющиеся в обществе экономические практики касательно молодых женщин; они, наряду со страхами, присущими героиням, тематизируются посредством выдвижения сквозных мотивов и правовой лексики. Поступки главной героини приобретают психологическую мотивировку, которой ее плоский прототип лишен, а использование индивидуальной (женской) точки зрения, отсутствующей в тексте-источнике, позволяет автору артикулировать критическую позицию к социальным конструктам женщины, внушаемым сказками, причем от лица главной героини и с современных для читателя позиций. Возможность переосмысления главной героиней своей внутренней сущности и появления для нее новых жизненных сценариев по сравнению с тем, что жестко предписан классической сказкой, задана автором посредством ввода в повествование фонового персонажа и множественным пересказом исходной истории, который расшатывает ее непреложный ход.

К л ю ч е в ы е с л о в а : реинтерпретация; вторичный текст; волшебные сказки; рассказы; английская литература; английские писательницы; литературные жанры; метакомментарий; культурные конструкты; феминистская критика; женские персонажи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Атлас, А. З. Демифологизация культурных конструктов волшебных сказок в рассказах Анжелы Картер / А. З. Атлас. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 182–190. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-15.

DEMYTHOLOGISING SOCIAL FICTIONS IN ANGELA CARTER'S REINTERPRETATIONS OF FAIRY TALES

Anna Z. Atlas

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3429-3238>

Abstract. The paper focuses on culture stereotypes embodied in fairy tales and the ways of their representation in twice-told tales. The awareness of pressure of stereotypes in culturally central texts led to their persistent re-vision by the 20th century women writers. In "The Bloody Chamber and Other Stories", Angela Carter appropriates some of Charles Perrault's classical plots calling it a "demythologizing business". The paper studies "social fictions" regarding women scrutinized in Carter's reinterpretations of Beauty and the Beast plot. As their overall structure analysis testifies, critical approach to conventional culture's concepts of gender predetermines the mode of narration – "stories about fairy stories" and female character perspective. These allow for the use of metacommentary that centres on economic issues concerning young women. Alongside with their fears, these issues are thematised by foregrounding recurrent motifs and law words. As the research shows, the major female character's motivations that their flat prototypes lack are exposed; the 1st person narration also absent in the pretext permits the author to articulate criticism of "social fictions" underlying classical fairy tales through the female character's mouthpiece in feminist terms. The introduction of a foil triggers the female character's self-discovery and the multiple reinterpretations of the same plot shattering its ruthless changelessness provide new life scenarios for her.

Key words: reinterpretation; twice-told tale; fairy tale; short stories; English literature; English women-writers; literary genres; metacommentary; social fictions, feminist criticism, female characters.

For citation: Atlas, A. Z. (2021). Demythologising Social Fictions in Angela Carter's Reinterpretations of Fairy Tales. In *Philological Class.* Vol. 26. No. 2, pp. 182–190. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-15.

О феномене удивительной живучести истории, рассказываемой в сказке, размышляют многие ученые. В литературе и искусстве, проходя через множественные пересказы, она не растрчивает себя – повторение для нее существенно. Эта мысль подчеркивается многими учеными: «истории совершенствуются с пересказом, они пересказываются бесконечно, и их рассказывают с тем, чтобы они рассказывались и дальше» [Kroeber 1992: 1]. Нарратив – это тип дискурса, наиболее поддающийся адаптации; она делает возможным одновременное сохранение и пересмотр его ключевых элементов. «При этом история, основанная на архаичном фольклоре, не превращается в окаменелый реликт... Ядро из мотивов, образов, героев и конфликтов остается неизменным. Однако в изменении формы, тональности и деталей история демонстрирует способность к выживанию» [Атлас 2015а: 25].

Чтение-пересмотр сказки как традиционного нарратива можно рассматривать в мифопоэтическом ракурсе как способ художественного освоения литературного прошлого, литературных мотивов и образов. Особый интерес представляет собой сознательная апелляция к конкретному тексту, которая приводит к обнажению или реконструкции

забытых первоначальных мотивов. Эти общечеловеческие схемы часто скрыты от глаз современного читателя в силу множества разных причин.

Феминистская критика и литература внесли решающий вклад в расшатывание устоявшегося мнения, что такие традиционные нарративы, как сказка и миф, закрыты для пересмотра. Осознание давления культурных, в том числе гендерных, стереотипов в том виде, в котором они были отражены, в частности, в классических мифах и фольклорной сказке, а в последующем с развитием книгопечатания зафиксированы и закреплены в литературных адаптациях сказки, привело к тому, что миф и сказка стали объектом пристального внимания женщин-писателей. Многие произведения конца XX века, подвергающиеся переписыванию и пересмотру значимую для социума историю, были написаны признанными писательницами, которые одновременно занимались преподавательской и исследовательской деятельностью, осуществляли трансляцию и интерпретацию культурных ценностей. В англоязычном академическом сообществе это такие представители интеллектуальной элиты, как Маргарет Атвуд (Канада), Джойс Кэрролл Оутс (США), а также Анжела Картер (Великобритания), чьи реин-

терпретации волшебных сказок являются материалом данного исследования.

В эссе, озаглавленном «Заметки с линии фронта», Картер определяет свою функцию как писателя следующим образом: «ускорить изменения в представлениях людей о себе», в том числе и посредством пересмотра «социальных мифов (social fictions), управляющих нашей жизнью» [Carter 1983: 70]. Под социальными мифами она имеет в виду культурные конструкты, которые сложились и прижились в социуме как вневременные, незыблемые истины. «Мы имеем склонность принимать на веру, – говорит она позже, в интервью, – идеи, образы и истории, не задумываясь над тем, что они значат» [Katsavos 1994: 12].

В упомянутом выше эссе Картер рассуждает о том, как медленно к ней пришло осознание, что сама она как женщина была создана средствами, находящимися вне ее контроля. Она делает широко известное заявление о том, что отныне занята «работой по демифологизации», и в этой связи свой интерес к мифам и сказкам она объясняет тем, что рассматривает их в качестве факторов, влияющих на процесс ‘создания’ женщины; она называет их «выдающимися выдумками, предназначенными для того, чтобы сделать людей несвободными» [ibid.: 71]. Представляется неслучайным, что К. Бакилега определяет обращение английской писательницы к сказкам, известным всем с детства, как «„метафольклорный“, археологический проект», цель которого – обнажить их идейную подоплеку (ideological workings of fairy tales) [Vacchilega 1997: 184].

В 1977 году Картер переводит на английский язык сказки Шарля Перро «Histoires ou Contes du temps passé». Вслед за этим она публикует сборник рассказов «The Bloody Chamber and Other Stories» (1979), который представляет собой авторское видение сюжетов таких сказок, как «Красавица и Чудовище», «Красная Шапочка», «Синяя Борода», причем отдельные сюжеты перелагаются ею дважды и даже трижды. Как замечает Салман Рушди, Картер «вскрывает для нас старую историю, как яйцо, чтобы обнаружить внутри новую историю, теперешнюю (the now-story), ту, что мы хотим услышать» [Rushdie 1995: xiv]. Примечательно, что и сама Картер называет свои

рассказы «stories about fairy stories» [Carter 1983: 71], из чего явствует, что определяющей в них является ее позиция в качестве читателя и, следовательно, интерпретатора исходных историй. Этот момент, в свою очередь, является ключевым при выборе ею способа представления перелагаемой истории: это «рассказ о рассказе», а он предполагает наличие, прежде всего, метакомментария во вторичном тексте.

Размышляя о сущностных свойствах реинтерпретации, П. С. Волкова справедливо замечает, что, представляя собой «непрерывный процесс осмысления традиции через ее одновременное восстановление и отражающее преломление, ...[реинтерпретация] изначально предполагает необходимость деятельного сотрудничества со стороны субъекта восприятия, который из стороннего наблюдателя превращается в одного из участников диалога» [Волкова 2009: 178–179]. В итоге «читатель интерпретирует и прототекст, и его интерпретацию автором нового произведения» [Лушниковна 2018: 135].

Очевидно, что работа над переводом классических сказок Перро подводит Картер к пониманию необходимости реинтерпретации сюжетов, известных читателю с детства. Мнения исследователей схожи относительно замысла писательницы. Так, Сильвия Брайант замечает: «Рассказать другую, отличную от прежней историю, представить и сконструировать *другое* как положительное отличие, а не отрицательное, предложить реальные возможности для идентификации в рамках этого отличия, идеологически подорвать *status quo* с тем, чтобы нарушить благодушное согласие с прежней историей со стороны читателей» [Bryant 1989: 452]. Ей вторит Э. Ли: Картер культивирует «точку зрения „чужого“ с тем, чтобы остранить (to defamiliarize) ту область, где правит привычка. ...Она побуждает читателя взглянуть на обыденные вещи с необычной стороны» [Lee 1997: 3]. Л. Сейдж, авторитетный исследователь творчества Картер, считает, что писательница «создала свои собственные, порой... насмешливо-пародийные, порой более деликатные вариации на тему классических сказочных сюжетов. Она пересказала эти сюжеты, намеренно вырвав их... из замкнутого пространства „историй

для детей" или „народного творчества" и поместив в область, лишённую неизменности – в мир перемен. ...Чудовища и принцессы покидают свои привычные места в старом сценарии и пересекают запретные границы» [Sage 1994: 18].

За всю историю своего бытования сказки, как известно, не раз меняли как саму форму бытования (переходили из устной формы в письменную и обратно и т. д.), так и аудиторию (с взрослой на детскую и обратно и т. д.). Так, сказки, зафиксированные в XVII–XVIII вв. Шарлем Перро и Жанной-Мари Лепренс де Бомон, изначально предназначались, вопреки представлениям современного читателя, не для детской аудитории. Эта «детская классика» представляла собой искусно сработанные аллегории, за сюжетом которых были скрыты заботы двора относительно социальной политики и нравов высшего общества Франции XVII века» [Orenstein 2002: 28]. Каждая из сказок заканчивается *moralité*, нравоучительным выводом, который в стихотворной форме суммирует рассказываемую историю в некий урок, сформулированный сквозь призму официальной, патриархальной морали. Вместе взятые, эти сказки представляют собой свод обязанностей, которые регулируют отношения придворных в Версале, дам и господ, а также суммарный образ центрального института, который их объединяет – института брака [ibid.: 33]. И этот образ далеко не романтичен, а часто и устрашающе непривлекателен.

Аристократический брак во Франции XVII века – это брак по расчету, *mariage de raison*, устраиваемый родителями для социально-экономического продвижения клана; часто он представляет собой не что иное, как взаимовыгодный и неприкрытый обмен имуществом разного порядка. Институт брака был защищен серией указов, которые давали родителям, а точнее отцам, законное право решать судьбы детей и выбирать им супругов. В соответствии с одним из них отец получал право держать взаперти или заключать в женский монастырь своих дочерей вплоть до замужества или достижения ими 25 лет, а «брак без родительского согласия рассматривался как соблазн или насильственное похищение женщины» [ibid.: 36]. Девственность явля-

лась необходимым условием *mariage de raison*, и придворным времен Людовика XIV, короля-солнце, вменялось беречь репутацию в великосветском обществе. По иронии судьбы это общество было известно похотью и развратом [Фукс 1994: 307–309].

В рассказах Картер «The Courtship of Mr Lyon» и «The Tiger's Bride», представляющих собой две авторские версии сказки «Красавица и Чудовище», тема экономической зависимости дочери от отца и, как следствие, прямой зависимости ее судьбы от экономической несостоятельности родителя выдвигается на первый план и становится лейтмотивом: «*Ruined once; then ruined again, as he [Beauty's father] had learnt from his lawyers that very morning; at the conclusion of the lengthy, slow attempt to restore his fortunes, he had turned out his pockets to find cash...*» [Carter 1995: 41–42]; «*[W]hen the Beast told her [Beauty] how he would aid her father's appeal against the judgment, she smiled... But when... the Beast... suggested... that she should stay here, with him, in comfort, while her father returned to London to take up the legal cudgels again, she... knew... that... her visit to the Beast must be, on some magically reciprocal scale, the price of her father's good fortune. ...she felt herself to be... sacrificial*» [ibid.: 45]; «*[H]er father was as good as rich again. ...the Beast was the source of his new prosperity*» [ibid.: 48]. Как видно из приведенных примеров, Картер достигает выдвижения важного мотива посредством тематизации экономической и правовой лексики.

В рассказе «The Tiger's Bride» этот мотив уточняется: при потере проигранного в карты имущества красота дочери превращается в товар, который отцу позволительно закладывать и обменивать, чтобы вернуть себе свободу. Мотив проигрыша дочери в карты появляется в сильной позиции, в самом начале рассказа: «*My father has lost me to The Beast at cards*» [Carter 1995: 51] и становится сквозным на протяжении всего рассказа: «*I watched... [how] my father... rids himself of the last scraps of my inheritance. When we left Russia, we owned black earth, blue forest with bear and wild boar, serfs, cornfields, farmyards, my beloved horses. ...What a burden all those possessions must have been to him, because he laughs as if with glee as he beggars himself; he is in such a passion to donate all to The Beast*» [ibid.: 52]; «*Gambling is a sickness. My father said he loved me yet he staked his daughter on a hand of cards*» [ibid.: 54]; «*now my own skin was*

my sole capital in the world and today I'd make my first investment» [ibid.: 56]; «*I certainly meditated on the nature of my own state, how I had been bought and sold, passed from hand to hand»* [ibid.: 63]; «*My father abandoned me to the wild beasts by his human carelessness»* [ibid.: 63].

При введении этого ключевого мотива в рассказы «The Tiger's Bride» и «The Courtship of Mr Lyon» автор использует метатексты, которые «проясняют „семантический узор“ основного текста» [Вежбицка 1978: 421]. Их объектом является не только сам исходный текст, но, что интересно в большей степени, и автоматизм читательского восприятия этого текста. Так, Картер изображает главную героиню, Красавицу, как неписывающуюся в ранг тех, кого можно беспрепятственно отдать в залог – в ранг привычно покорных и бездействующих героинь сказок. При описании того, чем Красавица должна будет заплатить Чудовищу за долг своего отца, рассказчик, как будто бы знакомый с одним из тезисов феминистской критики относительно ролей, навязываемых современным читателям с помощью безропотных героинь классических сказок, торопится упредить привычную реакцию читателя, обращаясь к нему: «*Do not think she had no will of her own; only, she was possessed by a sense of obligation to an unusual degree and, besides, she would gladly have gone to the ends of the earth for her father, whom she loved dearly»* [Carter 1995: 45–46].

В рассказе «The Courtship of Mr Lyon» Картер организует повествование таким образом, что в нем наряду с изложением истории, референтом которой является конкретная волшебная сказка, присутствуют и критические комментарии к другим подобным ей. Например, автор дает знать читателю, какую скуку наводят на Красавицу сказки французских придворных: «*[she found] a collection of courtly and elegant French fairy tales about white cats who were transformed princesses and fairies who were birds. ...[she] found herself yawning; she discovered she was bored»* [Carter 1995: 46]. В другом рассказе Картер, в основе которого лежит все тот же сказочный сюжет о Красавице и Чудовище, имеется отсылка к архаическому мотиву каннибализма. Няня Красавицы пугает свою воспитанницу тем, что станет с ней в случае непослушания – человек-тигр, Чудовище, проглотит ее, не жуя: «*the tiger-man... would put on*

his big black travelling cloak... and hire the Erl-King's galloper of wind and ride through the night to the nursery and –,

Yes, my beauty! GOBBLE YOU UP!

...Old wives' tales, nursery fears! ...superstitious marvels of my childhood» [Carter 1995: 56].

Няня рисует ей ситуацию, схожую с той, что происходит в басне Эзопа о няньке, пригрозившей ребенку, что отдаст его волку и тот его съест [Басни 1968: 109–110]; за этим следует комментарий Красавицы: «*Old wives' tales, nursery fears! ...superstitious marvels of my childhood»*. Этот, по сути, метакомментарий, включенный во вторичный текст, служит целям прояснения авторского видения главной героини текста-источника. Красавица из рассказа Картер испытывает страх не перед перспективой быть съеденной чудовищем, а перед перспективой пасть жертвой натурального обмена в сделке своего отца с Чудовищем, предпринятой с целью восстановления потерянного им имущества: «*when she saw him [the Beast] ...she felt herself to be... Miss Lamb, spotless, sacrificial. ...the price of her father's good fortune»* [Carter 1995: 45].

Характерно, что в другом рассказе из сборника «The Bloody Chamber and Other Stories», «The Company of Wolves», где вновь актуализируется мотив каннибализма, автор также использует метакомментарий, вложенный в уста героини вторичного текста:

«What big arms you have.

All the better to hug you with...

What big teeth you have!

All the better to eat you with.

The girl burst out laughing; she knew she was nobody's meat» [Carter 1995: 118].

Описание главной героиней волка, совпадающее с его привычным описанием из сказки о Красной Шапочке, почти достигнув высшей точки, вдруг прерывается, нарушая ожидания читателя. Вместо послушного исполнения роли пассивной жертвы главная героиня, в картеровской реинтерпретации безымянная в целях обобщения и знакомая с позицией феминистской критики относительно гендерного распределения ролей в сказке, высмеивает роль, предначертанную ей исходной сказкой – «*[some]body's meat»*.

Вместе с тем в рассказе «The Tiger's Bride» Красавица предстает потенциальной жертвой, но не Чудовища, а «социального кон-

структа женщины, который диктует ей повиноваться» [Walker 1995: 76]: «*I was a young girl, a virgin, and therefore men denied me rationality just as they denied it to all those who were not exactly like themselves. ...all the best religions in the world state categorically that not beasts nor women were equipped with the flimsy, insubstantial things when the good Lord opened the gates of Eden and let Eve and her familiars tumble out. I meditated on the nature of my own state, how I had been bought and sold, passed from hand to hand. That clockwork girl... Had I not been allotted only the same kind of imitative life amongst men that the doll-maker had given her?*» [Carter 1995: 63]. Автор рассказа выстраивает его так, что именно сама героиня «артикулирует свое осознание патриархатного понимания того, что есть женщина. Героиня, действующая *внутри* сказки, с пониманием рассуждает о том, что существует *вне* сказки» [Walker 1995: 75].

Примечательно, что, сократив набор героев исходной сказки до минимума, Картер вводит в рассказ новый персонаж – «*a soubrette... with glossy, nut-brown curls, rosy cheeks, blue, rolling eyes*» [Carter 1995: 59], заводную куклу, которую Чудовище посылает прислуживать Красавице. Та сначала воспринимает субретку как свой двойник, «*this clockwork twin of mine*» [ibid.: 60]: служанка с точностью воспроизводит механическое послушание Красавицы, демонстрирующей свою покорность с готовностью, как того от нее и ожидают. Но это зеркальное отражение ее собственных движений двойником заставляет Красавицу задуматься о себе, становится импульсом к познанию своей сущности, о чем свидетельствуют ее размышления о патриархатном конструкте женщины. В результате фигура заводной куклы приобретает бунтарские обертоны: Красавица отправляет ее вместо себя к своему отцу в качестве дочери – как жест непослушания, нежелания вписываться в сценарий, заданный отцом и всем непреложным ходом сказки.

В эссе «*In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales*», Дж. К. Оутс, автор многочисленных романов, сборников рассказов и эссе, пишет, что у Анны Секстон в цикле стихов «*Transformations*», перелагающих на современный лад сказки братьев Гримм, «женщины загнаны в силки повествуемой истории, как веревочные куклы, в то время как картеровские ге-

роини зачастую воспринимаются как упорствующие, действующие по-своему, добивающиеся самоопределения вразрез с их, казалось бы, предначертанными судьбами» [Oates 1998: 264]. Для Секстон сказки в том виде, как они записаны и отредактированы братьями Гримм – это застывший конструкт, и ее цель в «*Transformations*», как представляется, в том, чтобы показать их заданность путем следования сюжетам сказок в неизменности и таким образом акцентировать невозможность для женщины вырваться из их жестких схем, отражающих неизменные сценарии жизни. Отсюда следует изображение героинь «*Transformations*» в виде кукол-марионеток.

В отличие от Секстон, взгляд Картер на классические сказки оказывается менее пессимистичным, поскольку в своих рассказах она «демонстрирует ощущение потенциальной возможности для развития и превращения женщины в сильную и устойчивую личность» [Rose 1983: 222]. Картер достигает этого, как представляется, более свободным обращением с прецедентным текстом. Отклоняясь от исходного сюжета и предлагая две альтернативные версии (о множественном авторском пересказе одного и того же сказочного сюжета с включением мотивов из более чем одной литературно-художественной адаптации, предпринятой предшественником, см.: [Атлас 2015б]), она расшатывает сам сюжет и читательские стереотипы его восприятия. Автор также может следовать сюжету, но более тонко работать с ним, изнутри, предоставляя возможность героиням, взамен дистанцированного рассказчика традиционных версий, самим излагать события, участниками которых они являются. Перечень действующих лиц может пополняться за счет второстепенных героев, высвечивающих характерную черту главной героини в исходной сказке.

Тем самым Анжела Картер добивается принципиально важных результатов в своих реинтерпретациях известного сказочного сюжета. Во вторичном тексте, апеллирующем к тексту-источнику: 1) посредством выдвижения отдельных мотивов тематизируются имеющиеся в обществе практики в отношении женщин и тревоги и страхи, присущие молодым героиням; их поступки приобретают психологическую мотивировку, которая отсут-

ствуует у их плоскостных сказочных прототипов; 2) ввод в повествование второстепенного персонажа, заводной куклы, имитирующей действия Красавицы, высвечивает характерную черту последней – покорность – и приводит ее к переосмыслению своей внутренней сущности; 3) использование индивидуальной (женской) точки зрения, отсутствующей в традиционных сказочных нарративах, делает возможным критический комментарий к «социальным мифам» в традиционных нарративах («рефлексивное отношение к патриархальным художественным практикам» [Усманова 1999: 229]), который формулируется самой героиней с феминистских позиций.

Картер, безусловно, модернизирует исходные тексты сказок, ведь материальная, социальная и духовная среды существования чело века подвержены существенным изменениям с течением времени. Модернизация истории, помещение ее во вполне легко очерчиваемый новый исторический период, осуществляется через приметы времени – атрибуты XX века (*the telephone wires [are] down, the car, cash for petrol, a garage, a twenty-four-hour rescue service, a photograph, a thrilling telephone* и т. д.). Использование анахронизмов – это самый очевидный способ переориентировать исходный текст на потребности современного читателя.

Вместе с тем, как следует из приведенного выше анализа, автор не впадает в столь упрощенное осовременивание архаичного материала. Предпринятые Картер реинтерпретации старинных волшебных сказок идеологически ориентированы на современного читателя, 1980-х годов и далее, и включают в себя «импульсы, идущие от конкретно-исторической действительности» [Липовецкий

1992: 165]. По мнению Карла Крёбера, «в игре вокруг каждой истории задействован определенный экономический и идеологический контекст, из которого черпает свою уникальную форму специфический характер каждого пересказа истории и каждого отклика на нее» [Kroeber 1992: 11].

В уже упоминавшемся эссе Анжелы Картер называет ту часть своего творчества, которая связана с реинтерпретацией сказок, «работой по демифологизации» [Carter 1983: 71]: она подвергает сомнению истории, которые являются неотъемлемой частью нашего коллективного культурного архива. Отсюда и писательскую деятельность она воспринимает как составляющую «медленного процесса деколонизации языка и основных стереотипов мышления (*basic habits of thought*)» [ibid.: 75].

В каждую новую историческую эпоху контекст неизбежно влияет на проблематизацию тех аспектов в исходном тексте, которые перечитывающему и переписывающему этот текст кажутся существенными для его времени. Стремясь «постичь суть неуважения к женщине, что во многом деформирует нашу культуру» [ibid.: 73], Картер в своих рассказах, представляющих собой проекцию определенных сказочных мотивов и образов, пересматривает традиционные сюжеты, которые внушают патриархальную мораль. Перевод автором неявного содержания в явное, его развертывание и метакомментарий заставляют читателя, погруженного в современный идеологический и экономический контекст, задуматься о культурных конструктах, зафиксированных в сказке, и пересмотреть привычные взгляды на старые тексты.

Литература

- Атлас, А. З. Культурная память: сказка как механизм хранения и передачи информации / А. З. Атлас // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015а. – № 12–1 (54). – С. 24–26.
- Атлас, А. З. Вторичный текст: вариативность использования элементов повествования текста-источника / А. З. Атлас // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2015б. – № 175. – С. 6–15.
- Басни Эзопа / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова ; отв. ред. Ф. А. Петровский. – Москва : Наука, 1968. – 320 с.
- Вежбицка, А. Метатекст в тексте / А. Вежбицка ; пер. с польск. А. В. Головачевой // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1978. – Вып. VIII. – С. 402–421.
- Волкова, П. С. Реинтерпретация в свете философии искусства: к постановке проблемы / П. С. Волкова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 170–182.
- Липовецкий, М. Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов) / М. Н. Липовецкий. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1992. – 183 с.
- Лушникова, Г. И. Трансформация прототекста в современном художественном дискурсе: методология и методы анализа / Г. И. Лушникова // Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 130–136.

- Усманова, А. Политическая эстетика 'женского кино' в контексте феминистской кинотеории / А. Усманова // Гендерные исследования. – 1999. – № 3. – С. 225–235.
- Фукс, Э. Иллюстрированная история нравов: Галантный век : пер. с нем. / Э. Фукс. – М. : Республика, 1994. – 479 с.
- Bacchilega, C. *Postmodern Fairy Tales: Gender and Narrative Strategies* / C. Bacchilega. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – 208 p.
- Bryant, S. Re-Constructing Oedipus through “Beauty and the Beast” / S. Bryant // *Criticism*. – 1989. – Vol. 31, № 4. – P. 439–453.
- Carter, A. Notes from the Front Line / A. Carter // *On Gender and Writing* / ed. M. Wandor. – London : Pandora Press, 1983. – P. 69–77.
- Carter, A. *The Bloody Chamber and Other Stories* / A. Carter. – London : Vintage, 1995. – 126 p.
- Katsavos, A. A Conversation with Angela Carter / A. Katsavos // *Review of Contemporary Fiction*. – 1994. – Vol. 14, № 3. – P. 11–17.
- Kroeber, K. *Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times* / K. Kroeber. – New Brunswick ; New Jersey : Rutgers University Press, 1992. – 255 p.
- Lee, A. *Angela Carter* / A. Lee. – New York : Twaine Publishers, 1997. – 147 p.
- Oates, J. C. In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales / J. C. Oates // *Mirror, Mirror on the Wall: Women Writers Explore Their Favorite Fairy Tales* / ed. by K. Bernheimer. – New York ; London : Anchor Books ; Doubleday, 1998. – P. 247–272.
- Orenstein, K. *Little Red Riding Hood Uncloaced: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale* / K. Orenstein. – New York : Basic Books, 2002. – 289 p.
- Rose, E. C. *Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales* / E. C. Rose // *The Voyage In: Fictions of Female Development* / ed. by E. Abel, M. Hirsch, E. Langland. – Hanover, NH : University Press of New England, 1983. – P. 209–227.
- Rushdie, S. Introduction / S. Rushdie // *Carter A. Burning Your Boats: The Collected Short Stories*. – New York : Henry Holt, 1995. – P. ix–xiv.
- Sage, L. *Angela Carter* / L. Sage. – London : Northcote House ; British Council, 1994. – 77 p.
- Walker, N. *The Disobedient Writer: Women and Narrative Tradition* / N. Walker. – Austin : University of Texas Press, 1995. – 205 p.

References

- Atlas, A. Z. (2015a). Kul'turnaya pamyat': skazka kak mekhanizm khraneniya i peredachi informatsii [Cultural Memory: Fairy Tale as a Mechanism to Store and Transfer Information]. In *Philologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 12–1 (54), pp. 24–26.
- Atlas, A. Z. (2015b). Vtorichnyi tekst: variativnost' ispol'zovaniya elementov povestvovaniya teksta-istochnika [Re-writing Culturally Central Texts: Selection of Narrative Elements from Textual and Fine Arts Precedents]. In *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. I. Gertsena*. No. 175, pp. 6–15.
- Gasparov, M. L. (Ed.). (1968). *Basni Ezopa* [Aesop's Fables]. Moscow, Nauka. 320 p.
- Vezhbitska, A. (1978). Metatekst v tekste [Metatext in the Text]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, Progress. Issue VIII, pp. 402–421.
- Volkova, P. S. (2009). Reinterpretatsiya v svete filosofii iskusstva: k postanovke problemy [Reinterpretation in the Light of Art: Back to the Problem]. In *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 2, pp. 170–182.
- Lipovetsky, M. N. (1992). *Poetika literaturnoi skazki (na materiale russkoi literatury 1920–1980-kh godov)* [Poetics of the Literary Wondertale: on the Material of Russian Literature, 1920s–1980s]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 183 p.
- Lushnikova, G. I. (2018). Transformatsiya prototeksta v sovremennom khudozhestvennom diskurse: metodologiya i metody analiza [Prototext Transformation in Modern Fiction Discourse: Methodology and Methods of Analysis]. In *Gumanitarnye nauki*. No. 3, pp. 130–136.
- Usmanova, A. (1999). Politicheskaya estetika 'zhenskogo kino' v kontekste feministskoi kinoteorii [The Political Aesthetics of 'Female Films' in the Context of the Feminist Film Theory]. In *Gendernye issledovaniya*. No. 3, pp. 225–235.
- Fuks, E. (1994). *Illustrirovannaya istoriya нравов: gалантный vek* [Illustrated History of Mores: Fêtes Galantes]. Moscow, Respublika. 479 p.
- Bacchilega, C. (1997). *Postmodern Fairy Tales: Gender and Narrative Strategies*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 208 p.
- Bryant, S. (1989). Re-Constructing Oedipus Through *Beauty and the Beast*. In *Criticism*. Vol. 31. No. 4, pp. 439–453.
- Carter, A. (1983). Notes from the Front Line. In Wandor, M. (Ed.). *On Gender and Writing*. London, Pandora Press, pp. 69–77.
- Carter, A. (1995). *The Bloody Chamber and Other Stories*. London, Vintage. 126 p.
- Katsavos, A. (1994). A Conversation with Angela Carter. In *Review of Contemporary Fiction*. Vol. 14. No. 3, pp. 11–17.
- Kroeber, K. (1992). *Retelling / Rereading: The Fate of Storytelling in Modern Times*. New Brunswick, New Jersey, Rutgers University Press. 255 p.
- Lee, A. (1997). *Angela Carter*. New York, Twaine Publishers. 147 p.

Атлас А. З. Демифологизация культурных конструктов волшебных сказок в рассказах Анжелы Картер

Oates, J. C. (1998). In Olden Times, When Wishing Was Having: Classic and Contemporary Fairy Tales. In Bernheimer, K. (Ed.). *Mirror, Mirror on the Wall: Women Writers Explore Their Favorite Fairy Tales*. New York, London, Anchor Books, Doubleday, pp. 247–272.

Orenstein, K. (2002). *Little Red Riding Hood Uncloaced: Sex, Morality, and the Evolution of a Fairy Tale*. New York, Basic Books. 289 p.

Rose, E. C. (1983). Through the Looking Glass: When Women Tell Fairy Tales. In Abel, E., Hirsch, M., Langland, E. (Eds.). *The Voyage In: Fictions of Female Development*. Hanover, NH, University Press of New England, pp. 209–227.

Rushdie, S. (1995). Introduction. In *Burning Your Boats: The Collected Short Stories by Angela Carter*. New York, Henry Holt, pp. ix–xiv.

Sage, L. (1994). *Angela Carter*. London, Northcote House, British Council, . 77 p.

Walker, N. (1995). *The Disobedient Writer: Women and Narrative Tradition*. Austin, University of Texas Press. 205 p.

Данные об авторе

Атлас Анна Залмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, Институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48.

E-mail: anna_atlas@mail.ru.

Author's information

Atlas Anna Zalmanovna – Candidate of Philology, Associate Professor of English Language and Cultural Studies Department, Foreign Languages Institute, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 25.04.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 25.04.2021; date of publication: 30.06.2021

T. S. ELIOT'S "OLD POSSUM'S BOOK OF PRACTICAL CATS" IN THE CONTEXT OF "NURSERY RHYMES" TRADITION

Kristina M. Marshaniya

Tyumen State University (Tyumen, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-0079>

Abstract. This paper presents the results of a comparative study of the collection of poems *Old Possum's Book of Practical Cats* (1939) by T. S. Eliot and the collection of children's verses *Mother Goose Old Nursery Rhymes* (published in 1760), compiled and illustrated by A. Rackham (1913). Consisting of 15 poems, and distinguished by its frivolity against the background of other works by Eliot, the cycle *Old Possum's Book of Practical Cats* has been overlooked by both Russian and foreign researchers for a long time. Recently a surge of interest in this book of verse has been provoked by the release of a feature film *Cats* (2019) based on the world-famous musical by Andrew Lloyd Webber. This fact as well as the lack of serious academic studies of Eliot's book of verse has determined the urgency and novelty of this paper. It is also important to show the involvement of this segment of Eliot's poetry into the English literary tradition. The aim of this research is to identify the influence of Victorian aesthetics of nonsense on the poetry of T. S. Eliot's cycle. The method of comparative analysis has been chosen as the main research method. Besides, structural-semantic and linguistic-cultural methods have been used. In understanding and interpreting the term "tradition" the author relies on Eliot's aesthetics, in which this concept is central. The terminological unit "nursery rhymes" is used in its original traditional meaning since its historical and cultural background disappears in any Russian translation or scholarly interpretation. In the course of work, certain features of nursery rhymes have been identified in the poetic texts by the great Modernist. The study of the specificity of this genre (the playful atmosphere of the text, the special rhythms and forms of coding historical events, animalistic perspectives, the use of various repetitions and imitations, the creation of author's occasionalisms and unusual names of characters, etc.) confirms strong influence of the tradition of English nursery rhymes on T. S. Eliot's works.

Keywords: animal studies; poetic cycles; refrain; limerick; comparative studies; literary genres; literary creative activity.

Citation: Marshaniya, K. M. (2021). T. S. Eliot's "Old Possum's Book of Practical Cats" in the Context of "Nursery Rhymes" Tradition. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 191–199. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-16.

«ПОПУЛЯРНАЯ НАУКА О КОШКАХ, НАПИСАННАЯ СТАРЫМ ОПОССУМОМ» Т. С. ЭЛИОТА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ «NURSERY RHYMES»

Маршания К. М.

Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-0079>

Аннотация. В данной работе представлены результаты сравнительного исследования поэтического цикла «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота (1939) и сборника стихов для детей «Песни Матушки Гусыни» (опубл. в 1760), составленного и проиллюстрированного А. Рэкхемом (1913). Поэтический цикл «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом», состоящий из 15 стихотворений и выделяющийся своей несерьезностью на фоне остальных произведений Элиота, долгое время был обделен вниманием как российских, так и зарубежных исследователей-элиотоведов. Всплеск интереса к данному произведению в последнее время спровоцирован выходом на мировые экраны художественного фильма «Кошки» (2019), снятого по мотивам одноименного мюзикла Э. Л. Уэббера. Этот факт, а также отсутствие серьезных академических исследований цикла определяют актуальность и новизну данной работы. Также важным представляется показать включенность этого сегмента поэзии Элиота в английскую литературную традицию. Целью данной работы является выявление влияния эстетики викторианского нонсенса на поэтический цикл Т. С. Элиота. В качестве основного метода исследования был выбран метод сравнительно-сопоставительного анализа, а также использованы структурно-семантический и лингвокультурологический методы. В понимании и интерпретации термина «традиция» мы опираемся на элиотовскую эстетику, в которой это понятие занимает центральное место. «*Nursery rhymes*»

Маршания К. М. «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота...

как терминологическая единица используется нами в оригинальном варианте, так как в любом русском переводе исчезает ее историко-культурный фон. В ходе работы в текстах поэта-модерниста нами были выявлены определенные признаки, характерные для произведений «*nursery rhymes*». Анализ специфики стихотворений данного жанра (игровая атмосфера текста, особый ритм и форма кодирования исторических событий, анималистические ракурсы, использование различных повторов и подражаний, создание окказионализмов и необычных имен героев и т. п.) подтверждает влияние традиции английской детской фольклорной поэзии на творчество Т. С. Элиота.

Ключевые слова: анималистика; поэтические циклы; рефрен; лимерик; сравнительные исследования; литературные жанры; литературное творчество.

Для цитирования: Маршания, К. М. «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота в контексте традиции «*nursery rhymes*» / К. М. Маршания. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 191–199. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-16.

The concept of Tradition has always been crucial in T. S. Eliot's oeuvre. In his programmatic essay "Tradition and Individual Talent" (1919), included in his first collection of critical essays "*The Sacred Wood. Essays on Poetry and Criticism*" (1920), he claims that a poet must develop a conscious sense of the past and enrich it throughout his entire work. The famous modernist poet not only gives a definition for "tradition" but also emphasizes importance of historical background for writing and understanding poetry: "Tradition is a matter of much wider significance. It cannot be inherited, and if you want it you must obtain it by great labour. It involves, in the first place, the historical sense, which we may call nearly indispensable to anyone who would continue to be a poet beyond his twenty-fifth year; and the historical sense involves a perception, not only of the pastness of the past, but of its presence; the historical sense compels a man to write not merely with his own generation in his bones, but with a feeling that the whole of the literature of Europe from Homer and within it the whole of the literature of his own country has a simultaneous existence and composes a simultaneous order. This historical sense, which is a sense of the timeless as well as of the temporal and of the timeless and of the temporal together, is what makes a writer traditional. And it is at the same time what makes a writer most acutely conscious of his place in time, of his contemporaneity" [Eliot 1919: 55]. This idea of tradition, which requires a "*historical sense*" from the poet, was fundamental element of Eliot's aesthetic conception [Ushakova 2005]. Numerous examples of direct quotations,

allusions, a play with and around famous cultural events, names and themes indicate the poet's constant obsession of Literature of the Past and skillful inclusion of all this cultural arsenal of European tradition into his own works interpreting these cultural elements in a completely new way.

One of these traditional elements Eliot was slick about in his verse cycle "*Old Possum's Book of Practical Cats*" (published by Faber and Faber Publishing House in 1939) was the English traditional folklore "*Nursery Rhymes*" (hereinafter – NR). This book of verse consisting of 15 poems conveys the style of children's fables, the originality of which is due to such characteristic features as playful atmosphere of the text, bright and funny characters, creation of an easy and casual conversation to the reader, a special rhythmic structure through the system of repetitions, specific lexical composition, etc.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby gives the following definition of a term "*nursery rhyme*": "poem or song (usu traditional) for young children" [Hornby 1982: 72]. This term is translated into Russian as «детские песенки», «детские стишки», «потешки», «побасенки», «прибаутки» but all these versions of translation do not reveal its historical and cultural background. The British designate with this term all the variety of poems, songs, lullabies and counting rhymes for young children, which are passed down from adult generation to the younger one. However not every children's poem or any children's song deserve this glorious name (NR). As a rule, this term could be usually applied to very famous folklore works

and more than one generation of native English speakers have been brought up on them. Some poems and songs of this genre had been created by certain authors but often in spite of universal fame and popularity their authorship was lost, and they acquired the status of folklore works.

Children's folk poetry inspired many outstanding English authors including such famous poets as Edward Lear, Lewis Carroll, Elizabeth Bishop, Robert Louis Stevenson, James Joyce and others. NR are an integral part of British culture and should be considered as the foundation of Nonsense and Absurd Literature. Their first appearance in English plays might be dated since the second half of the 16th century but they were widely recorded only through the 18th century, when the emphasis in children's printed literature shifted from educational to entertaining [Fox 2000].

In the second half of the 18th century the English Publishing House of John Newbery presented a collection of children's poems "*Mother Goose's Melody, or, Sonnets for the Cradle*" (1760). The title of this book was borrowed from a famous French author Charles Perrault who published the first collection of children's fairy tales under the title "*Mother Goose's Tales*" ("*Les Contes de ma Mère l'Oie*") in 1697 which later became very popular in France and out of the country. For every English reader a collocation "*Mother Goose*" evokes associations not with a palmate bird but recreates the image of a NR storyteller. Ulteriorly this concept became to be associated to children's folklore poetry in many countries.

The specificity of the comic mode in absurd poetry reflects the idea of philosophical approach to the foundations of the universe: if one tries to understand them it is necessary to turn them upside down. The texts of "*Old Possum's Book of Practical Cats*" and "*Mother Goose Old Nursery Rhymes*" naturally combine incompatible features in one character, phenomenon or object, using such artistic means as paradox, grotesque, paronymy. Nonsense is the game between a poet and readers that obeys special rules and requires items to play with. In this case these are words, structures, names of objects, characters' names.

In the works under consideration the things that cannot exist or occur in reality look funny and ironic. The comic mode manifests itself through absurdity. It is impossible for a cat to be busy about

the house and feed mice with delicious dishes or to play the violin and wear gloves. The cat cannot be a famous illusionist as well as an old lady cannot live in a shoe, or cow cannot jump above the moon, and a little pig cannot eat roast beef for lunch. At the same time the playful nature of the poems allows their authors to reason on rather serious topics such as Religion, Philosophy, vandalism and crime, social inequality, etc.

Despite the playful tone of NR many scholars believe these rhymes had not been originally intended for children's audience. In her book "*Real Personages of Mother Goose*" (1930) Katherine Elwes Thomas provided an exploration of historical origin of the plots and heroes in many poems of this genre. She contributed the characters of famous NR to real persons and argued that those songs and poems not only carried an entertaining function but also represented a special form of coded historical stories looking as propaganda or protests [Elwes 1930]. This fact was also confirmed in the book "*The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*" by Robert Darnton arguing that famous "*Mother Goose Old Nursery Rhymes*" were created mostly to entertain adults. And later they were told for children to intimidate them. The author came to the conclusion that the majority of Nursery Rhymes did not reach the readers in their original form, strikingly different from those versions known among French peasants of the 17th–18th centuries. The original plots could frighten for their horrible details concerning rape and sodomy, incest and cannibalism. French storytellers of the 18th century did not hide their ideas under symbols. They bluntly portrayed the world full of terrible and undisguised cruelty [Darnton 1984].

As a link between the past and the present the nursery rhymes connect readers with people and events of the past with their society and culture and help to reveal the socio-cultural context. Hiding behind the playful manner Mother Goose's tales raise such issues as gender discrimination, class division, institutions of family and education, social structure and moral values [Kulshreshtha 2017].

However, it is worth noting that although many researchers consider NR as political and economic allusions there is no direct evidence that they have been just only popular songs of their time.

In this context it makes sense to consider the lullaby “Hush-a-bye Baby”:

*Hush-a-bye baby, on the tree top;
When the wind blows, the cradle will rock;
When the bough breaks, the cradle will fall;
Down will come baby, and cradle, and all*

[Rackham 1994: 14].

Samuil Marshak gives the following translation of these lines into Russian: «Баю-баю, детки / На еловой ветке. / Тронет ветер вашу ель – / Закачает колыбель. / А подует во весь дух – / Колыбель на землю бух!» [Marshak 2017: 39]. This nursery rhyme “refers to events preceding the Glorious Revolution. The baby in question is supposed to be the son of King James II of England, but was widely believed to be another man’s child, smuggled into the birthing room to ensure a Roman Catholic heir. The rhyme is laced with connotation: the “wind” may be the Protestant forces blowing in from the Netherlands; the doomed “cradle” the royal House of Stuart. The earliest recorded version of the words in print contained the ominous footnote: “This may serve as a warning to the Proud and Ambitious, who climb so high that they generally fall at last” [Burton-Hill http].

“Goosey, Goosey, Gander” is another story that reflects the times of religious persecution when Catholic priests had to pronounce their forbidden prayers in Latin secretly, often in seclusion of their own houses:

*Goosey, goosey, gander,
Whither shall I wander?
Upstairs and downstairs
And in my lady’s chamber.
There I met an old man
That wouldn’t say his prayers;
I took him by the left leg,
And threw him down the stairs*

[Rackham 1994: 14].

«...Я сердитый серый гусь, / Если надо – подерусь, / Потяну врага за ногу, / Подтащу его к порогу, / Вниз по лестнице спущу: / Осерчаю – не прощу!» [Marshak 2014: 87].

The song “Ladybird, Ladybird, Fly Away Home” also has connotations related to the position of Catholics and their priesthood in Protestant England of the 16th century, who were burned at the stake for their beliefs: “Ladybird, ladybird, fly away home, / Your house is on fire, your children are gone...” [Rackham 1994: 69].

In Eliot’s “Old Possum’s Book of Practical Cats” the examples of this historical coding can also be found. For instance, in the poem “Of the Awefull Battle of the Pekes and the Pollicles”:

*And so they stepped out, with their pipers in order,
Playing When the Blue Bonnets Came Over the Border*

[Ricks 2015: 19].

*Вольницыки их поспешили залиться
«Синими шапками на границе»*

[Eliot 2013: 374].

These lines are devoted to the real Procession that took place during the Scottish uprising in 1715. The fact is that throughout the 17th century the English throne was the subject of heated battles between Catholic Monarchs and pretenders to the throne who adhered to their fathers’ Reformed Faith. After the death of the Protestant William of Orange, a descendant of James II (who had been overthrown by William of Orange), re-entered Scotland. The devoted Catholic whose life goal was to convert England to the Roman Catholic Faith intended to create a monarchy based on the model of the kingdom of Louis XIV. He and his troops in blue Scottish Balmoral bonnets moved across the borders to London. The idea was to restore the Scottish Catholic Stuart dynasty to the throne. The uprising was suppressed, but the march survived all the later centuries, reminding even today of past rebellions and battles [Eliot 2012].

“Old Possum’s Book of Practical Cats” is endowed with historical references to the Past and Present. The poem “Growltiger’s Last Stand” is an allusion to the colonial problems of the British Empire. The title of the poem is associated with Custer’s Last Stand at the Battle of the Little Bighorn in June 1876 which was the most prominent action of the Great Sioux War. Another example, referring to specific historical events is the phrase “Indian Colonel” from the poem “Gus: the Theater Cat”, which hints at a period of history when part of the Indian subcontinent was ruled by Britain [Ricks 2015: 26].

Without going into details, it can be clearly seen that cats in Eliot’s poems, like characters in “Mother Goose Old Nursery Rhymes”, exist in different aesthetic paradigms and strata of society. Brilliant portraits of London inhabitants of the early 20th century are presented in an ironic and satirical manner. Burglars Mungojerrie and Rumpelteazer and a criminal Growltiger are ex-

cellent exponents of the lower strata of society, while Bustopher Jones is one of the representatives of the bourgeoisie. Different approaches to the development of feline imagery reflect different aspects of the poet's creative personality: a conservative ("royalist", "Anglo-Catholic" and a respectable bourgeois in everyday life) and at the same time an innovator, a "revolutionary" in art, a deep connoisseur of metaphysical poetry (a lover of the music hall and grassroots, popular culture of his time), etc. This issue deserves a separate consideration, but we will dwell on it in more detail in a separate study.

One of the remarkable characteristics of "Mother Goose Old Nursery Rhymes" and "Old Possum's Book of Practical Cats" is the anthropomorphism of the animals portrayed in the poetic texts. Animals are engaged into activities peculiar to human beings, they are surrounded by the objects from real human life, they can speak and thus express themselves. For example, a strict cat-mother and kittens from the song "Three Little Kittens" communicate with each other using a mixed human and feline language:

*Three little kittens, they lost their mittens,
And they began to cry,
Oh! mother dear,
We very much fear,
That we have lost our mittens.
What! Lost your mittens, you naughty kittens!
Then you shall have no pie.
Mee-ow, mee-ow, mee-ow,
Yes, you shall have no pie.
Mee-ow, mee-ow, Mee-ow*

[Rackham 1994: 16].

In Russian translation: «*Потеряли котятки / На дороге перчатки / И в слезах прибежали домой: / – Мама, мама, прости, / Мы не можем найти, / Мы не можем найти / Перчатки! / – Потеряли перчатки? / Вот дурные котятки! / Я вам нынче не дам пирога. / Мяу-мяу, не дам, / Мяу-мяу, не дам, / Я вам нынче не дам пирога!*» [Marshak 2017: 76].

This technique retains and conveys the main function of NR, which is to explain the laws of the surrounding reality and human society. In NR, as in children's poetry in general, there are practically no lyrics in its pure form. As a rule, children's poetry is focused not on the subject, but on the object, since the events taking place in the external world are of greater interest to children than the content of the poet's inner world.

However, Eliot's cats are not very talkative. In "Old Possum's Book of Practical Cats" only two of seventeen felines, Morgan and Gus, have voices and a reader can find the examples of their direct speech. "But from the title on, it is made clear that cats are just the topic of the poems, and cannot be, in any way, the major voice of the whole collection. Instead, Eliot's persona, Old Possum, is. Practical Cats is his book, and, in "The Naming of Cats", he repeatedly uses the I-pronoun as well as strong modal auxiliary verbs, such as "must" (v. 3-4), to establish his role as a guardian guiding us into the realms of a different species, like some sort of modern Orpheus" [Thiébaud http]. Thus, Eliot himself is hiding under the guise of Old Possum just as hundreds of storytellers stand behind the image of Mother Goose.

A special place in the animalistic world of "Old Possum's Book of Practical Cats" and "Mother Goose Old Nursery Rhymes" is occupied by cats who are presenting an important element of nonsense poetics. The world of cats in the British literary tradition is anthropomorphic and woven from paradoxes and absurdities. The images of English gentlemen and ladies can be easily detected in the habits and actions of furry heroes. Mother Goose's cats visit the Queen's Palace ("Pussy Cat, Pussy Cat, Where Have You Been?") and wear gloves. For small kittens as for many English children the worst punishment is to be deprived of pudding (pie) for dessert ("Three Little Kittens"). "Uncle" Eliot's cats (the poems were intended for his godchildren) are not inferior to folklore cats in a variety of life forms: Jellicle Cats arrange balls dancing a jig and a gavotte; Gus plays at the Theater; Bustopher Johnes goes to pubs, where he has a fun and samples the most exquisite dishes, or Mr. Mistoffelees, who amazes the audience with incredible tricks, etc. Nevertheless, not all cats have good manners and behavior. Sometimes they are reckless and lose those notorious gloves or playfully jump on a plum tree ("Diddlety, Diddlety, Dumpty"). Or like cats-thieves Mungojerrie and Rumpelteazer leave a chaos behind them reminding Oliver Twist and Jack Dawkins, the characters of the novel "Oliver Twist; or the Parish Boy's Progress; The Adventures of Oliver Twist" (1837–1839) by Charles Dickens.

Cats and nonsense writers get along with each other both in life and in books. It is well known that feline pets have always been Eliot's

companions. It is no coincidence that cats played an intrinsic role in his works. Feline images are able to convey body language or character traits, in particular of women. A well-known Russian researcher of English poetic tradition Olga Polovinkina considering one of Eliot's poems «Whispers of Immortality» in her article «Someone Grishkin from a Poem by T. S. Eliot: a Poetic Impression of 'Russian Seasons'» states that the feline smell exuded by Grishkina shocks with its material density [Polovinkina 2011]:

The sleek Brazilian jaguar
Does not in its arboreal gloom
Distil so rank a feline smell
As Grishkin in a drawing-room [Eliot 1925: 57].

Eliot could also permit himself liberties and “theological eddies wander through the Possum book”. According to Elizabeth Sewell, it makes sense for nonsense poetry to portray a cat like a “God, in miniature”. She believes that GREAT RUMPUSCAT creates this very image. Thus, a mysterious and criminal cat Macavity can be considered a “devil in miniature” for an analogy. Eliot made no secret that he was a devoted fan of the famous writer Arthur Conan Doyle, so he was definitely inspired by Professor Moriarty, one of the main characters of detective stories about Sherlock Holmes. “Old Deuteronomy” (which is also the title of the last book of the Pentateuch of Moses, containing the last instructions of Moses, given to the Jews before his death) and “The Naming of Cats” where the author speaks about “cat's three names, one of which is ineffable” are also examples of these religious allusions [Sewell 1983: 71].

There is also a number of specific features such as rhyme, rhythm, meter, etc. that serve as confirmation for the fact that NR tradition is assimilated and continued in “*Old Possum's Book of Practical Cats*”. Children's folk poetry is characterized by short lines with a small number of metric feet, as well as adjacent (*aabb*) and cross (*abab*) types of rhyme. However, the collection “*Mother Goose Old Nursery Rhymes*” presents a huge variety of other types of rhyme, for example, ternary (*aabccb*), as in the song “Rub-a-dub-dub” or trip-let (*aaa*):

Cry Baby, Cry,
Put your finger in your eye.
And tell your mother it wasn't I [Rackham 1994: 50].

In “*Old Possum's Book of Practical Cats*” we can observe the diversification of stanza patterns (from quatrains to eight verses) and types of rhyme. The poems “The Naming of Cats”, “The Song of Jellicles”, “Old Deuteronomy” are based on the cross rhyme *abab*. “Growltiger's Last Stand”, “Gus: The Theater Cat” are based on the adjacent (paired) rhyme *aabb* and in the poem “Of the Awefull Battle of the Pokes and Policles” a parallel “three-line” rhyme *aaabbb* is used.

One of the traditional genres peculiar for children's folklore poetry is a limerick. In *Encyclopaedia Britannica* a limerick is defined as “a popular form of short, humorous verse that is often nonsensical and frequently ribald. It consists of five lines, rhyming *aabba*, and the dominant metre is anapestic, with two metrical feet in the third and fourth lines and three feet in the others” [Encyclopaedia Britannica [http](http://)]. For example:

Diddlety, diddlety, dumpty;
The cat ran up the plum tree.
Half-a-crown
To fetch her down;
Diddlety, diddlety, dumpty [Rackham 1994: 30].

This form can be found in the concluding part of Eliot's poem “Gus: The Theatre Cat”:

These modern productions are all very well,
But there's nothing to equal, from what I hear tell,
That moment of mystery
When I made history
As Firefrowefiddle, the Fiend of the Fell

[Ricks 2015: 26].

The first line of limericks traditionally introduces the name of a character and the place of their origin (mostly toponyms). The second line presents the actions or features of the character. The last line sets out the consequences of their actions or personal features. In early limericks the last line was often essentially a repeat of the first line, although this is no longer customary. A Russian author E. V. Klyuev remarks that toponym is usually rhymed with the most significant oddity which is the essence of the text of limericks so that readers should definitely get an impression that the place has an impact on a character [Klyuev 2000].

Eliot uses this peculiarity of a well-established traditional poetic form in his cycle but rather imitating Edward Lear who changed the traditional form placing the character's name in a strong position at the beginning of the line. Most

poems in *"Old Possum's Book of Practical Cats"* are about a special member of the feline family. The author focuses readers' attention on the image of his character introducing a feline name in the title of a poem and necessarily indicating it in the first line. As for the place of character's origin the poet inserts cultural "inclusions" into his texts allowing a reader to guess it. Such places as St. James's Street, Bloomsbury Square, Pall Mall convey a particular meaning for an English-speaking reader evoking specific associative series, and also endowing the character living in these geographical realities with certain features.

Repetition system is another vehicle by which special melody and relation to NR are attained. Manifested at different levels (word, word combination, verse, the principle of depicting characters, etc.) this technique can be found in every poem of the cycle and thereby creates a holistic perception of the work.

The distinctive feature of almost all poems in *"Old Possum's Book of Practical Cats"* is a refrain, a bright stylistic device that also characterizes NR and nonsense literature. It is an important means of enhancing the emotional expressiveness of the work which focuses the reader's attention on the main idea of the text contributing to its rapid memorization. Refrains in *"Old Possum's Book of Practical Cats"* poems can occupy different positions in the text and their length varies from one line (*"The Rum-Tum-Tugger"*) to six (*"Old Deuteronomy"*).

Occasionalisms and onomatopoeia inherent in English children's poetic texts also contribute to convey rhythm and expressiveness. In Eliot's texts similar to many examples in *"Mother Goose Old Nursery Rhymes"* (for example, *"Ding, Dong, Bell"*), some occasionalisms have been built on the principle of sound associations, for instance, onomatopoeia *"ker-flip, ker-flop"* in a poem *"Growl-tiger's Last Stand"* (in Russian translations the analogues are *"буль-буль"* or *"плюх-поплюх"*) [Eliot

1999: 19]. Another option is imitation of animal voices such as *"mee-ow"*, *"miow"*, *"miew"* and *"purr"* in a poem *"Three Little Kittens"* or *"Wee, wee, wee!"* in *"This Little Pig Went to Market"* [Rackham 1994: 16-17, 65]. There is only one example of this kind in *"Old Possum's Book of Practical Cats"*: *"Bark bark bark bark"* in *"Of the Awefull Battle of the Pekes and the Pollicles"* [Ricks 2015: 18].

Eliot's tribute to Historical and Cultural Tradition of Nursery Rhymes can be recognized in his other works as well. The poet uses *"London Bridge is Falling Down"* in the postlude of *"The Waste Land"* where he personifies the bridge with Dante's limbo. This dark humor is also typical for English folk poetry.

Appeared centuries ago, as folklore, NR poetry was created to be read aloud. These poems impress the reader by their very sound. They possess a special magnetic musical rhythm which unites the poems from the *"Mother Goose Old Nursery Rhymes"* collection and Eliot's *"Old Possum's Book of Practical Cats"*: they magically revive when they are recited or sung. It may seem that all these pieces of text are playful, light and non-intellectual, but the irony is in the fact that the most famous "nonsense" poems carry significant thought-provoking message.

Comparative analysis showed some similarities between *"Old Possum's Book of Practical Cats"* by T. S. Eliot and *"Mother Goose Old Nursery Rhymes"* compiled by A. Rackham. They are vivid animal images, outlandish word forms, resembling poetic structures and techniques such as limericks, refrain, etc.

Literary beasts in these works remind people in animal disguise and exhibit appearance and character features of the British. All parallels presented above allow us to conclude that the tradition of English nursery rhymes has a formidable impact on the poetic structure of *"Old Possum's Book of Practical Cats"* by T. S. Eliot.

Литература

- Клюев, Е. В. Теория литературы абсурда / Е. В. Клюев. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 192 с.
 Маршак, С. Я. Когда я стану королем. Английские детские песенки / С. Я. Маршак, А. И. Маршак. – М. : АСТ, 2014. – 178 с.
 Маршак, С. Я. Стихи и песенки Матушки Гусыни / С. Я. Маршак, А. И. Маршак. – М. : Росмэн-Пресс, 2017. – 128 с.
 Половинкина, О. И. Некто Гришкина из стихотворения Т. С. Элиота: поэтическое впечатление о «Русских сезонах» / О. И. Половинкина // Проблемы современной компаративистики / сост. Е. Луценко, И. Шайтанов. – М. : Журн. «Вопросы литературы», 2011. – С. 230–241.

Маршания К. М. «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» Т. С. Элиота...

Ушакова, О. М. Т. С. Элиот и европейская культурная традиция = T. S. Eliot and European Cultural Tradition : монография / О. М. Ушакова. – Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2005. – 220 с.

Хорнби, А. С. Толковый словарь современного английского языка для продвинутого этапа: Специальное издание для СССР. Т. II М–Z / А. С. Хорнби. – М. : Русский язык ; Оксфорд юниверсити пресс, 1982. – 528 с.

Элиот, Т. С. Книга о котках : в пер. В. Бетаки и англ. оригинале / Т. С. Элиот. – М. : Захаров, 1999. – 80 с.

Элиот, Т. С. Практическое котоведение // Т. С. Элиот ; пер. с англ. и коммент. С. Г. Дубовицкой. – СПб. ; М. : Летний сад, 2012. – 96 с.

Элиот, Т. С. Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом / Т. С. Элиот // Элиот Т. С. Стихотворения и поэмы / пер. В. Топорова, А. Сергеева, Ю. Рац. – М. : АСТ, 2013.

Burton-Hill, Cl. The Dark Side of Nursery Rhymes / Cl. Burton-Hill. – 2015. – URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20150610-the-dark-side-of-nursery-rhymes> (mode of access: 14.12.2020). – Text : electronic.

Darnton, R. The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History / R. Darnton. – New York : Basic Books, 1984. – 298 p.

Elwes, K. Real Personages of Mother Goose / K. Elwes. – Lothrop, Lee & Shepard Co., 1930. – 360 p.

Eliot, T. S. Tradition and Individual Talent / T. S. Eliot // *The Egoist*. – 1919. – Vol. VI, № 4. September, December. – P. 54–55, 72–73.

Eliot, T. S. Poems 1909–1925 / T. S. Eliot. – London : Faber & Gwyer, 1925. – 99 p.

Encyclopaedia Britannica. – URL: <https://www.britannica.com/art/limerick-poetic-form> (mode of access: 15.03.2021). – Text : electronic.

Fox, A. Oral and Literature Culture in England, 1500–1700 / A. Fox. – Oxford University Press, 2000. – 202 p.

Kulshreshtha, Ch. Nursery Rhymes: A Linkage Between Society and Culture / Ch. Kulshreshtha // *IJELLH*. – 2017. – Vol. V, Issue IX, September. – P. 13–22.

Rackham, A. Mother Goose Old Nursery Rhymes / A. Rackham. – Wordsworth Editions Limited, 1994. – 126 p.

Ricks, Ch. The Poems of T. S. Eliot. Volume II. Practical Cats and Further Verses / Ch. Ricks, J. McCue. – London : Faber and Faber, 2015. – 667 p.

Sewell, E. Lewis Carroll and T. S. Eliot as Nonsense Poets / E. Sewell // *Eliot T. S. A Collection of Critical Essays* / ed. by K. Hugh, Cl. Englewood. – N. J., 1983. – P. 65–72.

Thiébaud, E. Talking animals and talking cats in *The Old Possum's Book of Practical Cats* and its musical adaptation / E. Thiébaud. – URL: https://www.academia.edu/41829495/Talking_animals_and_talking_cats_in_The_Old_Possums_Book_of_Practical_Cats_and_its_musical_adaptation (mode of access: 15.12.2020). – Text : electronic.

References

Burton-Hill, Cl. (2015). *The Dark Side of Nursery Rhymes*. URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20150610-the-dark-side-of-nursery-rhymes> (mode of access: 14.12.2020).

Darnton, R. (1984). *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. New York, Basic Books. 298 p.

Eliot, T. S. (1925). *Poems 1909–1925*. London, Faber & Gwyer. 99 p.

Eliot, T. S. (1999). *Kniga o kotakh* [The Book about Cats] / transl. by V. Betaki. Moscow, Zaharov. 80 p.

Eliot, T. S. (1999). Tradition and Individual Talent. In *The Egoist*. Vol. VI. No. 4, September, December, pp. 54–55, 72–73.

Eliot, T. S. (2012). *Prakticheskoe kotovedenie* [Practical Cat Science] // transl. by S. G. Dubovickaya. Saint Petersburg, Moscow, Letnii sad. 96 p.

Eliot, T. S. (2013). Populyarnaya nauka o koshkakh, napisannaya Starym Opossumom [Old Possum's Book of Practical Cats]. In Eliot, T. S. *Stikhotvoreniya i poemy* / transl. by V. Toporov, A. Sergeev, Yu. Rac. Moscow, AST. 605 p.

Elwes, K. (1930). *Real Personages of Mother Goose*. Lothrop, Lee & Shepard Co. 360 p.

Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/limerick-poetic-form> (mode of access: 15.03.2021).

Fox, A. (2000). *Oral and Literature Culture in England, 1500–1700*. Oxford University Press. 202 p.

Khornbi, A. S. (1982). *Tolkoviy slovar' sovremennogo angliiskogo yazyka dlya prodvnutogo etapa: Spetsial'noe izdanie dlya SSSR* [Explanatory Dictionary of Contemporary English for Advanced Level: Special Edition for the USSR]. Vol. II М–Z. Moscow, Russkii yazyk, Oksford yuniversiti press. 528 p.

Klyuev, E. V. (2000). *Teoriya literaturny absurda* [The Theory of Nonsense Literature]. Moscow, Izdatel'stvo URAO. 192 p.

Kulshreshtha, Ch. (2017). Nursery Rhymes: A Linkage Between Society and Culture. In *IJELLH*. Vol. V. Issue IX, September, pp. 13–22.

Marshak, S. Ya., Marshak, A. I. (2014). *Kogda ya stanu korolem. Angliiskie detskie pesenki* [When I Become a King. English Nursery Rhymes]. Moscow, AST. 178 p.

Marshak, S. Ya., Marshak, A. I. (2017). *Stikhi i pesenki Matushki Gusyni* [Verses and Songs of Mother Goose]. Moscow, Rosmen-Press. 128 p.

Polovinkina, O. I. (2011). Nekto Grishkina iz stikhotvoreniya T. S. Eliota: poeticheskoe vpechatlenie o «Russkikh sezonakh» [Someone Grishkin from a Poem by T. S. Eliot: a Poetic Impression of “Russian Seasons”]. In *Problemy sovremennoi komparativistiki*. Moscow, Zhurnal «Voprosy literatury», pp. 230–241.

Rackham, A. (1994). *Mother Goose Old Nursery Rhymes*. Wordsworth Editions Limited. 126 p.

Ricks, Ch., McCue, J. (2015). *The Poems of T. S. Eliot. Volume II. Practical Cats and Further Verses*. London, Faber and Faber. 667 p.

Sewell, E. (1983). Lewis Carroll and T. S. Eliot as Nonsense Poets. In *Eliot, T. S. A Collection of Critical Essays* / ed. by K. Hugh, Cl. Englewood. N. J., pp. 65–72.

Marshaniya K. M. T. S. Eliot's "Old Possum's Book of Practical Cats" in the Context of "Nursery Rhymes"...

Thiébaud, E. *Talking Animals and Talking Cats in The Old Possum's Book of Practical Cats and Its Musical Adaptation*. URL: https://www.academia.edu/41829495/Talking_animals_and_talking_cats_in_The_Old_Possums_Book_of_Practical_Cats_and_its_musical_adaptation (mode of access: 15.12.2020).

Ushakova, O. M. (2005). *T. S. Eliot i evropeiskaya kul'turnaya traditsiya* [T. S. Eliot and European Cultural Tradition]. Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 220 p.

Данные об авторе

Маршания Кристина Михайловна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Адрес: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6.

E-mail: christy-m@mail.ru.

Author's information

Marshaniya Kristina Mikhailovna – Postgraduate Student of Department of Russian and Foreign Literature, Tyumen State University (Tyumen, Russia).

Дата поступления: 27.04.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 27.04.2021; date of publication: 30.06.2021

КОНТАМИНАЦИЯ ТЕНДЕНЦИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ПОСТ-ПОСТМОДЕРНИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. ФРАНЗЕНА

Лушникова Г. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>

Осадчая Т. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

А н н о т а ц и я . Предметом настоящего исследования являются признаки основных литературных направлений – постмодернизма и пост-постмодернизма – в романах современного американского писателя Дж. Франзена, что определяет цель статьи – выявить, охарактеризовать и проанализировать ведущие черты новых тенденций, получивших оригинальное преломление в его творчестве. Представлен краткий обзор философских, культурологических и литературоведческих работ отечественных и зарубежных авторов, в которых определяются векторы развития литературного процесса на современном этапе, выдвигаются разные гипотезы по поводу определения этих векторов, дается их характеристика, предлагаются новые термины для их обозначения. На конкретном материале романов Дж. Франзена «Поправки» и «Безгрешность» изучаются постмодернистские и пост-постмодернистские тенденции, которые получают в них своеобразное преломление и служат для воплощения авторских идей, раскрытия главных тем, создания образов персонажей и выражения модальности повествования. Ключевым методом исследования является метод интерпретационного анализа, предполагающий выявление содержательно-смысловых доминант и интерпретацию художественного текста в рамках литературного контекста, определяющего включенность произведения в систему литературных направлений и течений. Данный метод позволил на материале изучаемых произведений идентифицировать разнообразные тенденции, характерные для литературного процесса эпохи пост-постмодернизма в целом, главными из которых представляются отсутствие четкой границы между постмодернизмом и пост-постмодернизмом, реализация и сложное переплетение элементов таких новых течений, как метамодернизм, космодернизм, диджимодернизм, автодернизм. Полученные результаты могут быть применены в литературоведческом анализе произведений современной художественной литературы, практическое использование которого возможно в исследовательских работах разного уровня и в преподавательской деятельности филологических факультетов вузов. Общий вывод проведенного исследования заключается в том, что романы Дж. Франзена демонстрируют своеобразные черты постмодернизма и пост-постмодернизма, в них осуществляется и отказ от постмодернизма, и одновременно следование ему, возврат к реалистическим традициям и актуализация тенденций новых литературных направлений.

К л ю ч е в ы е с л о в а : литературные направления; постмодернизм; пост-постмодернизм; контаминация литературных направлений; метод интерпретационного анализа; Дж. Франзен.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Лушникова, Г. И. Контаминация тенденций постмодернизма и пост-постмодернизма в творчестве Дж. Франзена / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 200–211. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-17.

CONTAMINATION OF POSTMODERNIST AND POST-POSTMODERNIST TENDENCIES IN THE WORKS BY J. FRANZEN

Galina I. Lushnikova

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>

Tatiana Yu. Osadchaia

V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>

Abstract. The study focuses on the manifestation of the main literary trends – postmodernism and post-postmodernism – in the novels of the contemporary American writer J. Franzen, which has determined the purpose of the paper – to identify, characterize and analyze the leading features of the new literary tendencies that have obtained original interpretation in the writer's literary creative activity. The article gives a brief overview of philosophical, cultural and literary criticism studies of both home and foreign scholars, which describe the vectors of development of the literary process at the present stage, pose various hypotheses with reference to the definition of these vectors, characterize them and suggest new terms for their nomination. The postmodernist and post-postmodernist tendencies are explored on the concrete material of the novels *The Corrections* and *Purity* by J. Franzen, in which they receive original interpretation and serve the purpose of impersonating the author's ideas, unfolding the main themes, creating the characters and expressing the narration modality. The key method of research used in this paper is the method of interpretive analysis, which involves identifying content and semantic dominants and interpreting a work of fiction within a certain literary context, determining the inclusion of this work in the system of current literary movements and trends. The interpretive analysis of the works under investigation revealed various tendencies typical for the literary process of the post-postmodern era on the whole, the most important of which are the following: no clear distinction between postmodernism and post-postmodernism; realization and sophisticated interaction of elements of such new trends as metamodernism, cosmopolitanism, digimodernism, and automodernism. The results of the study can be used in literary analysis of modern fiction, and specifically in research works of different levels and in teaching at philological faculties of universities. The study argues that the novels by J. Franzen demonstrate the specific features of postmodernism and post-postmodernism, which reject the postmodernist principles and at the same time follow them, return to the realistic traditions and actualize new literary tendencies.

Keywords: literary trends; postmodernism; post-postmodernism; contamination of literary tendencies; method of interpretive analysis; J. Franzen.

For citation: Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. (2021). Contamination of Postmodernist and Post-Postmodernist Tendencies in the Works by J. Franzen. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 200–211. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-17.

Концепцию смены парадигм в культуре выдвинул Томас Кун в 60-е годы XX в. В настоящее время ученые говорят о процессе постепенной смены парадигмы постмодернизма на парадигму пост-постмодернизма. Очевидно, что данная смена происходит постепенно и многие современные авторы продолжают следовать принципам постмодернизма. По справедливому замечанию литературоведа Ли Константину, «в действительности авторы многих современных произведений художественной литературы продолжают использовать стили постмодерна и эксплуатировать характерные для него темы» [Метамодернизм... 2020: 223]. Исследователи указывают, что произведения последних двух десятилетий можно отнести к трансформировавшемуся или «позднему» постмодернизму.

Различные аспекты процесса смены культурной парадигмы становились предметом изучения таких отечественных ученых, как М. Н. Эпштейн, Ю. Б. Борев, Н. Б. Маньковская, В. А. Кувакина, В. Н. Курицын, зарубеж-

ных культурологов Д. Радрама и Н. Ставриси и других.

По мнению американского ученого П. Куртца, «ныне рождается четвертая, пост-постмодернистская парадигма. Она пост-индустриальна по духу и основывается на информационной революции, а также на тех новых драматических реалиях земной цивилизации, в которых мы, члены единой человеческой семьи, принимаем участие. Новая парадигма идет дальше Просвещения XVIII века, хотя и зиждется на заложенных им основаниях, в особенности на вере в человеческие силы и прогресс. Информационный век своим стремительным, поистине захватывающим дух броском преодолевает и вытесняет постмодернистский пессимизм уходящего XX века» [Куртц 2000]. Концептуальным ядром пост-постмодернистской парадигмы П. Куртц считает светский гуманизм.

Парадигму пост-постмодернизма разрабатывают, в первую очередь, ученые-философы. М. А. Можейко рассматривает совре-

менные социокультурные трансформации в обществе и делает выводы о философских основах пост-постмодернизма [Можейко 2016]. О. А. Погодина исследует пост-постмодернистскую культурную парадигму в социальной философии, в частности, изучая и анализируя идеи П. Куртца [Погодина 2012]. А. В. Павлов посвятил свое диссертационное исследование философии культуры в пост-постмодернизме [Павлов 2019с]. Он указывает, что водоразделом двух парадигм можно назвать 2000 год: «2000 год – символическая дата для отхода от постмодерна и перехода к постпостмодерну. Это не только официальное начало нового тысячелетия, то есть фактически очередной исторической эпохи, но также и водораздел, иллюстрирующий усталость от старых теорий и отчаянные попытки предложить новые. С 2000 года разные авторы начинают предлагать собственные варианты языков описания эры XXI столетия» [Павлов 2019с: 13].

По словам А. В. Павлова, многие ученые выдвигают идею о метамодернизме как сменяющей постмодерн культурной парадигме: «Одной из последних интеллектуальных альтернатив постмодерну стал метамодернизм, предложенный двумя европейцами Тимотеусом Вермюленом и Робинном ван ден Аккером. В 2010 году они опубликовали своеобразный манифест „Заметки о метамодернизме“, в котором постарались доказать, что в новой культуре произошел поворот от цинизма и иронии к искренности и романтике. Этот поворот свидетельствует о возникновении новой эпохи метамодерна» [Павлов 2018b: 2]. Идея метамодернизма достаточно емкая, поскольку, по мысли авторов, органично объединяет в себе принципы предшествовавших направлений, не совпадая при этом ни с одним из них: «... метамодерн располагается между искренним энтузиазмом, глубиной или наполненностью модерна, с одной стороны, и безучастной иронией, поверхностностью или бессодержательностью постмодерна, с другой, несколько не отменяя модерна и постмодерна целиком, а лишь отодвигая их на второй план подобно тому, как движение маятника отвлекает нас от своих крайних точек» [Морозов 2019: 241].

А. В. Павлов, однако, подвергает тезис о парадигме метамодернизма критической

оценке и в своих исследованиях показывает, что существует ряд других течений, которые также реализуются в рамках парадигмы начала XXI века.

Как альтернативу метамодернизму Н. Б. Афанасов и А. В. Павлов рассматривают концепцию космодернизма, предложенную американским философом Кристианом Морару: «...космодернизм в понимании Морару – это что-то вроде „культурной логики поздней глобализации“ <...>. Поздняя глобализация космодернизма – это не американизация, но скорее все формы диалога и взаимодействия между культурами, которые теперь делает возможным наше гиперсетевое состояние» [Афанасов, Павлов 2019: 51].

В серии статей А. В. Павлов изучает и критически оценивает идеи нескольких концепций: диджимодернизма (или цифромодернизма) английского литературоведа и теоретика культуры Алана Кирби, которая «посвящена преимущественно цифровому измерению перемен в обществе» [Павлов 2018a: 198]; гипермодернизма французского социального философа Жюль Липовецкого, главными элементами которого можно назвать «гипериндивидуализм и гиперконсюмеризм» [Павлов 2019a: 28]; сверхмодернизма французского антрополога Марка Оже, нидерландского историка архитектуры Ганса Ибелинга и испанского историка Альфредо Гонзалеса-Руибала, которая может быть охарактеризована «тремя избытками: избытком времени, избытком пространства и индивидуализацией референций» [Павлов 2019b: 72], что неизбежно ведет к усилению чувства одиночества каждого отдельного человека. Д. А. Мазоренко изучает и критически оценивает идею американского социального теоретика Роберта Сэмюэлса, сформулировавшего проект автомодернизма, который рассматривает социальные отношения через призму «высокотехнологичной глобализации» [Мазоренко 2019: 205] современного общества, которая ведет к крайней разобщенности его членов.

Помимо ученых-философов возможные парадигмы в эпоху пост-постмодернизма становились предметом изучения ученых-культурологов. Так, Е. Б. Липский рассматривает возможности пост-постмодернизма в

современном искусстве. По его словам, «в классификационном плане пост-постмодерн наследует постмодернизму и трактуется как один из этапов эпохи „постмодерности“ (М. Эпштейн); конец „героического“ периода постмодернизма и перехода к „мирной жизни“ (В. Курицын), т. е. свидетельство истощенности, усталости постмодернизма» [Липский 2012: 30]. Исследователь выделяет ключевые элементы новой парадигмы для русского пост-постмодернизма: «характерными особенностями русского пост-постмодернизма являются новая искренность и аутентичность, новый гуманизм, новый утопизм, сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему, сослагательность, „мягкие“ эстетические ценности» [Липский 2012: 31]. Весьма вероятно, данные характеристики можно отнести и к пост-постмодернизму в целом. А. Н. Тормахова исследует такие направления в современной культуре, как диджимодернизм А. Кирби, перформатизм Р. Эшельмана и метамодернизм Т. Вермьюлина / Р. ван ден Аккера [Тормахова 2016]. Диджимодернизму А. Кирби как новой культурной доминанте посвятил исследование Э. Е. Сафонов [Сафонов 2019].

Парадигме пост-постмодернизма посвящают работы и ученые-литературоведы.

За последние годы в зарубежном литературоведении появилось несколько монографий, которые рассматривают направления развития культуры и искусства в эпоху пост-постмодернизма. Среди значимых исследований следует назвать следующие работы: Gilles Lipovetsky *Hypermodern Times* [Lipovetsky 2005], Nicolas Bourriaud *Altermodernism* [Bourriaud 2009], Raoul Eshelman *Performatism* [Eshelman 2008], Alan Kirby *Digimodernism* [Kirby 2009], Christian Moraru *Cosmodernism* [Moraru 2010], Jeffrey Nealon *Post-Postmodernism* [Nealon 2012], Robin van den Akker, Alison Gibbons, Timotheus Vermeulen *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism* [Metamodernism 2017]. Особый интерес вызывает антология большинства версий пост-постмодернизма – David Rudrum, Nicholas Stavris *Supplanting the Postmodern* [Supplanting the Postmodern 2015].

Данная проблема находится и в центре внимания отечественных исследователей. Б. М. Проскурнин изучает направления развития британской прозы в эпоху пост-пост-

модернизма, вынося в заглавие своей статьи названия литературных направлений со знаком вопроса («Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе») [Проскурнин 2010]. Д. В. Кобленкова полагает, что для эпохи пост-постмодернизма характерно сочетание постмодернистских принципов поэтики с постановкой нравственных вопросов [Кобленкова 2015]. Следует отметить, что в названии статьи данного автора в термине ‘пост-постмодернизм’ префикс ‘пост’ взят в скобки, поскольку автор ставит вопрос о соответствии исследуемого романа характеристикам данного направления (речь идет о романе шведского писателя К. Ю. Вальгрена «Ясновидец»). В. А. Сербинская рассматривает различия между понятиями постмодернизма и метамодернизма в современной литературе [Сербинская 2017]. По словам исследователя, «в противоположность ценностям постмодернизма – которые по сути представляют собой отказ от ценностей, жестокою иронию, порой откровенный сарказм, цинизм и деконструкцию – искусство метамодернизма стремится к реконструкции, к возрождению дискурса, великих повествований <...>, повторному рассмотрению религиозных концепций, трансцендентного/имманентного, поиску глубины и духовности в условиях современного мира с его экологической катастрофой, восстаниями, усталостью от поверхностности и потребления. Соответственно, от китча, коллажей, абстракционизма, сюрреализма мы переходим к неоромантизму и магическому реализму» [Сербинская 2017: 23-24].

Наличие достаточно большого количества исследований новых направлений в литературе показывает, что проблема определения ключевых тенденций в современном искусстве и литературе находится в центре внимания исследователей и, безусловно, является актуальной. Зарубежные исследователи приняли и продолжают предпринимать многочисленные попытки описать современное состояние культуры и, в частности, литературы, предлагая различные термины. По замечанию А. В. Павлова, который написал «Критическое введение» к русскому переводу книги «Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма», окончание

эпохи постмодернизма засвидетельствовала одна из основных его исследовательниц, литературовед Линда Хатчеон, тем самым дав возможность ученым предложить название новой эпохи: «в 2002 году Хатчеон в эпилоге ко второму изданию своей влиятельной книги „Политика постмодернизма“ признала, что постмодерна больше нет <...>. Тем самым уставшие от него философы и молодые теоретики культуры наконец получили карт-бланш на попытку описать эпоху XXI столетия в новых терминах, попытавшись указать на обновленное состояние культуры» [Метамодернизм 2020: 5].

Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на то, что проблематика определения и анализа литературных направлений, проявляющих себя в эпоху пост-постмодернизма, несомненно стоит на повестке дня, в отечественной науке нет посвященных данным вопросам системных исследований, что обуславливает актуальность нашей работы.

Цель нашей статьи – охарактеризовать романы Дж. Франзена с точки зрения их принадлежности основным литературным направлениям современности – постмодернизму и пост-постмодернизму, выявить и проанализировать ведущие стилеобразующие особенности новых тенденций, получивших оригинальное преломление в его творчестве.

Ключевым методом, используемым в данном исследовании, является метод интерпретационного анализа, предполагающий выявление содержательно-смысловых доминант, интерпретацию художественного текста в рамках литературного контекста, определяющего включенность произведения в систему литературных направлений и течений. Этот метод близок к сравнительно-историческому в том плане, что соединяет литературный и общественно-исторический ряды, однако отличается от него, поскольку, по общепризнанному мнению, сравнительно-исторический метод может быть использован при анализе произведений, относящихся к определенным эпохам развития литературы и «не работает» в условиях заметного изменения художественных систем, что можно наблюдать в настоящее время в мировом литературном процессе. Данный метод позволяет идентифицировать разнообразные тенденции, ха-

рактерные для литературного процесса эпохи пост-постмодернизма. Вспомогательным приемом служит компаративистский анализ литературных произведений – сопоставление двух романов автора с целью выявления их общих и специфических черт и определения их принадлежности к современным направлениям литературы.

Анализ конкретных художественных произведений, написанных в последние десятилетия, дает основание утверждать, что граница между постмодернизмом и пост-постмодернизмом весьма размыта, достаточно сложно провести демаркационную линию между конкретными произведениями по этому параметру. Задача усложняется тем, что даже в творчестве одного писателя прослеживается смешение отчетливо выраженных черт постмодернизма и новых тенденций, описываемых в рамках пост-постмодернизма, в частности, элементов таких течений в направлении пост-постмодернизма, как метамодернизм, космодернизм, диджимодернизм, автомодернизм и некоторых других.

Американский писатель Джонатан Франзен (род. 1959 г.) как в своих теоретических работах, так и в художественных произведениях демонстрирует приверженность к тому и другому направлению. Следуя канонам постмодернизма в литературном творчестве и отдавая ему должное, в эссе «Мистер Сложный: Уильям Гэддис и проблема чтения сложных книг» он говорит, что в самой парадигме постмодернизма со временем возникает идея об ошибочности постмодернистской программы: «the postmodern program, the notion of formal experimentation as an act of resistance, begins to seem seriously misconceived» [Franzen 2002a: 259], а также признает «особенную коррозийность литературного постмодернизма»: «...the particular corrosiveness of literary postmodernism» [Franzen 2002a: 265]. В его романах, однако, явственно прослеживаются постмодернистские черты, наряду с которыми появляются тенденции, присущие более позднему направлению и некоторым современным течениям.

Неслучайно книга британского исследователя С. Бёрна, посвященная творчеству Дж. Франзена, носит название «Джонатан Франзен в конце эры постмодернизма» / “Jona-

than Franzen at the End of Postmodernism” [Burn 2011]. С. Бёрн указывает, что в романе «Поправки» появляются черты нового литературного направления – пост-постмодернизма. В частности, в противовес постмодернистским стратегиям подчеркивания вымышленности создаваемого в произведении художественного пространства, деконструкции текста и ризоматичности композиции писатель уделяет особое внимание изображению «реального» мира таким, каков он есть: «...the ecological dimension to Franzen's intertextual dialogue is indicative of post-postmodernism's attempt to use allusion to direct attention toward the 'real' world outside the book» [Burn 2011: 67].

Дж. Франзен следует принципам реалистической традиции, которую называет «трагический реализм»: «...he selects realism as the main mode and genre of his writing; however, realism in the twenty and twenty-first centuries, in an era when it is extremely difficult to tell reality from illusion requires him to present an updated version which he himself calls *tragic realism*» [Hosseini et al. 2018: 186]. Однако реализм в романах Дж. Франзена приобретает новые черты: «the neorealistic style entails assembling the tragic, the humorous, and the ironic together» [Hosseini et al. 2018: 187], что позволяет охарактеризовать их как пост-постмодернистские.

В фокусе нашего внимания два романа Дж. Франзена – «Поправки» / “Corrections” (2001 г.) и «Безгрешность» / “Purity” (2012 г.), выбранные на том основании, что их объединяет несколько общих черт. Во-первых, в данных романах присутствует ряд элементов, которые указывают на их принадлежность к жанру семейного романа. Кроме того, в этих произведениях присутствуют черты *Buildungsroman* / романа воспитания, причем речь идет о становлении личности не только одного или нескольких персонажей, но и членов микро-коллектива – семьи Ламбертов в «Поправках» и круга близких друзей и родственников главной героини «Безгрешности» Пьюрити. Общим для них является также и то, что они демонстрируют черты постмодернизма и одновременно отказ от некоторых из них, возврат к модернистским принципам и реалистическим трактовкам тем и идей, что свойственно пост-постмодернизму. В том и другом романе используются нарративные

стратегии, которые современные литературоведы относят к пост-постмодернистским. В то же время каждый из этих романов обладает своей спецификой, и реализация вышеуказанных тенденций проявляется в них по-разному.

Проследим особенности данных романов по основным категориям художественного текста, таким как жанровая принадлежность, идейно-тематическая направленность, система образов, специфика нарратива, авторская модальность.

В романе «Безгрешность» прослеживается характерная для постмодернизма полижанровость. Хотя мы и определяем его как семейный роман, поскольку тема семьи и внутрисемейных отношений является в нем доминирующей, нужно признать, что автор искусно объединяет в нем элементы нескольких жанров, а именно романа воспитания, детектива, любовного, социально-психологического, исторического, мультинационального, глобалистского романа, на что указывают многие исследователи творчества писателя [Груздева 2017: 44, 46; Sharpe 2018: 19; Лушникова, Осадчая 2018: 112].

Гибридность жанров в романе «Безгрешность» во многом обусловлена широкой палитрой тем, освещаемых автором: кроме ведущей темы семьи он поднимает темы одиночества, любви и дружбы, рассматривает вопросы истории и политики, подвергает суровой критике пагубное влияние власти в тоталитарном государстве, а также власти Интернета в современном обществе, затрагивает тему ядерной угрозы, вопросы, связанные с современной журналистикой, с ролью искусства в современном обществе и некоторые другие [Лушникова, Осадчая 2020].

Значительное место в романе занимает тема всевозрастающей интернет-зависимости, которая, с одной стороны, приводит к разобщенности людей и, в конечном счете, к одиночеству, а с другой стороны – к проницаемости границ личного пространства, поскольку скрыться, спрятаться в современном мире практически невозможно, «солнечный свет» или «лунное сияние» (оба словосочетания используются автором для метафорического наименования описываемой в романе всемирной интернет-компании) высвечива-

ют и место обитания, и образ жизни, и даже помыслы и пристрастия индивида. В этом отношении данный роман вписывается в течение, обозначенное в современном литературоведении как диджимодернизм или цифромодернизм. Кроме того, проблема отношений в современном социуме в романе «Безгрешность» показана в тесной связи с проблемами глобализации и цифровизации, т. е. автор рассматривает процесс «высокотехнологической глобализации» и ее последствия, оказывающие воздействие на индивида и общество в целом, что, тем самым, вписывается в концепцию автомодернизма.

Роман «Поправки» отличается большей жанровой и идейно-тематической однородностью, что свидетельствует об отказе автора от постмодернистской приверженности к полижанровости и политематичности. Безусловно, круг проблем и вопросов, рассматриваемых автором в этом романе, достаточно разнообразен, он включает важные проблемы развития современной цивилизации в целом, политические кризисы, творческие искания, ситуации в сфере образования, бизнеса и других сферах. Но все они, так или иначе, подчинены ведущей для данного романа теме семейных отношений и решаются на ее фоне и в связи с главными персонажами – членами описываемой в романе семьи Ламбертов.

В обоих романах прослеживаются черты космодернизма, поскольку и в том и другом имеет место диалог нескольких культур, а именно – американской, боливийской, стран восточной Европы. Достаточно объемная часть романа «Безгрешность» посвящена сатирическому описанию жизни Восточной Германии. Название данной части – «Республика дурного вкуса» – недвусмысленно говорит о критическом отношении автора к предмету описания. В романе «Поправки» в культурный диалог вступает другая страна восточной Европы – Литва, причем в данном случае автор говорит не столько о различиях, сколько о сходстве многих социальных явлений США и Литвы:

Chip was struck by the similarities between black-market Lithuania and free-market America. In both countries wealth was concentrated in the hands of a few; any meaningful distinction between private and public sectors had disappeared; captains of com-

merce lived in a ceaseless anxiety that drove them to expand their empires ruthlessly; ordinary citizens lived in ceaseless fear of being fired and ceaseless confusion about which powerful private interest owned which formerly public institution on any given day; and the economy was fueled largely by the elite's insatiable demand for luxury... [Franzen 2002b: 441].

Говоря о различиях между этими странами, автор выносит достаточно суровый приговор обеим:

The main difference between America and Lithuania, as far as Chip could see, was that in America the wealthy few subdued the unwealthy many by means of mind-numbing and soul-killing entertainment and gadgetry and pharmaceuticals, whereas in Lithuania the powerful few subdued the unpowerful many by threatening violence [Franzen 2002b: 441].

По мысли автора, глобализация должна способствовать сближению, взаимопониманию, установлению дружеских отношений между представителями разных стран и континентов, но, к его сожалению, в действительности она имеет прямо противоположный эффект.

Отличаются данные романы количеством персонажей и их местом в повествовательной структуре. В романе «Безгрешность» созданы яркие запоминающиеся образы очень большого количества действующих лиц, судьбы которых переплетены сложными родственными, дружескими и любовными отношениями. Причем важное место, которое целый ряд персонажей занимает в повествовательной канве и в реализации идейно-художественного замысла писателя, дает основание считать главными или, по крайней мере, ведущими героями несколько из них. Это и молодая девушка, именем которой назван роман (в английском языке *Purity* – это и имя собственное, и существительное, имеющее значение ‘безгрешность, чистота, непорочность’), и обреченный на одиночество непревзойденный лидер сетевой империи, совершивший в юности тягчайшее преступление Андреас Вольф. Не менее важны и значимы образы родителей обоих героев, образы окружающих их людей – коллег, друзей, возлюбленных.

В романе «Поправки» круг персонажей сужен рамками двух поколений одной семьи Ламбертов – родителей и их взрослых детей, каждого из которых также можно считать

главным персонажем. Однако остальные герои – их сослуживцы, соратники, знакомые – являются второстепенными, они служат для раскрытия характеров главных героев, играют роли второго плана. Такой тип презентации образов героев характерен для традиционного семейного романа, что свидетельствует о том, что Дж. Франзен в этом плане отходит от типичного для постмодернизма большого количества главных и эпизодических героев и связанных с ними многочисленных сюжетных линий.

Обоим романам присущ иронический модус повествования. В романе «Безгрешность» стрелы иронии направлены на критику современного общества потребления, на семейные отношения, когда речь идет о тоталитаризме в любом его проявлении (государственная власть, власть Интернета), о милитаризме, об одиночестве и отсутствии взаимопонимания между людьми, ирония переходит к острой сатире и обличению. В данном случае постмодернистский негатив, безысходность, отрицание возможности выхода из кризисных ситуаций в большей степени свойственны роману «Безгрешность». Автор не дает однозначных ответов о путях решения существующих социальных, семейных, личностных проблем современности. Единственный светлый луч надежды, который «блеснул» в финале романа, – это перспектива положительного развития отношений между Пьюрити и Джейсоном, ее молодым человеком. Попытка Пьюрити помирить родителей терпит крах, что рождает в ней сомнения по поводу возможности ее личного счастья, в которое ей так хочется верить. Прочитавшие заключительные строки романа, иллюстрирующие эту возможность: *It had to be possible to do better than her parents, but she wasn't sure she would. Only when the skies opened again, the rain from the immense dark western ocean pounding on the car roof, the sound of love drowning out the other sound, did she believe that she might* [Franzen 2015: 563].

В романе «Поправки» объектом иронической критики является институт семьи в современном обществе, отношения между родителями и детьми, супругами, братьями и сестрой. Автор показывает, что во вполне благополучной семье отсутствует взаимопонимание, происходит разлад, разобщение.

Почти каждого члена семьи постигло разочарование, это слово повторяется на страницах романа многократно: мать семейства Инид, по ее собственным словам, разочарована в своих детях и в мире в целом, отец семейства Альфред разочарован в окружающих его людях, главным образом, в их отношении к исполнению своих обязанностей, брак их дочери Дениз тоже приносит разочарования и терпит крах, один из их сыновей Гари разочарован в своей жене и в своих детях. Однако роман «Поправки», показывающий сложные отношения между членами семьи, звучит более оптимистично по сравнению с романом «Безгрешность». Семья Ламбертов, несмотря на внешние обстоятельства и внутренние причины, все-таки собирается на Рождество, дети приезжают к своим стареющим родителям, добрые чувства между ними оказываются сильнее разногласий, все члены семьи навещают больного отца, Инид, его жена, до конца ухаживает за ним, Дениз дает большую сумму денег своему брату Чипу, в которых он нуждается, и впоследствии отказывается принять долг, и, наконец, Чип устраивает свою семейную жизнь.

Оптимистические финалы обоих романов – проблеск надежды на благополучное развитие событий – отражают концепцию метамодернизма, который, как было указано выше, предполагает «...поворот от цинизма и иронии к искренности и романтике» [Павлов 2018b: 2].

В этой связи необходимо несколько слов сказать о названии романа «Поправки», символический смысл которого раскрывается в содержании произведения и может быть интерпретирован следующим образом: зачастую поправки в семье, в собственной жизни, в отношениях необходимы и, что самое главное, по мысли автора, они осуществимы. Слово «поправки» и его производные встречается в романе несколько раз и касается разных аспектов жизни героев. Так, отец семейства Альфред полон решимости изменить свое поведение по отношению к родным: *learn from his mistakes and make corrections* [Franzen 2002b: 278]. Один из персонажей, рассуждая на тему психологического состояния современных людей, говорит о всеобщем стремлении к поправкам: *Everyone's trying to correct their thoughts and improve*

their feelings and work on their relationships and parenting skills [Franzen 2002b: 307]. Слова «поправки», «коррекция» употребляются и по поводу киносценария, который пишет один из сыновей Ламбертов: *But he finally understood – he finally got it – that he could simply cut the opening theoretical monologue in its entirety. He could do this correction in ten minutes at Eder's office* [Franzen 2002b: 105]. В данном случае проводится параллель между сценарием для фильма, который пишет герой, и сценарием его жизни. Точно так же, как он бесконечно правит и переписывает свой литературный труд, «что-то добавляя, по-новому расставляя акценты», он постоянно перестраивает свою жизнь, меняя место работы, виды деятельности, любовные привязанности. В ироничном ключе слово «поправки» звучит и в названии научно-популярной лекции, которую предлагают отдыхающим на туристическом лайнере – *Surviving the Corrections* [Franzen 2002b: 332], то есть автор именуется современность эпохой поправок и, судя по названию этой лекции, уже выработаны инструкции и рекомендации по выживанию в это сложное время. В конце романа, который, как известно, является сильной позицией текста, появляется часть, озаглавленная «Поправки» / *“Corrections”*, в которой кратко перечисляются последующие события, произошедшие с членами семьи Ламбертов. Доминантная роль слова «поправки» и, соответственно, идеи об исправлении, улучшении подчеркивается и сильной позицией конца произведения, и повтором названия этой части и всего романа, тем более что другие части романа вообще не имеют названий. В результате складывается общее впечатление, что поправки осуществимы. Хотя финал этого романа нельзя назвать безусловно счастливым (отец семейства умирает после продолжительной болезни, Чип так и не нашел постоянное место работы и так и не закончил свой киносценарий, жена и дети Гари так и не желают общаться с родственниками мужа), однако заключительная нота звучит позитивно: *She felt that nothing could kill her hope now, nothing. She was seventy-five and she was going to make some changes in her life* [Franzen 2002b: 566]. Здесь слово *‘changes’* / ‘изменения’ является контекстуальным синонимом слову ‘поправки’ и коррелирует с ключевой идеей романа.

Примечательно, что соединение постмодернизма и новых тенденций, стремление возродить на новом этапе тенденции прошлых направлений (модернизма в частности) эксплицируется в романе «Поправки» в речи одного из его героев, который пишет киносценарий и говорит о том, что использует в нем приемы модернизма: *‘My idea,’ Chip said, ‘was to have this “hump” that the moviegoer has to get over. Putting something off-putting at the beginning, it’s a classic modernist strategy. There’s a lot of rich suspense toward the end’* [Franzen 2002b: 25].

Рассмотрение романов Дж. Франзена «Поправки» и «Безгрешность» дает основание утверждать, что в них прослеживаются типичные черты постмодернизма в сочетании с чертами таких новых явлений современной художественной литературы, как диджимодернизм, автомодернизм, космомодернизм, метамодернизм, что проявляется как на повествовательном, так и на идейно-тематическом уровне. Их соединение способствует выражению авторской позиции, своеобразной трактовке актуальных тем, отражает оригинальность стиля писателя, что требует вдумчивого прочтения и рождает множество интерпретационных возможностей.

На наш взгляд, можно выделить следующие тенденции пост-постмодернизма в творчестве Дж. Франзена: стремление к изображению «реального» мира таким, каков он есть; построение нарративной стратегии по принципам реалистической традиции; воплощение идеи о том, что человек способен изменить ход истории или, по крайней мере, сформировать определенное отношение к проблемам современности, которое бы выходило за рамки иронии и релятивизма; постановка проблем глобального характера, в частности, связанных с выживанием всего человеческого общества в условиях формирования цифрового мира, изменения климата и других вызовов современной эпохи; приверженность принципам «новой искренности» в противовес тотальной иронии, стратегии постмодернистской игры и деконструкции.

В заключении необходимо подчеркнуть, что многие современные писатели, и Дж. Франзен в их числе, стремятся к реализации новых содержательных замыслов и художественных форм их воплощения, провозглашая отказ от

постмодернизма и возврат к реалистическим традициям предыдущих литературных направлений, при этом продолжая придерживаться некоторых его принципов, совмещая таким образом новое и традиционное, новаторское и классическое, в результате чего их произведения демонстрируют разнообразие черты таких направлений, как постмодернизм и пост-постмодернизм, а также некоторых течений, развивающихся в их рамках на современном этапе.

Литература

- Афанасов, Н. Б. Образы современности в XXI веке: космодернизм / Н. Б. Афанасов, А. В. Павлов // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 2. – С. 46–62.
- Груздева, Е. А. Изображение глобализации современной культуры в романе Джонатана Франзена «Безгрешность» («Purity») / Е. А. Груздева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 3. – С. 44–47.
- Кобленкова, Д. В. «Тератологический» роман К. Ю. Вальгрена «Ясновидец» в эпоху (пост)постмодернизма / Д. В. Кобленкова // Новый филологический вестник. – 2015. – № 2 (33). – С. 148–156.
- Куртц, П. Гуманизм и скептицизм – парадигмы культуры третьего тысячелетия / П. Куртц. – Текст : электронный // Здравый смысл. – 2000. – № 17. – URL: <http://humanism.al.ru/magazine.phtml?issue=2000.17-01> (дата обращения: 07.02.2021).
- Липский, Е. Б. Пост-постмодерн: концептуализация идеи современного искусства / Е. Б. Липский // Вестник СПбГУ. Философия, культурология, политология, право. Сер. 6. – 2012. – Вып. 2. – С. 42–48.
- Лушникова, Г. И. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность» / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая // Филология и человек. – 2020. – № 3. – С. 98–110.
- Лушникова, Г. И. Современная англоязычная литература: традиции и эксперимент : монография / Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 170 с.
- Мазоренко, Д. А. Автомодернизм после постмодерна. Как выглядит «Социальное» в цифровую эпоху? / Д. А. Мазоренко // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 2. – С. 202–224.
- Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. – М. : РИПОЛ классик, 2020. – 470 с.
- Можейко, М. А. Современные социокультурные трансформации и философия пост-постмодернизма: новейшие тенденции / М. А. Можейко // Философские науки. – 2016. – № 7. – С. 80–95.
- Морозов, А. В. Осторожно, метамодерн: современность как зонтик и маятник / А. В. Морозов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 3. – С. 238–249.
- Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм / А. В. Павлов // Философский журнал. – 2019а. – Т. 12, № 2. – С. 20–33.
- Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: диджимодернизм: рецензия на книгу Алана Кирби / А. В. Павлов // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2018а. – Т. 2, № 2. – С. 197–212.
- Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм / А. В. Павлов // Логос. – 2018b. – Т. 28, № 6 (127). – С. 1–19.
- Павлов, А. В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм / А. В. Павлов // Знание. Понимание. Умение. – 2019b. – № 1. – С. 69–83.
- Павлов, А. В. Философия культуры в пост-постмодернизме : дис. ... д-ра филос. наук / Павлов А. В. – М. : [б. и.], 2019с. – 447 с.
- Погодина, О. А. Концепция пост-постмодернистской культурной парадигмы в социальной философии Пола Курца / О. А. Погодина // Дискуссия. – 2012. – № 1 (19). – С. 27–32.
- Проскурнин, Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Пост-постмодернизм? Размышления о современной британской прозе / Б. М. Проскурнин // Вестник Пермского университета. – 2010. – № 6 (12). – С. 209–214.
- Сафонов, Э. Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта / Э. Е. Сафонов // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2019. – № 1. – С. 178–195.
- Сербинская, В. А. Постмодернизм и метамодернизм: разграничение понятий и черты метамодернизма в современной литературе / В. А. Сербинская // Парадигма. – 2017. – № 26. – С. 22–30.
- Тормахова, А. Н. Искусство в теориях пост-постмодернизма / А. Н. Тормахова // Studia Culturae. – 2016. – № 1 (27). – С. 18–26.
- Bourriaud, N. Altermodernism / N. Bourriaud. – London : Tate Publishing, 2009. – 224 p.
- Burn, S. J. Jonathan Franzen at the End of Postmodernism / S. J. Burn. – London : Continuum, 2011. – 176 p.
- Eshelman, R. Performatism or The End of Postmodernism / R. Eshelman. – Aurora : The Davies Group Publishers, 2008. – 288 p.
- Franzen, J. Mr. Difficult: William Gaddis and the Problem of Hard-to-Read Books / J. Franzen // J. Franzen. How to Be Alone. – New York : Picador, 2002a. – P. 238–269.
- Franzen, J. Purity / J. Franzen. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 576 p.
- Franzen, J. The Corrections / J. Franzen. – New York : Picador, 2002b. – 576 p.
- Hosseini, S. M. Jonathan Franzen's The Corrections: Ethics of Complexity / S. M. Hosseini, H. Pirnajmuddin, P. Abasi // Gema Online. Journal of Language Studies. – 2018. – Vol. 18 (4). – P. 186–200.

- Kirby, A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture* / A. Kirby. – London : Continuum, 2009. – 288 p.
- Lipovetsky, G. *Hypermodern Times* / G. Lipovetsky. – Cambridge : Polity Press, 2005. – 90 p.
- Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (*Radical Cultural Studies*) / ed. by R. van den Akker, A. Gibbons, and T. Vermeulen. – London : Rowman & Littlefield Publishers, 2017. – 260 p.
- Moraru, Ch. *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary* / Ch. Moraru. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2010. – 440 p.
- Nealon, J. *Post-Postmodernism or, The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism* / J. Nealon. – Redwood City : Stanford University Press, 2012. – 241 p.
- Sharpe, J. *Economies of Reputation: Jonathan Franzen's Purity and Practices of Disclosure in the Information Age* / J. Sharpe // *Open Library of Humanities*. – 2018. – № 4 (1):22. – P. 1–23.
- Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / ed. by D. Rudrum, N. Stavris. – New York : Bloomsbury Academic, 2015. – 400 p.

References

- Afanasov, N. B. (2019). *Obrazy sovremennosti v XXI veke: kosmodernizm [Images of Modernity in the 21st Century: Cosmodernism]*. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 2, pp. 46–62.
- Bourriaud, N. (2009). *Altermodernism*. London, Tate Publishing. 224 p.
- Burn, S. J. (2011). *Jonathan Franzen at the End of Postmodernism*. London, Continuum. 176 p.
- Eshelman, R. (2008). *Performatism or The End of Postmodernism*. Aurora, The Davies Group Publishers. 288 p.
- Franzen, J. (2002a). Mr. Difficult: William Gaddis and the Problem of Hard-to-Read Books. In Franzen, J. *How to Be Alone*. New York, Picador, pp. 238–269.
- Franzen, J. (2002b). *The Corrections*. New York, Picador. 576 p.
- Franzen, J. (2015). *Purity*. New York, Farrar, Straus and Giroux. 576 p.
- Gruzdeva, E. A. (2017). *Izobrazhenie globalizatsii sovremennoi kul'tury v romane Dzhonatanana Franzena «Bezgrishnost'» («Purity»)* [The Representation of Modern Culture Globalization in Jonathan Franzen's novel "Purity"]. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 3. pp. 44–47.
- Hosseini, S. M., Pirnajmuddin, H., Abbasi, P. (2018). Jonathan Franzen's *The Corrections*: Ethics of Complexity. In *Gema Online. Journal of Language Studies*. Vol. 18 (4), pp. 186–200.
- Kirby, A. (2009). *Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture*. London, Continuum. 288 p.
- Koblenkova, D. V. (2015). «Teratologicheskii» roman K. Yu. Val'grena «Yasnovidets» v epokhu (post)postmodernizma [“Teratological Novel by C. J. Vallgren “Clairvoyant” in the Era of (Post) postmodernism]. In *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 2 (33), pp. 148–156.
- Kurtz, P. (2000). *Gumanizm i skeptitsizm – paradigm kul'tury tret'ego tysyacheletiya [Skepticism and Humanism. The New Paradigm]*. In *Zdravyy smysl*. No. 17. URL: <http://humanism.al.ru/magazine.phtml?issue=2000.17-01> (mode of access: 07.02.2021).
- Lipovetsky, G. (2005). *Hypermodern Times*. Cambridge, Polity Press. 90 p.
- Lipsky, E. B. (2012). *Post-postmodern: kontseptualizatsiya idei sovremennoogo iskusstva [Post-postmodern: Conceptualization of the Idea of Modern Arts]*. In *Vestnik SPbGU. Filosofiya, kul'turologiya, politologiya, pravo*. Ser. 6. Issue 2, pp. 42–48.
- Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. (2018). *Sovremennaya angloiazychnaya literatura: traditsii i eksperiment [Modern English-speaking Literature: Traditions and Experiment]*. Moscow, INFRA-M. 170 p.
- Lushnikova, G. I., Osadchaia, T. Yu. (2020). *Kontaminatsiya zhanrovyykh form v romane Dzh. Franzena «Bezgrishnost'» [Contamination of Genre Features in the Novel “Purity” by J. Franzen]*. In *Filologiya i chelovek*. No. 3. pp. 98–110.
- Mazorenko, D. A. (2019). *Avtomodernizm posle postmoderna. Kak vygliadit «Sotsial'noe» v tsifrovuyu epokhu? [Auto-modernism after Postmodernism. What Does ‘Social’ Look Like in the Digital Age]*. In *Galactica Media: Journal of Media Studies*. No. 2, pp. 202–224.
- Moraru, Ch. (2010). *Cosmodernism: American Narrative, Late Globalization, and the New Cultural Imaginary*. Ann Arbor, University of Michigan Press. 440 p.
- Morozov, A. V. (2019). *Ostorozhno, metamodern: sovremennost' kak zontik i mayatnik [Look Out! This is Metamodern: Modernity as an Umbrella and a Pendulum]*. In *Galactica Media: Journal of Media Studies*. No. 3. pp. 238–249.
- Mozheiko, M. A. (2016). *Sovremennye sotsiokul'turnye transformatsii i filosofiya post-postmodernizma: noveishie tendentsii [Modern Social and Cultural Transformations and Philosophy of Post-Postmodernism: New Tendencies]*. In *Filosofskie nauki*. No. 7. pp. 80–95.
- Nealon, J. (2012). *Post-Postmodernism or, The Cultural Logic of Just-in-Time Capitalism*. Redwood City, Stanford University Press. 241 p.
- Pavlov, A. V. (2018a). *Obrazy sovremennosti v XXI veke: didzhimodernizm: retsenziia na knigu Alana Kirbi [Images of Modernity in the Twenty-first Century: Digimodernism. A Review of Alan Kirby's Book]*. In *Filosofiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki*. Vol. 2. No. 2, pp. 197–212.
- Pavlov, A. V. (2018b). *Obrazy sovremennosti v XXI veke: metamodernizm [Images of Modernity in the Twenty-first Century: Metamodernism]*. In *Logos*. Vol. 28. No. 6 (127), pp. 1–19.
- Pavlov, A. V. (2019a). *Obrazy sovremennosti v XXI veke: gipermodernizm [Images of Modernity in the Twenty-first Century: Hypermodernism]*. In *Filosofskii zhurnal*. Vol. 12. No. 2, pp. 20–33.

- Pavlov, A. V. (2019b). Obrazy sovremennosti v XXI veke: sverkhmodernizm [Images of Modernity in the Twenty-first Century: Supermodernism]. In *Znanie. Poniimanie. Umenie*. No. 1. pp. 69–83.
- Pavlov, A. V. (2019c). *Filosofiya kul'tury v post-postmodernizme* [Philosophy of Culture in Post-postmodernism: A Critical Analysis]. Dis. ... d-ra filos. nauk. Moscow. 447 p.
- Pogodina, O. A. (2012). Kontseptsiya post-postmodernistskoi kul'turnoi paradigmy v sotsial'noi filosofii Pola Kurtsa [Post-postmodernist Cultural Paradigm in Paul Kurtz's Social Philosophy]. In *Diskussiya*. No. 1 (19), pp. 27–32.
- Proskurnin, B. M. (2010). Realizm? Modernizm? Postmodernizm? Post-postmodernizm? Razmyshleniya o sovremennoi britanskoi proze [Realism? Modernism? Postmodernism? Post-postmodernism? On Contemporary British Fiction]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No. 6 (12), pp. 209–214.
- Rudrum, D., Stavris, N. (Eds.). (2015). *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century*. New York, Bloomsbury Academic. 400 p.
- Safonov, E. E. (2019). Chto budet vmesto postmoderna? Dizhdimodernizm kak kul'turnaya dominanta [What Will Happen instead of Postmodern? Digimodernism as a Cultural Dominant]. In *Galactica Media: Journal of Media Studies*. No. 1, pp. 178–195.
- Serbinskaya, V. A. (2017). Postmodernizm i metamodernizm: razgranichenie ponyatii i cherty metamodernizma v sovremennoi literature [Postmodernism and Metamodernism: Concepts Differentiation, and Metamodern Features in Modern Fiction]. In *Paradigma*. No. 26, pp. 22–30.
- Sharpe, J. (2018). Economies of Reputation: Jonathan Franzen's *Purity* and Practices of Disclosure in the Information Age. In *Open Library of Humanities*. No. 4 (1): 22, pp. 1–23.
- Tormakhova, A. N. (2016). Iskusstvo v teoriyakh post-postmodernizma [Art in the Theories of Post-postmodernism]. In *Studia Culturae*. No. 1 (27), pp. 18–26.
- Van den Akker, R. (2020). *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism]. Moscow, RIPOL klassik. 470 p.
- Van den Akker, R., Gibbons, A., Vermeulen, T. (Eds.). (2017). *Metamodernism. Historicity, Affect, and Depth After Postmodernism (Radical Cultural Studies)*. London, Rowman & Littlefield Publishers. 260 p.

Данные об авторах

Лушников Галина Игоревна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте (Ялта, Россия).

Адрес: 298635, Россия, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А.

E-mail: lushgal@mail.ru.

Осадчая Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» в г. Ялте (Ялта, Россия).

Адрес: 298635, Россия, г. Ялта, ул. Севастопольская, 2-А.

E-mail: osadchaya_ta@mail.ru.

Authors' information

Lushnikova Galina Igorevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Philology and Methods of Teaching, Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta (Yalta, Russia).

Osadchaia Tatiana Yurievna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Department of Foreign Philology and Methods of Teaching, Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta (Yalta, Russia).

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

УДК 372.881.161.1-1:371.8. DOI 10.51762/1FK-2021-26-02-18.
ББК Ч426.839(=411.2)-275. ГРНТИ 14.25.07. Код ВАК 13.00.02

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ В ОЛИМПИАДНЫХ ЗАДАНИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Кучина Т. Г.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к целостному анализу поэтических текстов XXI в. на олимпиадах по литературе. Основная цель этого вида работы для старшеклассников – предложить собственное понимание произведения через рассмотрение его как целостного единства элементов и анализ тех особенностей художественной структуры, которые наиболее существенны для убедительного и обоснованного выражения этого понимания. Внимание уделено прежде всего следующим вопросам: какие знания, навыки, компетенции проверяются заданиями по современной поэзии? Какие черты поэтики современной литературы требуют к себе особого внимания и как учить старшеклассников грамотно выстраивать анализ? Чем «олимпиадная» поэзия может быть интересна современному школьнику? На примере стихотворений Полины Барсковой, Алексея Цветкова и Владимира Гандельсмана показаны возможные пути анализа текстов, сформировавшиеся в практической работе – прежде всего при проведении занятий со старшеклассниками на литературно-олимпиадных сменах в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи). На материале стихотворения П. Барсковой «Счастье» (2001), которое входило в задания заключительного этапа олимпиады по литературе 2019 года, показаны приемы работы с подтекстом / интертекстом и субъектной структурой. Соотношение предметного и символического планов, эмпирически «правдоподобного» сюжета и библейского подтекста – в центре внимания при рассмотрении стихотворения А. Цветкова «Опыт конца света» (2019). Стихотворение В. Гандельсмана «С утра, чуть рассвело, я у подножья...» (2018) предлагалось школьникам на пробном аналитическом туре в «Сириусе»; в статье приведены фрагменты из работ старшеклассников, показывающие, как было понято и интерпретировано произведение.

Ключевые слова: русская поэзия; поэтические тексты; олимпиады по литературе; школьные олимпиады; старшеклассники; целостный анализ текста; олимпиадные задания.

Для цитирования: Кучина, Т. Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе / Т. Г. Кучина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 212–220. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-18.

MODERN RUSSIAN POETRY IN OLYMPIAD ASSIGNMENTS IN LITERATURE

Tatiana G. Kuchina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Abstract. The article discusses approaches to a holistic analysis of poetic texts of the 21st century at Literature Olympiads. The main aim of this academic activity of senior schoolchildren is to teach them to demonstrate their own understanding of a poem through considering it as an integral unity of elements and analyzing the most essential features of its artistic structure. The author answers the following questions: what knowledge, skills, competences are tested by assignments on contemporary poetry? What poetics features of modern literature require special attention and how to teach senior schoolchildren to carry out analysis correctly? How can “Olympiad” poetry be of interest to a modern secondary schooler? On the material of the poems by Polina Barskova, Alexei Tsvetkov and Vladimir Gandel'sman the article shows possible ways of text analysis that have formed in practical work – primarily in the Sirius educational center (Sochi). The author uses P. Barskova's poem “Happiness” (2001), included in the tasks of the final stage of the 2019 Literature Olympiad, to show the methods of work with subtext / intertext and subject structure. The relationship between the object-based and symbolic plans, of the empirically “true-to-life” plot and the biblical subtext are in the focus of attention during the analysis of A. Tsvetkov's poem “The experience of the end of the world” (2019). V. Gandel'sman's poem “In the morning, right after dawn, I am at the foot...” (2018) was offered to students at a trial competition in “Sirius”. The article contains excerpts from the works of secondary school students, showing how they interpreted the poem.

Keywords: Russian poetry; poetic texts; Olympiads in literature; school Olympiads; senior schoolchildren; comprehensive text analysis, Olympiad tasks.

For citation: Kuchina, T. G. (2021). Modern Russian Poetry in Olympiad Assignments in Literature. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 212–220. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-18.

На протяжении последних 5–6 лет центральная предметно-методическая комиссия всероссийской олимпиады школьников по литературе регулярно предлагает для целостного анализа текста (на региональном и заключительном этапах) произведения современных поэтов. В частности, для широкого круга «продвинутых» читателей на региональном этапе, в котором принимают участие около 10500–11000 старшеклассников, мы предлагали стихотворения Новеллы Матвеевой («Поступь света»), Бориса Рыжего («Трубач и осень»), Инны Лишнянской («Под переплетом»), Максима Амелина («Мне в Петербурге холодно – прости...»), Веры Полозковой («Гроза пришла, и город опустел...»). Самые сильные участники – на заключительном этапе – выполняли целостный анализ стихотворений Алексея Цветкова («Элегия о плюшевом медведе»), Ивана Жданова («Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий...»), Полины Барсковой («Счастье»), Виктора Кривулина («Флейта времени»). Подчеркнем: на олимпиаде у школьников всегда есть выбор между анализом прозаического и поэтического текстов – но именно за последние годы отчетливо заметен рост интереса к лирическим произведени-

ям и – главное – высокий уровень аналитической работы старшеклассников с ними. В нашем небольшом исследовании мы сосредоточимся на нескольких вопросах: что позволяют проверить задания по современной поэзии – какие знания, навыки, компетенции? Какие черты поэтики современной литературы требуют к себе особого внимания и как учить старшеклассников грамотно выстраивать анализ? Чем «олимпиадная» поэзия может быть интересна современному школьнику?

Подбор стихотворений для целостного анализа на олимпиаде определяется множеством факторов: нетривиальность содержания, смысловая многослойность, соотнесенность с литературной традицией (и возможность в процессе анализа прочитать произведение в определенном жанровом, проблемно-тематическом, мотивном, ритмико-интонационном контексте), выятно проявленная индивидуальность авторской картины мира. Как правило, хорошо подготовленные школьники видят и ближайший контекст – той литературной группы, к которой принадлежит поэт, или творчества того автора, произведение которого предложено для анализа¹.

¹ Так, в работах 11-классников на заключительном этапе олимпиады по литературе стихи Ивана Жданова встраивались в контекст поэзии метареалистов (метаметафористов), а стихотворение Виктора Кривулина вполне уместно сопоставлялось с произведениями других ленинградских авторов, в частности, Елены Шварц.

Важный аспект понимания современной поэзии – умение видеть особенности субъектной структуры текста. Во многих названных выше стихотворениях нет напрямую представленного лирического героя: «я» может мелькнуть в единственной строке, как у Полины Барсковой, да и то в апофатической конструкции: «Но я не доктор Борменталь / И даже не Мария Шелли» [Барскова 2001: 90]; может оказаться заменено на «мы», как в стихотворении Ивана Жданова «Мороз в конце зимы трясет сухой гербарий...»; стихотворение может и вовсе обойтись без местоимений первого лица, как «Флейта времени» Виктора Кривулина. Дистанция между субъектом лирического высказывания и изображаемым миром постоянно меняется, позиция говорящего либо не локализуется в пространстве и времени (оказывается подвижной, «плывет»), либо по мере развертывания лирического сюжета смещается – и лишается определенности. Верное понимание этих особенностей субъектной структуры современной лирики (или хотя бы умение вовремя обратить на них внимание и учесть в интерпретации текста) во многом определяет успех выполнения олимпиадного задания в целом.

Чтобы целостный анализ стихотворения был разносторонним и литературоведчески убедительным, школьнику нужно научиться «видеть» произведение в культуре – в контексте лирики XIX–XX вв., в переплетении мифологических и исторических явлений, среди других видов искусства – живописи, скульптуры, архитектуры, музыки. Новейшая лирика – с ее выраженной, если не сказать демонстративной, акцентированной интертекстуальностью – как раз в полной мере позволяет проверить знание («узнавание») текстов-предшественников, владение поэтическим материалом, который воспринимается как литературная классика.

Рассмотрим на примере одного из предлагавшихся на олимпиаде по литературе стихотворений принципы работы с интертекстом.

Полина Барскова

Счастье

Душа хотела б быть горшком,
Вернее тем, что станет скоро
Горшком, – полешком, кочешком

Кроваво-бурой глины. Свора
Взбешённых пальцев глину – хватать!
И – раз! на колесо, на дыбу,
И начинает рвать и мять
Неподдающуюся глыбу.
Но, сжалившись или смекнув,
Что пряник действительней, чем кнут,
Подносит к гордой глине губку.
Сочится мутная вода,
И глина поддается: «Да...» –
В ладони, словно в мясорубку,
Вползая. Чавкает педаль,
Глаза закрыты. Под руками
Живая, тёплая печаль
Отдавшейся насилью ткани.
Но я не доктор Борменталь
И даже не Мария Шелли.
О палаче иль акушере
Речь не идёт. Гончар – тире –
Гончар и есть. Он только руки.
Он существует только в круге
Вертящемся. И в букваре
Не ходит дальше хмурой Буки.
Ему не нужен властный Ведь,
Не говоря уж о Глаголе.
Круг будет гнать, дышать, вертеть
Гончар, послушен низшей воле
Ножного привода. Гончар,
Как нелюбимый, но влюблённый,
Посредством примитивных чар
Вторгается в тугой, укромный,
Ещё насмешливый комок,
И тот, за кругом круг, помалу,
Доверившись его обману,
Преображается в горшок.
Движеньё лески – завтра в пещь
Горшок отправится, как отрок.
И станет – Космос, то есть Вещь,
Полезная для злых и добрых

[Барскова 2001: 90].

Начало стихотворения («Душа хотела б быть горшком») – отсылка к тексту Ф. Тютчева: «Душа хотела б быть звездой» [Тютчев 2002: 115]. Насколько важно для олимпиадного анализа в данном случае помнить текст-предшественник? В стихотворении Ф. Тютчева интересен парадоксальный поворот: душа хочет быть звездой не ночью, а днем (когда звезды в лучах солнца, «как божества, горят светлей / В эфире чистом и незримом» [Там же]). Высо-

кий пафос тютчевского произведения первой строкой стихотворения П. Барсковой демонстративно снимается («звезда» и «горшок» принадлежат к противоположным стиливым регистрам художественной речи) – но этот контраст «поэтического» и «бытового» школьники отлично чувствуют и безотносительно к оставшейся в подтексте тютчевской «звезде» – вполне достаточно контраста «души» и «горшка». Потенциально востребованным в анализе стихотворения П. Барсковой могло бы оказаться упоминание Ф. Тютчевым «божества» – гончар из «Счастья» выступает как раз в роли творца (или даже Творца, из «первоматерии» – глины – созидающего новые сущности). Но при внимательном рассмотрении ясно видно, что в стихотворении Ф. Тютчева «божество» выступает лишь в роли фигуры речи: это средство сравнения при другом объекте – звезде, а именно звезда и изъята П. Барсковой из цитаты. Разумеется, любое знание текстов-предшественников не бывает в анализе лишним или бесполезным, а уместная апелляция к ним всегда обогащает работу (и добавляет очки за историко-литературную эрудицию). Но и незнание цитаты в данном случае не становится фатальным: стиливое столкновение «души» и «горшка», обыгрываемое П. Барсковой в начале стихотворения, отчетливо ощущается читателем и вне конкретных поэтических претекстов – на уровне языка.

Значительно более важным становится умение увидеть в тексте современного поэта «ремейк» пушкинского «Пророка» – хотя никаких прямых отсылок к Пушкину в стихотворении П. Барсковой как раз нет. Однако сам сюжет преобразования (простого смертного в пророка или куска кроваво-бурой глины в горшок), необходимость в этом преобразении пройти через смерть или отказ от себя прошлого («Как труп, в пустыне я лежал» у Пушкина – и упоминания о колесе, дыбе и мясорубке, об «отдавшейся насилью ткани» в «Счастье»; губка, которую подносят к «рваной» и «мятой» глине, – деталь, запускающая вполне отчетливые библейские ассоциации), неразрывная связь в процессе творения Бога и поэта у Пушкина («Бога глас ко мне воззвал») и глины-души и гончара у П. Барсковой – все это позволяет говорить о «Пророке» как одном из возможных претекстов «Счастья». Важно

и появление в перечне старославянских букв у П. Барсковой Глагола – он вновь апофатически («не говоря уж о Глаголе») вводит тему Слова в историю сотворения Космоса («И станет Космос, то есть Вещь, / Полезная для злых и добрых» [Барскова 2001: 90]) и связывает стихотворения из разных эпох (о пушкинском «глаголом жги сердца людей» напоминать, наверное, излишне). Множественность точечных пересечений (на уровне лексики, предметной детализации, символических коннотаций) – если она замечена и учтена в аналитической работе участником олимпиады – позволяет расставить в интерпретации стихотворения П. Барсковой важные смысловые акценты: это единство Творца и творения (чтобы глина обрела форму горшка, гончар должен постоянно вращать гончарный круг – остановка же вернет незаконченную вещь в аморфное состояние, превратит снова в кусок глины), это обретение – через мучительное преобразование – подлинного назначения, а с ним – счастья сотворенного бытия, которое вряд ли достижимо без боли и страдания.

В то же время в стихотворении П. Барсковой значимы и индивидуальные, оригинальные семантические повороты. Так, образ гончара явно амбивалентен: гончар – Творец, но действует он в строго ограниченном пространстве («Он существует только в круге / Вертящемся») и парадоксальным образом оказывается «послушен низшей воле / Ножного привода» [Барскова 2001: 90]. В лучших олимпиадных работах заключительного этапа 2019 года эта особенность была подмечена: гончар – Бог или тот, кто воплощает его волю? Соседство «первоматерии» – глины, из которой Бог сотворил человека, – с разнообразными метонимическими проявлениями Слова («тире», «букварь», «Буки», «Веди», «Глагол», список исключений: «гнать, дышать, вертеть») может быть осмыслено как указание на сближение или, может быть, равенство гончара и поэта: магией творчества (даже если ее обозначить как «примитивные чары») из хаоса созидается Космос.

Спектр возможных поэтических ассоциаций, разумеется, может оказаться существенно шире. Школьники вспоминали на олимпиаде и М. Цветаеву с ее «Кто создан из камня, кто создан из глины...», и «Натюрморт»

И. Бродского, и «Чертополох» Н. Заболоцкого (в связи с «образом мироздания»); для кого-то важнее были лексические совпадения (сравним: «...вещь, / Полезная для злых и добрых» у П. Барсковой и «Вещи приятней. В них нет ни зла, ни добра» у И. Бродского [Бродский 1994: 271]), для кого-то – выстроенная поэтами картина мира. М. Л. Гаспаров в «Записях и выписках» отмечал: «Что достаточно для выявления подтекста? Чтобы совпадали две точки: слово и слово, слово и ритм и пр. Через две точки уже можно провести одну прямую – и, впрочем, очень много кривых» [Гаспаров 2000: 395]. При этом в удачных, сильных олимпиадных работах выявление подтекста (отсылки к другим текстам) никогда не бывает самоцелью – оно нужно в анализе только тогда, когда позволяет высветить ту или иную смысловую грань разбираемого произведения.

Разумеется, умение видеть подтексты и контексты нужно тренировать. На литературно-олимпиадных сменах в образовательном центре «Сириус» (г. Сочи) мы анализировали стихотворения Алексея Цветкова «опыт конца света» (2019) и Владимира Гандельсмана «С утра, чуть рассвело, я у подножья...» (2018). Оптимальным путем работы с первым произведением оказался мозговой штурм: разбившись на небольшие группы по 4–5 человек, стажеры «Сириуса» предлагали свои варианты прочтения, достраивали или корректировали те версии, которые были представлены для коллективного обсуждения. Стихотворение В. Гандельсмана было дано на пробном аналитическом туре для самостоятельной работы – и вызвало немалый интерес у школьников.

Итак, какие принципы работы с поэтическим текстом можно показать старшеклассникам на примере стихотворения «опыт конца света»?

лучи заката били точно в сад
меж тёмных крон с артритными узлами
когда он был от нас внезапно взят
но мы об этом ничего не знали

мы там в саду играли в казаков-
разбойников в разводах глины лица
освобождая космос из оков
и в грунт копытами вбивая фрица

на брата брат налаживал кинжал
орал сержант ломовики потели
я там убитый кажется лежал
должны же в гарнизоне быть потери

игра игрой но он был взят от нас
притворно верить было бы нечестно
и свет над садом безнадежно гас
поскольку в нём его нужда исчезла

развеществлялась глина под пятой
стволы бледнели сбилась в пар погода
и вся реальность становилась той
какой ей быть после его ухода

гадать без пользы что его взяло
о тщетном мысли отгоняю прочь я
нас в наступленье поднимало зло
но в нём оно лишилось средоточья

мы даже не погибли в ту войну
всех по стеклу мороз размыл как сало
мы вместе жизнь не сдюжили одну
нас просто было а теперь не стало

[Цветков 2019: 41]

Пространственно-временные координаты изображаемых событий заданы уже в первом стихе: сад и вечер (закат). Вторая строфа вводит, как поначалу кажется, в сами события – игру в казаков-разбойников (благодаря чему у «сада» актуализируется неназываемая, «невидимая» коннотация – детский сад с мальчишеской игрой в «войнушку»). В этой игре есть вполне объяснимые роли: условные «наши» и «фрицы», есть «понарошку» убитые («должны же в гарнизоне быть потери»), и даже лексика начального стиха – «лучи... били точно в сад» – приобретает «артиллерийские» коннотации. Однако в стихотворении присутствует еще одна фигура, которая отчетливо отделена от «мы» и «я» – неназванный «он». «Он» оказывается во власти какой-то обезличенной силы («он был от нас внезапно взят», «гадать без пользы что его взяло») – и при этом у «него» иная, нежели у остальных, миссия: «нас в наступленье поднимало зло / но в нем оно лишилось средоточья». Если представить, что слово «Он» («Его», «в Нем») написано с заглав-

ной буквы¹, то и событийный ряд, и художественное пространство стихотворения резко изменят свой характер. Очевидно, что «сад» тогда будет требовать других определений: первое – Гефсиманский сад, откуда ночью Он был «внезапно взят», и второе – возможно – райский сад, который навсегда утрачен человеком («нами»).

Перевод сюжета в мифологический план позволяет по-новому соотнести друг с другом ключевые слова: глина из элемента игровой маскировки («в разводах глины лица») становится «первоматерией», из которой создан первый человек, и она развеществляется, обращаясь в прах, – таков путь всех смертных; строчка «на брата брат налаживал кинжал» теперь будет читаться как синопсис истории Каина и Авеля; но прежде, разумеется, состоялось отделение света от тьмы. Однако райский сад проступает лишь как отдаленное воспоминание сквозь иные картины – трагические, исполненные отчаяния. «Артритные узлы» под темными кронами легко прочтываются как указание на древние оливы Гефсиманского сада, где Иисус совершает свое моление о чаше и откуда его забирают стражники. Понятно, что и в «казаках-разбойниках» смысловой акцент теперь приходится на приложение – у разбойников вполне могли быть конкретные имена (например, Гестас, Дисмас и Варрава). Реальность, из которой изъят «Он», – это мир без света, без надежд и без будущего. Никакой подлинности жизни в нем нет; его населяют словно бы призраки – они не могут погибнуть, потому что никогда не были живыми.

Эсхатологические мотивы в финале стихотворения звучат вполне отчетливо – и возвращают читателя к заглавию: «опыт конца света». Из физического эксперимента по «остановке» света «опыт» становится пережитым откровением, осознанием подчиненности человека безличной и безразличной к нему воле. «Всех по стеклу мороз размыл как сало» – это опыт победы энтропии над энергией жизни. Тьмы над светом.

Стихотворение «опыт конца света» явно перекликается с другим текстом А. Цветкова – «однажды солнце село навсегда...»². Сближает оба произведения не только заданная исходная ситуация – «конец света» и пришествие тьмы, но и мотив фальшивой, ненастоящей, несостоявшейся жизни, которая то ли была, то ли нет. В «однажды солнце село навсегда...» живые внезапно обнаруживают себя мертвыми («нам объявил... / что жизнь прошла что мы теперь мертвы» [Цветков 2015: 275]) – и начинавшееся занятым недоразумением стихотворение тоже завершается переводом лирического повествования в мифологический план: «и стало жалко тратить пот и труд / и стало слышно в тихом плеске леты / как маленькие детские скелеты / в песочнице совочками скребут» [Там же]. В процессе работы над стихотворениями можно показать старшеклассникам очень значимую особенность современной лирики в целом: прямой предметный план включает в себя слова-сигналы, указывающие на литературные, культурные, мифологические подтексты – и в результате эмпирически правдоподобные ситуации (такие, например, как детская игра в «войнушку») обретают двойную «кодировку» – и могут прочитываться как современные парафразы библейских притч, античных мифов, важнейших прецедентных текстов мировой литературы.

Наконец, на примере стихотворения В. Гандельсмана можно показать, как кажущееся «пейзажным» описание (с рассветом, цветочками, колокольчиками, божьими коровками, муравьями и т. п.) обращается в метапоэтическую рефлексию – и становится размышлением о месте художника в мироздании.

С утра, чуть рассвело, я у подножья
цветка увидел крохотный обоз –
карминный с черной крапинкой – то божьей
коровке в насекомый храм брелось.
Чуть вздрагивали иногда надкрылья –
взлететь ли ей на праздничный простор
или вернуть крылатые усилья
обратно в шеститочечный узор?

¹ Полагаем, что применительно к текстам А. Цветкова это допущение правомерно: точно так же, как вместо прописных букв используются строчные в начале каждого стиха, вместо библейского «Он» при таком способе письма остается «он» – и читатель всего лишь пользуется возможностью мысленно эти заглавные буквы «восстановить».

² Подробный разбор этого стихотворения можно найти в статье «Слова „живые“ и „мертвые“: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова» [Кучина, Бокарев 2013].

Цвел колокольчиков тончайший хор.
Кузнечик велимир, как бы калека
с клюками, приготовился лететь,
и усики подъял его коллега,
из листьев мари выглянув на треть.
Полз муравей, неутомимый левин,
плыл мотылек ганс христиан, цветы
целуя и не ведая беды, –
к заутрене, на маленький молебен
во славу их праматери – Воды.
На поле пассива, вдалеке от крова,
конь, и блистало тело вороного,
как черные китайские шелка:
взглянуть – и миг зажмуриться, и снова
взглянуть, но так, чтоб дрогнула строка.
Из полевой необозримой шири
я в лес забрел, где чудилось мне
то зинь, то фью, то сип, то цири-цири...
И там остановился в полутьме.
Великое событие оленей
шло меж деревьев, бережно косясь.
Их ласковое пламенное племя
несло рогов изысканную вязь.
За ними шел поэт в пижамной паре
и бормотал сквозь круглые очки
одический рефрен о божьей твари.
День угасал, но вечер был в ударе,
и что ни шаг взрывались светлячки

[Гандельсман 2018].

Стажеры «Сириуса», выбравшие это стихотворение для целостного анализа на пробном туре, сразу выделили важнейшие особенности авторской картины мира – вот лишь несколько небольших фрагментов из разных детских работ:

– Стихотворение Гандельсмана выстраивает перед нами картину своеобразного литературного рая.

– Повествование, охватившее целый день с раннего утра, оканчивается открыто, но безусловно счастливо: герой продолжает свой путь по райскому краю, где нет ни бед, ни опасностей, а только сладость созерцания.

– Ода природе становится стихотворением о вдохновении.

Представляется, что в этих формулировках схвачены самые существенные особенности поэтики стихотворения: гармоничное сосуществование всех божьих тварей (неслучайно одной из первых в стихотворении появляется

божья коровка) – от мала до велика, от муравья до «великого события оленей», от цветка до леса; природа как храм (с рассветом-заутреней, молебном во славу «праматери Воды» – и не так уж важно, что «языческое» шествие приходит на как будто бы христианскую заутреню); соотнесенность природных объектов с творческим усилием человека (показательно, что описание коня завершается упоминанием о «дрогнувшей строке» – в этой вселенной все удивляет и радует поэта).

Школьники обратили внимание и на тотальную «литературность» изображаемой природы – с отсылками к великим поэтам и сказочникам. Приведем еще одну цитату из работы старшеклассницы: «Любопытно, что каждое из имён собственных не просто отдано насекомым, но и написано со строчной буквы. Это может объясняться сводом каждого из них практически в нарицательное, обращением их в архетипы: каждый кузнечик – тот кузнечик, которого описал Велимир Хлебников; каждый мотылёк – мотылёк Андерсена. Это тесная связь культуры и природы» (речевое оформление оригинала сохранено). Поэзия действительно словно бы растворена в пейзаже, а кузнечики запросто могут прыгать со страниц книг в зеленую траву и возвращаться в стихи В. Хлебникова обратно.

Отметили стажеры литературно-олимпиадной смены и особенности субъектной структуры стихотворения. Лирическое «я» появляется уже в первой строке стихотворения – но показательно, что стоит местоимение рядом с глаголом «увидел» (а в середине стихотворения появится еще один глагол восприятия – «чудилось мне»), и «я» тем самым реализуется в роли наблюдателя, созерцателя. Из 185 слов в стихотворении «я» используется всего два раза (и один раз форма «мне»); субъект лирического высказывания словно бы становится «человеком-невидимкой», добровольно отказывается от собственной личности. Нам ничего о нем не известно – зато все, что открылось его глазу, попадает и в поле зрения читателя.

Ракурс, с которого в стихотворении В. Гандельсмана дан пейзаж, заслуживает отдельного рассмотрения. Начальная строка формирует вполне отчетливое читательское ожидание: если «я у подножья» – то, вероятнее всего,

горы или хотя бы холма, и картина, которая вот-вот откроется, будет масштабна. Однако второй строкой вводится совсем другое изображение: подножие цветка, а следом – божья коровка, муравей, кузнечик, колокольчики, и разглядывать их удобнее, если зритель ростом не больше Дюймовочки. Во второй части стихотворения наблюдатель словно бы добирается в габаритах (он уже забредает в лес и видит оленей и их «рогов изысканную вязь» – значит, смотрит точно не с земли) – но теперь то ли преобразается сам – из наблюдателя в творца, воздающего хвалу божественному творению / божьим тварям, то ли видит своего двойника: «за ними шел поэт в пижамной паре». Стажеры предлагали разные интерпретационные версии этого явления поэта:

– рассказчик-наблюдатель становится «видимым» для читателя – вот он, в пижамной паре и круглых очках, сочиняет «одический рефрен» (и тогда в фигуре поэта про скальзывают черты Н. Заболоцкого);

– читатель понимает, что на протяжении стихотворения он видел сон поэта (и «пижамная пара» на это намекает) – и в этом сне поэт смотрит на себя самого;

– в отдельных работах делался акцент на характере изображения поэта: «Праздник природы, созданный для человека, прекрас-

ные божьи твари, и почти карикатурный их создатель, продолжающий творение прямо здесь и сейчас».

Последнее замечание (приведен фрагмент из работы стажера) представляется весьма интересным: «одический рефрен» отдан немножко нелепому, смешному поэту – и Творцу, и божьей твари одновременно.

Стихотворение В. Гандельсмана следует мифу о сотворении мира: в нем соединяются божественное, природное и человеческое (и воспроизведен один день творения, начинающийся ранним утром и заканчивающийся поздним вечером), а поэту дарована способность акт творения воспроизвести в Слове.

Подведем итоги. Все рассмотренные стихотворения требуют в анализе внимания к субъектной структуре лирического текста и знания той системы категорий, в которой она может быть охарактеризована в современной филологии; учета способов репрезентации точки зрения субъекта лирического высказывания; умения «перекодировать» прямой, предметный план лирического повествования в символический; навыка читать произведение в контексте литературной и культурной традиции и понимать коннотации, возникающие благодаря системе интертекстуальных отсылок.

Литература

- Барскова, П. Ю. Счастье / П. Ю. Барскова // Звезда. – 2001. – № 3.
Бродский, И. А. Сочинения : в 4-х т. Т. 2 / И. А. Бродский ; сост. Г. Ф. Комаров. – СПб. : Издательство «Пушкинский фонд», 1994. – 479 с.
Гандельсман, В. А. С утра, чуть рассвело, я у подножья... / В. А. Гандельсман. – Текст : электронный // Интерпоэзия. – 2018. – № 3. – URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/konkobezhecz.html>.
Гаспаров, М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 2000. – 416 с.
Кучина, Т. Г. Слова «живые» и «мертвые»: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – Т. 1, №4. – С. 212–216.
Тютчев, Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма : в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849 / Ф. И. Тютчев. – М. : Издательский центр «Классика», 2002. – 528 с.
Цветков, А. П. Все это или это все. Собрание стихотворений : в 2-х т. Т. 1 / А. П. Цветков. – New York : Ailuros publishing, 2015.
Цветков, А. П. Опыт конца света / А. П. Цветков // Знамя. – 2019. – № 9.

References

- Barskova, P. Yu. (2001). Schast'e [Happiness]. In *Zvezda*. No. 3.
Brodsky, I. A. (1994). *Sochineniya: v 4-kh t.* [The Set of Works, in 4 vols.]. Vol. 2. Saint Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskii fond». 479 p.
Gandel'sman, V. A. (2018). S utra, chut' rassvelo, ya u podnozh'ya... [In the Morning, a Little Dawn, I Am at the Foot...]. In *Interpoeziya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/konkobezhecz.html>.
Gasparov, M. L. (2000). *Zapisi i vypiski* [Notes and Extracts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 416 p.
Kuchina, T. G., Bokarev, A. S. (2013) Slova «zhivye» i «mertvye»: o metapoeticheskoj problematike liriki Alekseja Tsvetkova [“Live” and “Dead” Words: Metapoetics of Alexey Tsvetkov's Lyrics]. In *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. Vol. 1. No. 4, pp. 212–216.

Кучина Т. Г. Современная русская поэзия в олимпиадных заданиях по литературе

Tsvetkov, A. P. (2015). *Vse eto ili eto vse. Sbranie stihotvorenii: v 2-kh t.* [All of That or That's All. The Collection of Poems, in 2 vols.]. Vol. 1. New York, Ailuros publishing.

Tsvetkov, A. P. (2019). Опыт kontsa sveta [The Experience of the End of the World]. In *Znamya*. No. 9.

Tyutchev, F. I. (2002). *Polnoe sobranie sochinenii. Pis'ma: v 6 t.* [The Complete Set of Works. The Letters, in 6 vols.]. Vol. 1. *Stikhotvoreniya, 1813–1849*. Moscow, Izdateľskii tsentr «Klassika». 528 p.

Данные об авторе

Кучина Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

Адрес: 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.

E-mail: tgkuchina@mail.ru.

Author's information

Kuchina Tatiana Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia).

Дата поступления: 10.06.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 10.06.2021; date of publication: 30.06.2021

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ШКОЛ И ВУЗОВ СЛОВАКИИ

Дулебова И.

Университет Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8916-1617>

Московкин Л. В.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4818-1205>

А н н о т а ц и я . В статье описаны процесс и результаты исследования социокультурного содержания современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии. Целью исследования был поиск ответа на следующие вопросы: какой социокультурный материал представлен в этих учебниках, создает ли он предпосылки для межкультурной коммуникации, какой образ России формируется у словацких учащихся при изучении русского языка по этим учебникам? Материалом исследования послужили 13 учебников и учебных комплексов, используемых в обучении русскому языку в школах и вузах Словакии. Методы исследования: контент-анализ учебных программ и учебников, анкетирование, интервьюирование. Исследование показало, что в современных учебниках русского языка, используемых в школах и вузах Словакии, дан богатый социокультурный материал. В них представлены факты художественной культуры и научные достижения России, приводятся сведения о событиях и персоналиях, дана информация о ситуациях современного повседневного общения. Реалии российской жизни отражены в учебниках хотя и односторонне, но весьма доброжелательно, что создает основу для межкультурного общения и способствует формированию позитивного образа России и русского народа. Результаты исследования могут быть полезны представителям разных областей знания (психологам, политологам, социологам, историкам и др.), но все же первостепенное значение они имеют для авторов и рецензентов учебников русского языка как иностранного, а также для преподавателей, выбирающих учебник для своей практической деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; учебники русского языка; школьные учебники; вузовские учебники; социокультурное содержание.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дулебова, И. Социокультурное содержание современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии / И. Дулебова, Л. В. Московкин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 221– 233. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-19.

SOCIO-CULTURAL CONTENT OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE TEXTBOOKS FOR SECONDARY SCHOOLS AND UNIVERSITIES IN SLOVAKIA

Irina Dulebova

Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8916-1617>

Leonid V. Moskovkin

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4818-1205>

Abstract. The article describes the process and results of the study of the socio-cultural content of modern Russian language textbooks for secondary schools and universities in Slovakia. The aim of the study is to find answers to the following questions: what kind of socio-cultural material is presented in these textbooks, does it create the preconditions for intercultural communication, what image of Russia is formed among Slovak students when they study Russian using these textbooks? The research material includes 13 textbooks used in teaching the Russian language in secondary schools and universities in Slovakia. The research methods comprise the following: content-analysis of curricula and textbooks, questioning, interviewing. The study showed

that modern Russian language textbooks used in secondary schools and universities in Slovakia contain rich socio-cultural material. It contains facts of artistic culture and scientific achievements of Russia, provides information about events, personalities and situations of modern everyday communication. The realities of Russian life are reflected in textbooks scantily but rather benevolently. It creates a basis for intercultural communication and contributes to the formation of a positive image of Russia and the Russian people. The results of this study may be useful for many specialists (psychologists, political scientists, sociologists, historians, etc.), but are of primary significance for authors and reviewers of Russian language textbooks, as well as for teachers looking for a textbook for practical teaching.

Key words: Russian as a foreign language; methods of teaching Russian; Russian language textbooks; secondary school textbooks; higher school textbooks; socio-cultural content.

For citation: Dulebova, I., Moskovkin, L. V. (2021). Socio-cultural Content of Modern Russian Language Textbooks for Secondary Schools and Universities in Slovakia. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 221–233. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-19.

Введение

Одной из важных лингводидактических задач последнего времени является исследование различных аспектов формирования социокультурной компетенции у обучающихся иностранному языку. Интерес к социокультурной проблематике вызван бурным развитием в последние 50 лет таких значимых для лингводидактики научных направлений, как лингвострановедение, лингвокультурология, теория межкультурной коммуникации, теория коммуникативного поведения, имагология, теория иноязычного коммуникативного образования и др. При этом именно содержательные аспекты формирования социокультурной компетенции оказываются в меньшей степени изученными, что и обуславливает интерес к исследованию социокультурного содержания современных учебников русского языка для школ и вузов Словакии.

Учебники иностранного и родного языков отличаются от учебников по всем другим учебным предметам тем, что в каждом из них переплетаются три плана: языковой, коммуникативный и социокультурный. Это обусловлено спецификой содержания учебных предметов «Родной язык» или «Иностранный язык», в котором выделяются языковой, коммуникативный и социокультурный компоненты. При этом языковой и коммуникативный планы учебников, как правило, счи-

таются главными, а социокультурный рассматривается как некий фон¹, на котором осуществляется формирование языковой и коммуникативной компетенций².

Соответственно, в трудах по теории учебника иностранного языка традиционно анализу подвергается в большей степени языковое или коммуникативное содержание учебников и в меньшей степени социокультурное [Арутюнов 1990; Бим 2002; Вятютнев 1984; Якушев 2009; Cunningsworth 1984; Skierso 1991; McGrath 2002; Tomlinson 2012]. Социокультурное содержание учебников иностранного языка исследовалось в СССР в 1970–1990-х гг. в рамках лингвострановедения [Верещагин 1990; Ендольцев 1988; Фурманова 1993 и др.]. В частности, анализировалось содержание учебных текстов и иллюстраций. В последние 20 лет социокультурное содержание учебников чаще всего рассматривается в контексте имагологии или теории межкультурной коммуникации.

Имагология как сравнительно новое направление междисциплинарных исследований изучает разного рода образы. Например, применительно к обучению русскому языку как иностранному она исследует формирование образов России, русского народа, русского языка в учебном процессе, в том числе и на материале определенных учебников [Милославская 2008; Милич 2017; Дзюба 2019; Образ

¹ С этим связан термин «фоновые знания» в трудах по лингвострановедению [Верещагин 1990].

² Исключением являются отдельные лингводидактические концепции, в частности концепция иноязычного коммуникативного образования Е. И. Пассова [Пассов 2000].

России 2019 и др.]. Эти образы далеко не всегда бывают позитивными. С. Г. Милославская показывает, как на протяжении многих столетий в массовом сознании европейцев создавался негативный образ России, причем часто его формировали авторы учебников русского языка [Милославская 2008]. Искаженный образ России предстает и на страницах некоторых современных учебников, написанных не только за рубежом, но и в самой России [Ардатова 2015; Веснина 2018; Карпец 2013; Сафонова 2012]. Впрочем, большая часть современных учебников русского языка как иностранного, созданных как российскими, так и зарубежными авторами, демонстрирует в целом доброжелательный образ России.

Существует ряд работ, в которых реализован межкультурный подход к анализу учебников [Бердичевский 2015; Rubdy 2014; Выган 1993; Damen 1987; Kramsch, 1993; Risager 1991]. Основная идея этих работ состоит в следующем: учебник иностранного языка должен создавать условия для формирования межкультурной компетенции учащихся. Так, Р. Рабди отмечает, что социокультурный анализ учебников дает ответы на следующие вопросы: Какие аспекты культуры в нем отражены? Соответствуют ли учебные материалы социокультурному контексту учащихся, учитывают ли они их ценности и взгляды? Отражают ли эти материалы социокультурное разнообразие и учитывают ли его? Показывает ли учебник сходства и различия между культурой учащихся и другими культурами? Не сделано ли это с позиций превосходства? Содержит ли учебник стереотипные, неточные, снисходительные или оскорбительные образы пола, расы, социального класса или национальности? [Rubdy 2014].

В. В. Сафонова совмещает имагологический и межкультурный подходы к анализу учебников: она пишет, с одной стороны, о выявлении адекватного или неадекватного представления в них страны изучаемого языка, с

другой стороны, о поиске ответа на вопрос, соответствует ли данный учебник требованиям межкультурного образования [Сафонова 2012]. Такой комплексный подход к анализу социокультурного содержания учебников представляется наиболее целесообразным: он был положен и в основу настоящего исследования.

Методология исследования

Целью настоящей работы являлся поиск ответа на следующие вопросы:

- какой социокультурный материал представлен в учебниках русского языка, используемых в школах и вузах Словакии;
- создает ли он предпосылки для межкультурной коммуникации;
- какой образ России формируется у словацких учащихся при изучении русского языка по этим учебникам?

Материалом исследования служили учебники, используемые в обучении русскому языку в школах и вузах Словакии. При составлении выборки принимались во внимание их следующие характеристики:

- год издания: анализу подвергались учебники, изданные только в последние 25 лет;
- распространенность: исследовались учебники, наиболее часто используемые в школах и вузах Словакии.

В результате было отобрано 13 учебников и учебных комплексов. Большая их часть составлена словацкими авторами, однако встречаются и учебники, изданные чешскими авторами, причем одни из них адаптированы к условиям словацкой школы, а другие предназначены для обучения в Чехии¹.

Методы исследования:

1. Контент-анализ учебных программ, включающих списки обязательной и дополнительной учебной литературы, на сайтах образовательных учреждений Словакии, и учебников, в частности, тем и ситуаций социокультурного содержания, состава социокуль-

¹ Хотя объектом исследования являются словацкие учебники, в выборку был включен учебник «Радуга» по той причине, что он на сегодняшний день является наиболее популярным учебным пособием для обучения русскому языку в словацких школах и вузах. Хотя используются и другие чешские учебники русского языка, их доля в сравнении с «Радугой» неоправданно мала, и по этой причине они не рассматриваются. Поскольку Чехия и Словакия после разделения в 1993 году и далее на законодательном уровне являются общим образовательным пространством, а культура и язык чехов и словаков исторически близки, то и использование чешских материалов в словацкой системе образования (особенно на уровне средних школ и вузов) не вызывает возражений со стороны организаторов и участников образовательного процесса.

турных единиц, их представления в учебных текстах, заданиях и иллюстрациях.

2. Анкетирование студентов. При составлении выборки учебников использовались данные анкетирования первокурсников, которое в 2007–2019 гг. ежегодно проводилось на первых занятиях по русскому языку в двух словацких университетах (Университете Коменского в Братиславе и Экономическом университете в Братиславе). Анкета начиналась с вопроса «По каким учебникам вы обучались в начальной / средней школе?» Всего было обработано более 1400 ответов студентов.

3. Интервьюирование преподавателей словацких вузов, позволившее собрать информацию о том, какие учебники русского языка они используют.

Результаты исследования

1. Учебники русского языка для основной школы¹

В основной школе чаще всего используют учебный комплекс из пяти книг «Русский язык для основной школы» В. Глендовой и Е. Ковачиковой [Glendová 2016]. Распространенность этого учебного комплекса подтверждает и специалист Государственного комитета по педагогике Республики Словакия А. Королёва, отмечая, что это «единственные национальные учебники русского языка для 5-9 классов общеобразовательной школы» [Koroľová 2014: 27].

Социокультурная составляющая расширяется в них вместе с развитием языковой компетенции обучающихся. Если в учебном пособии для пятого класса мы находим лишь краткое описание Москвы как столицы России, то в учебнике для 6 класса уже описывается и московское метро, а также дается подробное описание основных достопримечательностей Санкт-Петербурга.

В учебнике для 7 класса вводятся адаптированные тексты Н. Носова, А. Слонимского, А. С. Пушкина, С. Маршака, В. Драгунского, А. Алексина, рассказывается о школьном образовании в России, о жизни и творчестве А. С. Пушкина и П. И. Чайковского, о тради-

ционной русской еде и одежде, об истории и достопримечательностях Москвы, о российских праздниках, об изделиях русских народных промыслов, о природных богатствах Сибири.

В учебнике для 8 класса каждая глава тематически связана со страноведением и культурой России: кратко рассматривается географическое и административное устройство Российской Федерации, биография и творчество М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, М. А. Шолохова, города Золотого кольца России, богатство Третьяковской галереи. Представлены и анализируются работы А. Рублева, И. Е. Репина, А. К. Саврасова, П. П. Кончаловского, В. И. Сурикова, В. Г. Перова, В. В. Верещагина, В. В. Пукирева, В. Д. Поленова. В этом учебнике реализуется традиционалистский подход к представлению русского изобразительного искусства, так как без картин «Грачи прилетели» Саврасова и «Неравного брака» Пукирева обходится мало какой учебный комплекс. Вместе с тем очевидно, что их тематика, жанр, сюжет не являются чисто русским феноменом. Может быть, целесообразнее было бы, учитывая и возраст учащихся, предложить им картины менее известные, но более культурно специфические, например, былинно-мифологические картины Константина Васильева. Способ представления картин (преимущественно краткое описание) можно было бы модифицировать в творческие задания (дополнение слов, выбор подходящей для описания картины национально-маркированной лексики из предоставленных вариантов, ответы на вопросы).

В учебнике для 8 класса также рассматриваются традиции Нового года, Рождества, Масленицы, Пасхи, Дня Победы и других праздников, творчество М. Плисецкой, позитивные стороны медицинского обслуживания в России, ключевые имена и события российской космонавтики, а также московской Олимпиады 1980 года.

В учебнике для 9 класса содержится тематически разнообразная информация о России: подробно освещаются достопримеча-

¹ Система образования в Словакии включает в себя 9 лет základnej školy (основная школа), состоящей из двух ступеней (1–4 класс, 5–9 класс), затем следует stredná škola (средняя школа, 4 года обучения) – это гимназии и средние профессиональные школы, после окончания которых при условии успешной сдачи госэкзаменов (maturitné skúšky) выпускники поступают в вузы.

тельности Санкт-Петербурга и его пригородов (Петродворец, Пушкин, Павловск), коллекции наиболее известных российских музеев (Эрмитаж, Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина), представлено описание жизни и творчества А. П. Чехова, Б. Окуджавы, В. Высоцкого, М. В. Ломоносова, И. П. Павлова, Д. И. Менделеева, дается информация о российском Интернете, рассказывается о русских свадебных традициях и бытовых суевериях (*сесть на дорожку, разбитое зеркало, рассыпанная соль, черная кошка* и т. д.), подробно анализируется значение Петра I в российской истории, дается краткая характеристика шедевров российской кинематографии («Броненосец Потемкин», «Летят журавли», «Иваново детство», «Андрей Рублев», «Война и мир», «Восхождение», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Осенний марафон», «Москва слезам не верит», «Утомленные солнцем»), российская мода представлена описанием творчества В. Зайцева.

Основной стратегией данного учебного комплекса является стратегия бикультурализма: в нем реализованы «такой отбор и такая организация учебного (языкового, текстового, лингвострановедческого) материала, при которых устанавливается взаимосвязь двух языковых картин мира и фактов двух лингвокультур – родной и изучаемой» [Образ России 2019: 65]. Впрочем, информация о взаимосвязи российской и словацкой культур в этом комплексе могли бы быть расширены. Так, в пособии для 9 класса вполне уместно бы было ввести и материал о Душане Маковицком, словацком враче семьи Л. Н. Толстого, писателе и переводчике. Несколько удачно подобранных фрагментов из его воспоминаний придали бы «великому старцу» новый образ в глазах словацких учеников. В учебник для 7 класса можно было включить задания с использованием крылатых фраз из фильма «Морозко», чрезвычайно популярного в Словакии, а на основе русского оригинального текста были бы возможны и задания-загадки, задания на дополнение выражений и т. п. Ученикам 8 класса, возможно, были бы интересны межкультурные сопоставления лично значимых жизненных событий (рождение ребенка, крестины, годовщины и юбилеи, свадьба, ново-

селье и т. п.), а также религиозных традиций (например, сопоставление католического и православных постов позволяет одновременно расширить лексический запас по теме питания), сопоставления популярных в России и Словакии профессий, сравнение увлечений молодежи и т. п.

2. Учебники русского языка для средних школ и гимназий

В средних школах и гимназиях чаще всего используется учебный комплекс в пяти книгах «Радуга» чешских авторов [Jelínek 1997], причем первые две книги предлагаются и в словацком варианте, а три последних пока существуют только в чешском. А. Королёва отмечает, что, хотя этот учебный комплекс предназначен преимущественно для изучения русского языка в средних школах, он может быть востребован и в нефилологических вузах [Koroľová 2014: 41].

Социокультурная составляющая в данном учебном комплексе также имеет вектор расширения по нарастающей в соответствии с повышением уровня владения языком от А1 до В1. В «Радуге 1» учащиеся знакомятся с судьбой романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и с ситуацией, сложившейся вокруг присуждения ему Нобелевской премии по литературе, а также с упоминанием творчества В. Высоцкого. Однако литературные темы в этом учебном комплексе имеют преимущественно описательный характер, мало способствующий проникновению в поэтику и особенности творчества отдельных писателей, непосредственно связанных с формированием нравственных качеств учащихся. Художественные тексты используются чаще всего иллюстративно, в лучшем случае с несколькими вопросами в конце фрагмента. Учебник бы только выиграл, если бы в него были включены тексты популярных песен (авторских и народных), особенно если имеются качественные переводы на словацкий язык, например, если бы в него была включена известная песня Б. Окуджавы «Молитва Франсуа Вийона» с переводом на словацкий язык Я. Штрассера, лучшего современного словацкого переводчика с русского языка.

В «Радуге 2» подробно описана биография А. Рубинштейна. В главе «Две столицы России» проиллюстрированы и описаны главные

достопримечательности Москвы и Санкт-Петербурга, рассказывается и о московском транспорте (с акцентом на московское метро в сопоставлении с пражским). В «Радуге 3» представлены с иллюстрациями и описываются шедевры русского изобразительного искусства (И. Е. Репина, В. А. Серова, И. О. Левитана, В. М. Васнецова, П. И. Аргунова, В. М. Орешникова), традиционные составляющие русского национального костюма, творчество И. С. Тургенева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и А. П. Чехова, достопримечательности Ялты и Новосибирска.

В учебнике «Радуга 4» представлена еще более обширная социокультурная информация: подробно рассматривается творчество А. И. Солженицына, Н. В. Гоголя, история и современность российского воздушного транспорта (на примере Аэрофлота), подробно описываются основные достопримечательности Москвы, предлагаются и полезные советы туристу по различным бытовым ситуациям в Москве, связанным с обменом валюты, хранением багажа, поведением на вокзалах, поселением в гостиницу и т. п., подробно представлены сибирский регион (включая, кроме краеведческого, и анализ экологического состояния) и подробности увлекательного путешествия по Транссибирской железной дороге, русский порядок питания и основные блюда русской кухни, государственные и церковные праздники.

В «Радуге 5» дается информация о городах Золотого кольца России, о богатстве и разнообразии русской церковной архитектуры (с кратким экскурсом и в грустную историю разрушения церквей в советский период), а также представлена информация об экономике России и ее природных богатствах, рассказывается о легендах российского спорта (И. Роднина, Г. Каспаров, В. Третьяк, Л. Яшин), анализируются традиции русского усадебного быта (Кусково, Остафьево, Коломенское, Абрамцево), подробно представлены памятные места, связанные с именами знаменитых русских писателей (Михайловское, Ясная Поляна, Тарханы, Спасское-Лутовиново), дается и краткая информация о выдающихся русских ученых (М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев, К. Э. Циолковский, С. В. Ковалевская, В. К. Зворыкин, С. П. Королев, И. П. Павлов),

рассказывается о наиболее известных университетах России.

Важно отметить, что в целом в данном учебном комплексе исторические сведения представлены весьма отрывочно и мало контекстуализируются в свете хода общей мировой истории. Понятно желание авторов обойти трагические моменты истории, но все же для лучшей самоидентификации подрастающего поколения было бы полезно их осветить и частично через события, связывающие словацкую и российскую историю, пусть часто и спорные. Можно коротко, но увлекательно подать историю чехословацких легионеров в контексте Первой мировой и Гражданской войн, освобождения Словакии от немецких оккупантов в 1945 году (тут была бы полезна и информация о связанных с этими событиями памятниках), объективно осветить события 1968 года и т. д.

3. Учебники русского языка для вузов

В вузах Словакии используются не только учебный комплекс «Радуга», но и учебные пособия, созданные вузовскими преподавателями, например, учебный комплекс в четырех книгах «Говорите по-русски?» М. Дзиваковой, Р. Квапила, Г. Рехториковой [Kvapil 2012], в котором также реализуется стратегия бикультурализма, но при этом имеет место легкий перевес в сторону словацких реалий, особенно в части сравнения систем образования, например, не полностью раскрыт потенциал представления российских партнерских вузов (РЭУ имени Г.В. Плеханова, МГИМО, Саратовский университет), в которые у студентов есть реальный шанс попасть на учебу от 1 месяца до 4 лет, так что данная информация наверняка была бы воспринята ими с живым интересом.

По данным интервьюирования преподавателей, в большинстве случаев в вузах используется учебник «ДА! Ruština», написанный вузовскими педагогами Е. Декановой и Э. Ондрейчевой, несколько раз переизданный и предназначенный для обучения русскому языку как филологов, так и нефилологов [Dekanová 2008]. Учебник содержит богатую социокультурную составляющую. В нем подробно представлена разнообразная информация о Москве и Санкт-Петербурге (история, достопримечательности, музеи, галереи,

вузы, библиотеки, театры), о городах Золотого кольца России, рассказывается об особенностях русской кухни, русских праздничных традициях и медицинском обслуживании в России, кратко описаны география и население, даны творческие биографии К. Э. Циолковского и М. В. Ломоносова, композитора П. И. Чайковского, царя Петра I, художника В. А. Серова, коротко описано творчество А. С. Пушкина и подробно А. П. Чехова.

Анализ других популярных учебников русского языка [Chamrajeva 2009; Žofková 2001; Orlová 2016; Vochmina 2011] показал, что все они также направлены на формирование не только языковой и коммуникативной, но и социокультурной компетенции у обучающихся русскому языку. Общая картина складывается следующая: больше внимания уделено культурным и историческим достопримечательностям Москвы и Санкт-Петербурга. Русские писатели и их творчество представлены более широко, чем, например, композиторы, исторические деятели, режиссеры, и художники. Достижения российского спорта, науки, космонавтики представлены лишь фрагментарно. Довольно часто описываются города Золотого кольца России, реже сибирский регион (почти всегда в аспекте природных богатств), а остальные города и регионы представлены крайне редко. Весьма слабо представлена информация о современной политической, экономической, административной, демографической и социальной ситуации в России, зато подробно описаны традиции русских праздников, особенности национальной кухни и одежды. Исторические факты и события рассматриваются преимущественно в контексте описания исторических достопримечательностей Москвы и Петербурга или деятельности исторических личностей, в основном XVIII и XIX веков. XX век с его революционными событиями и опытом социалистического строительства представлен фрагментарно, в основном в контексте современных российских праздников (например, *23 февраля, 9 мая*).

Вместе с тем, представляется, что в учебниках для вузов были бы вполне уместны и более сложные исторические темы, особенно в контексте взаимопересечений российской и словацкой (чехословацкой) истории и фактов, хорошо известных словацким студентам

из истории отечественной. Например, кратко представленные факты о «Интергельпо», промысловом кооперативе из Чехословакии, состоявшем преимущественно из чехов, словаков и венгров, добровольно направившихся строить социализм в СССР, об их успехах и грустном конце можно было бы оживить при помощи популярного сегодня метода обучения «*Oral History*» (устная история) – метода организации осмысления истории через устные свидетельства очевидцев, их дискуссии, обсуждение проблемных вопросов. Это позволило бы «очеловечить» историю XX века и перенести ее из отчуждающей плоскости *они и мы* (их история) в более привлекательную плоскость *мы с ними* (наша общая история).

Отдельно от анализируемых учебников стоит учебный комплекс из двух книг Э. Колларовой и Л. Трушиной «*Встречи с Россией*» [Колларова 2004], главной составляющей которых является именно социокультурная, поскольку Э. Колларова является в Словакии главным пропагандистом идеи обучения языку через культуру и культуре через язык. Этот учебник предназначен для студентов средних школ, достигших уровня B1, но его также рекомендуют использовать при обучении студентов-филологов, в том числе и русистов [Koroľová 2014: 46]. Части этого учебного комплекса настолько насыщены информацией о литературе, искусстве, кинематографии и прочих областях культуры, что кажутся, скорее, учебниками по истории русской культуры, нежели учебниками русского языка, поэтому, несмотря на то, что они чрезвычайно содержательны и отлично структурированы, они не вошли в нашу выборку учебников русского языка.

4. Самоучители

В Словакии пользуются популярностью и самоучители русского языка, которые, по данным опросов студентов, иногда используются в общеобразовательных школах и гимназиях. Большой спрос на данный вид учебных пособий, наблюдаемый нами повсеместно в библиотеках и книжных магазинах, можно объяснить феноменом 1990-х годов, когда на волне общественных перемен обучение русскому языку в школах снизилось до минимума, а главным иностранным языком стал английский. Сегодня ситуация выравнива-

ются¹, но знание русского языка у целого поколения словаков (у экономически активного населения в возрасте от 30 до 40 лет) весьма фрагментарно, и они наряду с учащимися школ и студентами вузов также являются потребителями данного образовательного продукта. Анализ наиболее популярных из них [Kovačiková 2014; Kollarova 2006; Matejko 2018; Hribiková 2012; Grominová 2019] показал, что в них присутствует довольно весомая социокультурная составляющая, но она имеет при этом более практическую направленность. Значительно меньше по сравнению с вышеописанными учебниками в них представлена художественная культура и история России, зато более подробно рассматриваются темы, связанные с современным русским бытом (особенности праздников, новоселье, традиции питания, поведение в гостях, подарки, магазины), транспортом, вокзалами, гостиницами, аэропортами, медицинским обслуживанием, наиболее популярными туристическими маршрутами (преимущественно Москва и Санкт-Петербург).

В учебниках подобного типа, адресованных преимущественно взрослому, экономически активному населению Словакии, являющемуся потенциально весьма перспективным в плане туризма, авторы могли бы позволить себе и отойти от представления стереотипных маршрутов культурно-исторического туризма в России, и дать волю фантазии (и новой, актуальной лексике) в смысле представления российских перспектив религиозного, сельского, горного, гастрономического, лечебно-оздоровительного туризма, автотуризма, темного туризма, отдыха на море, экстремального отдыха и т. д. В качестве учебных текстов и соответствующих заданий подошли бы такие темы: крупные города с разными видами развлечений, места отдыха на природе, популярные морские курорты, возможности горных походов, удобные маршруты (автомобильные, автобусные, железнодорожные), особенности авиасообщения и т. д. Интересны бы были и темы, связанные с языковым, религиозным и национальным многообразием России.

Обсуждение

Социокультурный материал представлен во всех учебниках русского языка, используемых в школах и вузах Словакии. Их авторы учитывают тенденции развития современной лингводидактики, среди которых одна из ведущих – это обеспечение взаимосвязи языка и культуры в процессе обучения.

Наиболее подробно в учебниках представлены исторические, культурные и архитектурные достопримечательности Москвы, Петербурга, а также городов Золотого кольца России, что говорит о стремлении авторов учебников зародить у обучающихся желание посетить Россию в качестве туриста. В этом, несомненно, имеется и дидактический смысл – часто интерес обучающихся к языку и жизни народа, говорящего на этом языке, возрастает после первой туристической поездки в страну.

В учебниках присутствует большое количество сведений о выдающихся русских писателях, однако преимущественно о представителях «золотого века» русской литературы, и это, вероятно, объясняется тем, что авторы этих учебников в большинстве своем являются выпускниками отделений русской филологии, на которых традиционно обучают студентов русской классической литературе. Значительно в меньшей степени представлены литераторы советского периода за исключением В. Высоцкого, Б. Окуджавы, А. Солженицына и Б. Пастернака, что, возможно, вызвано идеологическими соображениями. Информация о современном литературном процессе почти полностью отсутствует, но это характерно и для преподавания русского языка как иностранного в самой России. Полагаем, что особо привлекательным и познавательным в аспекте нетривиального освещения российской истории и современных реалий могло бы стать представление фрагментов творчества популярных современных писателей, уже знакомых читателю по переводам на словацкий язык (напр. «Лавр» Е. Володкина, «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, «Зеленый шатер» Л. Улицкой, «День опричника» В. Сорокина, «Время женщин» Е. Чижовой, «Июнь» Д. Быкова и т. д.).

¹ По данным посольства РФ, в Словакии в 2019 году русскому языку обучалось почти 60 000 словацких школьников в более чем тысяче словацких начальных и средних школ, подробнее см. на <http://www.srspol.sk/clanek-rozhovor-velvyslanca-ruska-na-slovensku-a-l-fedotova-pre-informacnu-agenturu-ria-novosti-18405.html> (дата обращения: 01.03.2020).

В учебниках широко представлена информация о русских традициях, праздниках, обрядах, особенностях национальной кухни и одежды, хотя и ясно, что она, как правило, мало способствует пониманию жизни в современной России. Нельзя не согласиться с тем, что в этом проявляется хронологическая узость в представлении российской действительности (в учебниках создается архаичный образ страны), а также стратегия тиражирования стереотипных представлений о русской культуре в ее отрыве от современного социокультурного контекста [Образ России 2019: 69]. Несмотря на это, все же полагаем, что эта информация необходима, так как она обладает познавательным и мотивационным потенциалом.

С другой стороны, во многих учебниках присутствует прагматическая информация, жизненно необходимая при посещении России: использование всех видов транспорта, поселение в гостиницы, посещение ресторанов, магазинов и культурных мероприятий. К сожалению, она имеет преимущественно описательный характер и мало способствует реальному общению.

Описание особенностей российского образования в учебниках имеет место, но его нельзя назвать достаточно информативным. Вероятно, это обусловлено тем, что, по мнению авторов учебников, большинство изучающих русский язык в Словакии не планирует в дальнейшем получать образование в России. Это верно лишь отчасти, так как у словацких учащихся имеются реальные возможности (по линии министерских квот, Россотрудничества, межвузовского обмена) стать студентами российских вузов, а кроме того, даже в случае, если учащийся не планирует обучение в России, его, по нашим наблюдениям, весьма интересует тема образования в сопоставительном плане: организация обучения, система оценки знаний и умений студентов, распределение бюджетных и коммерческих мест в государственных вузах России, российская специфика перехода на Болонскую образовательную систему и особенно вопросы, связанные с практикой ЕГЭ, которая и в Словакии в свое время широко обсуждалась, но так и не была реализована.

Русское изобразительное искусство представлено в учебниках весьма содержатель-

но, хотя и довольно стереотипно. В меньшей степени по сравнению с литераторами и художниками даются сведения о выдающихся ученых, композиторах, спортсменах, режиссерах, архитекторах, скульпторах. Полностью отсутствует информация о традициях русского цирка, относительно мало внимания уделено русскому балету, танцу, музыке.

Современные российские политические деятели почти не упоминаются, но без описания жизни и деятельности Петра I не обходится практически ни один учебник, что отражает исключительно российское восприятие степени значимости исторических деятелей. Роль Петра I в определении вектора развития российской истории неоспорима, но с точки зрения словацкого исторического и культурного пространства, где еще сильно самоощущение своей истории как истории бывшей Габсбургской монархии, не менее интересной личностью является, например, Александр I, деяния которого с историей Австрийской империи перекликаются куда значительнее, нежели столь подробно описываемые петровские реформы. Имеются в виду наполеоновские войны, Пресбургский мир, заключенный в 1805 году в Братиславе, Венский конгресс и другие события, оказавшие влияние на словацкую историю. Нельзя не согласиться с тем, что «присутствие в зарубежных учебниках русского языка как иностранного исторических и политических событий и персоналий должно быть тщательно взвешено, возможно, с привлечением участия специалистов по истории» [Образ России 2019: 37].

Весьма фрагментарно представлена информация о банковской системе, увлечениях российской молодежи, студенческой жизни в вузах, особенностях российской флоры и фауны, современных формах коммуникации (сотовая связь, интернет, популярные и полезные для иностранцев интернет-сайты). Почти полностью отсутствует информация о современной российской экономике, политической и административной системе, национальном, религиозном и культурном многообразии населения России. Возможно, причина в том, что это новая и во многом малознакомая авторам учебников информация, при том, что у школьников и студентов она вызывает интерес. Впрочем, и в самой Рос-

сии эти важные моменты повседневной жизни в содержании обучения русскому языку и в учебниках почти не отражены.

Выводы

1. В современных учебниках русского языка, используемых в школах и вузах Словакии, представлен богатый социокультурный материал. Авторы учебников широко освещают художественную культуру России, демонстрируя обучающимся главным образом классические произведения XIX в. При этом художественная культура XX в. представлена несколько однобоко, а художественная культура последних 20 лет вообще не отражена. Это же относится и к политической истории России. В учебниках представлены многие важные элементы культуры современного российского быта, но при этом ряд других элементов не отражен вообще, что, впрочем, характерно не только для словацких, но и для российских учебников русского языка как иностранного.

2. Реалии российской жизни отражены в учебниках в целом весьма доброжелательно. При этом авторы учебников избегают рассмотрения «проблемных» вопросов российской жизни, и в результате большое количество

фактов российской истории и культуры оказываются неизвестными студентам.

3. Социокультурное содержание учебников русского языка, используемых в школах и вузах современной Словакии, способствует формированию позитивного образа России и русского народа. Образ России, предлагаемый в учебниках, представляет ее как весьма привлекательную цель для культурно-познавательных путешествий, а отчасти и вузовского образования, и одновременно мотивирует учащихся к ее углубленному многостороннему познанию.

4. Исследование социокультурного содержания учебников русского языка для школ и вузов Словакии может быть полезно представителям разных областей знания (психологам, политологам, социологам, историкам и др.), но все же первостепенное значение оно имеет для авторов и рецензентов учебников русского языка как иностранного, для преподавателей, выбирающих учебник для своей практической деятельности, для студентов, обучающихся планированию и проведению уроков, то есть для всех тех, кто связан с конкретным процессом обучения и для кого учебник выступает как средство обучения.

Литература

- Ардагова, Е. В. Образ России в современных учебниках по русскому языку как иностранному / Е. В. Ардагова. – Текст : электронный // Arriogi. Серия: гуманитарные науки. – 2015. – № 3. – С. 1–9. – URL: <http://www.arriogi-journal.ru> (дата обращения: 16.10.2020).
- Арутюнов, А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев / А. Р. Арутюнов. – М. : Русский язык, 1990. – 167 с.
- Бердичевский, А. Л. Как написать межкультурный учебник русского языка / А. Л. Бердичевский, А. В. Голубева. – СПб. : Златоуст, 2015. – 140 с.
- Бим, И. Л. Некоторые исходные положения теории учебника иностранного языка / И. Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 3. – С. 3–9.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
- Веснина, Л. Е. Образ России в учебниках по чтению РКИ в Китае: русский взгляд. 07.12.2018 / Л. Е. Веснина. – Текст : электронный // Русский язык как иностранный (РКИ). – URL: <http://o-rossii.ru/blog/rki/115-obraz-rossii-v-uchebnikakh-po-chteniyu-rki-v-kitae-russkij-vzglyad> (дата обращения: 16.10.2020).
- Вохмина, Л. Л. Русский класс / Л. Л. Вохмина, И. А. Осипова. – М. : Русский язык. Курсы, 2011. – 320 с.
- Вятюнев, М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного / М. Н. Вятюнев. – М. : Русский язык, 1984. – 144 с.
- Дзюба, Е. В. Когнитивные стратегии презентации образа России в зарубежных учебниках по русскому языку как иностранному для носителей славянских языков / Е. В. Дзюба // Филологический класс – 2019. – № 1. – С. 75–82.
- Ендольцев, Ю. А. Вопросы теории и практики в преподавании лингвострановедения / Ю. А. Ендольцев. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 52 с.
- Карпец, Е. В. Освоение мира иной культуры в культурно-образовательном пространстве учебника : автореф. дис. ... канд. культурологии / Карпец Е. В. – Саранск : Мордовский гос. ун-т, 2013. – 26 с.
- Колларова, Э. Встречи с Россией / Э. Колларова, Л. Трушина. – Братислава : СПН ; Младе лета, 2004. – 310 с.
- Милич, Й. Учебник для иностранных обучающихся как средство формирования имиджа страны / Й. Милич, Н. В. Русанова // Опыт и перспективы обучения иностранным языкам в Евразийском образовательном пространстве. – Барнаул : Алтайский государственный университет, 2017. – № 2. – С. 29–35.

Милославская, С. К. Русский язык как иностранный в истории становления европейского образа России / С. К. Милославская. – М. : Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2008. – 400 с.

Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты : коллективная монография / Е. В. Дзюба, С. А. Еремина, В. Ю. Миков [и др.] ; Уральский государственный педагогический университет ; под редакцией Е. В. Дзюбы. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – 208 с.

Пассов, Е. И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур: 5-11 кл. / Е. И. Пассов. – М. : Просвещение, 2000. – 172 с.

Сафонова, В. В. Социокультурные аспекты экспертного анализа качества иноязычной учебной литературы / В. В. Сафонова // Евразийский форум. – 2012. – С. 199–215.

Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В. П. Фурманова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – 122 с.

Якушев, М. В. Концептуальные основы оценки качества учебника иностранного языка / М. В. Якушев. – Орел : Изд-во Орловского ун-та, 2009. – 165 с.

Byram, M. Language and culture learning: The need for integration / M. Byram // Germany, its representation in textbooks for teaching German in Great Britain / ed. by M. Byram. – Frankfurt am Main : Diesterweg, 1993. – P. 3–16.

Cunningsworth, A. Evaluating and selecting EFL teaching materials / A. Cunningsworth. – London : Heinemann, 1984. – 275 p.

Chamrajeva, J. Vremena I / J. Chamrajeva, E. Ivanova, R. Broniarz. – Skalice : Infoa, 2009. – 115 p.

Damen, L. Culture learning: The fifth dimension in the language classroom / L. Damen. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 406 p.

Dekanová, E. Da! Ruština / E. Dekanová, E. Ondrejčková. – Bratislava : Enigma, 2006. – 220 p.

Glendová, V. (2016). Ruský jazyk pre 5. ročník ZŠ / V. Glendová, E. Kováčiková. – Bratislava : SPN, 2016. – Vydanie: 9. – 120 p.

Grominová, A. Ruština pre samoukov a pre jazykové kurzy / A. Grominová, I. Posokhin, H. Šajgaliková. – Bratislava : Aktuell, 2019. – 350 p.

Hribíková, R. Ruský jazyk pre samoukov / R. Hribíková, Z. Liptáková, V. Ráž. – Bratislava : Fragment, 2012. – 224 p.

Jelínek, S. Радуга I / S. Jelínek, J. Folprechtová, R. Hříbková, H. Žofková. – Plzeň : Fraus, 1997. – 248 p.

Kollarova, E. Ruština pre samoukov / E. Kollarova, A. Berdichevskij. – Bratislava : Belimex, 2006. – 176 p.

Koroľová, A. Učebnica ruštiny. Čo s ňou? / A. Koroľová. – Bratislava : MPC v Bratislave, 2014. – 70 p.

Kovačiková, E. Ruština pre samoukov / E. Kovačiková. – Bratislava : SPN, 2014. – 142 p.

Kramersch, C. (1993). Context and culture in language teaching / C. Kramersch. Oxford : Oxford University Press, 1993. – 295 p.

Kvapil, R. Говорите по-русски? Ruský jazyk pre začiatovníkov I. 1. vyd. / R. Kvapil, M. Dziváková, G. Rechteriková. – Bratislava : Vydavateľstvo EKONÓM, 2012. – 125 p.

Matejko, L. Ruština pre samoukov / L. Matejko. – Eastone Books, 2018. – 248 p.

Materials Development in Language Teaching / B. Tomlinson. – 2nd ed. – Cambridge : CUP, 2012. – 451 p.

McGrath, I. Materials Evaluation and Design for Language Teaching / I. McGrath. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002. – 310 p.

Orlová, N. (2016). Klass ! I / N. Orlová, M. Vágnerová, M. Kožušková. – Praha : Klett, 2016. – 168 p.

Risager, K. Cultural references in European textbooks: An evaluation of recent tendencies / K. Risager // Mediating languages and cultures: Towards an intercultural theory of foreign language education. – Clevedon, UK : Multilingual Matters, 1991. – P. 180–192.

Rubdy, R. Selection of materials / R. Rubdy // Developing materials for language teaching / ed. by B. Tomlinson. – 2nd ed. – London : Continuum, 2014. – P. 37–85.

Skierso, A. Textbook selection and evaluation / A. Skierso // Teaching English as a second or foreign language / ed. by M. Celce-Murcia. – Boston : Heinle and Heinle, 1991. – P. 432–453.

Žofková, H. Pojehali! 1 / H. Žofková, K. Eibenová, Z. Liptáková, J. Šaroch. – Uvaly : Albra, 2001. – 92 p.

References

Ardatova, E. V. (2015). Obraz Rossii v sovremennykh učebnikakh po russkomu yazyku kak inostrannomu [The Image of Russia in Modern Textbooks on Russian as a Foreign Language]. In *Apriori. Seriya: gumanitarnye nauki*. No. 3, pp. 1–9. URL: <http://www.apriori-journal.ru> (mode of access: 16.10.2020).

Arutyunov, A. R. (1990). *Teoriya i praktika sozdaniya učebnika russkogo yazyka dlya inostrantsev* [Theory and Practice of Creating a Textbook of the Russian Language for Foreigners]. Moscow, Russkii yazyk. 167 p.

Berdichevsky, A. L., Golubeva, A. V. (2015). *Kak napisat' mezhkulturnyi učebnik russkogo yazyka* [How to Write an Intercultural Russian Language Textbook]. Saint Petersburg, Zlatoust. 140 p.

Bim, I. L. (2002). Nekotorye iskhodnye polozheniya teorii učebnika inostrannogo yazyka [Some Basic Principles of the Theory of a Foreign Language Textbook]. In *Inostrannyye yazyki v shkole*. No. 3, pp. 3–9.

Byram, M. (1993). Language and Culture Learning: The Need for Integration. In Byram M. (Ed.). *Germany, its representation in textbooks for teaching German in Great Britain*. Frankfurt am Main, Diesterweg, pp. 3–16.

Chamrajeva, J., Ivanova, E., Broniarz, R. (2009). *Vremena I*. Skalice, Infoa. 115 p.

Cunningsworth, A. (1984). *Evaluating and Selecting EFL Teaching Materials*. London, Heinemann. 275 p.

Damen, L. (1987). *Culture Learning: The Fifth Dimension in the Language Classroom*. Cambridge, Cambridge University Press. 406 p.

- Dekanová, E., Ondřejčková, E. (2006). *Da! Ruština*. Bratislava, Enigma. 220 p.
- Dzyuba, E. V., Eremina, S. A., Mikov, V. Yu. et al. (2019). *Obraz Rossii v mezhdunarodnom obrazovatel'nom diskurse: lingvokognitivny i lingvodidakticheski aspekty* [The Image of Russia in International Educational Discourse: Linguo-Cognitive and Linguodidactic Aspects]. Ekaterinburg. 208 p.
- Dzyuba, E. V. (2019). Kognitivnye strategii prezentatsii obraza Rossii v zarubezhnykh uchebnikakh po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya nositelei slavyanskikh yazykov [Cognitive Strategies for Presenting the Image of Russia in Foreign Textbooks on Russian as a Foreign Language for Speakers of Slavic Languages]. In *Filologicheskii klass*. No. 1, pp. 75–82.
- Endol'tsev, Yu. A. (1988). *Voprosy teorii i praktiki v prepodavanii lingvostranovedeniya* [Problems of Theory and Practice in Teaching Linguistic and Regional Studies]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. 52 p.
- Furmanova, V. P. (1993). *Mezhkulturnaya kommunikatsiya i lingvokulturovedenie v teorii i praktike obucheniya inostrannym yazykam* [Intercultural Communication and Linguocultural Studies in the Theory and Practice of Teaching Foreign Languages]. Saransk, Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta. 122 p.
- Glendová, V., Kováčiková, E. (2016). *Ruský jazyk pre 5. ročník ZŠ*. Bratislava, SPN. Vydanie: 9. 120 p.
- Grominová, A., Posokhin, I., Šajgaliková, H. (2019). *Ruština pre samoukov a pre jazykové kurzy*. Bratislava, Aktuell. 350 p.
- Hřibíková, R., Liptáková, Z., Ráž, V. (2012). *Ruský jazyk pre samoukov*. – Bratislava, Fragment. 224 p.
- Jelínek, S., Folprechtová, J., Hřibíková, R., Žofková, H. (1997). *Paďyga I*. Plzeň, Fraus. 248 p.
- Karpets, E. V. (2013). *Osvoenie mira inoi kultury v kulturno-obrazovatel'nom prostranstve uchebnika* [Acquiring the World of Another Culture in the Cultural and Educational Space of the Textbook]. Avtoref. dis. ... kand. kulturologii. Saransk, Mordovskii gosudarstvennyi universitet. 26 p.
- Kollarova, E., Trushina L. (2004). *Vstrechi s Rossiei* [Meetings with Russia]. Bratislava, SPN, Mlade leta. 310 p.
- Kollarova, E., Berdičevskij, A. (2006). *Ruština pre samoukov*. Bratislava, Belimex. 176 p.
- Koroľová, A. (2014). *Učebnica ruštiny. Čo s ňou?* Bratislava, MPC v Bratislave. 70 p.
- Kováčiková, E. (2014). *Ruština pre samoukov*. Bratislava, SPN. 142 p.
- Kramsch, C. (1993). *Context and Culture in Language Teaching*. Oxford, Oxford University Press. 295 p.
- Kvapil, R., Dživáková, M., Rechteriková, G. (2012). *Govopume no-pyckcu? Ruský jazyk pre začiatčníkov I. 1. vyd.* Bratislava, Vydavateľstvo EKONÓM. 125 p.
- Matejko, L. (2018). *Ruština pre samouko*. Eastone Books. 248 p.
- McGrath, I. (2002). *Materials Evaluation and Design for Language Teaching*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 310 p.
- Milich, J. (2017). *Učebnik dlya inostrannykh obuchayushchikhsya kak sredstvo formirovaniya imidzha strany* [A Textbook for Foreign Students as a Means of Forming the Country's Image]. In *Opyt i perspektivy obucheniya inostrannym yazykam v Evraziiskom obrazovatel'nom prostranstve*. Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet. No. 2, pp. 29–35.
- Miloslavskaya, S. K. (2008). *Russkii yazyk kak inostrannyi v istorii stanovleniya evropeiskogo obraza Rossii* [Russian as a Foreign Language in the History of the Formation of the European Image of Russia]. Moscow, Gosudarstvennyi IRYa im. A. S. Pushkina. 400 p.
- Orlová, N., Vágnerová, M., Kožušková, M. (2016). *Klass! I*. Praha, Klett. 168 p.
- Passov, E. I. (2000). *Programma-konceptsiya kommunikativnogo inoyazychnogo obrazovaniya. Konceptsiya razvitiya individualnosti v dialoge kultur: 5-11 kl.* [Program-Theory of Communicative Foreign Language Education. The Theory of the Individuality Development in the Dialogue of Cultures: 5–11 Grades]. Moscow, Prosveshchenie. 172 p.
- Risager, K. (1991). *Cultural References in European Textbooks: An Evaluation of Recent Tendencies*. In *Mediating languages and cultures: Towards an intercultural theory of foreign language education*. Clevedon, UK, Multilingual Matters, pp. 180–192.
- Rubdy, R. (2014). *Selection of Materials*. In Tomlinson, B. (Ed.). *Developing materials for language teaching*. 2nd ed. London, New York, Continuum, pp. 37–85.
- Safonova, V. V. (2012). *Sotsiokulturnye aspekty ekspertnogo analiza kachestva inoyazychnoi uchebnoi literatury* [Socio-Cultural Aspects of Expert Analysis of the Quality of Foreign Language Educational Literature]. In *Evraziiskii forum*, pp. 199–215.
- Skierso, A. (1991). *Textbook Selection and Evaluation*. In Celce-Murcia, M. (Ed.). *Teaching English as a second or foreign language*. Boston, Heinle and Heinle, pp. 432–453.
- Tomlinson, B. (Ed.) (2012). *Materials Development in Language Teaching*. 2nd ed. Cambridge, Cambridge University Press. 451 p.
- Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk. 246 p.
- Vesnina, L. E. (2018). *Obraz Rossii v uchebnikakh po chteniyu RKI v Kitae: russkii vzglyad* [The Image of Russia in Textbooks on Reading in RFL in China: Russian Perspective]. In *Russkii yazyk kak inostrannyi (RKI)*. URL: <http://o-rossii.ru/blog/rki/115-obraz-rossii-v-uchebnikakh-po-chteniyu-rki-v-kitae-russkij-vzglyad> (mode of access: 16.10.2020).
- Vokhmina, L. L., Osipova, I. A. (2011). *Russkii klass* [Russian Class]. Moscow, Russkii yazyk. Kursy. 320 p.
- Vyatutnev, M. N. (1984). *Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo* [Theory of the Russian as a Foreign Language Textbook]. Moscow, Russkii yazyk. 144 p.
- Yakushev, M. V. (2009). *Kontseptualnye osnovy otsenki kachestva uchebnika inostrannogo yazyka* [Conceptual Framework for Assessing the Quality of a Foreign Language Textbook]. Orel, Izdatel'stvo Orlovskogo universiteta. 165 p.
- Žofková, H., Eibenová K., Liptáková, Z., Šaroch, J. (2001). *Pojechali! 1*. Uvaly, Albra. 92 p.

Данные об авторах

Дулебова Ирина – PhD, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета университета Коменского в Братиславе (Братислава, Словакия).

Адрес: 81102, Словакия, г. Братислава, Гондова, 2.
E-mail: irina.dulebova@uniba.sk.

Московкин Леонид Викторович – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет.

Адрес: 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

E-mail: moskovkin.leonid@yandex.ru.

Authors' information

Dulebová Irina – PhD, Associate Professor of Department of Russian and East European Studies of Faculty of Arts, Comenius University Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia).

Moskovkin Leonid Viktorovich – Doctor of Pedagogy, Professor of Department of Russian as a Foreign Language and Its Teaching Methods of Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 27.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 27.03.2021; date of publication: 30.06.2021

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГРАММАТИКИ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Комовская Е. В.

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0544-8934>

Аннотация. Предметом данной статьи является специфика методических подходов к изучению грамматики русского языка как иностранного. Проанализированы два ведущих принципа представления грамматического материала инофонам. Предложен третий подход, авторский, который основан на понятии коммуникативной метамодели, фиксирующей как грамматическую форму, необходимую для усвоения, так и коммуникативное значение изучаемой лексики. К решаемым в статье задачам относятся представление грамматики русского языка в ходе преподавания РКИ. Основными методами исследования являются метод лингво-сопоставительного анализа, а также методы, синтезирующие системно-функциональный и синхронический подходы к представлению грамматики русского языка. Объектом исследования стала специальная лексика по подъязыку специальности «Сельское хозяйство» и частотные коммуникативные метамодели русского языка, в которых реализуется данная лексика. Практическая значимость данной статьи заключается в том, что она содержит результаты реализации трех методических подходов к преподаванию грамматики русского языка в трех экспериментальных группах иностранных учащихся. Исследование проводилось на базе экспериментальных групп в СПбГАУ. Особое внимание в статье уделяется как теоретическому описанию данных методических подходов представления грамматического материала при изучении русского языка, так и практическому результату обучения по данным методикам. В статье дается сводная таблица результатов обучения по трем экспериментальным группам. Научная новизна исследования состоит в том, что мы предлагаем новый подход к представлению грамматического материала по русскому языку для инофонов, который зарекомендовал себя в реализации программы подфака СПбГАУ и вузов сельскохозяйственной направленности. Данный подход может быть взят за основу при изучении грамматики специальной лексики и в других нефилологических специальностях. Особым вкладом автора в исследование темы является разработка третьего методического подхода к представлению грамматики русского языка как иностранного и его апробация на занятиях с иностранными учащимися СПбГАУ.

Ключевые слова: инофоны; коммуникативные метамодели; русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; подъязык специальности; грамматика русского языка; структурные схемы; системно-функциональный подход; синхронический подход.

Для цитирования: Комовская, Е. В. Способы представления грамматики при преподавании русского языка как иностранного / Е. В. Комовская. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 234–244. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-20.

METHODS OF GRAMMAR MATERIAL PRESENTATION IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Elena V. Komovskaya

Saint Petersburg State Agrarian University (Saint Petersburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0544-8934>

Abstract. The article deals with the specific features of methodological approaches to teaching Russian grammar to non-Russian-speaking students. The author analyzes two leading principles of presentation of grammar material to such students. A third authored approach is suggested, which is based on the concept of a communicative metamodel, fixing both the grammatical form intended for acquisition and the communicative value of the vocabulary studied. The presentation of the Russian grammar material in teaching Russian as a foreign language is one of the problems solved in the article. The main methods of research are the method of lingo-comparative analysis, as well as methods that synthesize the system-functional and synchronic approaches to presenting the Russian grammar. The scope of research covers special vocabulary of the sublanguage of the professional sphere “agriculture” and frequency-based communicative metamodels of the Russian language, in which this vocabulary is used. The practical significance of this article consists in the fact that it contains the results of the imple-

mentation of three methodological approaches to teaching of Russian grammar in three experimental groups of foreign students. The study was conducted on the base of experimental groups at SPbGAU. Particular attention is paid to both the theoretical description of these methodological approaches of grammar material presentation in the process of learning Russian, and the practical result of training organized using these methods. The article provides a summary table of training results for three experimental groups. The theoretical novelty of the study is that the author offers a new approach to the presentation of grammar material in teaching Russian to foreign students, which has proven itself positive in the implementation of the program of the prep department of St. Petersburg State Agrarian University and other agricultural universities. This approach can be taken as a basis for studying grammar of professional vocabulary in other spheres of human activity. The development of a new methodological approach to the presentation of Russian grammar and its practical test in teaching foreign students of St. Petersburg State Agrarian University is a special contribution of the author to the study of the topic.

Key words: non-Russian-speaking students; communicative metamodels; Russian as a foreign; methods of teaching Russian; sublanguage of specialty; Russian grammar; structural diagram; system-functional approach; synchronic approach.

For citation: Komovskaya, E. V. (2021). Methods of Grammar Material Presentation in Teaching Russian as a Foreign Language. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 234–244. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-20.

Введение

При преподавании грамматики русского языка иностранцам складываются, как отмечают исследователи М. В. Всеволодова и Ф. И. Панков, две методические стратегии: 1) академическая, представители которой А. В. Бондарко и Т. Г. Золотова основной акцент в исследованиях делают на теоретическое осмысление языковых закономерностей и процессов; 2) университетская, в ряде случаев ее называют коммуникативной, функциональной, прикладной. Ее представители М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков, А. В. Величко, В. А. Белошапкина отмечают в своих работах, что для преподавания РКИ «...нужна иная, прикладная по своему характеру грамматика, ориентированная на владение языком, а не на анализ абстрактных примеров» [Всеволодова, Панков 2000: 17]. Приоритетным в современном преподавании РКИ является последнее направление, однако в нем нет единой концепции по поводу описания грамматических явлений языка, поэтому все существующие стратегии этого направления можно представить как семантическое, структурное, инновационное, которое, на наш взгляд, является больше инвариантом последнего.

Методика обучения иностранцев грамматике русского языка имеет серьезные традиции, которые отражены в сборниках научно-методических статей «Слово. Грамматика.

Речь», выходявшего с 2015 по 2020 гг., и «Традиционное и новое в русской грамматике». В нем отражены основные методические находки за 2001 год. В симпозиумах «Русская грамматика 4.0.», которые подводили итоги методических находок представления грамматики в 2016 и 2018 гг., в отдельных работах исследователей (см. А. В. Бондарко [Бондарко 1996], И. В. Богатырева, И. Г. Евстегнеева, О. А. Жукова [Богатырева, Евстегнеева, Жукова 2016], А. В. Величко [Величко 2017], М. В. Всеволодова [Всеволодова 2000], Г. А. Золотова [Золотова 2005], Г. А. Золотова, Н. К. Онопенко, М. Ю. Сидорова [Золотова, Онопенко, Сидорова 1998], Ю. М. Калинина, Е. С. Михеева [Калинина, Михеева 2019], Л. С. Крючкова [Крючкова 2004], М. Н. Лебедева [Лебедева 2018]). Однако развитие социальной, политической и экономической сфер общественной жизни, активация межкультурного и межнационального взаимодействия заставляют методистов вновь задумываться о поиске наиболее эффективных путей обучения иностранцев грамматике русского языка. Значимыми являются вопросы теоретико-методологического характера, касающиеся принципов представления грамматического материала либо от формы к коммуникативному смыслу, либо от коммуникативного смысла к формальной стороне выражения. Спор до сих пор ведется, мы предлагаем представить такую абстрактную

модель формального выражения грамматических структур для иностранных учащихся, которая бы фиксировала конститутивные смыслы высказывания, тем самым предопределяла как грамматические, так и лексические ошибки в речи.

Таким образом, целью данного исследования является методическое и методологическое обоснование необходимости синтеза формального и коммуникативного в представлении грамматики русского языка иностранным учащимся. На наш взгляд, лучшим образом это синтезирование смысла и формы проявляется в коммуникативных моделях.

Основная задача данного исследования: представить успешные методики преподавания грамматики русского языка, сформулировать плюсы и минусы каждой из них, представить методику, синтезирующую в себе формальное выражение и коммуникативное значение в наиболее абстрактной и обобщенной форме, представить практические результаты внедрения данных методик в экспериментальные группы СПбГАУ.

Методология исследования

В современной научно-методической литературе встречаются различные подходы к методике преподавания грамматики русского языка как иностранного. В целом из обилия существующих подходов можно выделить два основных.

Первый подход. Его представители А. В. Бондарко и Г. А. Золотова. В своих работах данные исследователи при анализе грамматических явлений русского языка основной акцент делали на систематизации и теоретизации языковых процессов. Их работы представляют начальный этап описания функционирования синтаксических единиц в речи, но в целом основное внимание сконцентрировано на осмыслении и систематизации полученных результатов с позиции лингвистической теории. Так, например, «Коммуникативная грамматика русского языка» Г. А. Золотовой [Золотова 1998] и «Теория функциональной грамматики» А. В. Бондарко [Бондарко 1990] являются интереснейшими исследованиями, но имеют научную ценность прежде всего для лингвистической теории, так как ос-

новной акцент смещен в сторону теоретизации языковых процессов, которые тоже могут встречаться в практике преподавания русского языка как иностранного, однако данный подход к грамматике не охватывает его функциональную составляющую, которая необходима для осмысления иностранным учащимся.

Второй подход имеет также неустоявшийся терминологический аппарат. Ряд исследователей называют данное описание коммуникативной или функциональной грамматикой, другие – педагогической, практической или университетской. М. В. Всеволодова и Ф. И. Панков называют такое описание грамматики функционально-коммуникативным. Представителями данного направления можно считать Г. А. Битехину, А. В. Величко, Г. И. Володину, М. В. Всеволодову, Ф. И. Панкова и др. Основной акцент в их работах сделан на функционировании единиц языка всех уровней при речестроении без их глубокой теоретизации. Этот практический подход ярко отражает работа М. В. Всеволодовой «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка» [Всеволодова 2000], а также работа И. Г. Милославского «Краткая практическая грамматика русского языка» [Милославский 2010]. Эти исследования построены по принципу ответа на практические вопросы, возникающие как у самих инофонов при изучении языка, так и у педагогов при его преподавании. Следовательно, с практической точки зрения данный подход к описанию грамматики русского языка является наиболее практико-ориентированным, в нашем исследовании он также стал приоритетным.

Обсуждения и результаты

В последнее десятилетие коммуникативный подход в преподавании грамматики РКИ приобретает все большее методическое значение. Складываются три основные методические стратегии представления грамматического материала иностранным учащимся.

1. Структурно-семантический подход представления грамматического материала. Основные представители этого подхода – разработчики первых практических грамматик в практике преподавания РКИ: Г. Г. Милос-

лавский «Краткая практическая грамматика» [Милославский 2010], А. В. Бондарко, С. А. Шубик «Проблемы функциональной грамматики: категоризация семантики» [Бондарко, Шубик 2008], С. И. Кокорина «Немного грамматики, но каждый день» [Кокорина 1995].

На начальном этапе этот метод представляет речевые образцы или коммуникативные модели для усвоения иностранными учащимися. Например, модель: *Что это? – Это стол. Кто это? – Это студент.* На продвинутом этапе этот подход предлагает модели описательного характера, соотносимые с основными грамматическими конструкциями научного стиля речи. Например: *Что является Чем. Что состоит из Чего. Что входит в состав Чего. Что делится на что и т. д.* К плюсам данного метода обучения грамматике русского языка можно отнести: во-первых, систематизацию и отбор необходимых речевых образцов. Каждый из данных образцов обладает конкретностью, так как предъясняется в виде простого предложения, и высокой долей частотности. Во-вторых, данные модели предполагают абстрактное обобщение, то есть по ним инофон способен построить от 8 до 10 потенциальных фраз самостоятельно. Это помогает компактно представить всю систему языка и исключить теоретизацию материала. В-третьих, такое представление русской грамматики способствует отработке коммуникативных навыков.

Однако в практике преподавания этот подход представления грамматического материала обладает следующими минусами. Во-первых, он идеален для минимальных речевых образцов на элементарном уровне обучения, но на базовом уровне при усложнении коммуникативной конструкции и приближении ее к произносительной норме русскоговорящего учащегося происходит неверный выбор падежной формы зависимых компонентов, так как ранее элементарные образцы не демонстрировали сочетательные возможности непредикативных форм. Трудности возникают в высказываниях следующего типа. Например: *Эта книга сестры. Это правила физики* и т. д. Таким образом, данный подход к представлению грамматики не формирует у учащихся грамматической компетенции в отношении полипредикативных структур. На продвинутом этапе эта методическая

ошибка становится еще более выраженной в речи иностранных учащихся, так как они сталкиваются с трудностями соотнесения вопроса и необходимой падежной формы, но помимо этого наблюдается неверное раскрытие полипредикативной составляющей высказывания. Например: *Физика – это наука о природе.* Потенциально конститутивный распространитель «о природе» в данном высказывании не отражен в модели (*Что это Что*). Следовательно, модель не подразумевает в сознании учащегося верного коммуникативного продолжения. Варианты данного высказывания в речи инофона могут быть следующие: *Физика – это наука природы; Физика – это наука для природы.* Это в корне меняет семантический аспект высказывания и его коммуникативную природу. Следовательно, этот метод представления грамматики русского языка не уделяет достаточного внимания распространителям, хотя и создает в сознании инофона необходимую элементарную грамматическую базу, но провоцирует ошибки в потенциальных конститутивных распространителях высказывания.

2. Инновационный методический подход к представлению коммуникативных грамматических структур русского языка был предложен в учебном пособии Ю. М. Калининой и Е. С. Михеевой. В основе их метода обучения грамматике лежит графическое представление предложно-падежной системы русского языка, исходя из инновационного приема «fishbone», который авторы пособия предлагают использовать на базовом уровне обучения иностранных студентов, и «mind-map» или «интеллект-карта», которая активно используется на первом сертификационном уровне обучения русскому языку как иностранному. За основу системы «fishbone» исследователи взяли разработки японского ученого Кофу Исикавы, который любую проблему рассматривал в виде схематичной рыбы: проблема – это голова, хвост – вывод, верх скелета – причины, низ – факты. Таким образом, при изучении любого падежа сторонники такого подхода предлагают сверху записывать значение падежа, а внизу давать обобщенную схему употребления речи этого значения. Например, действие – $N_1 + V_1$; называние – Это/Вот + N_1 и т. д.

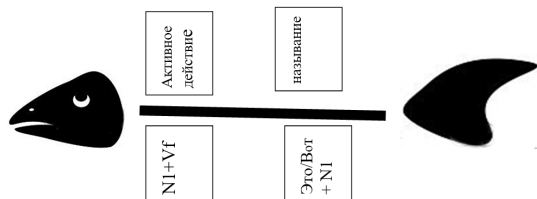

Рис. 1

(модель схемы приведена из интернет-источника <http://pedsovet.su/metodika/priemy/5714>)

Несомненными плюсами данного метода можно считать наглядное представление типизированных абстрактных образцов и соотношение их со значением, но данный метод не отражает в сознании учащегося необходимые потенциальные конститутивные распространители. Например, модель: *Это/Вот + N₁* явно недостаточна в структурном плане, чтобы построить коммуникативные высказывания типа: *Это*

дом мамы. Вот улица моей сестры. Следовательно, ошибки в речи учащихся неизбежны, так как изначально не формируется правильная коммуникативная модель. Дается верная минимальная речевая модель, но не представлены ее потенциальные коммуникативные возможности. В результате в практике говорения мы получаем речевые ошибки. Например: *Это дом мама. Вот улица моя сестра* и т. д.

Метод «mind-map» был введен британским исследователем Тони Бьюзенем в конце 60-х годов XX века. Этот метод применительно к грамматике любого языка позволяет обобщить полученные ранее знания. Например, возможные особенности употребления номинативного падежа в русском языке отражены в пособии «Инновационные приемы в практике преподавания РКИ» следующей «интеллект-картой»:

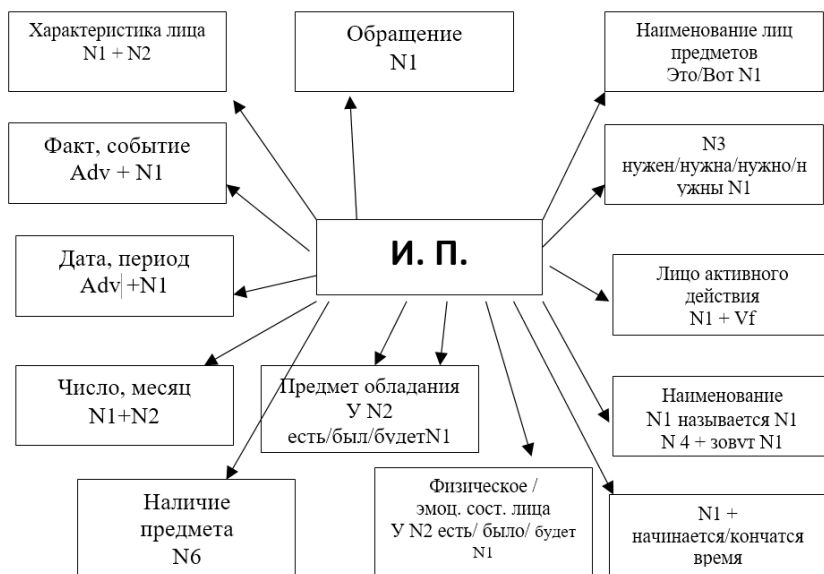

Схема 1 (приведена из пособия Калинина Ю. М., Михеева Е. С. Инновационные приемы в практике преподавания РКИ. М.: ИП Алонцева Н.В., 2019. С. 21)

Метод «mind-map» эффективен для обобщения изученного материала по отдельно взятому падежу, так как перечисляет все структуры и всю семантику, которая соответствует ему, делит предложные и беспредложные формы, первичные и вторичные смыслы. Однако данный метод не способен снять проблему употребления в речи потенциальных и непотенциальных конститутивных распространителей. Несомненным достоинством

данного подхода можно считать наглядное представление грамматического материала, высокую степень систематизации формы и смысла высказывания, однако этот метод не способен решить проблему коммуникативных распространителей речи, при выборе которых происходит 80% всех грамматических ошибок иностранных учащихся, поэтому нами на базе подфака Санкт-Петербургского аграрного государственного университета

(далее – СПбГАУ) был разработан и внедрен экспериментальный метамоделный метод изучения грамматики русского языка.

3. Метамоделный способ представления грамматики. Разработан на кафедре «Иностранных языков и культуры речи» СПбГАУ. В основе этого метода представления грамматики лежит изучение коммуникативной метамодели русского языка, под метамоделю понимается минимальная грамматическая структура, которая может быть номинативной или акциональной, последняя представлена тремя основными разновидностями: двусоставная, односоставная инфинитивного типа, малочастотная. Отличие метамодели от минимальной структурной схемы заключается в том, что в метамодели присутствует обязательный потенциальный или непотенциальный распространитель. Подробно на классификации метамоделей, указанных четырех разновидностей мы останавливаться не будем, так как они описаны в статьях Е. В. Комовской «Научные метамодели в современном русском языке (на примере сельскохозяйственных терминов)» [Комовская 2020: 45-51]; «От минимальной и расширенной грамматической схемы предложения к метамодели в преподавании агрономической терминологии на занятиях по русскому как иностранному» [Комовская, Антонова, Бойченко, Зацепина 2020: 55–61]; «Двусоставные коммуникативные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем» [Комовская 2021: 49–58]; «Двусоставные инфинитивные, односоставные и нечастотные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем» [Комовская 2021: 51-60].

В статье мы наглядно представим и опишем принципы метамоделного подхода к изучению грамматики РКИ на отдельных метамоделных конструкциях.

Представление грамматического материала при метамоделном подходе отвечает основным принципам концентричности изучаемого материала и ступенчатости освоения основных коммуникативных навыков. На начальном этапе, как и в структурно-семантическом подходе, учащиеся знакомятся с классической (принятой еще в Грамматике-80) системой частеречного обозначения N – номинатив и его виды (N1, N2, N3 и т. д.); V –

верб (глагол) и его временные формы; Adv – абверб или наречие; Adj – адъектив или прилагательное. Система легко воспринимается европейскими учащимися, так как в основе своей носит латинское происхождение, сложнее – азиатскими студентами и студентками, впервые изучающими иностранный язык. Второй этап мало отличается от классического подхода в коммуникативно-функциональной грамматике, так как он представлен элементарными минимальными структурными схемами предикативного и непредикативного характера. На базовом уровне обучения происходит качественная перестройка в изучении грамматики, так как все конструкции начинают рассматриваться с позиции обязательного или потенциального конститутивного распространителя. Представим это наглядным образом. Например, предложение: «Физика – это наука о природе» с позиции структурно-семантического подхода будет представлено учащимся как модель Что это Что. С позиции инновационного подхода как N1 это N1 (значение характеристики). С позиции метамоделного подхода данное выражение будет представлено как N1 это N1 + o N6.

Следовательно, метамоделный подход к преподаванию РКИ формирует шаблоны в сознании учащегося с правильным конститутивным распространителем потенциального типа, а значит полностью исключает неверные образцы типа *Физика – это наука природы; Физика – это наука для природы*, тем самым данный подход значительно уменьшает число грамматических ошибок и коммуникативных неудач.

Для коммуникативно законченного высказывания в русском языке важен тип синтаксической конструкции. В целом все синтаксические конструкции русского языка в коммуникации можно разделить на номинативные (приравнены к типу односоставных назывных предложений) и акциональные (приравнены к двусоставным и односоставным предложениям с обязательным присутствием материально выраженного или нематериально выраженного глагола-сказуемого). В любом высказывании у подлежащего коммуникативно слабая позиция, поэтому номинатив имеет в русском языке только адъективный распространитель. Например: *Добрый мальчик. Пого-*

да хорошая. В то время как акциональные высказывания нуждаются в трехкомпонентном распространителе, два из которых обязательны и третий – факультативен, потому что глагол в русском высказывании должен указать на лицо, для которого осуществляется то или иное действие, предмет осуществления этого действия и факультативно – место происходящего действия. Например: *Мальчик пишет бабушке письмо в доме*. Полностью коммуникативно завершенное предложение, так как закрыты все потенциальные коммуникативные позиции. Ср.: *Мальчик пишет бабушке*. Встает вопрос: что он пишет. *Мальчик пишет письмо*. Потенциально мыслится вопрос: кому оно будет адресовано. *Мальчик пишет в доме*. Встает вопрос: что именно он делает и для кого.

Интерес для систематизации коммуникативных метамоделей представляют акциональные высказывания в речи. Их можно объединить в определенные группы, исходя из сематического значения центрального глагола предикативной основы, а также из потенциального набора его распространителей. Рассмотрим некоторые из них в данной статье для большей наглядности нашего метода обучения.

1. Глаголы, определяющие положение чего-либо или кого-либо в пространстве. Условное обозначение таких глаголов в метамодели **Vpp**.

Таблица 1. Глаголы группы Vpp

Спать	Прыгать	Жить
Лежать	Стоять	Находиться
Сидеть	Висеть	Быть

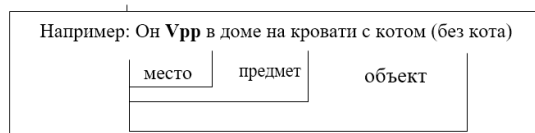
Таблица 2. Коммуникативное сочетание глаголов группы Vpp

ГДЕ?	НА ЧЕМ? ПОД / НАД / ПЕРЕД / ЗА / РЯДОМ С ЧЕМ? У / ОКОЛО / ВОЗЛЕ / БЕЗ / СЗАДИ ЧЕГО?	С КЕМ? БЕЗ КОГО?
в/на N ₆	N ₆ , N ₅ и N ₂	с N ₅ без N ₂
место действия	предмет действия	объект действия

В данной модели все глаголы универсальны в плане своей семантики, кроме глагола *висеть*, который осложнен семантическими ограничениями, но распространяется, как и

все универсальные глаголы группы. Следовательно, основная метамодель для глаголов, характеризующих положение в пространстве субъекта или объекта, будет выглядеть как **N + V pp (в/ на) N₆ + (Prep)N₆ / N₅ / N₂ + (с) N₅ / (без) N₄**.

Схема 2. Наглядное коммуникативное окружение глаголов Vpp

Следовательно, любое высказывание в русском языке в большинстве случаев представлено блоком предикатов и тремя распространителями, обозначающими место, предмет для действия и объект действия или лицо, с которым это происходит. Для данной группы глаголов место представлено традиционной формой препозитива и легко воспринимается учащимися. Выражение предмета в данных конструкциях для осознания представляет сложности, так как оно вариативно и может быть представлено предложными формами препозитива, инструментария и генитива. Лицо, на которое направлено действие, легко в усвоении, так как для выражения совместности происходящего используется только форма **(с N₅)**, отсутствие кого-либо представлено единичной формой **(без N₂)**. На продвинутом этапе при изначальном знакомстве с метамодельным принципом построения русской грамматики студенты способны по заданному шаблону построить более полутора тысячи верных коммуникативно законченных фраз. Данная группа глаголов вызывает наибольшее затруднение у учащихся, так как предметный распространитель представлен тремя разновидностями косвенных падежей, поэтому ведущим формальным сигналом к правильному оформлению высказывания становится предлог.

2. Глаголы, обозначающие перемещение чего-либо или кого-либо в пространстве (Vmp). Несмотря на то, что данные глаголы различаются способом протекания действия, они могут быть однонаправленные или разнонаправленные, в плане частотного коммуникативного распространения они совпада-

ют. Основная метамодель для них **N + V mp (в / на) N₄ + на / в N₆₊ к N₃**.

Таблица 3. Глаголы группы V(mp)

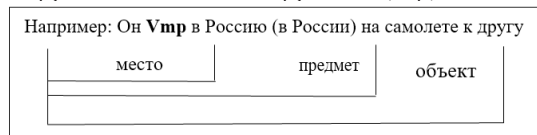
→	←→
лететь, ехать, плыть	летать, ездить, плавать
идти, бежать	ходить, бегать

В плане лексической сочетаемости глаголы *лететь, ехать, плавать* сочетаются с транспортными средствами соответствующих семантических групп, глаголы *идти, ходить* соотносимы только со словом *пешкой*, глагол *бегать / бежать* – с техническими средствами, но в семантическом плане это единственная группа глаголов, которая сочетается при выражении предмета с дативом с предлогом *по*, указывая на всеобъемлющий охват (**по N₃**). Например: *V(mp) в университет по улице*. Данный пример универсален для всех глаголов, кроме глагола *плавать*, который осложнен семантическими ограничениями. Следовательно, вопросная схема метамодели будет выглядеть следующим образом:

Таблица 4. Коммуникативное окружение глаголов группы V(mp)

Куда? Где?	На чем?	К кому?
в/на N ₄ ; в/на N ₆	в/на N ₆	к N ₃
место	предмет	объект действия

Схема 3. Наглядное коммуникативное окружение глаголов группы V(mp)

Данная группа глаголов в методическом плане вызывает сложности при разграничении выполняемого действия, так как распространяющие конститутивные компоненты в них идентичны, а формальные показатели смыслов минимальны, поэтому метамодельный принцип организации грамматики является наиболее эффективным по сравнению с другими.

3. Глаголы объяснительных операций (V_{exp}). NV (exp) N₄ N₆ N₃ – основная метамодель для данной группы глаголов.

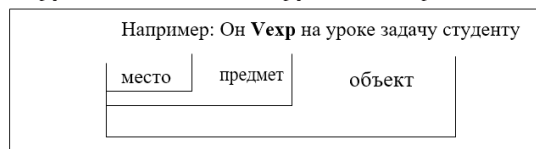
Таблица 5. Глаголы группы V(exp)

пояснять	составлять	рассчитывать
объяснять	формулировать	выделять
решать	анализировать	разъяснять

Таблица 6. Коммуникативное окружение глаголов группы V(exp)

Где?	Что?	Кому?
в/на N ₆	в/на N ₄	N ₃
место	предмет	объект действия

Схема 4. Наглядное коммуникативное окружение глаголов группы V(exp)

В данной группе все глаголы в коммуникативной метамодели универсальны по семантическому окружению. Следовательно, и сама метамодель универсальна как в плане грамматического выражения, так и в плане семантического значения, которое варьируется только исходя из смыслового значения сказуемого.

В статье нами приведены только некоторые метамодели и их распространители, либо наиболее частотные и сложные для восприятия иностранными учащимися, либо универсальные по своему семантическому окружению. На основе подобных метамоделей было разработано пособие, по которому в СПбГАУ и в ГПС МЧС на подфазе с 2017 по 2020 гг. проводился эксперимент в трех группах с одинаковым контингентом и количеством учащихся. В эксперименте участвовали представители Лаосской народной республики, Шри-Ланки, Конго, КНР, Ливана и Сирии. Первая группа испытуемых обучалась по традиционной грамматической системе коммуникативно-функционального синтаксиса русского языка, которая представлена в пособии Л. В. Московкина, Л. В. Сильвиной, Л. Г. Беликовой, Т. А. Шутовой. Вторая группа опира-

лась на инновационные подходы к изучению грамматики, в качестве учебника использовались материалы пособия Т. А. Степановой, Т. Л. Эсмановой и подход Ю. М. Калининой, Е. С. Михеевой. Третья группа обучалась по

разработанному на кафедре СПбГАУ экспериментальному пособию, по выделенным метамоделям в языке. В результате эксперимента в группах были получены следующие результаты.

Таблица 6. Результаты методического эксперимента

Наименование показателя	Группа №1 Структурно-семантический принцип грамматического обучения	Группа №2 Инновационный принцип обучения грамматике	Группа №3 Метамодельный принцип обучения грамматике
Усвоение речевого образца, шаблона	80%	80%	85%
Сознательное использование усвоенного речевого образца в коммуникативных ситуациях	55%	70%	83%
Правильное использование образца в условно-коммуникативном упражнении	65%	68%	71%
Правильное использование шаблона в речи	44%	56%	63%
Правильное использование конститутивного распространителя в знакомой конструкции	51%	68%	70%
Правильное использование конститутивного распространителя в незнакомой конструкции или мало отработанной конструкции	38%	44%	55%
Способность к самоконтролю собственной речи и исправлению грамматической ошибки самостоятельно	51%	77%	83%
Частотность речевых ошибок в отработанных конструкциях	30%	28%	13%

Выводы

Проведенное нами исследование показало, что иностранный учащийся наиболее эффективно усваивает грамматические конструкции русского языка по метамодельному принципу, который предполагает постоянное возвращение к ранее изученным грамматическим конструкциям и их совершенствование в новой грамматической парадигме. Данный подход соответствует основным педагогическим принципам освоения иностранного языка, так как представляет грамматический материал ступенчато и концентрированно. Он предполагает изучение русской грамматической системы исходя из двух основных коммуникативных метамodelей: номинативной и акциональной, последняя в свою очередь варьируется исходя из центральной семантической единицы высказывания – глагола и его конститутивных распространителей. Неизменным в конститутивных распространителях всех семантических классов глаголов является обозначение предмета, места и объекта действия, варьируется только грамматический способ

их представления. Полученный материал в ходе практической работы с иностранными учащимися позволил сформировать необходимые речевые образцы, которые способствуют предотвращению грамматических ошибок в речи учащихся. Выявлено, что обучение по метамодельному принципу грамматики русского языка дает положительные результаты в плане чистоты речи учащихся. Однако всю систему подобных метамodelей в русском языке еще предстоит осмыслить методически. Нами было выявлено и доказано в экспериментальных группах, что метамодельный принцип позволяет учащимся на начальном этапе запомнить верный грамматический шаблон и осознанно усовершенствовать данный шаблон на базовом и продвинутом уровнях. Все проводимые нами эксперименты показали, что универсальная грамматическая коммуникативная метамодель русского языка существует, выработаны критерии ее представления в рамках функциональной грамматики русского языка, однако систематизация этих моделей – это дело будущего.

Литература

- Белошапкина, В. А. Современный русский язык. Синтаксис / В. А. Белошапкина. – М. : Наука, 1977. – 430 с.
- Богатырева, И. В. В мире русской грамматики. Пособие по русскому языку для иностранных учащихся с переводом на английский язык / И. В. Богатырева, И. В. Евстегнеева, И. А. Жигунова. – М. : Русский язык, Курсы, 2016. – 400 с.
- Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. – СПб. : СПбГУ, 1996. – 219 с.
- Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, 1990. – 264 с.
- Бондарко, А. В. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / А. В. Бондарко, С. А. Шубик. – СПб. : Наука, 2008. – 450 с.
- Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка / М. В. Всеволодова, Ф. И. Панков. – М. : МГУ, 2000. – 501 с.
- Величко, А. В. Книга о грамматике / А. В. Величко. – М. : МГУ, 2017. – 648 с.
- Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Ком Книга, 2005. – 352 с.
- Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : МГУ, 1998. – 528 с.
- Калинина, М. Ю. Инновационные приемы в практике преподавания РКИ: предложно-падежная система русского языка (приемы fishbone и Mind-map) / М. Ю. Калинина, Е. С. Михеева. – М. : ИП Алонцева Н. В., 2019. – 48 с.
- Кокорина, С. И. Немного грамматики, но каждый день / С. И. Кокорина. – М. : Рус. яз., 1995. – 99 с.
- Комовская, Е. В. Двусоставные коммуникативные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем русского синтаксиса / Е. В. Комовская // Филология и культура. – 2021. – № 2 (64). – С. 49–58.
- Комовская, Е. В. Двусоставные инфинитивные, односоставные и нечастотные метамодели. Их отличие от минимальных и расширенных схем // Филология: научные исследования. – 2021. – № 4 (53). – С. 51–60.
- Комовская, Е. В. Научные метамодели в современном русском языке (на примере сельскохозяйственных терминов) / Е. В. Комовская // Филология и культура. – 2020. – № 4 (59). – С. 45–51.
- Комовская, Е. В. От минимальной и расширенной грамматической схемы предложения к метамодели в преподавании агрономической терминологии на занятиях по русскому как иностранному / Е. В. Комовская // Digital Society: Digital Society: Historical Background and Current Trends. Lecture Notes in Networks and Systems. – Германия : Springer Nature, 2021. – С. 55–61.
- Крючкова, Л. С. Русский язык как иностранный: синтаксис простого и сложного предложения / Л. С. Крючкова. – М. : ВЛАДОС, 2004. – 464 с.
- Лебедева, М. Н. Вопросы русской грамматики: от смысла к форме. Характерные трудности / М. Н. Лебедева. – М. : Русский язык, Курсы. – 2018. – 176 с.
- Милославский, И. Г. Краткая практическая грамматика русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Либриком, 2010. – 415 с.

References

- Beloshapkova, V. A. (1977). *Sovremennyyi russkii yazyk. Sintaksis* [Modern Russian. Syntax]. Moscow, Nauka. 430p.
- Bogatyeva, I. V., Evstegneeva, I. A., Zhigunova, O. V. (2016). *V mire russkoi grammatiki* [In the World of Russian Grammar]. Moscow, Russkii yazyk, Kursy. 400 p.
- Bondarko, A. V. (1990). *Teoriya funktsional'noi grammatiki* [Functional Grammar Theory]. Leningrad, Nauka. 264p.
- Bondarko, A. V. (1996). *Problemy grammaticheskoi semantiki i russkoi aspektologii* [Problems of Grammatical Semantics and Russian Aspectology]. Saint Petersburg, SPbGU. 219 p.
- Bondarko, A. V., Shubik, S. A. (2008). *Problemy funktsional'noi grammatiki: polevyie struktury* [Functional Grammar Problems: Field Structures]. Saint Petersburg, Nauka. 450 p.
- Kalinina, M. Yu., Mikheeva, E. S. (2019). *Innovatsionnye priemy v praktike prepodavaniya RKI: predlozhno-padezhnaya sistema russkogo iazyka (priemy fishbone i Mind-map)* [Innovative Techniques in the Practice of Teaching RCT: the Proposed Case System of the Russian Language (fishbone and Mind-map)]. Moscow, IP Alontseva N.V. 48 p.
- Kokorina, S. I. (1995). *Nemnogo grammatiki, no kazhdyi den'* [A Little Grammar, but Every Day]. Moscow, Russkii yazyk. 99 p.
- Komovskaya, E. V. (2020). *Nauchnye metamodeli v sovremennom russkom yazyke (na primere sel'skokhozyaistvennykh terminov)* [Scientific Metamodels in Modern Russian (Using the Example of Agricultural Terms)]. In *Filologiya i kul'tura*. No. 4 (59), pp. 45–51.
- Komovskaya, E. V. (2021). *Dvusostavnye infinitivnye, odnosostavnye i nechastotnye metamodeli. Ikh otlichie ot minimal'nykh i rasshirenykh skhem* [Two-part Infinitive, One-part and Non-frequency Metamodels. Their Difference from Minimal and Extended Schemes]. In *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. No. 4 (53), pp. 51–60.
- Komovskaya, E. V. (2021). *Dvusostavnye kommunikativnye metamodeli. Ikh otlichie ot minimal'nykh i rasshirenykh skhem russkogo sintaksisa* [Two-part Communicative Metamodels. Their Difference from Minimal and Extended Schemes of Russian Syntax]. In *Filologiya i kul'tura*. No. 2 (64), pp. 49–58.
- Komovskaya, E. V. (2021). *От минимальной и расширенной грамматической схемы предложения к метамодели в преподавании агрономической терминологии на занятиях по русскому как иностранному* [From a Minimal and Extended Grammatical Scheme of Proposition to a metamodel in Teaching Agronomic Terminology in Classes in Russian

Комовская Е. В. Способы представления грамматики при преподавании русского языка как иностранного as a Foreign]. In *Digital Society: Digital Society: Historical Background and Current Trends. Lecture Notes in Networks and Systems*. Germany, Springer Nature, pp. 55-61.

Kriuchkova, L. S. (2004). *Russkii yazyk kak inostrannyi: sintaksis prostogo i slozhnogo predlozheniya* [Russian as a Foreign Language: Syntax of a Simple and Complex Sentence]. Moscow, VLADOS. 464 p.

Lebedeva, M. N. (2018). *Voprosy russkoi grammatiki: ot smysla k forme. Kharakternye trudnosti* [Questions of Russian Grammar: from Meaning to Form. Characteristic Difficulties]. Moscow, Russkii yazyk, Kursy. 176 p.

Miloslavsky, I. G. (2010). *Kratkaya prakticheskaya grammatika russkogo yazyka* [Short Practical Grammar of the Russian Language]. Moscow, Librikom. 415 p.

Velichko, A. V. (2017). *Kniga o grammatike* [Grammar Book]. Moscow, MGU. 648 p.

Vsevolodova, M. V., Pankov, F. I. (2000). *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [Theory of Functional-Communicative Syntax]. Moscow, MGU. 501 p.

Zolotova, G. A. (2005). *Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essay on the Functional Syntax of the Russian Language]. Moscow, Kom Kniga. 352p.

Zolotova, G. A., Onipenko, N. K., Sidorova, M. Yu. (1998). *Kommunikativnaya grammatika russkogo iazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, MGU. 528 p.

Данные об авторе

Комовская Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 196605, Россия, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 2.

E-mail: komovskaya86@mail.ru.

Author's information

Komovskaya Elena Vital'evna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages and Speech Culture, Saint Petersburg State Agrarian University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 17.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 17.03.2021; date of publication: 30.06.2021

THE USE OF MEDIA TEXTS IN RUSSIAN LANGUAGE TEACHING

Andrea Spisiakova

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7041-1436>

Olga Iermachkova

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

Lukas Gajarsky

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8090-6977>

Abstract. At present, we observe active development of new methods and strategies of teaching foreign languages, in which mass media materials play an important role because they provide authentic resources that offer natural language environment and enrich the curriculum and syllabus. These resources can be easily adapted to suit different levels of language proficiency, interests and needs of the students. The study attempts to substantiate the necessity and importance of using various types of authentic media materials in the classroom and analyzes the challenges teachers may face in the process of teaching. The aim of the study is to address both the theoretical background and the practical issues of application of media texts at the lessons of Russian as a foreign language. They enhance not only language but and socio-cultural proficiency of the students and their understanding of linguistic phenomena such as various stylistic figures of speech, phraseological units, linguistic means of manipulation, etc. Mass media resources can be used to develop media literacy, critical thinking and analytical skills. This study is based on the use of general scientific methods such as analysis, description and interpretation. The authors fall back on scholarly literature and their personal experience of teaching Russian. The article suggests using practical media-based approaches to develop language skills and psychological properties, such as memory, prediction skills, and speed of response to linguistic stimuli in undergraduate university students of Russian as a second language. The opportunities and methods regarded in the study can be used in any other classroom of Russian as a second language.

Key words: Russian as a foreign language; methods of teaching Russian; media texts; media discourse; mass media; journalism; learning material; exercises.

For citation: Spisiakova, A., Iermachkova, O., Gajarsky, L. (2021). The Use of Media Texts in Russian Language Teaching. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 2, pp. 245–253. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-21.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТОВ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Спишьякова А.

Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7041-1436>

Ермачкова О.

Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5430-7898>

Гаярски Л.

Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8090-6977>

Аннотация. В наше время наблюдается активная разработка новых методологий и стратегий обучения иностранным языкам, в которой материалы СМИ занимают почетное место, представляя собой аутентичные ресурсы, транслирующие естественную языковую среду и обогащающие учебный план. Эти источники можно легко адаптировать к разным уровням владения иностранным языком, интересам и потребностям учащихся. В данном исследовании авторы стремятся указать на необходимость и значимость применения различных типов медийных материалов в аудитории, а также анализируют проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе обучения. Цель исследования – рассмотреть как теоретические основы, так и практические вопросы использования медийных текстов на занятиях по русскому языку как иностранному. Тексты СМИ повышают не только языковые, но и социально-культурные знания учащихся, углубляют понимание языковых явлений, таких как различные стилистические фигуры речи, фразеологические единицы, приемы языкового манипулирования и т. д. Материалы СМИ могут использоваться для развития медиаграмотности, критического мышления и аналитических навыков. Данное исследование базируется на общенаучных методах, таких как анализ, описание и интерпретация. В работе авторы опираются на научную литературу, а также используют свой личный опыт. В статье предлагаются практические подходы с применением медийных материалов, способствующие развитию навыков владения языком и психологических качеств, таких как память, прогнозирование, быстрота реакции на языковые стимулы у студентов бакалавриата, которые изучают русский язык как иностранный. Возможности и методы, рассматриваемые в данном исследовании, могут быть использованы в любой аудитории, изучающей русский язык.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; методика преподавания русского языка; медиатексты; медиадискурс; средства массовой информации; журналистика; СМИ; учебный материал; упражнения.

Для цитирования: Спишьякова, А. Использование медийных текстов в обучении русскому языку / А. Спишьякова, О. Ермачкова, Л. Гаярски. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 245–253. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-02-21.

1. Introduction

Learning foreign languages is of inexpressible value in today's globalised society. Therefore, naturally, teachers seek effective methods and materials to prepare their students adequately for the modern communication in our ever-changing world. The traditional teaching of grammar, reading of "ready-made" dialogues, various types of drill and translation exercises have been proven effective in teaching of beginner and pre-intermediate levels of Russian language. However, the higher the level of students' skills is, the more it is necessary to supplement textbook materials and enrich the prescribed syllabus with authentic and culturally-saturated texts.

In recent years, we have perceived an active development in teaching of foreign languages. This is also manifested in a shift from artificially created language environment to an effort to establish a natural language environment as much as possible. This not only stimulates students' interest, but also increases their language proficiency, which eventually is much needed for students' academic success and their future careers.

2. Research methods

The presented study aims to research the utilizing mass media texts for teaching Russian as a second language as one of effective means to support natural language environment. The objectives of the study are to address both theoretical background and practical questions of incorporating these texts in the lecture rooms and classrooms. Mass media text will be understood broadly as a spoken or written product of different mass media types and formats.

This study is based on the use of general scientific methods, such as analysis, comparison, description and interpretation. These methods are used for theoretical interpretation of articles, monographs and textbooks on foreign language teaching and different methodologies of incorporation of mass media texts. The study also follows personal teaching experience of authors and intensive study of relevant scientific literature.

3. Literature review

The importance of incorporation of mass media texts in lessons of undergraduate students or

in any other foreign language classroom is extensively discussed and researched. The authors focus on various aspects, namely the role and the importance of mass media texts in teaching foreign languages [Tafani 2009], types of approaches to mass media text analysis [Cykunov 2015], practical exercises to practise productive and receptive skills [Duda 1997, Sanderson 2002], practical recommendations of online media resources [Zar'ko 2019], and many others aspects. This study will elaborate practical exercises to improve productive and receptive skills of undergraduate students.

4. Results and discussion

Using various types of media texts in the teaching of foreign languages is always a reasonable choice for a number of reasons. First of all, mass media provide the students with authentic “live” language sample of native speakers. “They promote practical imitation of natural language environment” [Timoshenko 2015: 46]. Students acquire new vocabulary and grammatical structures in context, in their natural collocations, which has been proven much more effective than memorising isolated words from vocabulary lists. “The students are in touch with “real” language, which is not purified from non-standard expressions and slang” [Kunovská 2015: 66].

Teachers acknowledge the ability of mass media texts to be “tailor-made” for various levels of students’ knowledge. They can be simplified to a point that they are slightly above the students’ level, which is in accordance with generally acknowledged foreign language teaching methodologies. In addition, they can be adapted to meet various specific needs and interests of students. It is an exhaustive source for developing reading, writing, speaking and listening skills at the same time, practising already acquired material as well as new vocabulary and grammar acquisition.

The first apparent skill being developed is reading. Not only mass media texts promote reading in the classroom, according to V. Tafani they promote extensive outside classroom reading as well “[...] by giving the students the confidence, the motivation and the ability to continue their reading outside the classroom” [2009: 81]. Mass media cover a wide range of up-to-date material in different formats. Listening can be primary target of our attention as well. Remaining skills – writ-

ing and speaking can be incorporated in practice smoothly. Moreover, “systematic studying of newspaper texts helps to develop the methods of independent work that is very important for foreign language learning” [Timoshenko 2015: 46]. Student gains tools to improve his language, social and cultural competence by himself.

The appropriateness of studying mass media texts in a classroom also resides in the fact that mass media are recognized as a “forth power”. In this age of information technology and multimedia exposure, teaching students in alignment with the requirements of the 21st century necessarily involves development of media literacy, critical thinking and analytical skills. “Media competence is now automatically added to the list of basic competencies that need to be emphasized” [Kunovská 2015: 64].

Within this scope of media study it is desirable to turn students’ attention to media manipulation. A number of researchers consider manipulative influence to be one of the most important functions of modern mass media along with information function. It seems that “[...] the function of influence today supplants all other functions” [Kuzmina 2011: 25]. Therefore, the notion *media-literate person* necessarily involves “[...] the ability to recognize negative, manipulative elements, reveal racial prejudice and intolerance” [Kunovská 2015: 67]. Students can be introduced to common practices of language manipulation in mass media. A. A. Gavrilov recognizes following means of manipulation: distortion, selection, withholding of information, metaphORIZATION, using of euphemisms and dysphemisms [2012: 49–52] and many others. Recognition of these means as a way to influence recipient’s mind and behavior can be part of overall text analysis. The metaphors, phraseological units, word play, intertextuality and other means need to be perceived not just stylistic means but as a very powerful tool.

The last but not least, mass media resources are an ideal material to study the changes the language undergoes. It is useful for advanced students to keep up with these changes and to comprehend them. On one hand, mass media mirror the changes precisely. On the other hand, researchers acknowledge mass media contribute extensively to formation of new norms of Russian language [Vološina 2016; Valgina 2001].

Russian in this respect is a very dynamic language. It is particularly rich for active tendencies, borrowings and the use of slang. Foreign language students can find Russian in mass media emotional, expressive, full of word play, and allusions to Russian history and literature. This makes it considerably difficult for a non-native student to read original mass media texts without a proper preparation. Nonetheless, this fact should not discourage teachers and students to study mass media texts, as this will promote their true understanding of the mentality of the nation and its culture.

The advantages of mass media text incorporation in classrooms presented above are not perceived only from the point of view of the teachers. The students generally positively evaluate this method of learning. The survey about the efficacy of mass media in English language teaching conducted by V. Bhuvanewari and G. Christopher reveals that all students agreed that the use of mass media for English language teaching breaks the monotony and makes the class more interesting. Further, 96% of the students agreed that the use of mass media always leads them to a better understanding of the concepts, 88% of the students agreed to the research statement that their analytical skill is enhanced because of mass media practice. Furthermore, 97% of the students agreed that the usage of mass media materials fosters creative thinking [2020: 597–598]. The results stated in this survey undoubtedly prove that mass media texts in any language learning have much to offer to students if used correctly and efficiently.

With advantages been clearly stated and defined the question of limitations arises and we cannot evade reflecting this aspect as well. The challenges of mass media material in the classrooms are described by V. Bhuvanewari and G. Christopher as follows: 1. Facilities like Smart Board, LCD projector, internet connectivity, the sound system may not available in all the classrooms. 2. Teachers should be proficient in handling technology properly. 3. There is a possibility that students turn into passive observers than active participants in the classroom. 4. Planning and preparation takes time [2020: 598]. From our point of view we regard one more aspect as a limitation. Not only the planning and preparation of such a lesson is time consuming, it requires a sig-

nificant amount of teacher's creativity. The teacher needs to be knowledgeable in all disciplines of linguistics and know the culture well. Still, the positive aspects prevail over negative ones.

To prepare effective lessons with mass media materials it is desirable to meet some basic requirements for their selection. I. V. Cykunov describes selection criteria as follows: sufficient volume, not too long for comprehension and not too short to allow in-depth interpretation; bright linguistic characteristics that allow to explore the modality of the text in its various manifestations; significant authorship of interest from a linguistic and cultural point of view (famous writers, poets, directors, politicians and public figures); cultural and historical significance. The main thing is that the media text is a detailed statement with all the characteristics of a full-fledged text (structure and completeness) [2015: 38].

Let us now proceed to practical methods of utilizing mass media resources in the classroom. Any practice should always include short introductory phase to introduce the topic or mass media text type and to excite students' interest. It can include variety of activities like queries about students' background knowledge about the topic, predicting the storyline based on the headline / picture / photo / keywords, brainstorming, small discussion and other methods. These activities can promote students' interaction among themselves.

We can be sure that there will be new vocabulary and grammar structures for our students in authentic mass media materials. The decision to pre-teach vocabulary is in teacher's hands. However, there are a few points to consider in this regard. First of all, students do not need to know each and every word in the text. This would eventually support a formation of a "mental block" in students. They need to develop a certain tolerance for unknown vocabulary if they are expected to continue working with authentic Russian resources outside the classroom. Moreover, useful skills are being developed if we skip pre-teaching like deducing meaning of words from the context and general understand of the text. Therefore, pre-teaching should be meaningful and should include only vocabulary that is absolutely crucial for understanding the main idea of a text. The pre-teaching itself can be in the form of guessing the meaning and giving definitions. Stu-

dies show 98% lexical coverage provides adequate comprehension of a written text; the remaining 2% can be guessed from context easily [Nation 2009: 6].

Let us now consider what options mass media texts offer to teachers for practicing and improving productive and receptive skills of the students. Mass media texts provide various activities to practise **speaking**. The warm-up of a lesson can be an open discussion about what interesting news students have read or listened to during the past week. This is an excellent way to start a lesson. Not only it provides students with speaking time, it also reflects their interests, which can be utilised by teacher in process of selecting mass media material. To promote speaking skills even more students can be asked to retell the story/ summarize the article/audio, to describe visual components (pictures, photos), to predict stories by looking at photographs/headlines, to ask questions, exchange the news, act out, to moderate the discussion. Students can be encouraged to solve problems covered in the text. This activity can be accompanied by a *search quest* – students find out more about the topic and present information found afterwards.

D. Duda suggests to go beyond the text and to expand the news story by role-playing interviews with students who pretend to be characters from the news or “eyewitnesses” [Duda, 1997: 21]. This activity is effective speaking practice and makes the article more realistic for the students.

Advertisement contest: students select and critically analyse advertisements they consider offensive, inappropriate, good or funny.

Deeper understanding of advertisements can be achieved by a following activity: Teacher distributes advertisements cut from newspapers. Students try to determine the advertising techniques used in particular advertisements and their efficiency. Teacher moderates the discussion and elicits the persuasive and psychological techniques affecting buying decisions like playing on human's fears, sexual attractiveness, peer pressure, nostalgia, famous people, faith and hope [Baryshnikova, 2017: 16–28] and many others.

The second skill to be considered is **reading**. Mass media resources provide an extensive database for practising this receptive skill. Reading mass media texts can be utilized to develop several competences: reading comprehension,

vocabulary and grammar practice. Students can train different reading techniques: skimming – reading for gist, scanning – reading for specific information. *Scavenger hunt* activity combines all these techniques. Teacher compiles a list of points students will be given to find in a certain newspaper or magazine. Students then work together or individually to find the items, such as an article about politics, a birth announcement, a story about courage, an ad for a cell phone, find a picture of an important world leader, a piece of advice, etc. “The scavenger hunts not only familiarize students with the terminology of the newspaper and give them practice with skimming and scanning, but they also familiarize the students with the layout of a newspaper” [Duda 1997: 21].

Except the simple reading of the text, it is advised to support it by activities, ideally pre-reading, while-reading and post-reading activities that can be made up from following but also other tasks: rearranging jumbled up paragraphs, true/false statements, multiple-choice questions, filling in the blanks; instead of questions, students can be asked to carry out tasks such as: *circle, underline, describe, explain, research, create a better headline* etc.

Guess the headline activity: headlines are cut out from different news, mixed and distributed to students together with articles. Students read the news and match them with the corresponding headlines.

Following activity suggestions are focused on **writing** as a productive skill. Mass media text can be used to enhance writing in various ways. Students can practice simple making notes while reading/listening, writing weather reports, advertisements, advice columns, and classified ads. Activity *Write a letter to the editor*: students read or listen to the mass media text and then write a letter to the editor expressing their opinions, concerns, or complaints.

Creative writing: a report for an imaginary newspaper: students are assigned the type of newspaper: broadsheet or tabloid. Two sets of cards are distributed among the teams of students: prompts with name of a well-known person: e.g. actors, singers, president, etc., and scenario e.g.: love affair, scandal, strike, holiday, drugs etc. Students write their own fictional story about the person and scenario prompts given. One member of a team presents story. The students can vote which

story they liked the most. Points will be awarded for originality, vocabulary, spelling, grammar, headlines, and additional visual components.

Write the last paragraph activity combines reading with writing output. Students practise skill to sum up and wrap up already read information. At the end of the activity, teacher can read the original last paragraph for comparison.

Silent Movie activity: students watch a small segment of the film, preferably a dialogue, without sound. Their task is to write a script for the movie in pairs or in groups. Then they present their work. The original is played at the end for comparison.

Distribute headlines among groups of students and ask them to choose one and write a news story that would go with it. Once their stories are completed, provide the students with the original stories. Discussion is stirred up about how close they were to the original and to what extent the headline conveyed the meaning.

Students should be given opportunities to read and to respond to one another's writing. The method of peer review can be an effective and useful tool to collaborate, to learn how to formulate constructive feedback and to improve their own writing. Peer review together with teacher's final evaluation can provide the author with valuable feedback and stimuli.

Knowledge about mass media text types also needs to be trained and developed. Students are able to be differentiate between news, comment and analysis, feature and advertisement after short discussion and practice. These texts manifest a different level of relationship between informing and persuading. "By comparing news articles to editorials, feature stories, and advertisements, students can better see the differences between fact and opinion" [Duda 1997: 21]. This can help students to become responsible and aware recipients.

D. Duda suggests a following exercise to prompt students to evaluate text types: students compare a news article and a comment and analysis or feature story. They circle all judgmental statements or words, including all adjectives and adverbs and compare their frequency in the different kinds of writing. Students can then see what the author is trying to accomplish. This provides a perfect opportunity to discuss purpose, style, and audience [1997: 21].

If we want students to actively produce different types of these texts on their own, they should also be informed about the text characteristics (terms such as hard news, soft news, 5 W's, inverted pyramid are introduced in the case of news). One activity to promote students' deeper understanding of different kinds of texts is active production, which can be conducted in several ways. Teacher can ask students to rewrite an original piece of news to feature or comment and analysis or vice versa. The second option is to assign a common topic to all groups and the text type. Students then work in groups to write about that topic in compliance with the text characteristics requirements they were assigned. The texts are presented and evaluated in the end of the activity.

The last skill to be discussed is *listening*. Information technologies allow us to use extensive mass media resources as a valuable practice of this receptive skill. Learners can benefit from listening to authentic news and programmes in Russian to a large extent. Such a practice helps them to develop their own listening strategies that will be effective in coping with listening comprehension in every other topic and area of Russian language.

T. Zan'ko suggests following methods to be used after listening: discussion of the main idea of the audio; characteristics of the participants in the audio based on their statements; work with lexical and phraseological units, grammatical structures used; work with the types of intonation structures found in the text; students can express their agreement/disagreement with the opinion of the participants and they can provide the argumentation of their own opinion [Zan'ko 2019: 92]. Diverse activities can encourage the learners to listen to Russian language more outside the classroom.

Authentic mass media materials can be used not only for studying the Russian vocabulary and practicing receptive or productive skills, although they have been proven effective for these purposes. "Most newspapers are linguistically up-to-date and provide valuable linguistic data. They may be used for the wide variety of text types and language styles, not often found in textbooks" [Tafani 2009: 84]. Mass media in general play an irreplaceable role in introduction and subsequent practice of linguistic phenomena, whether that

is slang, terms, dialectisms, literary expressions, journalistic clichés, metaphors and other stylistic expressive language means, phraseological units and their transformations and others. Students should be able to recognize these units in mass media text and to name them. The further practice and discussion aims at promotion of true understanding of a language of mass media and the reason behind choosing each linguistic means by experienced journalists. In this way we can interconnect linguistics with cognitive and linguo-cultural approach.

Such analysis may lead to definition of linguistic tendencies that are reflected in mass media. Students can be trained to see the use of slang, colloquial vocabulary as a manifestation of democratization of Russian language, which follows democratization of Russian society. On the other hand, metaphors, irony, precedent phenomena, word play is perceived as a sign of intellectualization – i.e. an intentional attempt to make the text harder for the recipient. These tendencies result from abolition of censorship in Russia and pressing competition among mass media.

Special attention should be paid to metaphors during linguistic analysis, as metaphors are not just a mere stylistic means: “The metaphor permeates our entire daily lives and manifests itself not only in language but also in thinking and acting. Our everyday conceptual system, which we think and act within, is essentially metaphorical” [Lakoff, Johnson 2004: 25]. By analyzing the text and metaphors in it, we can reach a deeper understanding of the described fact, as well as the purpose for which the article was written. The same is applied to phraseological units and *paremias*. “It is becoming more and more common in the press to use proverbs and sayings (especially in a transformed updated form) in order to influence perception facts from a certain point of view” [Dulebová 2011: 110].

Mass media texts provide an excellent opportunity to study how stereotypes are formed, how verbal aggression is achieved by linguistic means. The students need to understand that: “an experienced journalist operates with symbols, archetypes and rituals with the mass (public) consciousness of the period and the nation” [Dulebová 2011: 110].

5. Conclusion

Our study has shown the importance of incorporating authentic mass media texts in the classroom of Russian as a foreign language but also has suggested some practical exercises and activities to interest students in mass media, to expand their vocabulary and knowledge of grammar and to promote productive as well as receptive skills by means of interactive activities. Teachers are encouraged to use mass media materials at the lessons, despite their difficult language. Certain exercises and tasks have been described that could help to design tasks with regard to various language levels and interests of our students in compliance with the famous maxim in language teaching: Grade the task – not the material [Sanderson 2002].

Naturally, the activities and exercises described in this study do not exhaust all the possibilities mass media materials provide in teaching Russian as a second language. Hopefully, they can encourage the teacher to take advantage of mass media resources and help him to approach their incorporation in the lessons creatively.

The activities and exercises suggested in the study improve not only knowledge of Russian language, but also develop four basic language skills and psychological qualities of students, such as memory, prediction skills, and promptness in reacting to linguistic stimuli. Text analysis in pairs and groups has been shown effective to prompt collaborative learning and discussion among learners. A spirit of cooperation rather than competition may be fostered in this way.

Engaging students to work with mass media materials results in deeper connection and understanding of the language and culture the media transmit. Not only students need to be prepared for the 21st century, the teacher also needs to develop skills and media and technological literacy. The teacher needs to show a certain amount of creativity to step back from textbook material and take the time to plan and prepare lessons. The undergraduate students will be given tools and motivation to work with the unlimited information we have access to and to approach information critically and will be more prepared for real language.

Литература

- Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие / Н. С. Валгина – Москва : Логос, 2001. – 304 с.
- Волошина, С. В. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / С. В. Волошина – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 184 с.
- Гаврилов, А. А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание / А. А. Гаврилов // Динамика систем, механизмов и машин. – 2012. – № 4. – С. 49–52.
- Занько, Т. Методические аспекты работы с сетевыми СМИ при обучении аудитории студентов на продвинутом уровне / Т. Занько // Вестник. Современный русский язык: Функционирование и проблемы преподавания. – 2019. – № 33. – С. 87–93.
- Кузькина, Н. А. Современный медиатекст : учебное пособие / Н. А. Кузькина. – Омск, 2011. – 414 с.
- Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М. : Едиториал URSS, 2004. – 256 с.
- Цыкунов, И. В. Методика изучения и интерпретации медиатекстов в контексте обучения РКИ / И. В. Цыкунов // Язык и текст. – 2015. – № 2. – С. 36–43.
- Baryshnikova, E. Persuasive techniques used in marketing and advertising based on psychological factors / E. Baryshnikova. – Saimaa : Saimaa University of Applied Sciences, 2017. – 45 p.
- Bhuvanewari, V. Efficacy of mass media in English language teaching / V. Bhuvanewari, G. Christopher // Journal of Critical Reviews. – 2020. – P. 596–599.
- Duda, D. Newspaper Stories: Creating a Newspaper for a Fictional Community / D. Duda // Language Arts Journal of Michigan. – 1997. – P. 17–23.
- Dulebová, I. Pragmatický potenciál prísloví a porekadiel v ruských a slovenských masmédiách / I. Dulebová // Žurnalistika. Médiá. Spoločnosť #1. – Bratislava : Stimul, 2011. – P. 109–120.
- Kunovská, I. Médiá a mediálna kompetencia vo výučbe cudzích jazykov / I. Kunovská // Informačno-komunikačné technológie a vyučovanie jazykov. Pro et contra. – Prešov : Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2015. – S. 64–70.
- Nation, I. S. P. Teaching ESL/EFL Reading and Writing / I. S. P. Nation. – New York : First Published, 2009. – 184 p.
- Sanderson, P. Using Newspapers in the Classroom / P. Sanderson. – Cambridge : CUP, 2002. – 288 p.
- Tafari, V. Teaching English through Mass Media / V. Tafari // Acta Didactica Napocensia. – 2009. – Vol. 2. – P. 81–96.
- Timoshenko, V. I. The use of Mass Media in the English language teaching process / V. I. Timoshenko // Вестник Карагандинского университета. – 2015. – P. 46–49.

References

- Baryshnikova, E. (2017). *Persuasive Techniques Used in Marketing and Advertising Based on Psychological Factors*. Saimaa, Saimaa University of Applied Sciences. 45 p.
- Bhuvanewari, V., Christopher, G. (2020). Efficacy of Mass Media in English Language Teaching. In *Journal of Critical Reviews*, pp. 596–599.
- Duda, D. (1997). Newspaper Stories: Creating a Newspaper for a Fictional Community. In *Language Arts Journal of Michigan*, pp. 17–23.
- Dulebová, I. (2011). Pragmatický Potenciál Prísloví a Porekadiel v ruských a Slovenských Masmédiách. In *Žurnalistika. Médiá. Spoločnosť #1*. Bratislava, Stimul, pp. 109–120.
- Gavrilov, A. A. (2012). Средства воздействия СМИ на общественное сознание [Means of Influence of Mass Media on Public Awareness]. In *Dinamika sistem, mekhanizmov i mashin*. No. 4, pp. 49–52.
- Kunovská, I. (2015). Médiá a Mediálna Kompetencia vo Výučbe Cudzích Jazykov. In *Informačno-komunikačné technológie a vyučovanie jazykov. Pro et contra*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, pp. 64–70.
- Kuz'kina, N. A. (2011). *Sovremennyi mediatekst* [Contemporary Media Text]. Omsk. 414 p.
- Lakoff, Dzh., Jonson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS. 256 p.
- Nation, I. S. P. (2009). *Teaching ESL/EFL Reading and Writing*. New York, First Published. 184 p.
- Sanderson, P. (2002). *Using Newspapers in the Classroom*. Cambridge, CUP. 288 p.
- Tafari, V. (2009). Teaching English through Mass Media. In *Acta Didactica Napocensia*. Vol. 2, pp. 81–96.
- Timoshenko, V. I. (2015). The Use of Mass Media in the English Language Teaching Process. In *Vestnik Karagandinskogo universiteta*, pp. 46–49.
- Tsykunov, I. V. (2015). Metodika izucheniya i interpretatsii mediatekstv v kontekste obucheniya RKI [Methodology of Learning and Interpretation of Media Texts in Context of Teaching Russian as a Second Language]. In *Yazyk i tekst*. No. 2, pp. 36–43.
- Valgina, N. S. (2001). *Aktivnye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active Processes in Contemporary Russian Language]. Moscow, Logos. 304 p.
- Voloshina, S. V. (2016). *Aktivnye protsessy v sovremenном russkom yazyke* [Active Processes in Contemporary Russian Language]. Tomsk, Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 184 p.
- Zan'ko, T. (2019). Metodicheskie aspekty raboty s setevymi SMI pri obuchenii auditorii studentov na prodvinutom уровне [Methodological Aspects of Working with Network Mass Media While Teaching Classes of Students with Advanced Level]. In *Vestnik. Sovremennyy russkii yazyk: Funktsionirovaniye i problemy prepodavaniya*. No. 33, pp. 87–93.

Данные об авторах

Спишьякова Андреа – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русистики философского факультета, Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия).

Адрес: 91701, Словакия, г. Трнава, пл. Герду, 2.

E-mail: andrea.spisiakova@ucm.sk.

Ермачкова Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русистики философского факультета, Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия).

Адрес: 91701, Словакия, г. Трнава, пл. Герду, 2.

E-mail: olga.iermachkova@ucm.sk.

Гаярски Лукаш – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русистики философского факультета, Университет св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словакия).

Адрес: 91701, Словакия, г. Трнава, пл. Герду, 2.

E-mail: lukas.gajarsky@ucm.sk.

Authors' information

Spisiakova Andrea – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Russian studies of Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia).

Iermachkova Olga – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Russian studies of Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia).

Gajarsky Lukas – Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Russian studies of Faculty of Arts, University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia).

Дата поступления: 24.03.2021; дата публикации: 30.06.2021

Date of receipt: 24.03.2021; date of publication: 30.06.2021

